

РУССКИЕ МЕМУАРЫ
ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА И МАТЕРИАЛЫ

В. Н. ЛАМЗДОРФ

(1837—1907)

А С А Д Е М І А
Москва—Ленинград

ЦЕНТРАРХИВ

В. Н. ЛАМЗДОРФ

ДНЕВНИК

1891—1892

*Под редакцией и с предисловием
Ф. А. Ротштейна*

*Подготовил к печати В. М. Хвостов
Перевод с французского Ю. Я. Соловьева*

ACADEMIA

1934

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая ныне читателю часть дневника графа Ламздорфа, возглавлявшего в 1900—1906 гг. министерство иностранных дел царской России, а в годы, к которым относятся его настоящие записи, состоявшего „первым советником“ при министре иностранных дел К. Н. Гирсе, является продолжением первой части, опубликованной в 1926 году и охватывавшей период деятельности автора от 1886 до 1890 годов*.

Из дневника видно, что первый советник был чем-то вроде начальника кабинета министра — „private secretary“, как он именуется у англичан, — на обязанности которого лежали изучение и разработка текущих дел и заготовление для министра директивных писем дипломатическим представителям за границей. Фактическое ведение переговоров, беседы с иностранными представителями — вообще внешние сношения в собственном смысле слова лежали вне компетенции советника, который поэтому не все знал, но мог знать, если министр питал к нему особое доверие и сообщал ему свои дипломатические разговоры и планы. В данном случае советник, повидимому, был поставлен в исключительное положение: насколько велико было доверие к нему начальника, видно из того, что, например, перипетии и даже самый факт создавшегося тогда политического сближения с Францией были во всем иностранном ведомстве известны только Гирсу и Ламздорфу и оставались секретом даже для таких старых, посвященных во множество других тайн русской дипломатической кухни послов, как берлинский Шувалов и венский Лобанов. Отсюда и политическая ценность дневника. Ламздорф очень многое знал, и то,

* „Дневник В. Н. Ламздорфа (1886—1890)“, изд. Централхива, Государственное издательство, М.—Л. 1926 г.

что знал, он записывал с примерной откровенностью, присоединяя к этому и свои собственные соображения и комментарии, которые, при его несомненно большом и тонком уме, представляют большой интерес.

Правда, дневник далеко не полон: в записях имеются большие провалы, вероятно, объясняющиеся недомоганиями, физическими и „психологическими“, автора. Но и с этими прорывами дневник весьма богат содержанием. В нем, прежде всего, рельефно выступает призрачность дипломатической работы царского министерства иностранных дел. По существу, министерство являлось не чем иным, как канцелярией царя по ведомству внешней политики. Достаточно сравнить с изображаемыми в дневнике взаимоотношениями царя и его министра аналогичную картину взаимоотношений кайзера и его канцлеров, вырисовывавшуюся в дипломатической переписке германского министерства иностранных дел, чтобы видеть, во сколько раз последнее, несмотря на служебную и моральную субординацию немецких министров и постоянное вмешательство кайзера в их работу в виде „темпераментных“ телеграмм и помет, было даже при таком угодливом канцлере, как Бюлов, самостоятельное русское иностранного ведомства.

Конечно, Гирс был человек несильный, от чего даже Ламздорф, сам не принадлежавший к героическим натурам, не раз приходил в отчаяние, а однажды был даже „внутренне озлоблен“; кроме того, будучи наполовину „инородцем“, мишенью всех „истинно-русских“ последователей Каткова, не обладая собственным состоянием, Гирс, как констатировал его первый советник, весьма дорожил своим постом и, следовательно, царской милостью. С другой стороны, царь Александр III, обыгравший сербского короля Милана „подлецом“, королеву Викторию — „старой сплетницей“, японцев — „обезьянами, играющими в европейцев“, принца Наполеона — „скотом“ и т. д., был, как его аттестуют и Ламздорф, и его друг Зиновьев, исключительно грубый человек, у которого легко было „нарваться“ на оскорбление. Но дело было не в этом одном, а в том, что царь был, действительно, свой собственный министр, которому Гирс служил таким же советником, каким являлся по отношению к нему Ламздорф. Вся дипломатическая переписка посылалась ежедневно с курьером царю на прочтение, и царь так же регулярно возвращал ее обратно с пометами и заключениями, являвшимися официальными и непреложными директивами. Какое значение имели эти выражения царской воли, видно из того, что однажды, предполагая, что царские пометы выражали несогласие или неодобрение, Ламздорф впал в мрачное настроение и готов был предложить свою отставку. Но еще больше значения имели личные доклады Гирса царю, которые происходили еженедельно и на которых решались основные вопросы внешней политики. Гирс с помощью Ламздорфа готовился к ним, как школьник к экзаменам, и ездил к царю с душевным трепетом. Сам Ламздорф в этот день

ходил в Казанский собор молиться, и Гирс, по возвращении, всегда усталый, немедленно приглашал его к себе и сообщал, как „сошел“ доклад и какие разговоры велись за царским завтраком, к которому его после доклада неизменно приглашали. Таким образом, иностранную политику своего государства вел сам царь.

Чем он руководствовался в своих суждениях и решениях? Каким влияниям и воздействиям подвергался он в своем персональном окружении? К каким советникам прислушивался? Это в дневнике, конечно, не отражается. Ламздорф в нескольких местах, от себя и со слов других лиц, говорит об антигерманском влиянии царицы, урожденной датской принцессы, не забывшей аннексии Шлезвиг-Гольштейни пруссаками. Несомненно, в этом была доля правды. Но все же, разумеется, не это было решающим фактором в политике Александра III даже по этому огромной важности вопросу об отношениях с Германией. Помимо царицы, Александр III имел вокруг себя ряд гораздо более авторитетных для него советников в лице брата Владимира и других великих князей, а еще важнее — Победоносцева, Д. Толстого, Дурново, Обручева и др., о которых в дневнике Ламздорфа упоминается лишь изредка, и то мимоходом. Но как раз вопрос об отношениях с Германией вместе с сопутствующим ему вопросом о сближении с Францией составляет самую важную тему настоящей части дневника.

Если центр тяжести первой части дневника лежит в записях, посвященных разрыву „провода“ с Германией (в связи с невозобновлением перестраховочного договора 1887 г.), то главный политический интерес второй второй части его сосредоточен в записях, излагающих процесс нарастания в русских правительственных сферах прямого германофобства, выражающегося в желании царя воспользоваться первым случаем, чтобы разгромить Германию, и параллельный ход политического, а затем и военного сближения с Францией. Фактически мы стоим у колыбели франко-русского политического и военного союза, запечатленного историческим обменом нот между Рибо и Моренгеймом и военной конвенцией, подписанной начальниками генеральных штабов. Это был поворотный момент в иностранной политике русского царизма, по резкости не имевший себе равных в прошлом и превосходивший по своим последствиям даже последующий поворот, связанный с заключением в 1907 г. соглашения с Англией.

Мы узнаем, что Гирс и Ламздорф шли на этот крутой поворот с большой неохотой, упиравшись на каждом шагу. Конечно, с совершившимся фактом, каким был акт невозобновления Германией старого договора, и им пришлось считаться, а этот факт означал изоляцию России, что на дипломатическом языке Ламздорфа евфемистически называлось „свободой“ и „независимостью“. Наталкиваясь на каждом шагу в своей среднеазиатской и ближневосточной политике, а в особенности в своих поли-

тических устремлениях на Балканы и к проливам, на сопротивление Англии (как раз на данном этапе произошел конфликт с ней на Памире), Россия, покинутая Германией в момент возобновления тройственного союза, действительно, очутилась в весьма незавидном положении, которое осложнялось еще и таможенной войной с Германией, ознаменовавшей истечение срока прежнего торгового договора, и беспримерным народным голодом, приведшим в чрезвычайное расстройство государственные финансы и обороноспособность страны. При таких условиях — а немцы к тому же беспрестанно мусировали по Европе слухи о возможностях войны — сами Гирс и Ламздорф сознавали необходимость сближения с Францией, которая уже оправлялась от своего поражения в военном и финансовом отношении и добивалась союза с Россией как старой противницей Англии, а ныне и Германии. Но сблизиться с Францией для того, чтобы выйти из собственного состояния изоляции и застраховать себя на всякий случай против Германии, было одно, и совершенно иное было сблизиться с Францией для того, чтобы вывести из изоляции ее и, питая в ней реваншистские идеи, дать вовлечь себя в войну или толкнуть на превентивную войну Германию. Войны и Гирс с Ламздорф боялись больше всего на свете, так как были уверены, что она принесет с собой не просто бедствия, но и революцию, как писал об этом Ламздорф в первой части своего дневника. Меж тем к Франции, с ее вечно меняющимися министерствами, буйными припадками шовинизма и как раз в это время участвовавшими актами анархического террора, у обоих дипломатов не было никакого доверия, хотя и Германия, с ее молодым кайзером, произносившим воинственные речи, и мощным ростом социал-демократии внушала им немалое беспокойство. Что же было при таких обстоятельствах делать?

По мнению Гирса, которое разделял и Ламздорф, следовало, не давая Франции „компрометировать“ себя и не „таская для нее из огня каштанов“, противопоставить союз с нею тройственному союзу, отнюдь однако не оформляя его и не связывая себя никакими договорами и конвенциями: в случае войны Россия могла бы остаться нейтральной, а затем сыграть роль арбитра и при этом разрешить свои „исторические задачи“ на востоке. Нельзя сказать, чтобы эта стратегическая линия отличалась большой четкостью. Она, повидимому, строилась на несколько наивном предположении, что французы пойдут на союз, со всеми вытекающими из него для них обязательствами, не обеспечив себя взаимностью услуг при помощи договоров и конвенций; в основе же ее было сильное нерасположение к интимности с Францией и к слишком далекому и неоправданному отходу от Германии. Эту линию Гирс и Ламздорф пытались проводить, соглашаясь лишь на обмен нот с французским правительством, которые должны были оставаться секретными и в силу которых оба правительства обязывались согласовать меры в случае угрозы нападения

на ту или другую сторону, без упоминания военной помощи. Дальше Гирс и его советник не хотели идти и сильно негодовали, когда французы захотели большего и старались осторожным разглашением секретной сделки разрушить все мосты к отступлению („компрометировали“ их, как называл эти маневры Ламздорф). Но тут они столкнулись с волей царя, который являлся в этом случае представителем сил, гораздо более могущественных.

Ориентация русской иностранной политики на дружбу с Германией подсказывалась до сих пор преимущественно аграрно-экспортными интересами помещиков: германский рынок и в последние годы, о которых идет в дневнике речь, поглощал русского хлеба на триста миллионов рублей ежегодно; династическая солидарность и согласие Германии на эвентуальное решение „исторических задач“ России в ее пользу были моментами лишь дополнительного значения. Но в те же восьмидесятые годы бурно развивался русский промышленный капитал, который крайне нуждался в защите от германской конкуренции, требовал для себя высоких охранительных пошлин и приходил в ярость, встречая сопротивление со стороны германского собрата, настаивавшего на льготах для своего вывоза в Россию и отвечавшего репрессиями финансового порядка на ввоз оттуда. Во имя „национальных“, истинно-русских интересов русский капитал настаивал на прекращении прежней интимности с Германией и, должным образом оценивая значение денежного рынка Франции, усиленно рекомендовал сближение с ней. На этой патристической почве он вполне сошелся со старым славянофильством и мог выдвинуть в качестве своих адвокатов таких влиятельных патристов, как Катков, Д. Толстой и др., пользовавшихся у царя и великих князей особым вниманием.

„Позиция Каткова,—говорил однажды Гирс в интимной беседе с тогдашним германским поверенным в делах Бюловым,—объясняется тем, что он лично участвует в предприятиях и спекуляциях тех ультрапротекционистских промышленников, которые злы на Германию за то, что она не хочет допустить дальнейшего повышения наших таможенных ставок на железо и уголь. Сам царь,—прибавил Гирс,—недавно признал, что политическое направление Каткова часто определялось материальными мотивами и целями“ (см. „Die grosse Politik“, т. V, стр. 977). Вот эти силы и преодолели у подножия царского трона консерватизм Гирса и, несмотря на его сопротивление, маневры, оттяжки и всякий иной саботаж, привели к заключению военной конвенции, решившей спор в пользу Франции. В интересах „отечественного“ капитала царь, для которого всякий парламент, как он выражался, был „балаганом“, примирился с республиканским строем Франции, закрыл глаза на ее антидержавную политику, слушал Марсельезу стоя и послал президенту Карно орден Андрея Первозванного. Правда, одновременно и с Германией был заключен торговый договор, по которому пришлось несколько поступиться интересами

русского капитала: очень уж тяжело падали на чашки весов триста миллионов хлебного экспорта, в которых министр финансов Вышнеградский, по его чистосердечному признанию, тогда сильно нуждался; но это не изменило положения вещей, созданного заключением союза с Францией.

Любопытна реакция, которую это положение вызвало в уме Ламздорфа. Толчок к ней, правда, был дан тем же Вышнеградским, который, стоя перед раскрывшейся перед ним в связи с голодом и ссорой с Германией финансовой бездной („наше экономическое и финансовое положение ужасно“, — говорил он в одном случае и требовал сближения с Германией, так как французы „надуют“), пришел к нему спросить, нельзя ли добиться путем международного соглашения хотя бы ограничения вооружений. Ламздорф, незадолго до этого не возражавший против войны между Францией и Германией, в которой Россия могла бы играть роль арбитра, сейчас превращается в пацифиста и мечтает о том, чтобы созвать международный конгресс, который ликвидировал бы создававшиеся две группировки держав, обеспечил бы ограничение и сокращения вооружений и воссоздал бы единую Европу на новой основе. В этой мысли, несомненно, сочетались и антипатия сближению с Францией, и боязнь войны, в которую Россия может быть вовлечена, и внушения Вышнеградского, исходившего из финансово-экономических соображений. В ней мы находим истоки той знаменитой инициативы, которую через несколько лет царская дипломатия взяла на себя по созыву „мирной“ конференции в Гааге, со всеми ее дальнейшими отпрысками до наших дней.

В частности, по поводу вовлечения России в войну, Ламздорф в другом месте с большой проницательностью замечает: „Мне кажется, что нам следует опасаться не нападения, а создания такой обстановки, которая неизбежно приведет к конфликту без возможности при этом определить, кто именно является нападающей стороной... Ничтожный инцидент на Балканах может нас поставить в такое положение, при котором без малейшего нашего желания нам придется оказаться в роли нападающего“. Если эти слова и не совсем верно рисуют роль России в империалистической войне, то они в значительной мере применимы к другим державам, в ней участвовавшим.

Как мы выше сказали, эта тема русско-германских и франко-русских отношений составляет главный интерес данной части дневника Ламздорфа. Но читатель найдет немало и других интересных тем и отдельных эпизодов. Немалый исторический интерес представляет, например, до сих пор остававшийся неизвестным эпизод переговоров, или, скорее, разговоров с болгарским экзархом будто бы, а может быть, и действительно от имени Стамбулова, пресловутого болгарского диктатора, которого царская официальная и официальная пресса называла не иначе как „палочником“, но которого Ламздорф характеризует как сильного и спо-

собного государственного деятеля. Сам Ламздорф многократно в своих записях осуждает русскую политику по отношению к Болгарии, — в частности, знаменитую царскую телеграмму 1886 г. принцу Баттенбергскому, посланную вопреки совету министров и приведшую к разрыву отношений с Болгарией, и не перестает говорить о необходимости покончить с болгарской „неразберихой“. Инициатива экзарха (или Стамбулова) была министерством немедленно подхвачена, но переговоры ни к чему не привели, так как Болгарии опять были поставлены неприемлемые условия. Как известно, пять лет спустя, в 1896 г., после смерти Александра III и убийства Стамбулова, царская дипломатия смягчилась и помирилась с Болгарией и с ее долго не признававшимся князем Фердинандом; но на тех же условиях отношения могли быть восстановлены уже в 1891 г., когда Ламздорф на этом настаивал, и Австрия в таком случае не приобрела бы в Болгарии тех позиций, которые впоследствии во время империалистической войны так явно послужили ей на пользу.

Не лишено историческо-политического интереса и приводимое Ламздорфом мнение его коллеги Зиновьева, бывшего начальника Азиатского департамента и впоследствии посла в Турции, человека, следовательно, хорошо знавшего Средний и Ближний Восток, вокруг которого велась исконная неустанная борьба с Англией, об отношениях с последней: „Вся наша политика должна быть направлена на заключение соглашения с английским кабинетом; время для этого еще не наступило, но... Средняя Азия представляет ту арену, на которой в более или менее близком будущем мы придем или к грандиозной борьбе или же к соглашению, которое было бы шедевром дипломатического искусства“. И Ламздорф от себя прибавляет: „Все это заслуживает размышления“. Настанет время, когда он, будучи уже сам министром, положит начало реализации этого плана своего товарища, вызвавшего его на „размышления“. Уже в конце 1905 г. он давал инструкции русскому представителю на алжезирусской конференции графу Кассини вести переговоры со своим английским коллегой Никольсоном о соглашении.

Вопросы внутренней жизни России того времени также мелькают иногда на страницах его дневников. Преследования евреев многократно у него упоминаются, вызывая негодование как у него самого, так и у его начальника и у Вышнеградского, хорошо понимавших международное политико-финансовое значение этих диких мер. И всенародный голод 1891 г. также привлекает его внимание своей экономической и финансовой сторонами, а также бессердечным и спекулянтским отношением к нему, проявленным так называемым „обществом“ и двором. Вообще по части этого общества и самого двора Ламздорф „прохаживается“ довольно часто и довольно едко. Царя и его наследника он изображает с самой невыгодной стороны; в царице Марии Федоровне он усматривает настоящее народное бедствие и приписывает ее „дурному глазу“ ряд крупней-

пих неудач. Он не стесняется передавать, что Вышнеградского считают вором, после Моренгейма он называет „странной личностью“ и спекулянтom, вел. князь Сергей Александрович у него „комическая личность“, генерал Комаров — „почти честный человек“, а Витте — выскочка и джентльмен. Нравы аристократического общества он достаточно ярко рисует, когда говорит про вел. княгиню Ольгу Федоровну, что она „радуется связи своего сына с Бятынской и думает, что город достаточно велик, чтобы поставлять любовниц и другим ее сыновьям“, или когда он совершенно серьезно, приводя слух о желании бонапартовского принца Виктора жениться на какой-то великой княжне, говорит о его „порядочности“: он-де „живет уединенно в окрестностях Брюсселя со своей любовницей и ребенком, к которым он, повидимому, привязан“. Любопытный штрих представляет также его беседа со своим массажистом, который осуждает строгость царя, объявившего „несостоявшимся“ неравный брак одного из великих князей; повидимому, во мнении Ламздорфа это был голос народа...

Царизм извне казался еще тогда несокрушимой крепостью, но это было на деле последнее двадцатипятилетие — мизерный срок в истории страны — его существования. Внутри уже все было гнило и ничтожно — от царя и его окружения до последнего генерала, и эту гниль и ничтожество рисует нам довольно ярко автор дневника. Для политического историка и историка нравов этот дневник — драгоценный документ.

Ф. Ротштейн

ОТ РЕДАКЦИИ

Дневник графа Ламздорфа за 1891 и 1892 гг. представляет в подлиннике семь больших тетрадей. Большая часть дневника написана на французском языке.

Дневник печатается не целиком. Довольно значительную часть печатать не имело смысла. Выпущены записи, носящие не политический, а чисто личный характер, не представляющие вместе с тем и особого историко-бытового интереса.

Несколько слов следует сказать о том, как вел Ламздорф свой дневник — для историка это безразлично в смысле определения ценности дневника как исторического источника. Ежедневно или почти ежедневно Ламздорф заносил заметки о главнейших событиях и свои особые соображения на бумагу в виде черновых набросков. Начисто он переписывал и окончательно обрабатывал эти записи обычно позже — и часто спустя значительный промежуток (в отдельных случаях — с полгода или даже с год) после тех событий, которые в них описывались. Таким образом, запись все-таки не является отражением настроений и мыслей, которые порождались у автора теми или иными событиями тотчас же по их возникновении. Элемент последующей рефлексии в них все же имеется. Стилистически дневник обработан очень неравномерно. Часть его подвергнута довольно тщательной литературной обработке. Часть, наоборот, написана плохим языком.

Дневник далеко не полон — за целый ряд месяцев записей в дневнике нет совсем. Иногда сохранились только отрывочные черновые наброски.

В дневнике имеется значительное количество копий, снятых Ламздорфом с дипломатических документов. Большая часть их не опубликована. Но, впрочем, и самая полная публикация документов этого периода несколько не лишит научного значения того подбора их (или выдержек

из них), который имеется в дневнике. Этот подбор всегда останется показателем того, что считалось наиболее важным теми, кто руководил тогда внешней политикой царской России. Всякий, кто работал над историческими источниками подобного рода, поймет, как важно для реконструкции — не самых международных событий, а именно политики русского правительства — знать, что же именно из огромного вороха дипломатической переписки виднейшими представителями самого этого правительства считалось наиболее важным.

Нужно иметь в виду, что в некоторых (впрочем, довольно редких случаях) Ламздорф не копировал, а излагал документы своими словами, хотя он и заключает это изложение в кавычки. Впрочем, этот перефраз всегда весьма точно передает суть дела.

Две черты — // — обозначают, что заключенные между ними слова в подлиннике написаны по-русски.

В квадратные скобки — [] — заключены слова, вставленные в текст редакцией.

Примечания подлинника везде оговорены. Все примечания, не имеющие специальной оговорки, принадлежат редакции.

Слова, подчеркнутые в подлиннике, в издании набраны разрядкой.

Даты воспроизведены согласно с подлинником.

В конце дневника дается именной указатель.

В. Н. Л А М З Д О Р Ф

Д Н Е В Н И К

1891

В. Н. ЛАМЗДОРФ.

ЯНВАРЬ

Среда, 9 января.

Самым интересным документом среди бумаг, доставленных нашим последним курьером, является письмо князя Лобанова от 3/15 января из Вены. Наш посол сообщает о надеждах, которые связываются в Австрии с предстоящей поездкой эрцгерцога Франца-Фердинанда в Россию. „Здесь начинают уставать от германского ига и от бремени расходов, вызываемых состоянием вооруженного мира, в котором мы живем“, пишет Лобанов. „Все более и более начинает сознаваться та выгода, которую дало бы Австрии соглашение с Россией, но на этот раз без участия в нем Германии в качестве третьей стороны“¹. „Сечени мне поведал, что единственным серьезным преемником его на посту начальника отдела в министерстве был бы Буриан из Софии и что он не назначен исключительно из внимания к нам, дабы в С.-Петербурге не подумали, что министерство имеет болгарофильские симпатии“. Пока что в своем письме от 4/16 января граф Шувалов пишет, что германское правительство очень ревниво охраняет существование тройственного союза², всячески стараясь его укрепить, заявляя о нем при каждом случае и даже стремясь распространить его на Англию, Турцию и т. д. Наш посол думает, что малейший признак сближения между Россией и Австрией или между Францией и Италией поднял бы в Германии целую бурю и что берлинский кабинет применил бы все старания, чтобы помешать этому.

Одно из донесений нашего генерального консула в Будапеште от 2/14 января тоже весьма примечательно. Повидимому, члены оппозиционной партии в венгерском парламенте

нисколько не хотят соблюдать данное правительству обещание не возбуждать прений относительно права короны призывать в случае необходимости босно-герцеговинские батальоны к участию в маневрах армии, расположенной на венгерской территории. Один из членов умеренной оппозиции сказал по этому поводу нашему консулу: //„Возлагая на Австро-Венгрию обязанность занять две пограничные провинции, с которыми турки не могли справиться, берлинский договор не коснулся державных прав Порты³. Естественно, что милиция должна быть собираема и обучаемая по распоряжению австро-венгерских властей ввиду службы, которую она должна нести для пользы местного населения. Но это может иметь место только в пределах занятых провинций. Посылка же местных войск вне сих пределов, под каким бы то ни было предлогом и с какой бы то ни было целью, не согласна с берлинским договором и может быть сочтена за нарушение оного. Факт, что Порта не опротестовала появления боснийских батальонов в Вену под глазами * турецкого посла, ничего, мол, не доказывает, ибо другая держава, более бдительно относящаяся к охранению международных обязательств, может, пожалуй, воспользоваться их нарушением венским кабинетом в видах своей собственной политики“:// Это рассуждение напоминает мне тот принцип, который я защищал в дни отказа от нашего секретного тройственного договора с Австрией в 1887 г. Ничто нас больше формально не обязывает признать аннексию Боснии и Герцеговины Австрией⁴. Я провожу весь день за изготовлением проектов ответных писем к отъезду курьера, который едет в четверг.

Пятница, 11 января.

Вчера уехал очередной курьер, и это дает мне немного больше свободного времени. Отвечая князю Лобанову, я выразил мысль, что обнаруживающиеся признаки желания венского кабинета освободиться от берлинского ига в целях сближения с нами могут в будущем стать важным фактором, но что он был прав, отвечая Сечени, что в данное время Россия не имеет никакого основания сожалеть о занимаемой ею до сих пор выжидательной (expectant) позиции. Мы очень хотели бы видеть в предстоящем приезде эрцгерцога

* Так в подлиннике.

Франца-Фердинанда первый шаг к соглашению, которое нам отнюдь не представляется невозможным, если Австро-Венгрия перестанет покровительствовать создавшемуся в Болгарии положению и признает необходимость удаления принца Кобургского, присутствие которого в Софии никогда не может быть признано нами законным.

Вечером меня посещает г. Греч, который приносит мне из цензуры две неприятных телеграммы, которые я не допускаю к печати. Первая — из Софии; она сообщает, будто бы Стамбулов, в ответ на представления держав по поводу проявляемого им избытка терпимости в отношении укрывшихся в Болгарии анархистов, собирается выслать до 200 неприятных ему русских подданных под предлогом, что они являются подозрительными. Признаюсь, что наше выступление мне показалось с самого начала мало практичным и даже не очень достойным⁵. Вторая телеграмма сообщает о появлении в „XIX Siècle“ политического интервью с графом Александром Ламздорфом!

Воскресенье, 13 января.

Между бумагами, возвращенными государем, находится депеша нашего посланника в Токио от 21 ноября/3 декабря 1890 г. В ней сообщается о враждебных демонстрациях толпы студентов, бросавших камни в беседку сада императорской миссии, где собралось у супруги посланника несколько дам, желавших посмотреть на процессию по случаю открытия японского парламента. Его величество написал на полях: //„Подобные неприязненные действия против иностранцев меня немало беспокоят в случае посещения цесаревичем Японии“// В этих строках снова сказывается нежная отеческая заботливость, а слова //„в случае“// свидетельствуют о колебании, подтверждающем слухи о возможности досрочного возвращения вследствие болезни великого князя Георгия.

Среда, 16 января.

Когда к 11 часам я прихожу к моему министру, он показывает мне среди бумаг, возвращенных государем, адрес, посланный лондонскими гражданами, собравшимися на митинг 28 октября 1890 г.: лорд-мэр Джозеф Савари решил послать его почтой нашему монарху вместе с письмом, весьма впрочем почтительным, где он выступает в защиту живущих

в России евреев. Его величество препровождает оба эти документа г. Гирсу со следующей запиской: // „Я этого письма ни адреса * от лорда-мэра Лондона принимать не желаю. Прикажете отослать ему обратно или через Морьера, или через нашего посла. Это слишком нахально, так как я уже отослал присланную через Рихтера меморию, а теперь он уже прямо посылает официально ко мне. А[лександр]. 15 января 1891 г.“.//

Министр просит меня написать нашему послу в Лондоне, чтобы возложить на него это щекотливое поручение. Влангали, которому я после рассказываю об этом, резко критикует это решение государя.

Деревицкий любезно достал мне номер „XIX Siècle“ от 12/24 января 1891 г., приводящий полностью смехотворные откровения, приписываемые моему бедному старшему брату, под пышным заголовком: „У графа Александра Лансдорфа“ с указанием всех его званий: „гофмейстер и тайный советник его величества императора всероссийского“; вероятно, в этой куче глупостей, предсказывающих союз и, главным образом, промышленное и торговое сближение с Францией, многое выдуманно, но я нахожу, к сожалению, и много такого, что вполне похоже на моего брата, каким я его знаю. Чтобы быть точным, я исправляю правописание имени „Lansdorf“ (как написано в газете) на „L'ânsdorf“** и стараюсь не думать об этом несчастном сообщении, лишь бы русская печать не вздумала его воспроизводить или комментировать.

Возвращение великого князя Георгия решено. Его императорское высочество вернется на „Адмирале Корнилове“ в Гредино. Постоянная лихорадка, которую предпочитают называть „малярией“, но которая, может быть, обусловлена легочным заболеванием, заставляет сильно беспокоиться о молодом человеке. Министр мне говорил, что императрица показалась ему вчера крайне озабоченной. Наследник возвращается в Бомбей, чтобы проститься с братом и продолжать свое путешествие.

Четверг, 17 января.

Предстоящий приезд эрцгерцога Франца-Фердинанда в Россию вызывает сенсацию в политическом мире. Интересно отметить берлинские и венские телеграммы по этому поводу.

* Так в подлиннике.

** L'âne — осел.

Mardi le 1.er Janvier.

Дневник В. Н. Ламздорфа за 1891 год.

„Hamburger Nachrichten“, которая считается органом князя Бисмарка, в соответствии с постоянным убеждением бывшего канцлера, развивает мысль о целесообразности более тесного сближения с Россией наряду с существованием тройственного союза.

Поверенный в делах в Пекине сообщает, что китайский император приказал одному из самых высокопоставленных сановников из числа принцев Небесной империи торжественно принять и приветствовать великого князя наследника в китайских портах, какие его императорское высочество может посетить. Государь пометает: // „Для китайцев это очень любезно“. // Я должен привести еще одну довольно характерную помету нашего монарха. Наш посланник в Брюсселе телеграфировал, что все дворы выразили или непосредственно, или через своих представителей соболезнование бельгийскому королю по случаю смерти принца Болдуина, сына графа Фландрского; г. Гирс ответил ему телеграммой, в которой, поручив ему выразить чувства их величеств, добавил: „Я уже имел случай выразить г. бельгийскому посланнику тотчас после смерти принца Болдуина живое участие, принимаемое в этом печальном событии нашим августейшим монархом и императорским правительством“. Эта телеграмма была послана в виде проекта его величеству; государь вернул ее, подчеркнув слова „и императорским правительством“ с пометкой на полях: // „Разве у нас конституционное правление?“ // Таким образом, его самодержавные взгляды не допускают ни соболезнования со стороны правительства, ни даже самого существования последнего. „Государство — это я!“ — и это накануне XX века!

Когда я поднимаюсь к моему дорогому министру, он мне показывает телеграмму нашего посла в Вене, сообщающего, что эрцгерцог Франц-Фердинанд прибудет 25 января вечером, как раз на следующий день после большого придворного бала; я подсказываю г. Гирсу мысль, чтобы он, передавая эту телеграмму графу Воронцову, выразил сожаление о том, что эрцгерцог пропустит этот великолепный праздник.

Пятница, 18 января.

После завтрака иду навестить Попова. Повидимому, дела идут плохо; он говорит, что дамы сильно мучают бедную княжну постоянными расспросами и излишними порой забо-

тами. Много делается маленьких подлостей среди более крупных: супруга гофмаршала великого князя Павла г-жа Философова, рожденная Безобразова, явилась к княжне, чтобы предложить ей довести об ее деле до сведения государя через посредство генерала Черевина, который ей приходится сродни⁶. Но за это она просит у княжны займы сумму, нужную для уплаты по счетам портнихи. Что за гадость!

Суббота, 19 января.

Записка, посланная министром графу Воронцову, возымела свое действие; большой бал отложен на 25-е; приносят приглашения с предложением надеть по этому случаю австрийские ордена. Таким образом, эрцгерцог в первый же день своего приезда будет присутствовать на великолепном празднестве.

Никонов, который приходит к чаю к 4 часам, рассказывает, что до него дошел из довольно достоверного источника слух о предстоящей отставке г. Гирса. По этому поводу мне стало грустно; за последнее время я чувствовал себя столь счастливым и спокойным; было ли это в моей жизни затишьем перед бурей? Государь возвращает телеграмму Нелидова от 17 января. Против абзаца: // „При сем я указал на наказание желавшего нам быть полезным полицейского агента, коего удаление произведет *де* в Петербурге самое тяжелое впечатление“, // его величество надписал: // „Пожалуйста, чтобы этого *де* не употребляли никогда в министерстве. Я слышать этого не могу“. // Повидимому, это привилегированное словцо, пущенное в ход покойным г. Катковым, действует теперь на нервы нашему августейшему повелителю.

Воскресенье, 20 января.

Г. Гирс заходит передать мне несколько бумаг, прибывших сегодня с очередным курьером. Между прочим, среди них находятся длинные письма барона Фредерикса по поводу отставки бывшего вюртембергского министра графа Линдена, ставшего жертвой своих собственных интриг в пользу принца Саксен-Веймарского, которого он хотел женить на дочери великой княгини Екатерины, чтобы затем сделать его болгарским князем. Этот замысел, который нравился в прошлом году моему министру, никогда не казался мне практичным и выполнимым.

Понедельник, 21 января.

Вчера вечером во время концерта мы получили сразу две телеграммы из Рима. Одна, подписанная послом, сообщает о падении кабинета г. Криспи ⁷; другая, подписанная советником бароном Мейендорфом, извещает, что его начальник барон Иксуль, после вторичного апоплектического удара, находится в очень опасном положении. Это известие сильно взволновало моего министра. Государь неоднократно говорил с ним о назначении нового посла в Рим, выражая желание, чтобы туда был послан Влангали; г. Гирс не спешил с этим назначением, чтобы оттянуть замешательство, которое неизбежно последует вслед за уходом товарища министра. Его тяготят вопросы, связанные с переменами в личном составе, за исключением удаления Зиновьева, чего, повидимому, он горячо желает. Так как султан в течение нескольких лет настаивает, и притом очень решительно, на отзывании Нелидова, я предложил назначить последнего в Рим, а Зиновьева на его место — в Константинополь; но во время разговоров с государем министру пришлось убедиться, что его величество весьма решительно стоит за предоставление места посла в Риме Влангали, который давно хочет получить этот пост, причем ему удалось при помощи своих многочисленных друзей привить эту мысль в высших сферах. Что же касается нового поста для барона Иксуля, то государь категорически высказывается за его полную отставку. Его величество того мнения, что назначение его членом государственного совета, при том состоянии умственной слабости, в котором он находится, было бы оскорблением для этого учреждения. По этому поводу наш монарх вообще выражает свое удивление распространенной в России мании добиваться почетных званий или должностей с громкими наименованиями, не имея возможности выполнять связанные с ними обязанности: //„Послужил и удалился просто на покой“//, — вот чего желает государь. Но его величество упускает из виду, что большинство честных сановников и чиновников, уходя на покой после полувековой службы, находится в самом плачевном материальном положении, и наши пенсионные правила не предоставляют им достаточно средств, чтобы дожить свои дни; таким образом, сплошь и рядом те звания и должности, которых добиваются, уходя со службы, являются вопросом не только тщеславия, но и нужды.

Я принимаюсь за редакционную работу: составляю письмо Фредериксу с предложением не возвращаться больше к во-

просу о причинах отставки графа Линдена; если последний был неосторожен и если его правительство имело основание быть им недовольным, то мы сожалеем обоих, как одного, так и другого, но это нас не касается, и не наше дело вмешиваться в эти вопросы.

Отставка Криспи может отразиться на итальянской политике, однако без того, чтобы это немедленно привело к расторжению тройственного союза. Италия утомлена разорительными расходами „pour le roi de Prusse“ и необходимостью оставаться в дурных отношениях с Францией. Нашим представителям следует зорко следить за ходом событий.

Как это за последнее время делают все выдающиеся люди Германии накануне отставки, гр. Вальдерзее пришел со своими советами к нашему послу графу Шувалову и горячо заверял его в своей дружбе к России. Удаление начальника главного штаба, еще недавно столь любимого германским императором, является настоящей опалой, хотя она и скрашена некоторыми лестными знаками внимания. Повидимому, генерал не придерживался мнений своего монарха и был настолько неосторожен, что критиковал в недавно поданной записке некоторые мысли его величества. Между тем Вильгельм II, считая себя более непогрешимым, чем когда-либо любой папа, не терпит никакого отступления от догмата непогрешимости. Генерал Лещинский уволен на-днях в отставку за поддержку хороших отношений с бывшим канцлером князем Бисмарком, который, находясь в имени Фридрихсруэ, был близким соседом этого корпусного командира. Отправляясь на место Лещинского в Альтону, граф Вальдерзее по удивительной игре судьбы очутился поблизости от великого государственного человека, в падении которого одиннадцать месяцев тому назад подозревали руку генерала и которого Бисмарк давно опасался как единственно возможного преемника.

В Берлине странное положение. На этих днях император-король присутствовал на представлении новой пьесы „Новый повелитель“; ее сюжет — грубое удаление новым государем первого министра. Этот образ действий так понравился Вильгельму, что он самолично передал автору орден красного орла. Берлинцы постоянно острят по поводу императора: „Бог, конечно, знает все, но император все знает лучше“ *.

* В подлиннике эта фраза по-немецки.

Четверг, 24 января.

К одиннадцати часам я иду к министру; во вторник, во время его доклада, государь выразил некоторое нетерпение по поводу назначения Влангали в Рим и приказал озаботиться изысканием способа получить от Икскуля прошение об отставке. Во всяком случае государь не желает видеть Зиновьева товарищем министра. Он говорит, что последний может оставаться в Азиатском департаменте, который является довольно специальным отделом министерства; если же он обижен назначением посланника в Стокгольме Шишкина на пост товарища министра, то может вовсе уйти в отставку. По словам г. Гирса, его величество очень плохо относится к Зиновьеву и находит, что здесь он невозможен; он думает только о том, как бы от него избавиться, и когда министр подал мысль послать его на вакантный пост в Стокгольм, то государь на это согласился.

Министр сказал монарху, что очень желал бы сам получить назначение в Рим, чтобы немного отдохнуть на старости лет, и что перемены в личном составе его весьма тяготят, так как он не чувствует себя в силах срабатываться с новыми людьми; но его величество обратил все в шутку и сказал Гирсу, что эта *[[пертурбация]]* не должна его так озабочивать. Все это меня беспокоит; министр просит держать все это дело в секрете. Баронесса Икскуль, уезжающая сейчас в Рим, сообщит ему, в каком положении она найдет своего мужа и что именно надо предпринять, чтобы отозвать его с поста.

Пятница, 25 января.

Массаж. В обычное время поднимаюсь к министру. Возвращая посланные в среду вечером бумаги, государь написал на маленькой записке, сообщающей о смерти брата г. Гирса: *[[„Очень печально, царство ему небесное“]]*. Ни малейшего слова соболезнования ни от него, ни от имени императрицы; надо признаться, что их величества „сегодняшнего дня“ совершенно лишены сердца и, во всяком случае, манер. Я вспоминаю об обаятельной телеграмме, которую в 1880 г. покойный государь послал из Царского села г. Гирсу, в то время товарищу министра, по поводу смерти его старшего брата. А обворожительные записки императрицы Марии Александровны! Иные времена, иные нравы!

Суббота, 26 января.

Мой министр получил из Павловска любезную телеграмму с соболезнованием от великой княгини Александры Иосифовны. Она старой школы, и, кроме того, перенесенные ею испытания сделали ее сердечной. Я тотчас же предложил проект ответа, который понравился министру. Он мне говорит комплименты.

Воскресенье, 27 января.

Я встал немного позже обычного; работаю у министра. Наш монарх в некоторых отношениях — странная личность, и приписываемая ему прямота характера далеко не всегда оправдывается. Нашим генеральным консулом в Португалии состоит некто Лаксман. Он, повидимому, очень стар, так как насчитывает более 50 лет службы, но эта служба, по крайней мере за последнее время, просто скандальна. Игнорируя миссию и своего непосредственного начальника, взимая в свою пользу своего рода налог со всех нештатных консулов и совершая ряд всякого рода беззаконий, Лаксман, наконец, взял за обыкновение посылать почтой непосредственно государю невозможные прошения, прося то об увеличении жалования, то о пособии и т. д. 20 августа 1890 г. одно прошение такого рода было прислано министру его величеством с пометой: //„Давно пора уволить его совершенно от службы и назначить туда более порядочную личность“./ 22 декабря 1890 г. г. Гирс получил от государя новое прошение Лаксмана с надписью на полях: //„Давно пора уволить этого недостойного чиновника и нахала от службы“./ В силу этих высочайших резолюций было отправлено составленное департаментом личного состава, но подписанное министром отношение г. Фонтону, посланнику в Лиссабоне; согласно этому отношению, Фонтону предлагалось поставить Лаксмана в известность о неодобрении его поведения государем, советуя ему подать в отставку. Повидимому, Фонтон дал этот совет Лаксману от имени его величества, дабы он ему подчинился, так как консул привык не обращать никакого внимания ни на своего непосредственного начальника, ни на министерство; посланник хотел таким образом избежать сопротивления, которое вызвало бы увольнение в отставку //не по прошению// и лишило бы столь престарелого чиновника пенсии. Эти добрые намерения были плохо вознаграждены; Лаксман послал про-

шение в министерство, а его жена одновременно послала государю длинную жалобу, начинавшуюся словами: //„Высочайшая резолюция вашего императорского величества, заключающая повеление уволить моего мужа от службы“. //Его величество подчеркнул эти несколько слов, поставил на полях громадный вопросительный знак и послал 25 января эту бумагу моему министру с пометой: //„Как было написано ему, чтобы он подал в отставку? Пришлите мне копию“. // Государь, вероятно, подумал, что его замечательная резолюция была сообщена текстуально. В действительности этого не было, и к тому же на отношении на имя г. Фонтона было помечено „доверительно“. После того как министр послал государю копию с небольшой объяснительной запиской, его величество вернул эти бумаги вчера вечером с пометой: „Совершенно напрасно Фонтон показал или передал ему ваше отношение. Можно было бы осторожнее и умнее действовать“. // Вот каков наш //прямолинейный царь//: он ищет ширму! Уже не первый раз он проявляет странное влечение к этой мебели, но в отношении супругов Лаксман — это слишком! //Не так бы поступил рыцарский * дед его!//

Государь прислал также г. Гирсу интересное письмо, которое его величество получил от принца Филиппа Орлеанского, старшего сына графа Парижского. Этот ветренник, который в прошлом году навлек на себя во Франции арест и который, хотя он остается женихом, прибыл в Петербург, сопровождая певицу Мельба (в которую он, повидимому, очень влюблен), остановившись под самым строгим инкогнито в Hôtel de France, обратился к государю со следующим письмом:

„С.-Петербург. 24 января/ 5 февраля 1891 г.

Государь, прибыв в Петербург под самым строгим инкогнито, под моим частным именем и титулом графа Неверского, спешу довести до сведения вашего величества о моем намерении пробыть некоторое время в России. Во избежание предоставления правительству французской республики какого-либо повода обидеться из-за меня, я, считаю необходимым известить о своем присутствии в Петербурге лишь одно ваше величество, не сообщая о своем пребывании даже собственной семье. Я почтительно прошу ваше величество учесть те основания, которые заставляют меня в ожидании более подходящих для этого условий отказаться от официального представле-

* Так в подлиннике.

ния. Выражая надежду, что я смогу когда-либо попросить у вашего величества гостеприимства в вашей империи при совершенно других обстоятельствах, я прошу вас, государь, принять вместе с выражением моего сожаления особое уверение в самых дружеских чувствах и почтительной преданности, с которыми я остаюсь, государь, вашего величества слуга и кузен Филипп, герцог Орлеанский“.

Государь написал в начале этого письма: „Я его не видал, но через брата Владимира посоветовал уехать отсюда, так как при таких условиях мне неловко принимать его“.

Этот претендент на французскую корону не отличается большой положительностью, если судить по его похождениям, но надо сказать, что ему только 22 года.

Понедельник, 28 января.

Массаж в 7½ часов. Несколько ранее 9 часов я поднимаюсь к моему министру, который уезжает в Гатчину. К 2½ часам я выхожу, чтобы сделать несколько покупок. Вернувшись, я узнаю, что мой брат Александр еще раз заходил ко мне и оставил длинное письмо от Мэри, дающее с детской наивностью объяснение того, что у него случилось с корреспондентом „XIX Siècle“. Приписанные ему слова переданы не точно. Этот господин не должен был их печатать, не показав ему предварительные статьи. Моему брату сказали, что он может на этом основании обратиться в суд и т. д.; наконец, она меня просит дать кому следует объяснения на основании этих наивностей. Я наскоро пишу несколько слов Мэри, чтобы сказать ей, что я предпочитаю совершенно игнорировать смехотворную статью „XIX Siècle“, которая меня, во всяком случае, не касается; я лично заново эту записку и свои визитные карточки в шереметьевский дом.

Говорят, что бедный эрцгерцог изнемогает от удовольствий. Ему пожаловали знаки ордена св. Андрея и назначили шефом русского полка. Г. Гирс, будучи принят его высочеством вчера на аудиенции, говорил мне, что он очень напоминает ему по внешности и по манере себя держать своего отца — эрцгерцога Людовика-Карла. „В общем, он производит впечатление человека глуповатого и довольно пошлого“, — добаивал министр.

Среда, 30 января.

Мой министр отправляется к 12 часам в Аничков дворец на свой доклад, который ему весьма тягостен. По получен-

ным из Рима сведениям, бедный Искуль находится при смерти, его невозможно удалить оттуда в этом положении и даже нельзя побудить подписать прошение об отставке, так как он потерял сознание. Врачи думают, что это не может долго продолжаться; было бы вполне естественным предложить этому бедному человеку мирно умереть после пятидесятилетней службы, но государь, повидимому, спешит произвести //„пертурбацию“// в нашем министерстве. Тотчас после завтрака с моим милым Оболенским я иду совершить обычную в дни доклада молитву в Казанском соборе.

Четверг, 31 января.

Я вижу моего министра лишь одну минуту. Он спешит к службе в церковь министерства внутренних дел по случаю девятого дня после смерти своего брата. Г. Гирс откладывает сообщение мне подробностей последнего доклада до своего возвращения, когда он сможет это сделать неспеша. Пока что он мне подтверждает, что государь бесповоротно решил назначить Влангали послом в Рим, а Шишкина из Стокгольма перевести сюда, на место товарища министра, и избавиться от Зиновьева. Его величество не понимает, почему г. Гирс желает держать все это в секрете, и хотел бы, наоборот, ускорить проведение всех перемещений.

Одевшись, мы отправляемся после 9 часов в Зимний дворец на первый концертный бал. Бесспорно, супруга великого князя Сергея занимает первое место в смысле внешности, но она производит столь наивное и скромное впечатление, что ее с трудом можно заметить. Величественный вид двора былых времен, мне кажется, окончательно исчез. Эрцгерцог танцует мило; я вижу, что он подолгу стоит в одиночестве возле дверей зала с меланхолическим, чтобы не сказать скучающим видом. Впрочем, бедный молодой человек с медвежьей охоты попадает на парад, затем совершает поездку за город или же посещает музеи, после чего должен отправляться на обед, на вечер или в театр, — это адское ремесло, и я понимаю, что он ожидает момента, когда может лечь в постель, как самого приятного за целый день. Он недурен по своему росту и сложению, но не производит впечатления человека живого или умного. Говорят, что при дворе он нравится. Не обязан ли он своими успехами //цензу пошлости?//

Разговаривал немного со старым графом Деляновым, гораздо больше с графом Кассини, который только что назна-

чен русским посланником в Китай; он очень остроумен и тонкий наблюдатель; он сильно смешит меня своими замечаниями по поводу графа Михаила Муравьева, нашего советника в Берлине, который танцует, как бешеный, хотя уже вывозит в свет дочь. Все способы делать карьеру для него хороши, и было весьма смешно смотреть, как он расцвел от удовольствия, когда ему удалось потанцевать немного во время котильона с великой княгиней Марией Павловной.

На этом балу произошел следующий случай, получивший широкую огласку. Государь подошел к Влангали и, спросив у него о здоровье г. Гирса, сказал ему: //„Николай Карлович говорил вам о назначении, которое имеется в виду для вас?“// Влангали кланяется, подтверждая это. //„Довольны ли вы этим?“// — спрашивает его величество и после нового поклона добавляет: //„Ну, я очень рад, надеюсь, что вы скоро соберетесь“,// и т. д. Это происходит в //„Арапской“// гостиной, между ротондой и концертным залом. Несколько минут спустя, после того как его величество отошел, великий князь Владимир, к которому, между тем, подходил его августейший брат, чтобы сообщить ему этот короткий доверительный разговор, входит в ту же гостиную и, подходя к карточному столу, возле которого стоит наш милый товарищ министра, приглашает своим громким голосом присутствующих поздравить нового посла в Риме. Об этом рассказывают друг другу, весть докатывается до самых отдаленных углов балного зала, и бедный Влангали вынужден отвечать на всякие нескромные вопросы и поздравления, настолько навязчивые, что он решается уехать с бала. Делаются предположения о замещении Влангали: одни называют Зиновьева, другие вспоминают обо мне; есть и такие, которые говорят о Муравьеве, видя, как он приближается к солнцу, выделявая балльные па. Мирно поместившись в одном из самых отдаленных уголков зала, я лишь перед самым отъездом слышу отголоски этой суеты. Меня спрашивают, правда ли, что барон Иксуль умер. Извольский, наш представитель при римской курии, набрасывается на меня при выходе из дворца и крайне взволнованно спрашивает, в чем дело.

Я возвращаюсь домой к 3 часам утра. Какое счастье быть наконец у себя. Рассказывают, что, глядя на танцы, государь спрашивал имена некоторых танцоров, которых он не узнавал: //„Кто этот скачущий пенснэ?“ или: „Кто этот хлыщеватый юноша?“// и т. п. Удивительно благосклонная манера относиться к своим гостям.

ФЕВРАЛЬ

Пятница, 1 февраля.

К 11 часам я подымаюсь к министру и рассказываю ему, что Влангали было сообщено самим государем о его назначении в Рим. Столь желанная его величеству //„пертурбация“// не может быть более избегнута, и я позволил себе посоветовать министру, не откладывая далее, известить об этом Зиновьева, который, вероятно, надеется получить место товарища министра и которого предполагаемое назначение Шишкина заденет еще чувствительнее, если он услышит об этом, не будучи предупрежден министром. Г. Гирс с этим соглашается.

Суббота, 2 февраля.

Мой министр посылает за мной раньше обыкновенного; повидимому, он сгорает от нетерпения сообщить мне свой вчерашний разговор с Зиновьевым; он начал с того, что спросил его, знает ли он о том, что происходило в четверг на придворном балу; г. Гирсу показалось при этом, что бедный Зиновьев ожидал, что он ему предложит место товарища министра вместо Влангали, а потому министр поспешил его разочаровать, сообщив, что государь избрал Шишкина, желая поручить эти обязанности одному из наших заграничных представителей и считая, что стокгольмский наиболее подходит для успешного их выполнения. //„В таком случае я остаться не могу и прошу вас о назначении меня за границу“//, отвечает ему Зиновьев, весьма удивленный. Министр как раз об этом и мечтал; он опасался, что Зиновьев будет считать, как и государь, Азиатский департамент „особой частью“ в министерстве и выкажет готовность остаться там, оговорив для себя определенную самостоятельность. Г. Гирс предложил ему занять место Шишкина в Стокгольме, но Зиновьев горячо возражает: //„Нет, уж я желал бы жить в менее суровом климате и в более цивилизованной среде“//. А затем, поддаваясь чувству оскорбленного самолюбия, бедный Зиновьев имел неосторожность распространиться о своих достоинствах, о преданности делу, об услугах, которые он оказал, и о правах, которые ему обеспечила его служба. Тут он попал в больное место. Наш министр наряду с достоинствами имеет и некоторые слабости: и на солнце есть пятна. Обитая в условиях действительности этого мира, столь полного

огорчений, прекрасная душа моего высокоуважаемого начальника не может отрешиться от незначительных теневых сторон; в качестве одной из них можно указать на неудовольствие, которое он испытывает при виде всякого возвеличения своих сотрудников, в особенности, когда они возвеличиваются в собственном мнении. Мне кажется, он глубоко убежден, что окружен людьми, которые индивидуально не имеют никаких достоинств и, каждый в отдельности, ни к чему не годны; того права, которое он имеет на их благодарность (так как если они вообще что-либо из себя представляют, то только благодаря ему), достаточно, чтобы обеспечить с их стороны усердие и преданность, которые являются вполне естественными даже в том случае, когда они выходят далеко за пределы действительных требований всякой государственной службы. Когда дела идут плохо, то, несомненно, плохи подчиненные, на которых и падает большая часть ответственности; когда же дела идут успешно, то можно скромно указать, чего „мы“ достигли, причем само собой понятно, что „мы“ неизменно состоит из одной и той же единицы во главе большего или меньшего количества нолей. Со своей стороны, Зиновьев честолюбив, горяч и очень самоуверен, быть может, даже слишком. Он горд своим прошлым, строит себе иллюзии о своем настоящем и о своих шансах на будущее; он много знает, но склонен думать, что знает все. Привычка к министерской работе стала для него второй натурой, но он любит играть роль. Он недавно получил очень много различных орденов, которые иностранные дипломаты, принимая его чересчур всерьез, выпросили для него у своих правительств, часто без ведома г. Гирса; это маленькое ребячество очень не нравится моему министру, который, впрочем, кроме того устал от решительного тона или от пассивного сопротивления, которые он часто встречает у Зиновьева. Г. Гирс подозревает, что тот многое от него скрывает, и изымает из архива документы, доказывающие, что некоторые успехи никак не могут быть ему приписаны; кроме того, у Зиновьева несчастная страсть делать все самому, что мешает ему справляться с работой. Много дел затягивается им до бесконечности, вследствие чего со всех сторон поступают жалобы. Государь говорил об этом с г. Гирсом. // „Он неудобен здесь; /, — сказал его величество, — // в Стокгольме можно его послать, а если не захочет, то может просто удалиться. Если же он метит в сенаторы, то это невозможно.“ // Государыня выказывает к нему антипатию, хотя видела его лишь несколько раз;

повидимому, в этом сказывается влияние великого князя Сергея. Во всяком случае, судьба моего бедного Зиновьева, повидимому, решена; министр вынес самое неприятное впечатление от разговора с ним, и единственное опасение г. Гирса заключается теперь в том, чтобы Зиновьев не изменил своего намерения и не попросился остаться здесь. Г. Гирс желал бы также, чтобы он согласился на Стокгольм, предвидя большие затруднения при перемещении того из наших представителей, пост которого захотел бы получить Зиновьев. Он просил меня оказать в этом смысле воздействие на Зиновьева. „Я вам поставлю памятник, если вам это удастся“, добавляет он. Я ответил, что Зиновьев, который всегда выказывал ко мне много симпатии и интереса, вызывает у меня чувство искренней преданности, и я лично могу лишь сожалеть о его уходе, но если обстоятельства делают этот уход неизбежным, то нахожу возможным совершенно откровенно посоветовать ему принять попросту и без возражений приятный пост посланника в Стокгольме.

Говоря о преемнике для Влангали, государь высказал желание выбрать его между нашими представителями за границей. // „Я пересмотрел списки не только всех посланников, но и советников посольств, и нахожу только Ону или Шишкина“. // Однако, повидимому, как его величеством, так и г. Гирсом, было названо еще несколько имен, но ни на одном из них не удалось договориться. Когда министр заметил, что выбор чиновника менее высокого ранга был бы затруднителен, так как среди директоров департаментов встречаются такие, как Сакен и Зиновьев, которые имеют ленты Александра Невского, то государь возразил, что нельзя останавливаться перед такими мелочами; впрочем, его величество отнюдь не видит в товарище министра кандидата на пост министра, а просто желает иметь лицо, подходящее для докладов — в отсутствие своего начальника. Гирс поведал мне в заключение о намерении предложить в качестве кандидата на место директора Азиатского департамента Дмитрия Капниста, который находится случайно в данное время в Петербурге; он считает его умным человеком; к тому же к нему уже издавна привыкли. „Почему же нет? — сказал я. — В нем много хорошего; остается узнать, может ли он вернуться на столь активный пост“. Министр хочет попытаться сделать ему это предложение.

Таким образом, мораль сей басни та, что Влангали, который ничего не делал, получил самое приятное и почетное место,

о каком мог когда-нибудь мечтать. Капнист, который более пяти лет живет в отставке и ровно ничего не делает, призван весьма лестным образом на один из самых важных постов; что же касается Зиновьева, который в своем рвении выбился из сил, то он устранин и находится почти что в немилости. Кто желает иметь успех, тот должен прежде всего уметь бездельничать.

Воскрес 3 февраля.

Г. Гирс пригласил меня на завтра к обеду вместе с Оболенским, Иониным и Капнистом. „Одни лишь друзья“, добавил он.

Зиновьев зашел ко мне к 4 часам и спросил, поздравил ли я уже Влангали, а потом заговорил о своих делах. На вид он грустен и взволнован. Его жена очень настойчиво его побуждала посоветоваться со мной. Он добавил, что сам сознает, что не мог бы придумать ничего лучшего. Я его благодарю, выражая ему все мои сожаления по поводу разлуки, весьма для меня тяжелой, но добавляю, что в качестве верного друга могу его лишь поздравить по случаю предоставляемой ему возможности отдохнуть, набраться сил и полечиться, так как его здоровье за последнее время довольно сильно пошатнулось; таким образом он может подготовить себя на будущее, когда его призовут к более ответственной деятельности. Между прочим, я ему говорю о месте посла в Константинополе, которое он всегда желал получить в случае перевода за границу. Что же касается настоящего момента, то я ему советую попросту принять Стокгольм, являющийся серьезным постом, подходящим для его здоровья, причем стокгольмские материальные и общественные условия гораздо легче для него и его жены, чем Брюссель и в особенности Мадрид. „Вы примите то, что является вакантным, — сказал я ему, — чтобы доказать, что вы готовы служить вашему отечеству там, где этого требуют обстоятельства; если же вы будете настаивать на перемещении, которое предоставило бы вам другое место, вы создадите впечатление, что для вас сделано все возможное и невозможное, что с вами расквитались и что все ваши пожелания выполнены. Более того, если, узнав, что вы предпочитаете не оставаться здесь, государь заговорит о назначении вас в Стокгольм, а Гирс не сможет поручиться за ваше согласие на это назначение, его величество, быть может, будет очень недоволен, — мы уже видели подобный пример, когда Сабуров не захотел ехать в

Рим, который ему предложили после Берлина". Повидимому, эти соображения произвели на Зиновьева впечатление, и мы дружески с ним расстались.

Понедельник, 4 февраля.

Тотчас после кофе я почувствовал общее недомогание: я чувствую себя озабоченным также предстоящими переменами в министерстве. Мне приходит на мысль, что, быть может, для меня самого наступил момент тихо и достойно удалиться. Кто знает, может быть, мой министр, который в восторге от ухода Зиновьева, будет очень доволен, если пресловутая //„пертурбация“// распространится и на меня. И не было ли уже мое имя произнесено в высших сферах? Глубокая грусть и все возрастающее физическое недомогание овладевают мною. Поднявшись к 11 часам к министру, я нахожу его очень нервным; я ему даю отчет о моем вчерашнем разговоре с Зиновьевым, и министр выказывает по этому поводу большое удовольствие. „Вы произнесли золотые слова“, сказал он. Но когда я высказал свои личные симпатии к бедному коллеге, приговоренному к ссылке, министр стал сдержаннее. Я решаюсь подойти к щекотливому вопросу и говорю, что меня преследует мысль, не целесообразно ли было бы несколько распространить „пертурбацию“, желательную государю, сразу удалив весь изношенный и негодный механизм министерства. Так как министр спросил меня, что я под этим подразумеваю, то я добавил, что после Зиновьева, я, конечно, являюсь элементом, наименее удобным в высших сферах, и что, по моему мнению, для меня теперь было бы также всего лучше попросту удалиться в частную жизнь, открывая этим сразу две вакансии первых советников для более молодых и одаренных сил. „Каким образом могла эта мысль притти вам в голову? Ведь если мне придется работать с новыми лицами, то я сам предпочту уйти! — восклицает на это министр. — Государь не имеет никакого касательства к обязанностям, которые вы выполняете при мне, но он равным образом совершенно ничего не имеет против вас, он лишь считает вас большим негодником и //„чужаком“//, но всегда говорит о вас с симпатией. Кроме того, его величество знает очень хорошо, что вы являетесь единственным сотрудником, от которого у меня нет никаких тайн, и что вам доверена вся работа, которая требует соблюдения полной тайны, что именно с вами я работаю над всеми особо секретными материалами и т. д. Нет, оставьте это, не будем терять время на разговоры о подобных вещах“.

Министр выражает неудовольствие тем, что я болен, указывая, что мне придется много писать для уезжающего в четверг курьера, и настаивает на моем присутствии на дружеском обеде, который должен оживить воспоминания о тех годах, когда он был назначен министром; он намерен затронуть с Капнистом вопрос о его назначении, и если тот выкажет готовность принять его, то он завтра же доложит об этом государю.

Этот короткий разговор, повидимому, произвел на моего министра впечатление; когда к нему после завтрака подымается Оболенский, то он его находит расстроенным. Министр говорит: „Я работал всю свою жизнь для других, а на старости лет мне создают всякие затруднения“; „если в министерстве все не наладится и не пойдет гладко, я испрошу шестимесячный отпуск“. Я решаюсь пойти обедать к министру, хотя и чувствую себя больным, так как мне очень грустно слышать, что мой министр недоволен и расстроен; кроме того, я отнюдь не хочу показывать, что я недоволен назначением Капниста, которого, повидимому, желает министр. Когда мы садимся за стол, министр, пользуясь тем, что я сижу рядом с ним, говорит мне вполголоса: „Вы достигли блестящего успеха; Зиновьев приходил ко мне и в тех же выражениях, в которых вы вели с ним беседу, сказал, что принимает назначение в Стокгольм, и я буду иметь возможность сообщить об этом завтра при докладе“. Министр весел и доволен; что касается меня, то я огорчен. Уход Влангали и Зиновьева вызовет большую пустоту в моем тесном кругу и в значительной мере изменит обстановку в министерстве, с которым так тесно связано все мое существование. В том, как министр относится к уходу Зиновьева, есть нечто такое, что меня чрезвычайно больно задевает; я вижу перед собою бездну, и сердце у меня холодеет. Видя нас — Капниста, Ионина и меня, собравшихся у него, г. Гирс несколько раз повторяет: „Я чувствую себя помолодевшим на несколько лет, мы все принадлежим к одной эпохе“. Все это весьма любезно, но мой милый начальник — поэт.

Вторник, 5 февраля.

Общее недомогание и невольная рассеянность очень затрудняют работу по редактированию ответов на экспедиции наших послов, полученные в воскресенье. Самые интересные и важные из полученных документов следующие:

Из Берлина — совершенно личное письмо, дающее отчет о посещении графом Шуваловым Фридрихсруэ*:

„Бывший канцлер совершенно здоров, весел и очень разговорчив, но в то же время гораздо сдержаннее, чем можно было ожидать; одним словом, его манера себя держать мало ствечает репутации непримиримости, которую стараются ему здесь составить. Может быть, в некоторых случаях гамбургская газета и злоупотребляет своей репутацией органа бывшего канцлера, но князь, во всяком случае, не отрицает, что он пользуется ею для распространения своих взглядов. „Я всегда верен своим убеждениям, — сказал мне князь, — и не вижу, почему я теперь должен их скрывать; у меня нет иного способа для того, чтобы моя страна узнавала правду“. По его словам, он очень жалеет, что ему помешали закончить постройку здания, над которым он всю жизнь трудился. Его русские симпатии, — по крайней мере, по его собственным словам, — попрежнему живы; подобно своему старому повелителю, он желает, чтобы поддержание порядка и мира зиждилось на добрых отношениях с нами. В общем, князь, повидимому, примирился со своим положением и стремится лишь к роли наблюдателя, а порой строгого критика реформ, лихорадочных, вызванных часто тщеславием, которые в данное время проводятся. Его критика, должен сказать, много бы потеряла в своем значении, если бы находящиеся у власти германские государственные деятели не испытывали инстинктивного страха при мысли о возможном гневном старом князе, который, что бы ни говорили, пользуется еще большой популярностью в стране. Доказательством этого могут служить те крики „ура“, которыми встречали князя на пути, когда он провожал меня на железнодорожную станцию“.

(Выдержка из собственноручного и строго личного письма от 1/13 февраля 1891 г.)

Долголетние близкие отношения нашего посла к семье Бисмарка заставили его посетить Фридрихсруэ. Шувалов пробыл там несколько часов, приняв к тому же все предосторожности, дабы избежать малейшего недовольства со стороны государственных людей, стоящих в Берлине у власти, которых он предупредил о своей поездке, о ее причинах и о ее совершенно частном характере.

* Имение Бисмарка, где бывший канцлер жил после своей отставки.

Другое личное письмо графа Шувалова из Берлина от 31 января (12 февраля) 1891 г. говорит о трех событиях, происшедших за последние две недели: о падении г. Криспи, перемещении графа Вальдербее и посещении эрцгерцогом Францем-Фердинандом Петербурга. Между прочим, он пишет:

„При более чем сомнительных симпатиях, приписываемых эрцгерцогу Францу-Фердинанду ко всему прусскому, легко допустить, что его поездка в Россию не слишком могла понравиться в Берлине“. (Государь написал в этом месте на полях: //„Это верно“//.)

„Можно притти к заключению, что если в данный момент в тройственном союзе ничего не изменилось ни по существу, ни по форме, то нельзя однако не придавать значения симптомам охлаждения, которые в будущем могут сказаться определеннее, вроде попыток сближения австрийского двора с Россией или вроде весьма явно выраженного желания итальянского правительства не разорваться больше „pour le roi de Prusse“.

Маркизу Рудини приписывают мнение, что Италия должна воспользоваться международной ситуацией в целях уменьшения своих военных расходов вместо постоянного их увеличения; вероятно, там представляется очевидным, что только при сокращении военного бюджета можно сохранить в стране некоторую популярность за идеей пребывания Италии в тройственном союзе. Таким образом, падение г. Криспи пойдет лишь на пользу общему успокоению.

Во всяком случае, Германия уже не занимает такого преобладающего положения, как во времена Бисмарка.

Письмо от 1/13 февраля дает отчет об ожесточенной полемике между „Hamburger Nachrichten“ и мюнхенской „Allgemeine Zeitung“, с одной стороны, и „Norddeutsche Allgemeine“ — с другой ⁸. Второе письмо от 1/13 февраля сообщает о разговоре с министром торговли г. фон-Берлепшем по поводу возможных взаимных уступок в таможенных ставках ⁹.

Письмо князя Лобанова из Вены от 31 января/12 февраля 1891 г.:

„Все подробности, которые доходят сюда относительно пребывания эрцгерцога Франца-Фердинанда в России, принимаются с большим удовлетворением. Ввиду того, что император Франц-Иосиф находится в Пеште, Кальноки мог говорить со мной лишь от своего собственного имени; он мне сказал, что он очень рад успеху эрцгерцога в Петербурге“. „Я всегда придавал, — добавил он, — особое значение личным

отношениям между монархами и искренно желаю, чтобы посещение эрцгерцога привело к сближению между обеими странами, хотя, конечно, оно не может вызвать изменения в *политических группировках* *. Впрочем, нас продолжает разделять этот несчастный болгарский вопрос, являющийся неразрешимым". Я ему на это заметил, что если этот вопрос неразрешим, то вина падает на австрийское правительство, и что на его [Кальноки] лично совести должна лежать вся поддержка, которая исходит из Вены, включая и поддержку, исходящую из высших сфер ¹⁰. Не останавливаясь на этом замечании, Кальноки продолжал развивать свою мысль. По его мнению не может быть и речи об изменении настоящего положения. Дипломатические средства воздействия были бы бессильны, а интервенция недопустима, и никто о ней и не думает. Даже если бы была возможность заставить принца Фердинанда уехать, то разве можно ввергать страну в анархию, которая последовала бы за его отъездом? Неизвестно, как долго эта анархия сможет продолжаться и какие последствия она имела бы в отношении маленьких соседних государств.

Я ответил, что не призван входить во все эти соображения, но могу утверждать одно: никогда государь не признает того, что его величество считает незаконным.

На полях против этих слов государь написал: //„Верно“//.

Последовала минута молчания, и, чтобы ее прервать, я спросил Кальноки, имеет ли он сведения из Софии по поводу наших нигилистов; он сообщил мне некоторые данные, которые я включил в одну из моих депеш от сегодняшнего дня.

Слова, оброненные Кальноки о „политических группировках“, следует запомнить. Это был, по моему мнению, намек или на неожиданно высказанные князем Бисмарком опасения по поводу поездки эрцгерцога и возможности сближения между Веной и Петербургом помимо Берлина, или же на предположения, которые неразбирающиеся в политике лица могут сделать по поводу падения Криспи. В действительности же существование соглашения, связывающего три центральные державы, совершенно не зависит от смены лиц, и в данное время только одни разочарования ожидают того, кто стремится расторгнуть этот союз. Мы должны работать лишь для будущего и стремиться, чтобы события не застigli нас врасплох.

Что касается путешествия эрцгерцога, то венгры очень недовольны, что никого из них не было в свите его императорского высочества. Не наблюдая вблизи людей и обстановки

этой страны, трудно составить себе представление о взаимной подозрительности, которой страдают обе главных национальности монархии“.

Надо отметить, что это письмо нашего посла находится в противоречии с тем, которое он написал 3/15 января 1891 г. и в котором отмечал, что „повидимому, здесь все более и более сознается то преимущество, которое дало бы Австрии соглашение с Россией, но на этот раз без участия в нем Германии в качестве третьей стороны“. Мы нисколько не претендуем на немедленное расторжение соглашения, объединяющего Германию, Австрию и Италию на случай некоторых событий; с нас достаточно заботы о том, чтобы эти события не наступили, чтобы три державы разорвали себя своими приготовленияами и чтобы в конечном счете обстоятельства привели к распадению союза, который, в сущности, полезен разве лишь одной Германии. Я предлагаю отправить князю Лобанову следующий ответ:

„Эрцгерцог Франц-Фердинанд покинул несколько дней тому назад столицу, оставив по себе прекрасное впечатление и выказав, насколько он проникнут благодарностью к их величествам и ко всей августейшей императорской семье, почтившим его самым сердечным приемом. Граф Кальноки мог бы не затруднять себя указанием, что путешествие его императорского и королевского высочества в Россию не должно вызвать никаких изменений в „политических группировках“. Делать подобные предположения на основании визита, являвшегося просто долгом вежливости, ни в коем случае не приходило нам в голову; мне, впрочем, кажется, что мы никогда не выказывали ни малейшей озабоченности по поводу существования этих „группировок“, Граф отмечает, помимо того, что нас разделяет этот „несчастный болгарский вопрос“, который, по его мнению, неразрешим; по нашему мнению, разрешение его встречает препятствия главным образом из-за позиции венского кабинета по отношению к софийским правителям. Наш августейший повелитель в полной мере одобрил ваш ответ: „Государь никогда не примирится с тем, что он считает незаконным“. Это все, что нам необходимо помнить и определенно высказать. Время сделает остальное. Падение Криспи не вызывает у нас преувеличенных иллюзий. Никаких непосредственных изменений, по нашему мнению, в политической обстановке не произойдет, но возможно, что более разумная точка зрения на действительные интересы страны побудит новое итальянское правительство к проведению более спо-

койной и менее суетливой политики, чем та, которую вел только что вышедший в отставку кабинет. Подобно вам, мы также полагаем, что в данное время наша глазная обязанность — зорко следить за ходом событий, чтобы непредвиденные обстоятельства не застigli нас врасплох. Примите“ и пр.

Приблизительно в том же духе составлены письма и другим послам, но в письме, адресованном барону Мейендорфу, управляющему — вследствие болезни барона Иксуля, — нашим посольством в Риме, я счел нужным отметить хорошее впечатление, произведенное у нас декларацией, сделанной маркизом Рудини при вступлении в должность. Эта декларация выражает желание поддерживать наилучшие отношения со всеми державами и не делает никакого специального упоминания о так называемой „лиге мира“ (*la ligue dite de la paix*) *; это обстоятельство было, повидимому, отмечено и в Берлине, и в Вене. Наш поверенный в делах может нам сообщить о первых шагах нового кабинета и должен стремиться дать понять в Риме, что соглашение, связывающее Италию, Германию и Австрию на случай наступления некоторых, впрочем довольно сомнительных, событий, не исключает возможности добрососедских отношений с Францией и прекрасных отношений со всеми другими державами. Стремление к сближению с французской республикой довольно популярно в Италии; оно затрагивает многие весьма реальные интересы, и если это сближение мало-по-малу произойдет, то „группировки“, вопреки предположениям графа Кальноки, вероятно, силою вещей передвинутся без больших потрясений и вполне естественным путем.

Французская пресса однако преувеличила значение ухода Криспи и слишком рано торжествовала победу; что касается нашей прессы, то она тоже сочла возможным предсказывать расторжение тройственного союза, и // „Новое время“ // поместило даже по этому поводу карикатуру в виде иллюстрации к своим комментариям¹¹; эта маленькая, довольно вульгарная, шутка русского печатного органа, который я считаю самым серьезным и, во всяком случае, бесспорно одним из самых распространенных, характеризует чувство, вызванное у нас уходом Криспи.

Восстание, подавленное в Опорто, было, повидимому, гораздо значительнее, чем предполагали; с этим движением

* Т. е. о тройственном союзе.

могли справиться лишь благодаря счастливой случайности и благодаря вмешательству национальной гвардии. Как бы то ни было, революционные элементы действуют во всей стране, и нельзя даже полагаться на войска: многие офицеры явно находятся в сношениях с революционерами и со сторонниками республиканского режима. Прочитав письмо нашего посланника в Лиссабоне Фонтонна по поводу этих беспорядков, государь написал на нем: // „Нет ни малейшего сомнения, что Португалия накануне объявить * республику. Хорош тоже король. Хорошо и правительство“ ./ Я думаю однако, что бедный король и его правительство делают более или менее все возможное, чтобы удержаться у власти. Королева-мать Пия, дочь Виктора-Эммануила, которую считают женщиной гордой и энергичной, проявляет большое беспокойство и все время старается повлиять на короля в сторону применения репрессивных мер, рекомендуемых дружественными державами, но все эти прекрасные вещи гораздо легче советовать, чем выполнять. Сильное республиканское движение развивается не только на Иберийском полуострове, но также и в Италии. Столь непримиримое еще недавно католическое духовенство отдает себе в этом отчет и начинает становиться сторонником республиканского образа мыслей. Доказательством этого могут служить красноречивые выступления кардинала Лавижери, если и не внушенные Римом, то, во всяком случае, там весьма хорошо принятые¹². Рассказывают, что один аббат или какое-то другое духовное лицо, близкое к папе, говорил ему с ужасом о том, как одному из кардиналов пришлось слушать звуки марсельезы, на что Лев XIII ему будто бы ответил, что это лучше, чем слушать „Королевский марш“, исполняемый у Ватиканского дворца¹³. Несомненно, что возникновение республики в Италии очень сильно подымет престиж и власть папы в Риме. Италия, Франция, Испания, Португалия и Бельгия со временем создадут объединение республиканских и католических стран. Монархический принцип в Европе, несомненно, ничего от этого не выиграет; папа при этом потеряет все шансы на светскую власть, насчет чего, впрочем, у него и без того не могло сохраниться никаких иллюзий, но его духовная власть и его исключительное положение смогут усилиться в трудно учитываемой пока степени, а это тоже большая сила. „Лига мира“, задуманная Бисмарком, и „политические

* Так в подлиннике.

группировки“, о которых говорил Кальноки, при этих обстоятельствах могут лишь пострадать.

Четверг, 7 февраля.

В пакете с бумагами, возвращенными государем, находятся перлюстрации двух телеграмм, посланных французским министром иностранных дел г. Рибо послу в Петербурге Лабулэ, обе от 6/18 февраля. В первой говорится об освобождении одного арестованного нигилиста, в результате доклада тюремного врача и исключительно в качестве *человеколюбивого* поступка. //„Для таких скотов стоит того“//, — надписывает наш милостивый монарх на полях. Вторая телеграмма сообщает, что казак Ашинов находится сейчас в Париже. Рибо спрашивает, „при каких обстоятельствах и с каким намерением покинул Ашинов Россию и каково отношение императорского правительства к этому делу“. Государь надписал на этом документе: //„Если Лабулэ заговорит об этом, скажите ему, чтобы французское правительство просто выпроводило Ашинова из Франции“//. Вот как относимся мы теперь к протеже покойного Каткова, которого два-три года тому назад Победоносцев провозгласил Христофором Колумбом. Г-же Адан (Adam) не удалось составить рекламу этому авантюристу ни пылкими статьями, помещенными ею в ее „Nouvelle Revue“, ни устроенным ею в честь „атамана“ приемом. Наши и французские газеты смеются над всеми этими выходками. Герой бомбардировки Таджуры, которого они еще недавно превозносили, является теперь мишенью для насмешек ¹⁴. Придумана даже шансонетка с припевом: „Atchi, atchi, Atchinov!“ //Готовы чихать бывшему кумиру *.

Министр чувствовал угрызения совести по отношению к барону Сакену, который является кавалером ордена Александра Невского и состоит в течение 16 лет директором департамента внутренних сношений ¹⁵. Он опасался неприятных объяснений, но этот оригинал, узнав о предстоящем назначении Шишкина товарищем министра, выказал почти что удовольствие по этому поводу и ограничился спокойным замечанием, забывая, что сам г. Гирс исполнял когда-то эти обязанности: „Ведь на это место обыкновенно выбирают самого слабого; я Шишкина давно знаю; он действительно в Азиатском департаменте был плох, а теперь, на месте посланника

* Так в подлиннике.

в Стокгольме, из рук вон!“ Они право смешны, мои дорогие коллеги. //Все это было бы смешно, когда бы мне не было так очень грустно.//

Наш очередной курьер уехал сегодня утром.

Суббота, 9 феврал

Мой массажист не приходит. Встав в обычное время, я работаю над своим дневником. Министр, как всегда, принимает меня предупредительно и дружелюбно. Он мне доверительно сообщает о разговоре с великой княгиней Екатериной, которая его пригласила вчера вечером. Оказывается, что принц Виктор-Наполеон, старший сын принца Наполеона (Плон-Плона), желает жениться на принцессе Елене, дочери великой княгини. Молодому человеку 28 лет, а невесте уже 34 года. Повидимому, бывшая императрица Евгения, которая собирается завещать свое состояние принцу Виктору и очень им интересуется, горячо желает этой женитьбы, видя в ней, — быть может, не без основания, — большую подмогу его правам в качестве претендента. Дело идет об устройстве встречи, и принцесса Елена, особа с развитым воображением, высказывает большую склонность к этому браку, тогда как она отказалась от многих других. Великая княгиня Екатерина ничего не имеет против при условии, чтобы этот брачный союз не считался мorganатическим и не вызывал никаких затруднений с политической точки зрения. Ее императорское высочество переговорила по этому поводу с государем, который ей посоветовал обратиться к г. Гирсу, причем похвалил его благоразумие и умение сохранять тайну. Министр обещает великой княгине выяснить, в какой степени титулы императорского высочества и принца крови принца Виктора (которых из корректности никогда за ним не отрицали) несомненны; он указывает, что в Италии, где его мать (сестра короля Гумберта) и сестра (вдова принца Амедея, бывшего испанского короля) являются членами королевского дома, принц, во всяком случае, должен быть признан действительным принцем крови. Между тем, именно в Италии и хотела бы жить принцесса Елена. Что касается политических соображений, то, не доверяя слепо дружеским заверениям и шумным проявлениям симпатии со стороны французов, — часто с единственной целью нас скомпрометировать или заставить таскать для них каштаны из огня, — министр твердо убежден в полной необходи-

мости сохранить наилучшие отношения с французским правительством, чтобы противопоставить так называемой „лиге мира“ франко-русский союз, поддерживающий равновесие в Европе, не связывая себя никаким формальным соглашением или писанным договором. Следует поэтому избегать всего того, что могло бы вызвать малейшее неудовольствие у правительства республики, а потому министр настаивает, чтобы в случае, если брак состоится, свадьба была отпразднована не только не в Петербурге, но даже и вообще не в России. Г. Гирс высоко ценит чувство принцессы Елены к нашей родине и уверен, что оно сохранится, но он желал бы, чтобы она заключила брак исключительно в качестве принцессы Мекленбург-Стрелицкой. В этом смысле министр обещал переговорить также с государем, как только его величество обратится к нему по этому щекотливому делу.

Между тем, сведения о принце Викторе противоречивы; я разыскал в архиве старое письмо г. Катакази, написанное в 1887 г., когда маркиз Лавалетт обратился к нему по поводу предполагаемой поездки принца в Россию. Путешествие впоследствии не состоялось, но в ту пору расточались большие похвалы принцу, который рассматривался как серьезный, если только не самый серьезный претендент. Бывший советник французского посольства г. Ферно-Компан, только что приехавший сюда и посетивший на-днях министра, сказал ему, что принц Виктор — порядочный молодой человек, вращающийся в гораздо лучшем обществе, нежели его отец, что он живет очень уединенно в окрестностях Брюсселя вместе со своей любовницей и ребенком, к которым, повидимому, очень привязан. Довольствуется он довольно скромными средствами, великодушно предоставляемыми ему императрицей Евгенией. Но этот принц, которого г. Ферно-Компан знает весьма близко, по его мнению, человек довольно ограниченный и ни в какой мере не является человеком, имеющим большое будущее. Впрочем, г. Ферно-Компан, убежденный монархист-орлеанист, считает республиканский режим во Франции весьма прочным и долговечным; во Франции довольны г. Карно: он очень честен, корректен и с достоинством занимает свое место; дела идут прекрасно, насколько это возможно, и в данное время никакая перемена не представляется вероятной или желательной. Если однако когда-либо восторжествует монархический принцип, то, вероятно, ни Бонапарты ни Орлеаны не вернутся к власти; республика имеет лишний шанс именно в том обстоятельстве, что за последнее време-

все претенденты были серьезно скомпрометированы. Какой-либо генерал, — конечно, не Буланже, — какой-либо диктатор, выдвинутый обстоятельствами, может когда-нибудь основать совершенно новую династию. Повидимому, принц Филипп Орлеанский, несмотря на данные ему советы, остается в Петербурге. Его можно видеть инкогнито восхищающимся из партера г-жою Мельба, в то время как его двоюродный брат, сын герцога Шартрского, с недавнего времени находящийся здесь в качестве гостя нашего двора, сидит в императорских ложах и часто приглашается во дворец.

Воскресенье, 10 февраля.

Вчера министр получил от князя Барятинского из Коломбо следующую телеграмму: „Говорят, что в Сайгоне готовят цесаревичу большой прием с демонстрациями политического характера. Не найдете ли полезным переговорить с французским послом?“ Государь возвращает сегодня утром эту телеграмму с пометой: „//„Какие могут быть политические демонстрации в Сайгоне?!“// Подобные демонстрации не столь уже невозможны, но, очевидно, его величество желает, чтобы наследник был всегда и всюду принят возможно более пышно.

Вторник, 12 февраля.

Много говорят о необычайной речи, произнесенной императором Вильгельмом на обеде, на котором были собраны представители Бранденбурга. Его величество требует полного доверия от своих подданных к их монарху, который черпает свое вдохновение от бога и молится ему денно и ночью¹⁶.

Среда, 13 февраля.

Министр воспользовался подходящим случаем, чтобы поговорить с государем о своей беседе с великой княгиней Екатериной. Его величество совершенно забыл это дело. Он целиком согласен со взглядом министра и уполномочил его окончательно высказаться в этом смысле перед ее высоче-

ством, оставляя за собой возможность сделать это также и лично. Государь охотно посылает орден святого Андрея баварскому регенту по случаю его семидесятилетия, которое будет праздноваться 28 февраля, но его величество колеблется предоставить тот же знак отличия президенту республики г. Карно и лишь скрепя сердце поручает министру заготовить кабинетное письмо по этому поводу к докладу в будущий вторник.

Четверг, 14 февраля.

Мои служебные заботы мало-по-малу рассеиваются под влиянием приятного чувства видеть себя свободным. К чему думать о своем будущем при этих условиях? Я люблю моего старого министра, мне было бы тяжело с ним расстаться, и мне многого стоит утомлять его разговорами, которые всегда могут походить на жалобы и просьбы. Одна из наибольших радостей моей жизни — это связь, которая меня соединяет с моим драгоценнейшим Оболенским, которому, как я себя лщу, я могу быть приятным и полезным, пока я на службе. Расстаться с ним было бы для меня бесконечно тяжело. Раз это так, то зачем подымать эти вопросы?

В 11 часов я, по обыкновению, видел моего министра. Он мне рассказывает, что Швейниц становится снова весьма любезен и делает намеки на то, что Германия весьма склонна поддержать нас в Болгарии; г. Гирс думает, что это вызвано исключительно опасением, как бы посещение эрцгерцога Франца-Фердинанда не привело к сближению между нами и Австрией. Со стороны Швейница это — способ позондировать положение и, быть может, спутать карты. Государь вернул сегодня утром письмо Ону из Бомбея от 21 января/2 февраля 1891 г., которое было послано его величеству вчера. Оно содержит довольно интересные подробности. Вице-король маркиз Лэнсдоун на два дня забыл о своем положении индийского полубога и выехал в парадной форме с генералом Робертсом и с высшими сановниками из Калькутты на станцию Флоурах (Flawrah) навстречу великому князю цесаревичу. Прием был великолепен: он был столь же торжественен, сколь и сердечен; в Калькутте никогда не видели ничего подобного; это было не только любопытством, но и взрывом народных симпатий. Несмотря на требование лондонского кабинета об отмене обычая обмена подарками, в Индию весьма охотно при-

нимаются подарки, которые цесаревич раздает в большом количестве повсюду, где проезжает или останавливается. Адмирал Басаргин имел некоторые опасения по поводу английского морского регламента в индийских портах, тем не менее ничто не помешало нашим очень внушительным военным судам пребывать с гордым видом в бомбейском внутреннем порту. За русскими моряками всячески ухаживали, приглашая на балы и обеды, толпы туземцев посещали наши суда и восхищались ими. „Все это было бы невозможно двадцать лет и даже пять лет тому назад“, замечает г. Ону.

Как бы то ни было, английские власти и пресса сделали все возможное, чтобы впечатление от посещения Индии наследником русского престола не отозвалось на британском престиже и не вызвало неблагоприятных для него толков со стороны туземных вождей (chefs) и населения. Эта забота иногда вызывала довольно комические инциденты: например, бомбейский генерал-губернатор всячески старался оказаться как бы случайно по правую руку от великого князя и не пропускать его вперед. Наследник был достаточно умен, чтобы над этим посмеиваться и не обращать на это никакого внимания, но Барятинский и Ону сделали по этому поводу замечание лицам, прикомандированным к свите великого князя. Дело дошло до Лондона и, повидимому, кончилось сильной головомойкой этому сановнику, слишком ревниво оберегающему свой престиж в ущерб обязанностям гостеприимства и вежливости. Г. Ону на-днях расстанется с великим князем; он сядет на пароход в Коломбо с тем, чтобы прибыть сюда в первой половине марта. В первом письме, отправленном министру вскоре после прибытия в Египет, он писал: „Мы с удовольствием можем отметить, что цесаревич выказывает все больше интереса к тому, что он видит и слышит“. Было бы очень любопытно знать, развились ли эти добрые „начинания“ дальше и притом в серьезном ли направлении...

Пятница, 15 февраля.

Министр виделся вчера с приехавшим князем Лобановым. Этот посол все молодеет и всегда весел, как жаворонок. Он сказал Гирсу, что прием, оказанный в России эрцгерцогу Францу-Фердинанду, произвел очень большое впечатление в Австрии и в Венгрии. Последствием этого был энтузиазм, проявленный в Будапеште при прибытии эрцгерцога; но нельзя

предвидеть никакого изменения в политике венского кабинета, который, в сущности, очень доволен нынешним положением вещей в Болгарии и очень боится Германии. Князь Лобанов думает, что Австрия ни в чем не изменит своего образа действий на Балканском полуострове и что она не посмеет хотя бы немного отойти от тройственного союза, тем более, что император Франц-Иосиф с давних пор относился весьма недоверчиво к России. Посещение графом Шуваловым Фридрихсруэ произвело в Вене глубокое впечатление. Там не могут понять этот шаг нашего посла иначе, как политическую интригу в связи с сенсационными статьями, инспирированными будто бы Бисмарком¹⁷.

Суббота, 16 февраля.

Когда я поднимаюсь к министру, то он меня спрашивает, нет ли сведений о бароне Иксуле. Так как его величество слишком горячо поздравлял преемника нашего посла в Риме, то он может наконец рассердиться на отсутствие у Иксуля достаточного рвения к освобождению вакансии. Я не мог не улыбнуться по поводу подобной заботы и заметил г. Гирсу, что бедный барон Иксуль, прослужив своей родине более полстолетия, быть может, из верноподданных чувств готовит своему государю приятный сюрприз, собираясь умереть в день рождения его величества — 26 февраля; в печальном положении, в котором находится умирающий, не станешь цепляться за жизнь. Хороша наша карьера! Дипломат, умирая, никогда не оставляет после себя пустого места, он только открывает нетерпеливо ожидаемую вакансию.

К чаю в 4 часа приходит Влангали, а затем Ионин и Зиновьев. Разговаривали, между прочим, о значении некоторых дат и о той заботе, которую прилагали в царствование покойного государя к тому, чтобы исторические события совпали с памятным днем 19 февраля. Восхитителен анекдот об Игнатеве, слышанный Зиновьевым от Нелидова, который был очевидцем этой сцены. Во время переговоров, приведших к пресловутому Сан-Стефанскому договору, граф Игнатев, который ни в чем никогда не сомневался, между прочим попросил Савфет-пашу ознаменовать длительный мир с Россией обращением Айя-Софии в православный собор, каким она была во времена ее сооружения. „Это, — добавил Игнатев, — удалило бы черное пятно, омрачавшее горизонт наших отношений“. На это турок совершенно спокойно ответил: „Если

вы действительно думаете, граф, что существование софийской мечети является непреодолимым препятствием к установлению прочных отношений между Россией и Турцией, то мы могли бы удалить черную точку, взорвав эту мечеть“.

Эта тонкая насмешка является прямо исторической, и Нелидов занес ее в свои записки, которые он вел в то время. Колобков, соучастник несчастного Паницы¹⁸, явился сегодня к Зиновьеву и формально признался, что в свое время наш посланник в Бухаресте Хитрово снабдил его всякого рода инструкциями для задуманного в Болгарии заговора. Это дало ему основание думать, что безумный замысел поддерживается императорским правительством. Вот еще один из наших замечательных дипломатов.

Обедал, как всегда, в одиночестве. Вечером работал над своим дневником. Редактор „Journal de S.-Petersbourg“ прислал мне несколько заметок по поводу франко-германского инцидента, вызванного посещением Парижа императрицей Викторией, вдовой императора Фридриха¹⁹. Подобные невинные заметки не опасны, и отмечаемое в них возникновение трений между Германией и Францией конечно вовсе не противоречит русским интересам.

Воскресенье, 17 февраля.

Министр посылает за мной лишь в 11½ часов. Князь Лобанов, который представлялся государю и завтракал вчера у их величеств, заходил к г. Гирсу, чтобы осведомить его о съезде разговоре с государем. Оказывается, государь знает почти наизусть забавную статейку, заимствованную //„Новым временем“// у одной английской газеты, и эта злая насмешка над германским императором, повидимому, очень забавляет нашего августейшего монарха, не упускающего случая заявить о своих малых симпатиях к Вильгельму II²⁰.

Пребывание вдовы императора Фридриха в Париже и те демонстрации, которые были им вызваны, занимают политический мир. Эта неудачная попытка, надо думать, лишит германского императора всяких иллюзий относительно возможности его собственной поездки во Францию, если только он еще подумывает об этом. Лорду Сольсбери приписывают в связи с этим удачную остроту. Он якобы сказал: „Желая прошибить лед, не следует бить стекла“ („On a essayé de rompre la glace, il ne faut pas aller jusqu'à briser les vitres“).

Г. Гирс спрашивает себя, является ли настоящий момент подходящим для выполнения давно задуманного проекта — пожаловать орден св. Андрея президенту французской республики. Но ведь сами немцы должны были признать, что французское правительство было вполне вежливо и корректно и что несколько враждебных манифестаций отнюдь не могут быть поставлены ему в вину. Помимо того, я, в сущности, не думаю, чтобы мы имели основание чересчур опасаться недоразумений, которые могут возникнуть между Францией и Германией. Прежде всего они нисколько не хотят вооруженного столкновения, а в случае, если бы оно и произошло, то что нам до того, если повторится 1870 г.? У России гораздо больше оснований опасаться возможности постепенного сближения, которое понемногу сгладило бы вражду между Парижем и Берлином. Мы в свое время чересчур уж старались окончательно устранить эту вражду. В то время, когда нам нужно было обеспечить себе несколько лет спокойствия и мира, дабы заняться нашими внутренними делами и дать Франции время подняться и снова стать могущественной державой, мы заключили с Германией и Австро-Венгрией тайные соглашения 1881 и 1884 гг., а затем договор с одной Германией в 1887 г. Но теперь уже более года у нас руки совершенно развязаны, и при нынешних обстоятельствах, когда Германия стоит на пути к разложению, а Франция становится достаточно сильной, чтобы ей противостоять, мы можем в случае разрыва стать между ними хозяевами положения (*devenir arbitre*) и полностью разрешить наши национальные интересы на востоке в обмен за полный нейтралитет, чрезвычайно ценный для них обоих. Знак симпатии, высказанный при нынешних обстоятельствах главе французского правительства, лишь заставит немцев быть более осмотрительными, а французов сделает менее запуганными; это заставило бы также Берлин не пренебрегать добрыми отношениями с Россией, которые никакая „лига мира“ при некоторых обстоятельствах не сможет заменить. В свое время, когда наши договоры обязывали нас соблюдать нейтралитет, мы могли его сохранить (в случае решительного положения Франции) лишь с большим трудом ввиду общественного мнения всей России; теперь, когда мы вполне свободны ²¹, нейтралитет становится для нас весьма мощным оружием, и пользуясь им осторожно и ловко, мы можем рассчитывать на многое, если только не на все, из того, что нам нужно в Болгарии и даже в отношении проливов.

Мой массажист, видящий много народа и имеющий большие связи среди духовенства, спрашивает меня, верно ли, что Зиновьев получает назначение за границу. Он проговаривается. // „А жаль, русского человека отсюда удаляют?“ // — а затем добавляет: // „Хоть бы послом назначили, а то у нас послы с подозрительными фамилиями.“ // Я ему отвечаю, смеясь: // „Да, действительно: Шувалов, Лобанов, Нелидов!“ // Этот добряк, который всегда так вежлив, предан и заботлив по отношению ко мне, забыл, что мое имя — немецкого происхождения и тоже может быть помещено в разряд // „подозрительных“ //. Этот отголосок распространенных в известных кругах взглядов знаменателен. Массажист рассказывает также, что он слышал, что Зиновьев не был назначен товарищем министра по просьбе Победоносцева. Любопытно, что носят такие слухи; дело в том, что как только стало известно о назначении Влангали, Победоносцев и многие другие умоляли Гирса, встретив его на заседании государственного совета, не брать Зиновьева в товарищи. Проявилась действительно большая враждебность к моему дорогому коллеге из Азиатского департамента, но это несколько не повлияло на решения моего министра.

Выдержки из иностранных газет свидетельствуют об усилиях французов смягчить дурное впечатление, произведенное в Германии инцидентами, вызванными пребыванием вдовы императора Фридриха в Париже. Эти нынешние добрые французские буржуа стремятся прежде всего к наживе, к удовольствиям и к тому, чтобы спокойно жить у себя дома. Почти ничего не осталось от воинственности и стремления к былой славе. Тон французской прессы, или по крайней мере значительной части серьезных органов прессы, выражает даже некоторую запуганность и низкопоклонство. Со своей стороны, немцы стараются показать себя философами и отнюдь не переходят в вызывающий тон, несмотря на несколько крикливых выпадов по адресу французов, появившихся в некоторых газетах. Нет никакой опасности не только войны, но даже и значительных трений между обеими странами.

Министр показывает мне письмо, полученное им от баронессы Икскуль; король и королева принимают живое участие в тяжелой болезни нашего посла и ежедневно присылают справляться о состоянии его здоровья; когда баронесса поехала благодарить королеву, то последняя, видя ее и говоря

о бароне, заплакала, а мы думаем о назначении нового посла, раньше чем умирающий закроет глаза!

Читаю полученные вчера экспедиции, на которые нужно будет отвечать с отправляющимся в четверг курьером. Доктор Алышевский, посланный в Афины, дабы убедиться, в каком состоянии находится великий князь Георгий, открыл у него присутствие бацилл, вследствие чего решено, что его императорское высочество поедет на несколько недель в Алжир. Граф Олсуфьев, начальник канцелярии главной квартиры, отправится к его императорскому высочеству в Грецию и будет его сопровождать в Алжир. Будучи адъютантом государя еще в то время, когда его величество был наследником, граф является одним из приближенных лиц при дворе. Он не глуп, человек довольно порядочный, хотя и немного хитер, очень вульгарен, вечно шутит с добродушием, не отличающимся искренностью, неряшливо одет и страшно уродлив как лицом, так и фигурой. Государыня спросила его однажды: //„Как ваше здоровье?“// — на что граф ответил: //„Вашими молитвами, государыня“// //„Какой нахал!“// — воскликнула государыня. //„Но ваше величество ведь молится о всех православных христианах“//, — возразил Олсуфьев. С тех пор государыня жалуется, что ей постоянно представляется лицо графа, когда в ее присутствии произносятся молитвы за //„православных христиан“//. Между тем, это представление совсем незстетично; Олсуфьев признает это сам, говоря: //„Природа много потратила на меня материала, но очень дурно им распорядилась“// Действительно, он мал ростом, очень толст, широкоплеч, приземист и совершенно лыс.

Ионин и Зиновьев приходят к чаю в 4 часа. Телеграмма от Нелидова, снова жалующегося на //Палестинское общество// и на разные беспорядки, выявленные нашим консулом в Иерусалиме. Телеграмма из Буэнос-Айреса сообщает, что посланный туда год назад молодой священник, после схваток и потасовок с диаконом, которого уже отозвали оттуда, предается пороку, в коем не принято сознаваться, и что его жена в отчаянии пришла сообщить об этом нашему поверенному в делах. Итак, за короткое время два русских священнослужителя в Америке проявили себя подобным образом. Архимандрит в Сан-Франциско довел дело до настоящего скандала. Когда об этом говорят Победоносцеву, то он отвечает, что все монастыри так живут; в своем цинизме этот человек не удивляется ничему. На-днях ему

говорили о поборах, незаконно взимаемых консисториями, но даже узнав об этих фактах, он отозвался только замечанием: //„Ну, уж взятки в консисториях избежать невозможно“//. Между тем, он постоянно негодует на все, находящееся вне его ведомства, и главным образом на наше министерство. Когда Ионин пришел ему сказать о безобразном поведении священников в Буэнос-Айресе, то прокурор святейшего синода в резких выражениях жаловался на то, что министерство не сообщило ему донесений нашего поверенного в делах; по проверке однако оказалось, что ему все было сообщено самым точным образом. Но Победоносцев очень зол на министерство за неудачу, постигшую его протеже Ашинова, который только что получил формальное приказание вернуться в Россию.

Большая революция в Чили. Ионин говорит, что эта богатая республика, видимо, подавала надежду на блестящее будущее; лишь она одна имела флот, который теперь поднял восстание. Правительство было вынуждено объявить суда вне закона, и так как в порт прибыли французские и главным образом английские эскадры для защиты своих подданных, то чилийские суда могут быть уничтожены, и вся страна может перейти в руки англичан, которые поместили там громадные капиталы.

Вторник, 19 феврал

Когда я поднялся к моему министру, он прочитал мне в высшей степени неприличное письмо, переданное ему вчера нашим посланником в Бухаресте г. Хитрово. Уже более девяти месяцев как он покинул свой пост, где ознаменовал свое пребывание всякого рода эксцентричностями, интригами и постоянной суетой, идущей вразрез с нашими политическими видами. Хитрово возмущен тем, что министр, не зная, что с ним делать, решил перевести его на другое место и предложил ему пост посланника в Рио де Жанейро или в Лиссабоне. Хитрово посылал в высшие сферы стихи, полные льстивого энтузиазма, и с тех пор к нему относятся там благожелательно; не подозревая, что министр принял это решение совместно с государем, бедный человек думает, что его величество не позволит навязать ему другой пост, раз он предпочитает оставаться на старом. Гирс обещал настоять на своем перед государем и отправляется к 12 часам в Аничков дворец на свой

доклад. Вернувшись с доклада, министр отправляет телеграмму в Лиссабон, испрашивая согласия португальского короля на назначение Хитрово. Фонтон будет переведен в Бухарест.

Я провожу день в изготовлении ответов на полученные в воскресенье экспедиции. На этот раз они интересны: граф Шувалов пишет из Берлина от 12/24 февраля, что полемика между органами печати, инспирируемыми князем Бисмарком, и газетами, преданными новому режиму, продолжает расти. Наш посол застал статс-секретаря Маршала в высшей степени рассерженным тем, что он называет форменным дискредитированием внутренней и внешней политики правительства. Шувалов отмечает, что, действительно, критика, исходящая от бывшего канцлера, имеющего еще, вопреки всему, большое влияние на общественное мнение, по меньшей мере неудобна и отнюдь не способствует облегчению разрешения разных политических и социальных вопросов, выдвинутых молодым монархом. Государь подписывает сверху на этом письме: //„Нам нечего сожалеть об этом; тем лучше для нас, чем более затруднений в Германии“./ В другом донесении от того же числа граф Шувалов пишет: //„Все происходит порывисто, неожиданно, беспричинно. Вильгельм II при всяком удобном и неудобном случае подчеркивает свою решимость сломать всякое сопротивление, могущее встретиться на пути, по которому он намерен вести немецкий народ по внушению промысла божьего. Но каков именно этот путь? Даже консервативная печать сильно приуныла и просит, чтобы была заявлена ясная, определенная программа“./

Наш посол зидит в нападках, с которыми сенатор Жачини (Jaccini) на этих днях выступал в итальянских палатах против политики г. Ктиспи и системы тройственного союза, начало моральной измены Италии; он думает, что при наличии этих признаков берлинский кабинет начнет заигрывать с Англией.

В высшей степени интересно донесение о развитии социализма в Германии. Это гороскоп будущего. Нашему послу удалось собрать сведения из прекрасно осведомленного источника. Социалистическая партия продолжает принимать все более и более тревожные размеры; ее пропаганда расширяется. Пока еще армия предана правительству, но всеобщая воинская повинность вливает в нее все новые элементы; привлекая на свои собрания очень молодых людей до поступления их на военную службу, социалисты приобретают все более и более

многочисленных сторонников даже в рядах армии. Призрачное спокойствие, которое по внешности наблюдается с тех пор, как императором Вильгельмом II сделаны попытки к удовлетворению рабочего класса, весьма обманчиво; в недавно произнесенной речи известный Бебель указал на необходимость сохранить на время спокойствие и не создавать препятствий для деятельности правительства. Стремления рабочих никогда не могут быть удовлетворены, но их аппетиты будут возбуждены. Слишком большая нужда не дает массам ни времени, ни нужной энергии для организации борьбы; Бебель рассчитывает на предоставляемые нынешним законодательством рабочему классу облегчения; именно они поставят его в благоприятные условия для того, чтобы ничем не удовлетворяться и иметь смелость предпринять решительно все.

Надо признаться, эта картина неутешительна.

Интересная депеша г. Стааля из Лондона от 13/25 февраля дает обзор колониальных вопросов, привлекающих в настоящее время внимание английского правительства. Будущее Британской империи зависит от связей, объединяющих метрополию с ее колониями, которые по большей части представляют значительные и отдаленные страны. В данное время Англию озабочивают главным образом два пункта земного шара: юг Африки и север Америки (Канада).

Барон Моренгейм сообщает любопытные подробности о пребывании вдовы императора Фридриха во Франции (письмо от 14/26 февраля). Между прочим он пишет:

„Крупным событием за эту неделю является приезд и пребывание — к несчастью, слишком продолжительное — вдовы императора Фридриха. Со времени пресловутого письма императора Вильгельма по поводу смерти Мейссонье²² заигрывания со стороны Германии не прекращались; можно ли было хотя бы на минуту серьезно думать, что столь незначительными и довольно жалкими средствами удастся в какой-либо мере, я уже не говорю, покорить сердца, но хотя бы только пленить восбуждение французов“.

Государь надписывает на полях: //„Действительно, это наивно“.

„Здесь теряются в предположениях, какова могла быть цель этого необычайного путешествия, столь же мало подготовленного, сколь и неожиданного. Думали ли произвести эффект кажущейся смелостью столь великодушного доказательства доверия? Во всяком случае, результат не отвечает ожиданиям“.

Затем посол, отмечая проявленную правительством крайнюю заботу о предупреждении всякой неприятной демонстрации, добавляет:

„Императрица не должна была подвергать слишком долгому испытанию похвальное терпение французов. Ее величество за последние дни проявила недостаток такта, что весьма живо задело вполне законную щепетильность французов: она посетила развалины Сен-Клу, разрушенного германскими снарядами, и большую залу Версальского дворца, где была провозглашена Германская империя“.

Г. Рибо сказал послу, что в этом увидели „вызов“ и „провокацию“; он ему также поведал, что были предприняты шаги в Elysée ²³, чтобы разузнать о возможности каких-либо непосредственных сношений, но этот подводный камень, о который немедленно разбился бы правительственный корабль, удалось обойти. Барону Моренгейму сообщают, что ни один французский художник не откликнется на приглашение принять участие в берлинской выставке ²⁴ и что императрица собирается завтра уехать, „в высокой степени своевременно“, пишет он.

Письмо заканчивается словами:

„Все это оставит тяжелые воспоминания и отнюдь не будет содействовать улучшению взаимных отношений обеих стран. Нужна величайшая осторожность, так как благодаря импульсивности и резкости характера молодого германского императора никогда не исключена возможность неприятных последствий. И тем не менее императрица не имеет никакой причины жаловаться на прием, оказанный, или, вернее, „не оказанный“ ей здесь“.

Наш посол в Париже прилагает к этому донесению два весьма любопытных письма, которые он получил из секретного источника: одно из Вены, другое из Копенгагена. Оба они сообщают о серьезной болезни уха, которой страдает германский император; болезнь за последнее время, вследствие недавней простуды, ухудшилась настолько, что становится очень опасной; при этих условиях весьма вероятна его поездка на юг на более или менее продолжительное время. Между прочим, венское письмо отмечает: „Думаю, что эти слухи находятся в связи с поездкой эрцгерцога Франца-Фердинанда в Россию“. „Нервное возбуждение молодого монарха является серьезным препятствием к устойчивости его политики. Достоверно известно, что лорду Сольсбери с большим трудом удалось отговорить его от поездки во Францию, сопряженной с большим

риском для мира в Европе. Будущее Германии становится темным, ее политика непоследовательной, и общее доверие уменьшается“.

Перлюстрация шифрованной телеграммы германского министра иностранных дел послу Швейниду от 16/28 февраля 1891 г. исчерпывающе знакомит нас с точкой зрения германского правительства на парижские инциденты. Она гласит: „Сегодня я телеграфировал послу в Париже: „Прошу ваше превосходительство не проявлять никакой инициативы в обсуждении вызванных путешествием ее величества императрицы демонстраций“. Но если бы посол был вызван на подобный разговор, то ему предписывается ответить, что мы не делаем никакого упрека правительству республики и скорее полагаем, что оно сделало, поскольку это позволяли имеющиеся в его распоряжении средства, все от него зависящее для охраны права на гостеприимство“ *.

Граф Шувалов приехал сегодня вечером, чтобы присутствовать на крестинах своего внука. Ввиду того, что наши послы в Берлине и в Вене находятся здесь, я заготавливаю лишь простые препроводительные письма к пакетам с литографиями, которые пересылаются поверенным в делах²⁵. К вечеру я закончил все другие бумаги, а именно: письмо барону Мейендорфу в Рим, Стаалю в Лондон и барону Моренгейму в Париж. Это последнее мне кажется при нынешних обстоятельствах наиболее важным; вот оно:

„С.-Петербург, 19 февраля 1891 г.

Пребывание германской императрицы в Париже, интересные подробности о котором нам сообщает ваше письмо от 14/26 текущего месяца, было бесспорно весьма неожиданным событием. Ни одна из предполагаемых причин появления ее величества во Франции не может оправдывать эту попытку, более смелую, чем разумную; единственным достигнутым результатом, повидимому, является взаимная обида — неизбежное последствие печальных воспоминаний, столь неосторожно вызванных одной из сторон, и небольшого укола для самолюбия, причиненного другой стороной.

Тем не менее августейшая путешественница не имеет никакого основания жаловаться на образ действий француз-

* Выдержка из телеграммы в подлиннике на немецком языке. Телеграмма опубликована в „Grosse Politik der Europäischen Kabinette“, Bd. VII. S. 270.

ского правительства, позиция которого была, насколько возможно, столь же корректна, сколь и предупредительна. Мы имеем полное основание полагать, что в этом отдают себе отчет в Берлине и что этот инцидент почти наверное не будет иметь неприятных последствий; совпавшее с ним усиление мало оправдываемых мер, принимаемых в отношении населения Эльзас-Лотарингии, надо рассматривать как мимолетное облако²⁶.

Таким образом, мы со своей стороны не будем испытывать никакого сожаления, видя, что все усилия Германии достигнуть какого-либо сближения с Францией терпят поражение. От этого может лишь выиграть равновесие, необходимое для спокойствия Европы.

Сердечное согласие (*l'entente cordiale*), которое столь счастливо водворилось между Россией и Францией, представляет в наши дни условие, необходимое не только ввиду их взаимных интересов, но также и для создания определенного противовеса влиянию лиги центральных держав, обеспечивая самое благотворное равновесие сил. В то время как тройственный союз, провозглашая мир своей единственной целью, разоряется на военные приготовления, соглашение между Россией и Францией действительно гарантирует сохранение мира, благоприятствуя в то же время постепенному и естественному развитию их могущества и процветания.

Они не смогут сделать ничего лучшего, как продолжать действовать в этом направлении", и т. д.

Ввиду того, что наш поверенный в делах в Риме барон Мейендорф, с одной стороны, как будто извинялся в том, что недостаточно высказал маркизу Рудини те надежды, которые были вызваны его приходом к власти, а с другой стороны, выразил убеждение, что перемена итальянской политики может произойти лишь в начале 1892 г., когда достигнутые в финансовых вопросах результаты укрепят новый кабинет, я составляю для него следующее письмо:

„Очередной курьер не преминул доставить мне вашу интересную экспедицию от 11/23 февраля; она дает весьма точное обозрение многообразных затруднений, с которыми призвано бороться новое итальянское министерство, и подтверждает наше предположение о том, что нельзя ожидать внезапной перемены в его внешней политике. Таким образом, вы были совершенно правы, не высказывая маркизу Рудини никаких надежд на этот счет. Подходящий момент для этого еще не наступил. Тем не менее представляется весьма воз-

можным, что критика, подобная высказанной сенатором Жа-
чини, произведет свое действие и что вскоре обществен-
ное мнение, уяснив себе ошибки прошлого и под влиянием
результатов, которых правительство рассчитывает достигнуть
путем упорядочения финансов, не замедлит окружить но-
вый кабинет популярностью, достаточной, чтобы обеспе-
чить ему известную свободу действий. Будет ли это в начале
1892 г. или же раньше или позже — для нас важно только
следить с неослабным вниманием за направлением, какое
примет ход дел, отмечая всякий признак отхода Италии от
тройственного союза или сближения ее с французским пра-
вительством, которого она попытается достигнуть.

Научная экспедиция поручика Машкова в Абиссинию, по-
видимому, вызвала некоторую сенсацию в прессе и даже
в итальянских палатах. Я имел случай объяснить по этому
поводу с бароном Марокетти, заметив ему, что эта миссия, не
имеющая, впрочем, никакого политического характера, вовсе
не является чем-то новым. Тот же Машков посетил Абиссинию
два года назад, не преследуя никаких целей, которые могли
бы задеть итальянское правительство; к тому же, как вы
помните, мы в свое время категорически заявили г. Криспи, что
Россия не может согласиться на своего рода посредническую
роль, которую Италия желает играть в сношениях Абиссинии
с другими державами. Для вас было бы полезно при удобном
случае указать это, отметив, что путешествие г. Машкова,
разрешенное императорским правительством значительно ран-
нее падения кабинета г. Криспи, отнюдь не находится в какой-
либо связи с переменою министерства в Италии²⁷.

Среда, 20 февраля.

Когда я поднимаюсь к 11 часам к моему министру, он го-
ворит, что одобрил все мои проекты, посланные ему сегодня
утром, но что у него имеется некоторое сомнение по поводу
письма Моренгейму; он находит его слишком категоричным.

„Шувалов, который только что приехал, — говорит мне
министр, — будет напуган“. Я позволяю себе высказать мое
убеждение, что проявлением в данное время теплого чувства к
Франции мы нисколько не угрожаем Германии. Последняя
предпочла так называемую „лигу мира“ (la ligue dite de la paix)
соглашению с Россией; тем лучше или тем хуже для нее, но
раз мы свободны, то извлечем же из этого выгоду. Не может

быть вечных союзов. Надо уметь использовать тех союзников, которых дают обстоятельства, а тех, кого желаешь иметь союзником, понемногу приводить к убеждению, что для них если и не выгодно, то, во всяком случае, неизбежно служить вашим интересам. Наш посол в Берлине должен прилагать все усилия, чтобы сохранять добрые отношения между нами и Германией, но он должен однако отдавать себе отчет, что при настоящей обстановке надо действовать иначе, чем шесть лет назад, когда он получал свои первые инструкции. Мы перечитываем вместе проект, и министр вполне его одобряет (после незначительных изменений двух или трех слов) в том виде, как он помещен выше. Государь не подписал письма о пожаловании ордена св. Андрея г. Карню и не пожелал, чтобы пожалование этого отличия президенту республики было приурочено ко дню рождения его величества, так как не хотел, по выражению министра, „опускаться“ („s'encanailler“), оказывая слишком интимные знаки внимания этим республиканцам. Сначала государь хотел пожаловать орден св. Александра, теперь же, согласившись в принципе сделать главу французского правительства кавалером высшего русского ордена, его величество хочет отсрочить время пожалования до приезда великого князя цесаревича в Сайгон, чтобы связать эту „монаршую милость“ с восторженным приемом, который, повидимому, готовятся оказать там его августейшему сыну и наследнику.

Министр прочел вчера государю дерзкое и противоречащее всякому понятию о дисциплине письмо Хитрово. Его величество нашел слишком жестоким посылать его в Рио де Жанейро, но решил немедленно послать его в Лиссабон, а если он на это не согласится, оставить его без всякого назначения. Тем не менее содержание письма, которое само по себе ни в каком случае не должно бы оставаться безнаказанным, нисколько не сердит монарха; его величество ограничивается тем, что смеется над этим. Лстыивые стихи и небольшие статьи вместе с репутацией //русского человека// и //славянского деятеля// доставили г. Хитрово исключительную благосклонность. Завтракая с их величествами после вчерашнего доклада, министр имел случай заговорить о новом представителе, которым пополнился дипломатический корпус в Петербурге в лице посланника мексиканского правительства, с которым мы возобновим дипломатические сношения. „Какой ужас! — воскликнула императрица. — Ведь это представитель людей, которые так жестоко погубили импера-

тогда Максимилиана!" Государь и министр приложили все усилия, чтобы успокоить ее величество, напомнив ей, что это событие уже старая история, что все великие державы признали или собираются признать мексиканское правительство и что даже австро-венгерское правительство готовится это сделать.

Четверг, 21 февраля.

Известие о назначении Хитрово в Лиссабон отымает у Ионина единственную надежду покинуть когда-либо Рио де Жанейро, которое он больше не переносит. Его сетование меня тем более печалит, что я люблю и уважаю этого прекрасного и достойного человека. Его разнообразные познания и выдающийся ум должны были бы обеспечить ему лучшую долю; почти неприлично посылать представителем при новой Бразильской республике, которую мы собираемся признать, посланника, который был аккредитован при последнем императоре. Все это справедливо, верно, но разве теперь ищут на этом свете справедливого и верного, в особенности на зловонных берегах нашей жалкой //„по-Мойки“ / *? У меня нет ни одного довода для возражений, никакого утешения, которое я мог бы предложить своему бедному, столь опечаленному собеседнику. Я мог бы единственно высказать убеждение, что самой большой услугой, которую мы оба могли бы оказать нашим обожаемым начальникам и коллегам, было бы как можно скорее закрыть навеки глаза, освободив им в ближайшее время две вакансии. Но было бы жестоко говорить это отцу семейства, находящемуся в столь трудном положении, и я молчу. Ионин покидает меня лишь около 7 часов; я чувствую себя совершенно разбитым.

Пятница, 22 февраля.

Когда я к 11 часам прихожу к моему министру, он мне говорит, что Шувалов, представлявшийся вчера и завтракавший у их величеств, нашел, что государь крайне разумно высказался относительно возможности войны между Германией и Францией. Его величество сказал: //„По моим сведениям, Франция теперь сильна, мы построим“// и т. д.

* Здание министерства иностранных дел в Петербурге выходило на набережную Мойки.

Между тем, раньше государь, казалось, желал воспользоваться всяким удобным случаем, чтобы напасть на Германию. Это первый раз, уверяет наш посол, что он слышит, чтобы государь говорил таким тоном. Я позволяю себе еще раз высказать свое мнение, что, не желая войны и делая все возможное, чтобы избежать ее бедствий, мы не должны бы также слишком стараться примирить и сблизить германское и французское правительства. Граф Шувалов не должен бы терять из виду тот новый аспект, в котором нам рисуется политическое положение Европы с тех пор, как мы совершенно свободны от всяких обязательств ²⁸.

Суббота, 23 февраля.

К чему жить? Чего стоит все то, что меня интересует? Стоит ли даже писать эти записки, сохраняя в них исторические воспоминания прошлого? Во всем меня одолевают тяжелые сомнения, я чувствую необходимость уединения и покоя.

Шварц, Ионин и Оболенский приходят к 4 часам, к чаю. Они все трое отправляются сегодня вечером на первое представление „Термидора“ Сарду, на котором будут присутствовать их величества и весь двор. Говорят, что пьеса будет запрещена, как это было и в Париже. Там опасались, как бы она не дискредитировала первые годы республики и не выявила всю опасность чрезмерной свободы. У нас же, говорят, опасаются, что она может вызвать либеральные стремления, показав возможность этого *, хотя бы и в безобразной и совсем непривлекательной форме.

Воскресенье, 24 февраля.

Между бумагами, возвращенными государем, находится перлюстрированная телеграмма г. Рибо французскому послу Лабулэ от 6 марта. Французский морской министр переслал письмо Ашинова, в котором последний сообщает правительству республики, что „он возвращается на-днях в Африку, чтобы продолжать религиозную и цивилизаторскую миссию, которой сопутствуют все лучшие пожелания русского народа“. Он просит о свободном проезде для него и для сопровождающего его священника и добавляет, что он намерен воздвиг-

* Так в подлиннике.

нуть за счет миссии надгробный памятник в Сагалло. Государь делает помету: // „Отчего они его просто не прогонят из Франции?“ //

В пакете находится также телеграмма г. Лабуэ из Петербурга от 22 февраля (6 марта) на имя г. Рибо. На полях против слов: „Императрица, вероятно, уедет 14 26 марта на встречу своему сыну; по отъезде из Алжира, где он должен пробыть три недели, она будет его сопровождать в Ливадию, куда императорская семья съедется для празднования пасхи“, его величество надписал: // „Все вздор“ // Отсюда видно, что эти очень распространенные за последнее время слухи неверны. Министр вспоминает, что 2 марта исполнится десять лет царствования, десять лет, в течение которых он работал с царствующим императором. Я ему напоминаю о придворных отличиях, которые он желал выхлопотать для нескольких наших молодых людей. Раздается много жалоб на министра двора графа Воронцова; он спрашивает придворные звания для лиц, незнакомых министру, без его ведома, и ничего не делает для других, уверяя, что г. Гирс никогда не говорил ему о них.

Возникло серьезное дело о евреях. По требованию министра внутренних дел всем нашим консулам был послан циркуляр, вводящий новые ограничения и трудности для въезда евреев в Россию. Наш генеральный консул в Данциге барон Врангель счел нужным в очень деловитом и обстоятельном донесении обратить внимание на последствия применения указанного циркуляра, который не замедлит окончательно задушить торговлю на наших границах, и без того уже довольно чахлую, и передвинет ее к выгоде Австрии на австрийскую границу, где условия торговли и без того будут более благоприятными ввиду договора, о котором сейчас ведутся переговоры. Не говоря уже о влиянии других репрессивных мер, это последнее мероприятие неизбежно повлечет за собой большие убытки. Г. Вышнеградский, которому это донесение было сообщено, пришел очень взволнованный к г. Гирсу, напоминая ему, что меры были приняты на основании решения комитета, к которому он, министр финансов, привлечен не был, в противоположность министру внутренних дел. Между тем, министерство иностранных дел несколько раз обращало внимание на неумеренность такого чрезмерного преследования евреев, которые, конечно, требуют надзора, с подчинением их строгим правилам, и должны быть насколько возможно обезврежены, но от которых нельзя запянно отделаться, ибо

это было бы и опасно и несправедливо. Повидимому, объяснение было не из приятных. Было решено по телеграфу приостановить действие означенного циркуляра и созвать комитет, в котором будут участвовать министры внутренних дел, иностранных дел и финансов и находящиеся здесь генерал-губернаторы.

Решаюсь отправиться на сегодняшний придворный бал, чтобы встряхнуться и привести в порядок свои нервы, с которыми я не могу справиться. Долго одеваюсь. К 10 часам мы отправляемся с моим милым Оболенским на третий бал в концертном зале *. Он только что узнал из хорошо осведомленного источника, что великий князь Сергей назначен московским генерал-губернатором и что его супруга, великая княгиня Елизавета Федоровна, действительно перешла в православие. При входе в галерею (заменяющую в Зимнем дворце галерею „Oeil de Boeuf“ в Версале), которая ведет в Ротонду, мы встречаем молодого моряка Голеннищева-Кутузова-Толстого, покидающего дворец. Этот несчастный молодой человек имел незадолго перед тем неприятную историю в одном загородном ресторане, где он, флигель-адъютант Кауфман и некто Дворжицкий напились и устроили самую скандальную драку. Количество нанесенных друг другу ударов было приблизительно одинаково: протрезвившись, эти господа помирились и скрепили мир дружеским ужином. Все казалось конченным, но, к несчастью, молодой Дворжицкий снова напился на этих днях, будучи в гостях в конногвардейском полку, и все рассказал. Дело приняло новый оборот. Генерал Грессер, который до того задержал свой доклад о происшедшем, должен был направить его по назначению и командующий главной квартирой генерал-адъютант Рихтер пригласил сегодня утром молодого Кауфмана, чтобы ему сообщить о начатом следствии. Вернувшись к себе, несчастный застрелился около 5 часов вечера. Когда Толстой приехал на бал к 9 часам, ему предложили удалиться, и он отправляется за секундантами, чтобы вызвать Дворжицкого и смыть свой позор кровью! Как все это отвратительно! Не лучше ли было бы разжаловать трех легкомысленных молодых людей, разослать их в разные стороны и дать им таким образом одуматься и исправиться вдали от столичных искушений на какой-нибудь //„окраине“//, где служба трудна. Через два-три года их жизнь наладилась бы, им была бы

* В Зимнем дворце.

открыта полная возможность реабилитировать себя в будущем. Сколько людей было в прошлом спасено таким образом!

Мой бедный Ионин озабочен своей будущностью и всякими сплетнями, которые доходят до него. Он мне рассказывает о любопытной сцене, которая произошла на этом балу. В то время как он стоял рядом с „благородным“ Хитрово, назначенным в Лиссабон для того, чтобы покончить с его скандальной деятельностью в Румынии, и получившим высочайшее приказание без малейшего промедления отправиться в Бухарест, чтобы организовать свой отъезд оттуда, мимо них прошел великий князь Владимир. Ионину, обладающему испытанной честностью, блестящим прошлым, написавшему в высшей степени интересную книгу о путешествии по Южной Америке, которая теперь должна быть издана, младший брат монарха отвечает едва заметным кивком головы и в то же время приветствует Хитрово со своей распушенной манерой веселящегося „бульвардье“, жмет ему руку и отводит весьма благосклонно в сторону, прося прислать новые стихи, которых его императорское высочество ожидает с нетерпением. Это, должно быть, новый памфлет, направленный вероятно против нашего начальника.

Вторник, 26 февраля.

Поднявшись к министру, я застаю его вне себя по поводу заявления, которое, говорят, сделал полковник Степанов на заседании //Палестинского общества²⁹//. Влангали рассказал об этом г. Гирсу. Я стараюсь его успокоить и убедить не поднимать этого вопроса, пока не будут выяснены все стороны дела. Министр уезжает затем в Аничков дворец, где состоится малый выход. О назначении великого князя Сергея объявлено сегодня официально; говорят, что бедный Долгоруков этим очень опечален и сразу постарел; он хвалится той исключительной добротой, с которой государь объявил ему свое решение, но надо признаться, что изданный на его имя рескрипт не слишком милостив.

Министр возвращается из Аничкова дворца в прекрасном расположении духа. Государь согласился на покупку дворца для нашего посольства в Вене и признал необходимым несколько отсрочить назначение посла в Рим, так как вчера вечером была получена телеграмма от баронессы Иксуль, что ее муж находится в агонии.

Около 3 часов ко мне приходит министр и просит узнать через Стенбока, не может ли его сын Александр получить место адъютанта при великом князе Сергее как московском генерал-губернаторе. Этот шаг мне представляется несвоевременным, и ввиду неприятностей, которые были у министра с великим князем по поводу этого несчастного Палестинского общества, шаг этот несколько тягостен и по-моему наносит ущерб достоинству г. Гирса. Я страдаю за него. Тяжело служебное положение отца многочисленного семейства, небогатого и притом не имеющего связей. Я пишу своему двоюродному брату Стенбоку насколько возможно осторожную записку и посылаю ее вечером. Деревидский приходит после товарищеского обеда. В течение дня получается несколько поздравительных телеграмм, на которые я przygotowляю ответы, но самый большой пакет с ними присылается его величеством лишь к 11 часам; я немедленно przygotowляю ответы, но Деревидский замешкался с их перепиской, а министр тем временем уже ушел спать.

В городе говорят о предстоящей замене г. Гирса князем Лобановым. По этому поводу меня одолевают грустные мысли. Я начинаю думать, что если я останусь служить, то лучшим выходом для меня было бы назначение директором Московского архива, если это место станет вакантным; это назначение меня гарантировало бы от всякой суеты и светских обязательств и позволило бы мне посвятить все свободное время; быть может, в качестве //почетного опекуна//, заботам о госпитале или о другом благотворительном учреждении, что всегда было моей мечтой. Это было бы мирным, почетным и христианским концом!

Среда, 27 февраля.

Мой бедный министр столько волновался и сердился по поводу этого несчастного заявления Степанова в Палестинском обществе, что у него пошла кровь из носа и со вчерашнего дня он чувствует себя очень нехорошо. Между тем, это дело не имеет никакого значения: несколько офицеров и матросов с потерпевшего крушение судна прибыли в Яффу. В то время как наш вице-консул и агент //Палестинского общества//, подсаживая друг друга, глядят один на другого, как фарфоровые собаки, ловкий и умный патер забрал этих людей и показал им все святыне места Иерусалима. Они попробовали затем посетить русские организации общества, где

им предложили совершенно несъедобный обед. Тогда священник снова пригласил их на хороший обед в одном из католических учреждений или монастырей. Все это говорит не в пользу порядков, царящих в Обществе, но и не свидетельствует о ловкости нашего консула. Последний, выведенный из себя целым рядом нанесенных ему обид, пожаловался послу в Константинополе; посол, возмущенный этими придиричьими отношениями, портящими всякое дело, послал негодующую телеграмму в министерство. Эта телеграмма была сообщена министром председателю Палестинского общества великому князю Сергею и представлена во вторник на прошлой неделе государю. На этот раз его величество принял большое участие в деле и спросил, куда идут громадные суммы, которыми располагает общество, почему оно приняло название //„императорского“// и т. д. Государь хочет покончить с этой анархией и //„безначалием“//, назначив доверенное лицо генеральным консулом в Иерусалиме с тем, чтобы ему были поручены также и дела Палестинского общества. Этот чиновник, который был бы подчинен непосредственно министру, представлял бы центральную власть на месте и сосредоточивал бы в своих руках все дела. Мысль сама по себе неплоха, но ее осуществление надо хорошо обдумать. Было бы, например, совершенно невозможно изъять генерального консула из ведения посла в Константинополе.

Расставаясь во вторник с государем, министр сказал ему, что телеграмма об этих палестинских происшествиях была сообщена великому князю, что заключающиеся в ней данные будут проверены и что после этого результаты дознания лучше всего покажут, что надо делать.

Между тем оказывается, что несколько дней тому назад на заседании комитета *, состоящего из профессиональных карьеристов, г. Степанов от имени великого князя заявил в присутствии представителя министерства г. Лисовского, что, когда государь запросил великого князя по поводу телеграммы, сообщенной ему министерством иностранных дел, его императорское высочество без труда смог доказать, что все обвинения, возведенные на Палестинское общество, — ложь и клевета и что его величество, которому надоели постоянные трения между представителями министерства и агентами Палестинского общества, решил принять энергичные меры, дабы покончить с этим. Это заявление, довольно неприличное

* Палестинского общества.

в отношении министерства, было истолковано нашим представителем как своего рода вызов или угроза. Г. Гирс немного подозревает, что государь изменил свое отношение к делу, и выказывает себя настолько обиженным, что готов поднять вопрос о своей отставке. Я всячески стараюсь убедить его, что во всем этом деле наши агенты, может быть, и не так уж безупречны, а потому почва, на которой мы стоим, не очень прочна; что же касается смехотворной сцены, разыгранной этим маленьким человечком — Степановым — на заседании комитета, то прежде чем жаловаться на него, следует точно проверить, что он сказал. Во-первых, он говорил от имени великого князя, который мог и не понять сказанного ему августейшим братом, а во-вторых, мы узнали об этом от г. Лисовского, который, может быть, в свою очередь неверно истолковал слова Степанова. „О фактах не спорят, а справляются“. Это, по моему мнению, самое важное. Г-жа Нарышкина, жена оберкамергера, завтракая вчера в Аничковом дворце рядом с г. Гирсом, говорила ему с энтузиазмом о Палестинском обществе и попросила у него позволения прислать к нему профессора... *, деятельного члена этой организации, только что вернувшегося из Палестины после продолжительного пребывания там. Этот профессор дал очень живописную картину положения: //„у Палестинского общества три врага на святой земле: это — патриарх, русский консул и паломники.// Это прямо прелестно! //„Для кого и для чего же вы там, в таком случае, существуете?“// — спросил у него после этого министр. Но это снова все то же //„русское дело“: „Добиться иметь русскую святыню, русский храм, русского патриарха“// Громадные средства употреблены на эти политические цели, а раз так, то паломники и больные могут жить или умирать, как им вздумается, консул может прекратиться с местными властями и требовать невозможного, вопреки законам и договорам, и наконец патриарх может исчезнуть, стать русским или отречься — это все равно, лишь бы //православное Палестинское общество// под громким наименованием //„императорское“// имело успех по части своих исключительно-политических устремлений. Детская игра председателя, великого князя Сергея, безудержный и бессовестный карьеризм окружающих его членов комитета!!

Когда я сказал министру, как мне досадно, что вчерашние ответные телеграммы были задержаны из-за переписчика,

* Пропуск в подлиннике.

но что я не переписал их сам, поскольку мой почерк известен в высших сферах, а потому все написанное не понравилось бы, то министр с живостью возразил: „Как можете вы говорить такие вещи? Наоборот! Однажды цесаревич в присутствии государя сделал мне комплимент по поводу редактированных нами телеграмм, и его величество также много говорил об этом. Я им тогда сказал: // „Да это граф Ламздорф“ // Я напоминаю министру, что сегодня годовщина смерти нашего старого канцлера Горчакова, и выражаю сожаление, что, по этому поводу не служат панихиды в нашей церкви. Г. Гирс упрекает себя в том, что он об этом не вспомнил.

Зиновьев и Влангали [приходят] к чаю к 4 часам. Последний сегодня весьма комичен, — он вздумал вести политический разговор: // „Знаете, я как-то на-днях закрыл глаза и начал думать. Мне в голову пришло положение дел в Сербии, ведь самое лучшее было бы, если бы сербы отделились от Обреновичей и Карагеоргиевичей и выбрали в короли иностранного принца“ ³⁰ // Видя изобразившееся на наших лицах недоумение, он добавил: „с сербской точки зрения“. Мне приходит на ум, что действительно надо сначала закрыть глаза, чтобы притти к выводам нашего милого товарища министра. Вообще он придерживается мнения, что русские интересы требуют сильных Сербии и Греции и насколько возможно слабой Болгарии. Я думаю, что ближе к истине Зиновьев, утверждая, что для нас всегда выгодно, чтобы на Балканском полуострове были лишь небольшие государства, *достаточно слабые*, чтобы нуждаться в нашем покровительстве, в то время как всякое государство более значительное и независимое стало бы нашим врагом.

Говорят, что большой друг Влангали, баронесса Икскуль, узнав, что он назначен заместителем ее бедного парализованного и совершенно рамольного мужа в качестве посла в Риме, воскликнула: „Да это же не перемена, это только нюанс“.

Ионин испытывает целый ряд затруднений с изданием своего интересного труда. Он собрался к редактору „Нового времени“ г. Суворину//, который имеет лучшую типографию, но тот принял его очень плохо, заметив: / „Кто же у нас станет читать описание путешествий? Россия страна дикая; чем тут интересуются?“ // и т. д. Моему другу удастся смутить этого благородного патриота, напомнив ему о заметке, которая сообщала в прошлом году о возвращении Ионина, о его намерении описать южноамериканские республики и его

замечательное путешествие через Кордильеры. В свое время //„Новое время“// приводило почти как чудо то, что „русский дипломат“ может заниматься серьезным и полезным делом, и что министр покровительствует //„таким благим начинаниям.“// Теперь, когда эти „начинания“ привели к выходу в свет первого тома весьма ценного труда, главный редактор той же газеты обнаруживает, что он вовсе не расположен помочь его изданию.

Оболенский отправляется на бал в Эрмитаже. Я в этом году не приглашен, но я вполне это заслужил, так как я часто пропускал эти балы. Однако характерен самый факт исключения меня из списков приглашенных; тем не менее я очень этим доволен, так как я себя слишком плохо чувствую и весьма рад, что могу спокойно работать у себя дома. Получил письмо от Стенбока, состоящее из пустых фраз. Великий князь Сергей уклоняется от назначения сына Гирса своим адъютантом под тем предлогом, что он уже дал обещание своим бывшим товарищам по Преображенскому полку; я огорчен этим ответом и не хочу сообщать моему дорожному начальнику эту неприятную новость на ночь.

Четверг, 28 февраля.

В 9 часов посылаю письмо Стенбока моему милому министру; я его увижу лишь после 11 часов. К счастью, он относится к делу философски, но очень негодует, под влиянием доклада Лисовского, на то, что происходило в Палестинском обществе. Государь как будто имел намерение предложить министру перенести на другой день //доклад//, не состоявшийся во вторник 26 февраля, но г. Гирсу, к счастью, удалось от этого уклониться, не чувствуя себя в достаточной степени подготовленным к предстоящему докладу; я делаю все от меня зависящее, чтобы доказать ему, что мелкая глупость Степанова не должна его озабочивать и что нельзя раздувать ее в большой вопрос.

Перлюстрация телеграммы г. Рибо французскому послу доказывает, что Моренгейм прочел ему письмо г. Гирса от 19 февраля. В сущности, мне кажется, это было излишне; я опасаясь, что это не понравится государю, равно как и данное, повидимому, нашим послом обещание касательно пожалования г. Карно ордена св. Андрея.

Министр, по всем признакам, продолжает думать, что его величество поддался доводам великого князя Сергея; он за-

мечает в характере государя черту двуличности: с одной стороны, он удостаивает г. Гирса своего рода личной дружбой, которая сказывается в приглашении к завтраку в интимной семейной обстановке после его докладов, и наедине выражает ему полное одобрение; с другой стороны, он опасается общественного мнения, мало благоприятного для моего дорогого начальника, и не осмеливается ни жаловать ему обычные отличия, ни оказывать публично знаки благоволения, ни открыто поддерживать против его врагов. Вся эта несчастная кампания, поднятая три года назад в печати Катковым, сбившая с толку как Россию, так и всю Европу, относительно действительного направления нашей политики, объясняется лишь этой двойной игрой самодержца.

Министр передает мне бумаги, отправляемые государю, и идет завтракать к своему сыну. Влангали, Зиновьев и Ионин приходят в 4 часа. Греч предъявляет мне несколько телеграмм, задержанных цензурой. Французские корреспонденты великолепны: один телеграфирует в Париж, что великий князь Сергей назначен московским генерал-губернатором для придания особого блеска французской выставке, которая должна состояться в Москве весной; другой высказывает свой энтузиазм при виде того, как русский самодержец рукоплещет крикам: „Да здравствует республика“, присутствуя на представлении „Термидора“, запрещенного в Париже. Полученная из Парижа телеграмма извещает, что пресловутый Ашинов, покидая этот город, приказал передать счет из гостиницы своей покровительнице г-же Адан. //Вот ей поделом!//

Я продолжаю беспокоиться за моего милого и доброго министра. Мысль закончить мирно свою службу в качестве опекуна госпиталя и директора архива в Москве меня все больше и больше преследует.

Вечером я занимаюсь подведением счетов за месяц и своими мемуарами. Оболенский приходит к чаю. Он выглядит очень уставшим, все время молчит, но сидит довольно долго. На вчерашнем балу императрица по преимуществу выбирала своими кавалерами финляндцев. Повидимому, с Финляндией стремятся наладить наилучшие отношения.

Дуэль между Толстым и Дворжицким состоялась, и, вопреки распространившимся сначала слухам, ни тот, ни другой, слава богу, не ранены. Этот поединок занимал весь город и вызвал большое возбуждение. Графиня Клейнмихель на чае у г-жи Гирс резко высказывалась против дуэлей без решительной развязки. Княгине Горчаковой, пытавшейся высказать

менее кровожадное мнение, пришлось выслушать немало неприятностей от графини, заставившей ее своими грубостями уйти и заявившей, что вежливость окончательно вывелась у современных людей. В городе утверждают, что при первом известии об этой печальной истории государь будто бы спросил: //„Так они будут драться на дуэли?“// -- и что в общем его величество склонен одобрить подобное разрешение вопроса. Быть может, именно вследствие такого //веяния// графиня Клейнмихель так горячо высказывается в защиту этих ужасных смертоубийств.

МАРТ

Пятница, 1 марта.

Я больше не массируюсь, но тем не менее продолжаю вставать в 7 $\frac{1}{2}$ часов. От трех до четырех градусов тепла, темно и ужасно сыро. Настоящий день траура. Поднявшись к министру, я нахожу его в голубой гостиной, и он вместе со мной останавливается перед портретом покойного государя; он мыслю с этим незабвенным монархом; мы вспоминаем о его доброте, о неизъяснимой привлекательности его августейшей личности. Сравнение между бывшим двором и нынешним приходит на ум. Г. Гирс будто бы замечает, что его близость к императорской чете постепенно уменьшается. Странная черта в характере царствующего императора — погоня за популярностью, боязнь так называемого общественного мнения. На днях его величество сурово спросил, кто осмелился выдать заграничный паспорт авантюристу Ашинову. Оказалось, это сделал сановный авантюрист, нижегородский губернатор, генерал Баранов. Но ему все сходит с рук, так как считается, что он популярен и пользуется расположением так называемой национальной партии. В „Правительственном вестнике“ недавно было даже выражено //„всемиловитейшее благоволение“// этому лжепатриоту за неизвестно какие заслуги. Министр внутренних дел Дурново сказал доверительно г. Гирсу, что на границе отдан секретный приказ: как только появится Ашинов, арестовать его и сослать в //Якутск//. Стараясь свалить неблагоприятность этой слишком суровой меры на министерство иностранных дел, Дурново спрашивает г. Гирса, за какие проступки издан монархом этот приказ. Мой министр ответил, что ничего не знает, но удивлен, что, получив от его

величества подобную инструкцию, министр внутренних дел не мог узнать ее причины. Всюду тот же карьеризм, то же низкопоклонство. Классический эгоизм высших сфер, безразличное отношение ко всему за исключением собственных детей и очень ограниченного круга семьи.

Я не иду на панихиду за упокой души покойного императора в министерской церкви, где собрался весь наш официальный персонал, но зажигаю свою лампаду и молюсь перед иконами в полном уединении своей келии.

Странный проект сообщается нам нашим посланником в Белграде. Министр вкратце излагает его в записке государю. //„Сербское правительство намерено прибегнуть к правительству вашего величества с ходатайством о ссуде двух миллионов франков, необходимых ему для побуждения короля Милана отречься от прав, принадлежащих ему в качестве члена царственного дома, и навсегда удалиться из Сербии“././ Государь делает помету: //„Я желал бы еще переговорить с вами. Я не вижу достаточной гарантии невозвращения Милана в Сербию. Он, получивши эти 2 000 000 франков, надует и нас и Сербию“././ Я думаю, что его величество прав.

Зиновьев приходит к чаю в 4 часа. Любопытна подробность, которую я не знал, так как этот случай произошел во время моего отсутствия. Когда принц Александр Баттенбергский послал в августе 1886 г. из Рушук свою известную телеграмму государю, Влангали, управлявший в то время министерством, поехал в Красное село с твердым намерением выпросить у его величества для бывшего князя прощение и отправить к нему какое-либо доверенное лицо для урегулирования положения. Я полагаю, что это был один из тех редких случаев, когда наш дорогой товарищ министра рассуждал вполне правильно, но монарх не пожелал и слышать об этом, и Влангали вернулся в Петербург смущенным, с необычайно странной ответной телеграммой государя в руках ³¹.

Суббота, 2 марта.

Десять лет царствования. Газеты помещают по этому поводу велеблестные статьи. Обзор //„Нового времени“ / наиболее серьезен и интересен, поэтому я его сохраняю. Он заслуженно отдает должное нашей внешней политике, не называя имени министра. Но перечисляя сотрудников, избранных государем со времени своего вступления на престол, он не

может замолчать тот факт, что во главе министерства иностранных дел в течение этого периода бессменно находился г. Гирс, в то время как в большинстве других ведомств происходило много перемен. Я замечаю с некоторым сожалением, что мой министр, повидимому, ожидал какого-либо знака внимания от его величества по этому случаю; по-моему, он должен бы быть выше всего этого. По поводу льстивого энтузиазма */// „Гражданина“* министр рассказывает, что государю эта лесть положительно нравится и что однажды, после того как Мещерский поместил раболепное восхваление такого рода, его величество послал ему несколько строк благодарности, что-то вроде: *///Благодарю за хорошее мнение, которое постараюсь оправдать“.*/// Равным образом, когда в заключительной части своего отчета г. Вышнеградский приписывал достигнутые финансовым ведомством результаты высокой мудрости его величества, он был удостоен пометы на полях, показывающей, насколько государь чувствителен к подобным комплиментам.

Завтрак у министра в честь князя Лобанова, на который приглашены граф Шувалов с супругой, Капнист из Гааги с супругой и Кассини. Влангали и Оболенский тоже присутствуют на завтраке; что касается меня, то я отказываюсь и завтракаю в одиночестве. Оболенский мне рассказывает, что завтрак сошел очень удачно. Лобанов был очень разговорчив и оживлен, зло высмеивая Вышнеградского, бедного московского Долгорукова и многих других, беспощадно подвергая всех жестокой критике. Чета Шуваловых любезна до приторности. Повидимому, министр и г-жа Гирс жаловались Влангали и Оболенскому, что я никогда не являюсь на их приглашения.

Вторник, 5 марта.

Из бумаг, доставленных очередным курьером, прибывшим в воскресенье, наиболее интересным является письмо нашего посла в Париже барона Моренгейма. При этом ярко выступает недобросовестность этой странной личности. На днях наши перлюстраторы представили нам расшифровку телеграммы французского министра иностранных дел г. Рибо, сообщающей французскому послу в Петербурге, что Моренгейм прочел ему не только официальное письмо, но даже личную собственноручную записку, которую г. Гирс послал ему 19 февраля. Моренгейм отнюдь не был на это уполномо-

чен, и его поступок мне сразу показался по меньшей мере бесполезным. И вот этот самый Моренгейм пишет моему начальнику письмо, в котором в поучающем тоне сообщает соображения высшего порядка, побудившие его из осторожности использовать эти письма лишь в весьма ограниченной степени. Вот оба эти документа.

„Г. Рибо г. Лабуле в С.-Петербург

Париж, 10 марта * 1891 г.

Шифром (перлюстрировано).

Русский посланник посетил меня вчера, чтобы прочитать мне ** депешу, которая была ему послана г. Гирсом по поводу пребывания вдовы императора Фридриха в Париже: „Мы ознакомились, — говорит г. Гирс, — с живейшим интересом с подробностями, которые вы нам сообщили об инцидентах, происшедших во время этого путешествия, более смелого, нежели разумного, цель которого нетрудно угадать. Образ действия французского правительства был самым корректным и предупредительным. Это путешествие не могло не привести к взаимным обидам, оживив у одной стороны болезненные воспоминания и нанеся уколы самолюбию другой“. Выражая затем надежду, что „это легкое облако рассеется“ и что принятые императором Вильгельмом меры будут недолговременны, г. Гирс добавляет: „Сердечное согласие, которое столь счастливо установилось между Францией и Россией, является лучшей гарантией мира. Перед лицом стоящего во всеоружии тройственного союза — тесное согласие (l'accord intime) двух стран необходимо, чтобы поддерживать в Европе правильное равновесие сил“. Моренгейм сообщил мне частное письмо г. Гирса, в котором в почти тождественных выражениях говорится о тех же чувствах и мыслях. Посол сказал, что он не пожелает ждать среды, чтобы осведомить меня об этом заявлении, которое при нынешних обстоятельствах имеет большое значение. „Никогда русское правительство, — добавил он, — не говорило с такой откровенностью. Я счастлив отметить, что согласие между двумя странами теперь „прочно как гранит“. Он меня спросил, что думает французское правительство о его выступлении.

* Нового стиля.

** Помета министра: „Хотя и не поручал барону Моренгейму прочесть мое письмо г. Рибо, но, может быть, он недурно сделал, решившись на такое сообщение“. / Государь отвечает: „Да“. (Прим. подлинника.)

Я ответил, что мы оцениваем всю его важность и со своей стороны считаем необходимым для европейского мира то соглашение, которое установилось между Францией и Россией. Мы признательны русскому правительству, что оно избрало поводом последние инциденты, чтобы напомнить о необходимости этого согласия.

Вы можете объясниться в том же духе с императором Александром, если его величество найдет завтра нужным заговорить с вами о взаимоотношениях обеих стран.

Моренгейм мне доверительно сообщил, что император намеревается прислать г. Карно ленту св. Андрея*.

Письмо барона Моренгейма

Париж от 28 февраля/12 марта 1891 г.

„Г. министр, я ознакомился самым внимательным образом с содержанием важного письма от 19 сего месяца, которое ваше превосходительство сделало мне честь написать. Вы конечно не откажете в своем одобрении тому, что я признал необходимым использовать его самым ограниченным и доверительным образом в своих беседах с г. министром иностранных дел **. Я конечно не скрыл от него ту столь беспристрастную оценку, которая была дана императорским правительством инцидентам, имевшим место во время пребывания императрицы в Париже, и г. Рибо был этим как нельзя более тронут. Однако дальше этого я не счел нужным пойти. Я убежден, что в момент, когда Франция, как это мне известно, является объектом заискиваний со стороны других великих держав, нам не следует даже в малейшей степени выказывать озабоченность по поводу характера тех отношений, которые могут установиться между ней и другими державами. Я полагаю, что для нас будет более достойным и в то же время более выгодным не показывать вида, будто мы находимся в числе этих соревнующихся держав.

Действительно, после неловких и назывных попыток со стороны Германии в настоящее время то же делается Италией и даже Англией. Эти попытки, слишком корыстные

* Министр отмечает: // „Мне казалось необходимым предупредить об этом нашего посла доверительно для личного его сведения“./ (Прим. подлинника.)

** Министр надписывает: // „Нам известно из телеграммы Рибо, что Моренгейм прочел ему мое письмо“./ Государь не делает никакой пометы. (Прим. подлинника.)

(trop intéressés), чтобы ввести в заблуждение правительство республики, наверное обречены остаться вполне платоническими. Было бы совершенно лишним возбуждать хотя бы малейшее подозрение не только в том, что мы этим недовольны, но даже в том, что это нам не безразлично. Это будет самым верным способом удерживать Францию на желательном пути, и это особенно необходимо ввиду того, что мы никогда не знаем, с кем мы будем здесь иметь дело завтра, и, таким образом, для нас прежде всего необходимо сохранить руки свободными. Поэтому в отношении всех кабинетов, которые сменялись на моих глазах, я много раз старался при всяком удобном случае подчеркнуть, что свобода действий включает в себя для нас и свободу бездействия, без чего она не была бы настоящей свободой. Это служило, как я смею думать, весьма полезным тормозом, от которого нам не следует преждевременно отказываться. Нам не нужно допускать зарождения мысли, будто при случае Франция может стать нам более необходимой, чем мы ей. Иначе, по мере того, как она проникается весьма, впрочем, правильным и вполне законным убеждением в своей силе, она легко может счесть положение исключительно для себя выгодным“.

Затем барон Моренгейм переходит к трезоге, которую в Лондоне начинает внушать будущее: „Обстановка постоянных неожиданностей (le régime des surprises), к которой приучил Европу слишком порывистый характер Вильгельма II, заставляет думать, что давно предчувствуемый роковой исход в виде вооруженного столкновения в настоящее время значительно приблизился“.

По сведениям нашего посла, „со стороны Англии были уже сделаны попытки заранее обеспечить будущей войне между Германией и Францией характер дуэли (было применено будто бы это выражение), удержав ее в пределах локализованной войны. Действительно ли принадлежит инициатива подобного проекта Англии, или же последняя поддается известным воздействиям извне, в этом не удалось разобраться. Во всяком случае, недостаточная прочность, которую обнаруживает так называемая „лига мира“, особенно в случае, если она подвергнется тяжелому испытанию европейской войны, делает весьма вероятным предположение, что английское правительство выступило не только по собственному почину. Г. Рибо пока не произнес ни звука по этому поводу“.

Затем следует абзац: „Г. Рибо неожиданно и с нарочито серьезным и внушительным видом, не свойственным ему по

крайней мере в отношениях со мной, спросил меня, в каком положении находится „в конце концов“ „стоящий так долго на очереди“ вопрос о заказе на ружья, о котором мы вели переговоры во Франции“, и т. д., и т. п.

Возмущенный как явной ложью, так и поучительным тоном г. Моренгейма, я заготовляю следующий ответ:

„С.-Петербург, 6 марта 1891 г.

Посылая вам свое письмо от 19 февраля, я не имел другой цели, как осведомить о нашей точке зрения на положение, созданное недавним пребыванием в Париже вдовы императора Фридриха и вызванными им манифестациями.

Этот щекотливый вопрос конечно не был предназначен служить темой официального сообщения французскому правительству. Я могу поэтому только одобрить, что вы ограничились намеком г. Рибо на то, что корректная и предупредительная позиция правительства республики, занятая им при этих обстоятельствах, была нами оценена. Как вы совершенно справедливо замечаете в вашем письме от 28 февраля/12 марта, мы не должны отступать от соблюдения осторожности, которая в достаточной мере оправдывается уже одной лишь частой сменой министерств во Франции.

Конечно, говоря между нами, мы можем считать очевидным, что известная напряженность во взаимоотношениях между Францией и Германией в данное время гораздо благоприятнее для сохранения европейского равновесия и для наших политических интересов, нежели слишком тесное сближение между этими двумя державами, но, понятно, мы не можем об этом говорить ни в Париже, ни в Берлине.

Соотношение сил, явившееся результатом сердечного соглашения между Россией и Францией, представляется нам весьма полезным в качестве действительного средства обеспечить всеобщий мир, сохранения которого желает наш азгустейший повелитель, но оно имеет еще гораздо большее значение для Франции. Опасения, которые вам, повидимому, внушает „резкий и порывистый характер молодого германского монарха“, были бы гораздо более обоснованы, если бы Франция никак не могла рассчитывать на искреннюю симпатию в критические моменты вроде тех, которые могут для нее со-здать-ся в результате недавних событий. Но предоставление моральной поддержки в подобные минуты, насколько я понимаю, не обозначает ни малейшего признака заискивания (de faire des avances). Впрочем, мне кажется, что политика

государя слишком ясна, слишком широко оценена, чтобы вызвать хотя бы тень подозрения на этот счет.

Правда, Франция в данное время сильна, и мы можем тем более быть этим довольны, что наша поддержка в значительной степени содействовала восстановлению ее силы, но, бесспорно, Россия со своей стороны не менее сильна и находится в бесконечно лучших условиях, при которых она может выдержать, если это будет нужно, даже полную изоляцию. Поэтому предположение, что чрезмерная предупредительность или заискивания идут со стороны России, означало бы весьма странную перестановку ролей.

Что касается попыток сближения, которые вы отмечаете со стороны Англии и Италии, то они не могут нас тревожить. Г. Рибо, быть может, и прав, что идет навстречу предложениям римского кабинета только на определенных условиях, но если эти условия смогут быть приняты и между Италией и Францией восстановятся добрососедские отношения, то не думаю, чтобы обеим этим державам пришлось об этом жалеть. Я не премину сообщить ген. Ванновскому все, что в вашей беседе с г. Рибо касается нашего военного министерства. Пакет с литографиями за последние две недели приложен к этим строкам. Примите и проч.“.

Министр одобряет и утверждает составленный мною проект ответа, но, предполагая, что государь имеет в настоящее время предвзятую точку зрения на нашего посла в Париже, он желает лично представить проект его величеству на завтрашнем докладе.

Конец письма барона Моренгейма от 28 февраля/12 марта тоже весьма любопытен. Вот он:

„Что касается столь поучительных речей, произнесенных министрами в Берлине, о важности увеличения германского флота, который должен стать наступательной силой, предназначенной обеспечить преобладание Германии как в Балтийском, так и в Северном морях, то утверждают, что Дании было сделано предложение возвратить ей часть Шлезвига, включая Альсен, в обмен на остров Борнгольм, который будет укреплен, в то время как Швеция, со своей стороны, возвела бы укрепления на острове Готланде“.

Государь подписывает на полях против этих слов: „Надеюсь, что этого не будет“.

„Ввиду того, что голштинский морской канал был бы достаточным для прохода германского флота из одного моря в другое, датские проливы могли бы быть закрыты для воен-

ных судов. Конечно, „видит око, да зуб неймет“. Но это тем не менее позволяет понять, как *невообразимо велика была ошибка уступить Киль немцам*“⁵³.

Государь подчеркивает эти слова и пишет на полях большое // „Да“.

„Старый граф Нессельроде и его достойный и выдающийся сотрудник барон Остен-Сакен были правы, повторяя, что герцогство * является тем „*столпом*“, на котором зиждется Европа. И не говорил ли лорд Нэпир: „О, если бы Киль находился на Северном море, мы придавали бы ему то же значение, что и Антверпену; но он расположен против вашего победоносия, нас он не касается“. Однажды это разумное предупреждение было повторено в наших донесениях из Берлина. Из всех ошибок, когда-либо сделанных нашей политикой, эта ошибка была самой крупной. Примите и проч.“.

Более чем вероятно, что все эти прекрасные комбинации очень далеки от выполнения, но думаю, мы поступим правильно, если сообщим это место из письма барона Моренгейма графу Шувалову, когда он вернется к месту своей службы в Берлин; министр одобряет эту мысль.

Пока что наш поверенный в делах граф Муравьев в своем письме от 28 февраля/12 марта дает отчет о разговоре, который у него был с ген. Ганке, начальником военного кабинета Вильгельма II. Говоря о своем монархе, этот весьма приближенный к нему генерал выразил сожаление, что молодость и пылкость толкают Вильгельма на вмешательство в партийную борьбу. „Подобное поведение, — говорит он, — представляет большие неудобства. Принимая участие в борьбе, в случае неудачи рискуешь ответственностью, а между тем монархический принцип подвергается опасности, если монарх навлекает на себя критику. Недавно германский император снова произнес довольно неосторожную речь на парламентском обеде; его величество заявил, что голосование за увеличение бюджета морского министерства несомненно является патриотической обязанностью ввиду возможности войны на два фронта, которая заставит вывести на поля сражения на востоке и на западе все сухопутные силы. „Германия, — добавил Вильгельм II, — должна иметь флот, который обеспечил бы ее преобладание в Балтийском и Северном морях и был бы достаточно силен, чтобы принять на себя оборону всего побережья“. Как водится, его величество ни в чем не сомневается.

* Шлезвиг-Гольштейн, в котором находится Киль.

Из Вены наш поверенный в делах князь Кантакузен пишет от 28 февраля/12 марта, что граф Кальноки весьма рассержен тем оборотом, который принимают сербские дела: по его мнению, никто не мог лучше обходиться с сербами, чем король Милан. В то же время он недоволен возвращением к власти консерваторов в Румынии.

Граф Кальноки очень строго судит о французском правительстве и в особенности о г. Карно, которого называет „манекеном“, говоря о демонстрациях, имевших место в Париже во время пребывания там германской вдовствующей императрицы.

Из Рима наш поверенный в делах барон Мейендорф дает отчет об интересной беседе, которую он имел с маркизом Рудини. Говоря о тройственном союзе, из которого он, конечно, не может теперь выйти, новый итальянский министр обмолвился следующими словами: „Что касается меня, то я не скажу, что я заключил бы эти договоры“. Мейендорф думает, что, во всяком случае, эти секретные договоры в руках маркиза Рудини не представляют той опасности, что при г. Криспи.

По газетным сведениям, князь Бисмарк и граф Вальдерзее, ставшие в опале близкими соседями, посещают друг друга и совершают совместные прогулки.

На-днях умер известный Виндхорст, перед смертью получив по телеграфу благословение папы.

Среда, 6 марта.

Я заканчиваю все проекты ответных писем и посылаю их рано утром министру. Он отправляется на свой //доклад// в Аничков дворец, в то время как я иду к //„преждеосвященной“// в Казанский собор. Много народу, я едва нахожу себе место. Министр возвращается со своего //доклада// раньше обыкновенного; их величества сейчас гонят, и он заканчивает свою работу до обедни. Проект письма Моренгейму одобрен.

Четверг,

В среду на прошлой неделе американский посланник передал г. Гирсу своего рода резолюцию американских палат, запрашивающих, какие еще меры приняты в России против евреев. Министр, который не очень силен в английском языке,

не сразу понял //в чем дело//. В резолюции говорится, что если присутствие евреев нам неприятно, то массовая их эмиграция в Соединенные штаты последним тоже не по вкусу. Я посоветовал министру немедленно возвратить эту бумагу американскому представителю, не давая никакого ответа, что и было сделано, но копия этого документа была вчера представлена государю; его величество вернул ее с пометой: //„Дело сводится к тому же, как и в Англии, т. е. боязни наводнения их страны еврейским пролетариатом“// Министр мне рассказывает, что при чтении проекта письма Моренгейму государь имел сконфуженный вид; утверждая ответ, его величество старался несколько оправдать Моренгейма. Министр финансов вынес на-днях то же впечатление, когда ему пришлось жаловаться государю на вредное вмешательство нашего посла в Париже в некоторые финансовые вопросы. Военный министр высказывал тоже вполне откровенно неодобрение образу действий барона Моренгейма; последний побуждает его дать заказ на поставку ружей, система которых была усовершенствована после того, как были начаты переговоры с французским правительством. Ген. Ванновский желает приобрести лишь ружья последнего образца, а барон Моренгейм, повидимому, настаивает на ранее предполагавшейся покупке ружей, с тем чтобы не нанести ущерба интересам французского правительства. Министры финансов и военный, кажется, подзревают нашего посла в преследовании личных интересов во всех этих вопросах и видят в этом лишнее доказательство его еврейского происхождения.

Повидимому, мои впечатления по вопросу о //Палестинском обществе// были справедливы. Судя по нескольким словам, сказанным вскользь г. Гирсу государем, очень вчера спешившим, его величество решил действовать в том смысле, в каком это было решено с министром, а не в духе великого князя Сергея; впрочем, полковник Степанов, видевшийся вчера с Зиновьевым, решительно заявляет, подтвердив затем это письменно, что никогда не произносил тех неуважительных слов по отношению к министерству, которые приписываются ему г. Лисовским. Я скорее склонен верить этому последнему, но было бы весьма странным со стороны моего старого министра подымать серьезное дело против Степанова, не имея достоверных и неопровержимых доказательств его виновности.

Германский посол Швейниц горько жалуется на грубые выпады //„Гражданина“// против императора Вильгельма.

Лабулэ видит себя вынужденным покинуть свой пост по семейным обстоятельствам. Государь подписал вчера кабинетное письмо о пожаловании ордена св. Андрея г. Карно, и мы посылаем его вместе со знаками всех //императорских и царских орденов// с уезжающим сегодня курьером. Передача этого отличия президенту республики совпадает, таким образом, с прибытием великого князя наследника в Сайгон. По поводу предстоящего этим летом прибытия в Балтийское море большой французской эскадры, желающей приветствовать наш флот в Кронштадте, его величество решил, что наиболее подходящим временем для этого, как, впрочем, полагают и французы, будет июль, именно 22 июля — день именин императрицы ³⁴. Это будет довольно интересно.

Вчера, в среду вечером, собралось расширенное совещание для рассмотрения мер, которые следует принять по отношению к евреям; было решено послать нашим консулам //разъяснение//, имеющее целью смягчить циркуляр, вызвавший критику со стороны бар. Врангеля, нашего генерального консула в Данциге, и признанный опасным нашим министром финансов. Г. Гирс сказал мне, что министр внутренних дел г. Дурново вызвал в нем настоящее отвращение; зная очень враждебное отношение нашего августейшего монарха к евреям, этот государственный человек из карьеризма выказывает себя фанатическим сторонником всех самых глупых и ненужных преследований.

Пятница, 8 марта.

После обычного свидания со своим министром я иду к обедне в министерскую церковь. Г. Гирс сказал Оболенскому, что г. Ону произвел на их величества самое приятное впечатление. Теперь министр доволен, что рекомендовал его как человека „весьма тонкого и тактичного“ для сопровождения наследника. Я лишь мельком встречался с Ону; говорят, что его рассказы о путешествии по Индии в высшей степени интересны, причем у него достаточно вкуса, чтобы не уснащать их чрезмерным энтузиазмом по отношению к цесаревичу.

Воскресенье, 10 марта.

Государь вернул экспедицию, привезенную г. Шишкиным из Стокгольма, сделав на ней несколько помет. В депеше, сообщаящей о печальном положении вещей в Норвегии, про-

тив слов: //„Вину подобного положения король возлагает на конституцию, дарованную норвежскому народу его дедом, который при конце своей жизни признал сделанную им ошибку“ // его величество надписал: //„Да и сам он потрудился“ // Затем на полях против слов: //„Король не скрыл надежду, что в случае разрыва унии он найдет в государе императоре, могущественном его соседе, опору для поддержания монархических начал, к разрушению которых усиливается* норвежская радикальная партия“ //, государь надписал: //„Думаю, что уже поздно“ // Наконец, под строками: //„В заключение король высказал прямо, что он никогда не связывал и не свяжет своей свободы действий каким-либо соглашением, могущим вовлечь Швецию в неисчислимые затруднения“ //, его величество сделал помету: //„Это очень приятно от него слышать“ // Таким образом, Швеция пока не идет на участие в пресловутой „лиге мира“, как одно время опасались.

Говорят, что Шишкин в восторге от своего назначения; дай бог, чтобы министерство могло бы также себя с этим поздравить, но некоторые биографические подробности дают печальное представление о характере нашего нового товарища министра. Я порой спрашиваю себя, не приходится ли по этому поводу сказать, что //на министерство, как на бедного Макара, все шишки валятся//.

Суббота, 16 марта.

Как только я вернулся, меня вызывают к министру. Государь только что возвратил докладную записку, испрашивающую указаний его величества по поводу траура по принце Наполеоне (Плон-Плон), который только что умер в Риме, причем официальное оповещение о его смерти было сделано его шурином, итальянским королем Гумбертом. Наш милостивый монарх ограничился надписью сверху: //„По такому скоту траура не несут“ //

Воскресенье, 17 марта.

В три часа прибывает наш очередной курьер с экспедициями из Берлина, Парижа и Лондона, а затем в 6 часов наш добрый толстый Ваксель возвращается во-сво-яси с экспедициями из Вены и из Рима. Все полученные экспедиции

* Так в подлиннике.

бесцветны. Барон Моренгейм ограничивается уведомлением о получении нашего письма, „которое для него было очень ценным“, и дает описание торжественного вручения знаков ордена св. Андрея г. Карно; наш посол получил ленту Почетного легиона.

Вторник, 19 марта.

Министр чувствует себя совершенно расстроенным. Муравьев телеграфирует, что германский агент в Софии спросил у своего правительства, может ли он произвести обыск в доме нашего агентства вследствие подозрений, высказанных болгарскими правителями, что туда укрылись убийцы министра финансов и заговорщики, злоумышляющие против жизни Стамбулова. Я предлагаю проект ответной телеграммы; в ней говорится, что так как германское правительство взяло на себя защиту русских интересов в Болгарии, то дело его агента — найти способ успокоить болгарское правительство, доказав, что здание императорского русского агентства никогда не может служить убежищем для преступников. Мне кажется, было бы правильным определенно стать на эту точку зрения и доказать, что мы никоим образом не солидарны с попытками, которые считаем преступными, даже если они направлены против министров и лжеправительства, которых мы игнорируем. Г. Гирс одобряет эту мысль и берет проект этой телеграммы на свой //доклад./i

Нервность и раздражительность. Мое здоровье значительно ухудшается. После завтрака иду молиться в Казанский собор, а затем принимаюсь за редакцию бумаг.

Шталмейстер Мартынов, потерпев неудачу в императорских конюшнях, заменен ген. бароном Фредериксом и назначен сенатором. Об этом много говорят, и невольно вспоминается случай с Калигулой, посадившим свою лошадь в римский сенат.

Среда, 20 марта.

Иностранные газеты сильно нападают на Россию и желают возложить на нее ответственность за подготовку покушения, направленного против Стамбулова ³⁵. Мой министр этим возмущен и считает необходимым сделать какое-либо опровержение. Я позволил себе отсоветовать ему это. Надо

предварительно удостовериться, нет ли какого-нибудь русского подданного, замешанного в этом деле, и сообразно с этим установить характер опровержения. Вопрос о близком истечении срока полномочий, предоставленных на пять лет генерал-губернатору Румелин, которым был первоначально Александр Баттенбергский, также обсуждается прессой ³⁶. Г. Гирс думал одно время запросить некоторых из наших послов, главным образом князя Лобанова, как к этому вопросу относятся кабинеты тех или других держав. Я решаюсь возразить против подобного шага; не признавая власти принца Кобургского, мы не можем, равным образом, признать за ним и срок его полномочий. Так как все в Болгарии незаконно, то мы должны там все //до поры до времени// игнорировать. Наши враги не желали бы ничего лучшего, по моему мнению, как услышать наш протест против продления мандата, который закрепляет объединение обеих Болгарий, дабы выставить перед болгарями этот тиетный протест как враждебный акт со стороны России и как ее противодействие национальному объединению, к которому все другие державы относятся терпимо. Для нас будет гораздо лучше сохранить полное молчание с тем, чтобы отметить впоследствии этот факт, объявив его во всеуслышание за новое нарушение берлинского трактата. Министр одобряет эту мысль и сожалеет, что у него нехватило времени переговорить об этом с государем на вчерашнем докладе. Я заметил, что нам нечего спешить и что эта программа действий может быть представлена его величеству в будущий вторник.

Вчера государь говорил с министром о //„Палестинском обществе“// и притом в желательном для г. Гирса духе. Таким образом, весь инцидент со //Степановым// предается забвению.

В письме барону Мейендорфу я ограничился, согласно желанию министра, указанием, сколь правы мы были, никогда не признавая того толкования итало-абиссинского договора, согласно которому римский кабинет желал сделать обязательным свое посредничество при сношениях между Абиссинией и другими державами. Король Менелик не желает теперь больше об этом слышать и заявляет, что „иметь возможность“ это вовсе не значит „соглашаться“. Абиссинский текст гласит, что Менелик может пользоваться посредничеством Италии; перевод, на который ссылается римский кабинет, уклоняется от действительного смысла текста, глася, что Менелик на это *соглашается* ³⁷. К негусу был послан граф Антонелли

для урегулирования этого разногласия, но, повидимому, он потерпел неудачу. В письме князю Лобанову, ввиду свидания, которое у него состоится с графом Кальноки по возвращении в Вену, я отмечаю, как красноречиво доказали недавние события в Софии призрачность порядка и спокойствия в Болгарии, о которых австро-венгерское правительство было столь высокого мнения, и насколько пора покончить с плачевным положением, в котором находится эта несчастная страна.

В 3¹/₂ часа ко мне приходят Капнист и Ионин. Первый, повидимому, разделяет мою точку зрения на вопрос об истечении срока полномочий генерал-губернатора Румелии. Завязывается интересный разговор об общем положении дел в Болгарии, но в этот момент появляется Шварц.

Четверг, 21 марта.

Такова уж моя судьба: с тех пор, как в 1873 г. умерла моя любимая мать, я вижу, что все идет в нашем доме к неизбежной катастрофе. Дела моего отца, в которые он никогда не посвящал никого из нас, все больше запутывались, все предвещало разорение при самых тяжелых условиях, несмотря на призрачное благосостояние, в котором мы жили. Дом, который мы занимали с тех пор, как я себя помню, полон для меня дорогих воспоминаний о детстве и о семье; я почувствовал, что все это внезапно рухнет и будет у меня неожиданно отнято, причем я не смогу ровно ничего сделать для предотвращения рокового исхода.

В настоящее время я снова переживаю подобную тревогу. Мой министр, к которому я так привязан, Оболенский, которого я так нежно люблю, постоянно грозит мне, что уйдут. Эта прекрасная квартира, которой я пользуюсь, — в сущности, не моя; обязанности, которые я исполняю, столь сложны и их характер настолько выходит из обычных рамок, что мое положение в высшей степени шатко; все, что я ценю, к чему я привык, все то, что составляло цель моего существования и в то же время единственное средство к нему в течение 10—12 лет, висит теперь на волоске, и надолго мне этого не сохранить. Я делаюсь старым и больным, у меня уже больше нет той физической и моральной гибкости, как восемнадцать лет тому назад. Мне представляется, что почва уходит из-под ног и что у меня начинается головокружение.

Воскресенье, 24 марта.

Вчера у министра состоялось совещание по коммерческим и другим делам, касающимся Китая. Г. Тирс удивлен тем пониманием ситуации, которое было показано некоторыми представителями министерства финансов. Он мне говорит также о более чем любезном приеме, который их величества оказали Влангали, принятому в прощальной аудиенции. Государь угощал нового посла папиросами, вспомнил, что тот любит, чтобы они были потолще, и выразил надежду вскоре увидеть его здесь после того, как он формально вступит в исполнение своих обязанностей. Его величество дружески беседовал с ним на разные темы, но ничего не говорил о делах, ограничившись лишь мимоходом брошенным замечанием, что „лига мира“, к которой Италия так стремилась примкнуть, теперь реально почти не существует. Императрица также была весьма добра и благосклонна. Все это, повидимому, имеет большую ценность в глазах моего милого министра, так как у него вырывается замечание: „Вот счастливейший из смертных! Смотрите, как все его любят и ласкают; он получил все, что только мог желать, и теперь его провожают здесь, как Бисмарка или еще лучше“. Его чествуют пирами в клубах, у великих князей и у многочисленных друзей обоего пола; от всех этих приемов бедный Влангали чуть не заболел. Я не могу не сознаться, что ни достаточно толстая папироса, предложенная государем, ни самая милостивая улыбка императрицы не могли бы сделать меня счастливым. Что наш добрый //Александр Егорович// стал кумиром храмов безделья, называемых клубами, что он приглашается наперерыв в некоторые великосветские салоны, я нисколько этому не удивляюсь, но я не вижу в этом ни доказательства уважения, ни свидетельства искренней привязанности. Мой дорогой Ионин говорил на днях, что популярность нашего бывшего товарища министра в некоторых кругах весьма естественно объясняется его свойством никогда никому не давать чувствовать какое бы то ни было свое превосходство. В этом суждении есть доля правды. Я спрашивал одно компетентное лицо, действительно ли из дружбы к Влангали великий князь Владимир приложил столько старания к устройству обеда в новом клубе; правда ли, что он так любит //Александра Егоровича//? „Его императорское высочество, — услышал я в ответ, — любит главным образом хорошие обеды в приятном обществе“. Другие друзья нового посла довольно зло советуют аккреди-

товать его в Риме одновременно и при короле и при папе, так как никто другой не умеет быть столь приятным // „и вашим и нашим“ // . Дамы, утверждавшие, что обожают его, спрашивали, умеет ли наш новый товарищ министра Шишкин так же хорошо играть в безик, и добавляли, что это самое важное, чтобы достойно заместить нашего уезжающего государственного мужа. И вся эта куча маленьких гадостей называется „любить“!..

В иностранной печати — резкие выпады против России. Подозревают, что она покровительствовала происшедшим в Софии покушениям и убийству Бельчева; министр подумывает об опровержении, которое следует поместить в „Journal de St.-Petersbourg“. Я против этого; пока убийцы не пойманы, мы не можем быть уверены, что среди них не окажется русских; от этого будет зависеть, что именно нам придется сказать. Пока мы должны прибегнуть ко всевозможным средствам, чтобы доказать, что императорское правительство не может быть солидарно с подобными преступлениями. Нельзя ли было бы послать от имени Азиатского департамента в этом смысле бумагу управляющему домами нашего агентства в Софии? В Австрии перлюстрируют все пакеты, адресованные в Болгарию и проходящие через ее территорию, — тем лучше! Пожалование ордена св. Андрея г. Карно также производит большое впечатление за границей. На днях австрийский поверенный в делах спрашивал у Оболенского, не является ли это косвенным ответом на враждебные демонстрации, происшедшие во время недавнего пребывания в Париже императрицы Виктории. Мы должны при случае объяснять эту монаршую милость как вполне естественное последствие предупредительности французского правительства к великим князьям — к наследнику и великому князю Георгию; но если факт пожалования слегка компрометирует французов, то это зло не так уж велико. Разве они в течение многих лет не делали всего возможного, чтобы скомпрометировать нас в глазах Германии и даже привести нас к серьезным разногласиям с берлинским кабинетом?

Понедельник, 25 марта.

Составляю свои записки.

Государь возвращает письмо нашего поверенного в делах в Афинах от 13 марта, доверительно сообщаящее о том, что наследная принцесса София, рожденная принцесса прусская, думает в ближайшее время перейти в православие. Беседа

с нашим поверенным в делах о предстоящем переходе в православие великой княгини Елизаветы Федоровны, эта принцесса ему сказала: „Я удивляюсь, что она не сделала этого раньше“. Как протестантка, наследная принцесса греческая оставалась иностранкой в глазах страны, теперь она желает стать популярной. Начинает приобретать популярность и ее муж — наследный принц Константин, герцог Спартанский. Императрица Виктория и английская королева, мать и бабушка молодой принцессы, дали на это свое полное согласие, но Вильгельм II будто бы заявил, что если его сестра переменит религию, то ей будет воспрещен въезд в Прусское королевство. Это неодобрение не произвело на принцессу Софию впечатления, но еще неизвестно, правда ли это. Наш государь надписал на письме Бахметева *: //„Отрадно и весьма естественно“.

Вторник, 26 марта.

Меня зовут к моему министру к 9½ часам. Я прорабатываю вместе с ним все вопросы, которые должны стоять на его докладе. Г. Гирс предполагает прочесть государю инструкцию Влангали, довольно бесцветный проект которой министр полностью одобряет. В ней вкратце повторяется все, что за последнее время было написано Мейендорфу, но только все это уснащается несколькими любезными фразами. Что касается Болгарии, то его величеству должна быть представлена программа, имеющая целью игнорировать окончание срока полномочий, данных принцу Баттенбергскому и узурпированных потом принцем Кобургским. Не признавая правомерности всей его власти, мы не можем также признавать и срок ее окончания. Все это — только отдельные моменты в той совокупности явных правонарушений, которые привели к нынешнему режиму в Болгарии. Мы должны только констатировать, что преступления, совершенные против Стамбулова, жертвой которых стал г. Бельчев, свидетельствуют, по нашему мнению, о плановом состоянии страны, далеко беспокойном и неудовлетворительном. Отвечая лишь презрением на инсинуации и клевету, распространяемые в прессе относительно России, мы должны откровенно заявить, что осуждаем всякое преступление, хотя бы и направленное против самого виновного из захватчиков узурпированной власти. Было бы очень приятно, если бы убийцы оказались болгарами или нигилистами, против тер-

* Поверенного в делах в Афинах.

пимости к которым мы неоднократно протестовали; в этом случае содержание нашего протеста было бы вполне ясно. Но даже если бы преступники оказались русскими, мы должны остаться верными своим принципам и отказаться от всякой солидарности с ними. Я напоминаю министру, что завтра годовщина рождения датского короля и что он может иметь случай поздравить императрицу; он меня благодарит и записывает это в свою записную книжку.

Со своего доклада министр возвращается к 2^{1/2} часам, совершенно разбитый от усталости, и тотчас вызывает меня к себе. Он мне говорит, что их величества, которые с кануна нового года жили в Аничковом дворце, через час уедут из города в Гатчину, откуда государь желает тотчас же отправить две телеграммы: одну, очень резкую, принцу Николаю Нассаускому, который сообщил о состоявшейся четыре недели тому назад женитьбе молодого великого князя Михаила Михайловича на его дочери, графине Меренберг, а другую, более умеренную и учтивую, великому герцогу Люксембургскому как главе семьи; г. Гирс сказал мне, что сегодня он просто не мог делать доклад, — так много говорилось об этой женитьбе или, вернее, об этой великокняжеской проделке. Их величества очень возмущены. Императрица, говоря о великом князе за завтраком, назвала его „свиньей“. Государь негодует на дерзость этого дурачка принца Николая Нассауского, который осмелился очень мило объявить ему об этом преднамеренном обмане, прося о его согласии; он хочет ответить резкой телеграммой, объявляющей, что женитьба должна считаться *не состоявшейся* (*nul et non avenue*); его величество даже определенно добавил: //„Не стесняйтесь в выражениях“./

Опасаясь, что великий герцог Люксембургский воспользуется своим правом суверена для предоставления какого-либо титула новобрачной, наш августейший правитель желает предупредить его, что женитьба великого князя Михаила младшего никогда не будет признана законной. Эта телеграмма должна быть по форме более мягка и учтива. Я спешу послать министру проекты обеих телеграмм, которые я тотчас редактирую, строго придерживаясь данных им инструкций.

„Его высочеству принцу Николаю в Белладжio. Письмо вашего высочества получено. Я могу на него лишь ответить, что ввиду того, что женитьба великого князя Михаила Михайловича была совершена без моего разрешения и без благословения его родителей, она никогда не может быть признана

законной и должна считаться не состоявшейся“ („comme nul et non avenue“).

„Его королевскому высочеству великому герцогу Люксембургскому в Люксембург. Получив извещение от принца Николая Нассауского, что его дочь вышла замуж за великого князя Михаила Михайловича, я, к сожалению, должен предупредить ваше королевское высочество, что этот брак, заключенный без моего разрешения и без согласия родителей жениха, никогда не может быть признан законным“.

Министр вернул мне эти два проекта с надписью: „Очень хорошо“; их переписали для представления на подпись государю и отправили в Гатчину с фельдъегерем, уезжающим в 4 часа. К чаю ко мне приходили Капнист и Ионин, а затем в нашем небольшом кругу появляется г. Ону. Он рассказывает весьма интересные подробности, требующие однако проверки, по поводу обращения в православие великой княгини Елизаветы Федоровны. Ее императорское высочество была перед тем столь ревностной протестанткой, что во время путешествия в Иерусалим два года тому назад она посещала лютеранский храм в сопровождении своего гофмаршала, моего двоюродного брата, графа Армана Стенбока, что производило глубокое впечатление в этих местностях, где члены русской императорской семьи по традиции признаются за усердных защитников православной веры. Теперь полагают, что великая княгиня, очень опечаленная тем, что не имеет детей, недавно виделась с отцом Иоанном Кронштадтским, который молился за нее и посоветовал ей молиться и перейти в православие. Через некоторое время будто бы появились первые признаки беременности, и великая княгиня была настолько счастлива и так поражена этим, что сразу решила перейти в нашу национальную веру. Ввиду некоторых особенностей, приписываемых великому князю, эту беременность объясняют чудом. Граф Капнист зло заметил по этому поводу, что это может быть лишь „непорочным зачатием“. Впрочем, говорят, что восторг великого князя Сергея, когда жена объявила ему о своем обращении, был столь велик, что он стал прямо неистовствовать (*s'est mis à braire*), а молодая женщина, тронутая его волнением, сказала ему: „Господи, если бы я знала, что это доставит вам такое большое удовольствие, я уже давно сделала бы это“.

Ону также много рассказывает мне о //Палестинском обществе//. Его рассказ отличается таким беспристрастием и отсутствием всякой предвзятой точки зрения, что можно со-

ставить обо всем этом деле разумное представление. Несомненно, это очень умный и приятный человек... Вернувшись в 5 часов в свои внутренние комнаты, я немного привожу себя в порядок. Вечером в то время как я собираюсь отправиться в баню, мне приносят записку министра следующего содержания: „Я несколько обеспокоен телеграммой, посланной принцу Николасу Нассаускому. Слова „*nul et non avenu*“ мне кажутся неуместными. Что вы думаете об этом? Я хорошо знаю, что исправить дело уже невозможно и что я сам предложил вам внести эти слова. Но если вы находите, что мое беспокойство неосновательно, то это меня бы немного успокоило“. Я пишу несколько слов министру, стараясь показать, что телеграмма не могла быть иначе средактирована, раз она должна была точно выразить монаршую волю, как я ее понял; но так как сожаление о чрезмерной резкости этих несчастных телеграмм, изготовленных наспех, меня уже и без того мучило, то записка министра меня окончательно расстраивает. Чувство моей непригодности как редактора и мания моего министра мучить и себя и других после того, как дело сделано, а также моя большая нервность, — все способствует тому, что я прихожу в состояние полной расслабленности... Оболенский возвращается к 10 часам. Он подливает масла в огонь, рассказывая, что Влангали и Шишкин, видевшие случайно телеграммы, посланные на подпись государя, не одобрили их. Влангали говорит, что раз брак заключен, то он не может быть признан „не состоявшимся“. Шишкин утверждает, что телеграмму следовало бы зашифровать. Это бьет мимо цели! Никто не говорит, что брак //в действительности// не состоялся, но государь заявляет, что его следует считать таковым. Если зашифровать телеграмму в Белладжio, то ее нужно было бы направлять официальным путем, через одну из наших миссий или посольство; это чрезвычайно увеличило бы ее значение. Между тем, та же телеграмма, посланная клэром прямо в Белладжio, является просто //вспышкой *// главы семьи, справедливо возмущенного обманом, допущенным родителями новорожденной, которых нельзя извинить, как самого молодого человека, избытком страстной любви. Я совершенно подавлен; сомнения и тревога мучат меня, да вдобавок приходится работать с вечно больным начальником, совершенно безвольным, который не в состоянии поддержать кого бы то ни было и что бы то ни было.

* Так в подлиннике.

Среда, 27 марта.

Министр вызывает меня к 11 часам. Я его застаю в мрачном отчаянии и не могу побороть в себе чувства внутреннего озлобления, видя этого изливающегося в жалобах государственного человека, готового рвать на себе волосы из-за подобных мелочей! Предположим, что телеграммы крайне резки, но ведь судьба России от этого не зависит. Это — семейное дело, не имеющее, в сущности, никакого значения; я прилагаю все старания, чтобы утешить моего старого министра, но всего этого с меня более чем довольно.

Четверг, 28 марта.

Министр несколько воспрянул духом, так как государь прислал ему ответную телеграмму великого герцога Люксембургского, который вполне разделяет мнение его величества. Государь выписал на ней: //„Отличный ответ“./’ Министр мне говорит, что он потерял сон и аппетит из-за огорчения по поводу выражения „nul et non avenu“. Он даже не сказал ни слова об этом ни своей супруге, ни сыну * Я ему ответил, что в связи с этим я также мучился, тем более, что я вижу в этом новое доказательство своей непригодности, но он мне не дает договорить, крайне любезно оправдывая меня, и замечает: //„Мы всегда с вами все так хорошо обдумаем и обсуждаем, — а тут я взял да просто исполнил, и исполнил глупо“./’ Я возражаю: //„Мне кажется, что в чисто семейном деле вам можно было только исполнить. Вы обдумываете и советуете, когда дело может коснуться интересов России. Если государю угодно бы было совета в частном семейном происшествии, конечно, лучше бы было внушить мысль воздержаться от всякого сношения с Нассауским и ограничиться письмом к великому герцогу Люксембургскому как к главе семьи; но раз государь решился прямо и немедленно от себя телеграфировать в Белладжио принцу Николаю Нассаускому, то тут уже мягкие фразы были бы просто смешны“./’ Министр улучил минуту, чтобы сказать мне, что государь вполне одобрил программу нашего образа действий в болгарских делах. Я отказываюсь от приглашения к министру в субботу на обед в честь Влангали.

* Тут в подлиннике поставлен вопросительный знак, подчеркнутый двумя чертами.

Ионин, Зиновьев, Капнист и Влангали собираются у меня. Последний завтракал у великой княгини Ольги Федоровны перед ее отъездом 26 марта в Крым. Великая княгиня много говорила о женитьбе своего сына, которая ее чрезмерно огорчает. Между прочим, она замечает, что ее сын оправдывает свое намерение жениться, говоря: //„я нравственный“//, причем ее императорское высочество добавляет, что „нарушить слово и т. п. не считается безнравственным“ Ее терпимость в этом отношении, пожалуй, слишком велика. Говорят, что великая княгиня радуется связи своего старшего сына с княгиней Нелли Барятинской и думает, что город достаточно велик, чтобы поставлять безопасных любовниц и остальным ее сыновьям. Пока бедный великий князь Михаил Михайлович уволен от службы, а полки, шефом которых он был, перестали носить его имя. Спрашивается, не перестанут ли ему высылать его доходы? Кажется, что в этом направлении желают быть снисходительными, и сама великая княгиня не хочет, чтобы наказание распространилось и на его материальное положение. Злые языки рассказывают в городе, что государь некоторое время будто бы имел намерение признать брак молодого великого князя и пожаловать его супруге в качестве морганатического имени титул „графини Игнатьевой“ в память первой невесты его императорского высочества.

Пятница, 29 марта.

Государь вернул проект инструкции Влангали с пометой: //„Читал“// Тем самым он утвержден. Среди возвращенных бумаг находится также перлюстрация телеграммы г. Маршала Швейниду от 27 марта (8 апреля). В ней спрашивается, верно ли распространяемое некоторыми английскими газетами известие о покушении, которое будто бы было во-время раскрыто и предупреждено во время смотра 25 марта в манеже Конной гвардии. Его величество написал на полях: //„Замечательное вранье, а немцы обрадовались. Сейчас верят!“//

К чаю, в 4 часа, приходят Зиновьев и Ионин. Говорят, что во время назначения Вышнеградского министром финансов Победоносцеву было поручено принять от него своего рода присягу на честность. Теперь распространяют новую версию: полагая, что ему следует получить в его нынешнем положении дворянский герб, Вышнеградский обратился в сенат с просьбой ему таковой изготовить. Ввиду этой просьбы ему якобы

предложили в качестве герба орла с подрезанными крыльями с девизом: „Il ne volera plus“ *.

Вечером приходят Шварц и Деревицкий; я готовлю крушон с аленьсинами для их угощения. Оболенский присоединяется к нам позже. Много говорят о выставке лошадей, которая откроется в манеже; Оболенский выставит одну, а Шварц двух или трех. Они все уходят к 11 часам, и я ложусь очень утомленным. Приводя в порядок бумаги, Зиновьев передает мне наиболее секретные, имеющие актуальное значение, хотя они и касаются прошлого.

Суббота, 30 марта.

Встал очень рано и приступил к составлению своей небольшой записки. Поднявшись наверх к министру, я предлагаю ему послать телеграмму г. Нелидову, уведомляющую нашего посла в Константинополе, что его точка зрения на вопрос об истечении полномочий, данных Баттезбергу как губернатору Румелии, так хорошо изложенная в его только что полученной депеше № 45, одобрена и вполне совпадает с нашей позицией в этом вопросе. Впрочем, даже русские газеты начинают весьма разумно высказываться по этому поводу. Министр обращает мое внимание на статью, появившуюся в „Новостях“³⁷, справедливость которой его поразила. Королю Милану удалось получить миллион рублей, после чего он решился освободить страну от своего присутствия. Таким образом, сей король отправится наконец в изгнание, к большому удовлетворению страны, готовой заплатить за его отсутствие как за бесценное благодеяние. Труднее будет удалить королеву, которую меньше ругают и которая более упорна³⁸.

Воскресенье, 31 марта.

Когда я прихожу к моему министру, он снова начинает говорить о телеграмме принцу Нассаускому, но по его тону видно, что он начинает успокаиваться; до него дошли в связи с этим городские сплетни: говорят о необыкновенно резкой телеграмме государя; с другой стороны, рассказывают, что его величество хотел расторгнуть брак, но что императрица воспротивилась этому, доказав ему, что это было бы пре-

* Игра слов: по-французски „voler“ означает и „красть“.

вышением прав даже для самодержца, и т. д. Эта последняя версия подает г. Гирсу надежду, что слова „*pul et non aveni*“ были исключены их величествами. Это у него становится прямо-таки пунктом помешательства.

Вернувшись к себе, обедаю по обыкновению в одиночестве, а вечером работаю над своими мемуарами за март месяц.

АПРЕЛЬ

Вторник, 2 апреля.

Я чувствую себя спокойным и бодрым. Мои записки продолжают идти вперед. В 9^{1/2} часов министр просит подняться к нему; я считаю своей обязанностью обратить его внимание на тот факт, что брак действителен только на основании документов, выданных церковью, в которой он совершен. Если в высших сферах выражение „*pul et non aveni*“ не понравилось, то г. Гирс должен указать, что раз великий князь Михаил Михайлович не только не желает представить какое-либо брачное свидетельство, но даже не хочет указать церковь, в которой его венчали, то его брак не может „рассматриваться“ как совершившийся факт. Это соображение, позидимому, нравится моему министру, и он записывает его на всякий случай// в свою памятную книжку. Г. Гирс уезжает в 10 часов. В этом году это первый доклад, который состоится в Гатчине.

Парикмахер, который обслуживает меня в течение долгих лет, признается, что в его среде сильно критикуют строгость, проявленную к молодому великому князю Михаилу, женильба которого, в сущности, выгодна России. Если бы он женился на принцессе крови, добавляет этот добряк, то надо было бы предоставить новую дотацию этой принцессе и ее детям; он же довольствуется тем, что имеет, и избирает себе другую жизнь, ничего не требуя от своей страны. Зачем столь сурово с ним расправляться? За границей наверное скажут, что мы медведи. Рассуждение это весьма здраво; в народе и даже вообще в кругах, не посвященных в то, что происходит при дворе, все убеждены, что великая княгиня Ольга Федоровна умерла с горя; говорили даже об отравлении. Все это, конечно, производит впечатление, далеко неблагоприятное для нашего монарха.

К 4 часам собрались ко мне на чай Ионин, Зиновьев и Ону. Последний говорит о глубоком убеждении англо-индийских кругов, что мы намереваемся присоединить к себе

Хоросан, захватив территорию вплоть до Персидского залива, чтобы иметь в качестве своей границы море. Англичане готовы с этим примириться, при условии, чтобы мы не беспокоили их в Индии; в этих краях они питают большой страх перед Россией, так как сознают, что их владычество над 280 миллионами туземцев ненормально. Англичане не любят борьбы и не в силах ее вести, но они уступают только силе. По мнению Ону, они отдадут Египет лишь под угрозой войны; они уйдут из Индии только в случае сопротивления со стороны туземного населения, ныне разьедаемого религиозным фанатизмом, различием в нравах, в языке и в государственном строе, что делает его слабым и бессильным перед горсточкой ста тысяч англичан, господствующих над этой громадной империей именем всемолюбивейшей королевы и императрицы.

Нужно закончить редактирование бумаг для уезжающего в четверг курьера и выяснить мои дела, оставленные министром в неопределенном положении. Г. Гирс возвращается из Гатчины в 5½ часов и тотчас вызывает меня. Государь и государыня не только не возражали против выражения „*puil et pop aveu*“, употребленного нами в телеграмме принцу Нассаускому, но нашли ее даже чуть ли не слишком умеренной. Это заставляет меня вспомнить о начальнике канцелярии графа Муравьева в Вильне, который при всяком приговоре поляка к виселице от всей души восклицал: //„Слабенько!“// Мой министр признает, что он понапрасну мучился; ему не пришлось применить подсказанные мною аргументы, так как государь принял на себя инициативу в этом деле. Выходку молодого великого князя его величество считает за //мошенничество//, в отношении которого нечего стесняться. Их величества, повидимому, опечалены смертью великой княгини, которая уже из Москвы написала императрице полное отчаяния письмо, жалуясь на свое здоровье и говоря, что не может притти в себя. Молодой великий князь Алексей Михайлович завтракал в Гатчине и вернулся в одном вагоне с министром; вечером он уезжает в Москву встречать тело матери. //„Новое время“// помещает перевод замечательной статьи, появившейся в „Hamburger Nachrichten“, органе Бисмарка ³⁹.

Среда, 3 апрелл.

Просыпаюсь я очень рано, и с 6 часов утра уже сижу за письменным столом. Между экспедициями, привезенными

курьером, приехавшим в воскресенье, самыми интересными документами являются депеши из Вены и Берлина. По возвращении к месту своей службы князь Лобанов был приглашен императором Францем-Иосифом на частную аудиенцию, продолжавшуюся около получаса. Его величество выразил нашему послу полное удовлетворение приемом, оказанным в России эрцгерцогу Францу-Фердинанду, и много расспрашивал о всей императорской семье. Это проявление необычайной любезности произвело в Вене большое впечатление. Граф Кальноки вызывает большую озабоченность по поводу болгарских дел, а также того оборота, который события принимают в Лиссабоне. Он даже пытался повлиять на лондонский кабинет в смысле более терпимого отношения к Португалии, но мало вероятно, чтобы английскому кабинету удалось выйти из-под влияния Южноафриканской компании, которая, отнюдь не расположена к уступкам. Раз это так, то в Португалии становится возможной революция, а это означало бы торжество республиканских принципов на всем Иберийском полуострове⁴⁰. Граф Кальноки опасается, что это имело бы своим неизбежным последствием возникновение республики и в Италии; он говорит только об опасностях, которым подвергается монархический принцип в Европе, но наш посол заметил, что в его словах сквозит боязнь, что от этого пострадает „лига мира“.

Отвечая на это письмо, я решил отметить, что мы равным образом не скрываем от себя опасности, вызываемой англо-португальскими разногласиями; они представляют для Португалии опасности, которые смогут отозваться и в Испании и Италии; с нашей стороны мы сделали все возможное, дабы посоветовать лондонскому кабинету быть умеренным. Державы, желающие сохранения монархического принципа в Европе, естественно, должны стремиться к сближению с Россией, являющейся главной опорой этих принципов. Австро-Венгрия предпочла искать себе опоры в другом месте, и, покровительствуя одному из самых незаконных режимов, а именно болгарскому, она не перестает поддерживать тенденции, явно подрывающие монархические принципы. Я считаю нужным подчеркнуть, насколько прав был князь Лобанов, сославшись на нашу телеграмму графу Муравьеву (в Берлин), доказывающую, что Россия не только не может быть солидарна с каким-либо преступным покушением, но строго осуждает подобные действия даже тогда, когда они направлены против незаконных захватчиков узурпированной

власти. Мы видим в событиях, происшедших в Софии, лишь новое доказательство того, что болгары далеко не пользуются тем спокойствием и довольством, с которыми венский кабинет, повидимому, еще недавно себя поздвлял. Наконец, я обращаю внимание посла на депешу г. Нелидова № 45 и на наш ответ касательно истечения срока, который был дан константинопольской конференцией принцу Александру Баттенбергскому как генерал-губернатору Румелии. При совокупности беззаконий, из которых состоит нынешний болгарский режим, было бы непоследовательно и даже неосторожно говорить об истечении срока полномочий власти, которую мы вовсе не признаем.

Граф Шувалов пишет, что по возвращении в Берлин он нашел канцлера Каприви подавленным и утомленным; поговаривают даже о близкой отставке этого государственного деятеля, что было бы прискорбно ввиду его честности и преданности поставленной им себе задаче — приложить все свои усилия к внутренним реформам в Германии. Возможность избрания князя Бисмарка депутатом серьезно озабочивает правительство. В этом избрании видят своего рода защиту против политики и деятельности молодого императора. Вильгельм II не только не оказал ни малейшего знака внимания и благоволения своему бывшему канцлеру по случаю дня его рождения, но был очень недоволен и неприятно поражен теми овациями, которые имели место в день 1 апреля. Все это способствует общему замешательству; трудно себе представить последствия борьбы, которую пришлось бы выдержать правительству против оппозиции, представленной великим Бисмарком. Социалистическая партия весьма довольна этим положением вещей и черпает в нем силу и ободрение; один военный, занимающий высокое положение, сказал на днях графу Шувалову, что в настоящее время войска не откажутся, если будет нужно, выступить против социалистов; они, может быть, согласятся на это и лет через пять; в дальнейшем же более чем вероятно, что ни один солдат не захочет сражаться за правительство в его борьбе против социалистов, которые за это время станут полными хозяевами положения.

Г. Стааль нарисовал в одной из своих депеш прекрасный портрет только что умершего лорда Гренвилля. Этот портрет великолепно объясняет слабости, за которые порой упрекали этого государственного деятеля: по словам Стааля, он никогда не изменял бы своим убеждениям и никогда не отступал бы от своих принципов, если бы не его способность

постоянно видеть в каждом деле всевозможные „за“ и „против“. Это лишало его действенной энергии тех людей, которые, имея более ограниченный кругозор, могут направлять без угрызения совести все свои силы к определенной цели.

Пишу письма Мейендорфу с сообщением о предстоящем приезде Влангали и с выражением ему похвалы за управление посольством.

Кстати, барон Икскуль только что вернулся со своей супругой; он очень слаб, к нему не вполне возвратились умственные способности, но до известной степени он поправился, может ходить и двигаться, продолжая свое физическое существование. Возвращение в Россию нашего бывшего посла в Риме, столь часто находившегося в агонии, повидимому, позабавило государя.

Я заканчиваю все свои проекты и заготавливаю еще три ответные телеграммы, потребованные государем к 10 часам. Министр меня вызывает к 10½ часам и встречает словами: //„Как вам пришлось работать!“// Все мои проекты одобрены.

Пятница, 5 апреля.

Я думал отправиться сегодня на похороны великой княгини Ольги Федоровны, но у меня ночью был настоящий приступ лихорадки, и я снова испытываю припадок непобедимой человекобоязни. Отвращение и чувство стыда в отношении собственной личности; невозможно показаться на люди.

Письмо барона Моренгейма с приложением донесения консула в Алжире, дающего отчет об отъезде великого князя Георгия, государь возвращает с пометой: //„Можно приготовить от меня телеграмму Карно с благодарностью за все пребывание сына в Алжире. Они все не нахвалятся любезностью и такту * властей, а в особенности префекта“. Я тотчас же przygotowляю телеграмму.

Понедельник, 8 апрел

Мой министр вызывает меня к 10½ часам, он снова в совершенно подавленном настроении и жалуется на свое здоровье, думая, что он простудился вчера на конской выставке (и к чему только ему нужно было ездить туда!).

* Так в подлиннике.

Министр дает мне на прочтение несколько газет. Он поражен правильностью суждения об истечении срока полномочий, данных некогда Баттенбергу; но ведь все это устарело. Мы написали в этом смысле нашим представителям уже около двух недель тому назад.

Вторник, 9 апреля.

Государь вернул телеграмму нашего посланника в Белграде от 7/19 апреля 1891 г., сообщающую, что сербское регентство и министерство имеют сильное желание, чтобы молодой король Александр начал свой объезд европейских дворов с посещения Петербурга и представления государю в день серебряной свадьбы их величеств в октябре. Его величество надписал: // „Когда ему угодно, только не к серебряной свадьбе. В этот день никаких приемов не будет“..//

Из Гестемюнде сообщают, что ставшие известными результаты выборов по 97 округам дали около семи тысяч голосов князю Бисмарку и приблизительно четыре тысячи неизвестному социалисту по фамилии Шмальфельд. При таких результатах необходима перебаллотировка, которая назначена на 18/30 апреля ⁴¹.

То, что происходит в наши дни в Германии, становится все более любопытным: с одной стороны, бывший канцлер собирается появиться в Берлине во главе оппозиции, которая под его руководством может стать грозной для правительства, а с другой стороны, результат выборов таков, что создатель Германской империи должен подвергаться перебаллотировке: из-за конкуренции социалистического кандидата.

Среда, 10 апрел

Ону, Ионин и Оболенский, собравшись у меня в 4 часа и чаю, случайно касаются своих воспоминаний времен нашей последней войны с Турцией. Разговор в высшей степени поучителен и интересен. Ону был в это время первым драгоманом нашего посольства в Константинополе. Он находился в Адрианополе и в Сан-Стефано на передовых позициях, разъезжая для переговоров между главной квартирой и Константинополем. Когда два года тому назад граф Милютин приехал в Константинополь, Ону, находившийся в это время там, ездил с графом в Сан-Стефано, чтобы посмотреть снова эти

места и оживить свои воспоминания. Между ними зашел разговор о приписываемой обыкновенно графу Милютину телеграмме, в которой условно давался приказ занять Константинополь. Милютин уверял Ону, что эта телеграмма императора Александра II главнокомандующему, великому князю Николаю, была ему показана в готовом виде, написанная самим государем. Я пользуюсь случаем, чтобы проверить свое убеждение, что в этот момент не было послано никакой другой телеграммы, которая выясняла бы положение полнее, нежели те телеграммы, которые я храню в секретном архивном шкафу; я показываю эти последние Ону. Он говорит, что я прав. Приказ двигаться вперед и занять Константинополь дан был лишь условно и в предвидении наступления англичан на Галлиполи, которое не состоялось ⁴². Интересны подробности о переезде из Адрианополя в Сан-Стефано. Наша главная квартира часто меняла мнение. На военном совете, на который был приглашен Ону, было признано, что, заняв Сан-Стефано, [монастырь] св. Георгия и окрестности, мы окажемся полными хозяевами Константинополя, не входя в самый город, так как последнее было бы неосторожно, да и просто невозможно ввиду состояния наших войск ⁴³. Мы даже получили право занять турецкие казармы, расположенные в этих местах, но затем от этого отказались, так как казармы были заражены и опасались за войска, санитарное состояние которых и так было очень плохое. У меня возникает сильное желание пополнить свои записки и мемуары, относящиеся к этому времени.

Пятница, 12 апреля.

Наш посол в Константинополе, кажется, несколько теряет ориентировку. Под впечатлением газетных сведений и весьма неопределенных слухов г. Нелидов полагает, что болгарские правители намерены провозгласить независимость княжества, включая в него и Румелию и т. д. Он предлагает в предупреждение этого категорически заявить, что // „мы не потерпим произвольного нарушения наших прав и приступим в случае надобности к принятию зависящих от нас мер, если бы Болгария посягнула на условия берлинского трактата“. Представляя эту телеграмму государю, министр присоединяет к ней записку, в которой выражает мнение, что подобный шаг со стороны России без ясного и достаточного основания был бы излишним и даже опасным. Его величество пишет на этой

записке: //„Совершенно разделяю ваше мнение и не понимаю, о чем Нелидов думает, предлагая подобные меры!“// А затем против фразы записки Гирса: //„Оно * еще менее обязывает нас заботиться о неприкосновенности берлинского трактата, уже нарушенного другими державами в болгарском вопросе“, / государь пишет большое //„Да“//.

Нелидову поручено испросить разрешение на проход через проливы для фрегата „Корнилов“, на котором должен отправиться в Крым великий князь Георгий в последних числах текущего месяца или в начале мая ⁴⁴. На своем докладе министр видел в Гатчине великого князя Николая-младшего, который приехал попрощаться с государем ввиду отъезда в Алупку, чтобы привезти сюда отца; последнему внезапно стало лучше, и доктора решили увезти его с юга до начала жары. Быть может, впрочем, его возвращение было вызвано проектами путешествия их величеств; утверждают, что императрица недавно кому-то сказала: „Как можете вы желать, чтобы мы поехали в Крым, пока там находится этот „сумасшедший“? Между тем за последние два дня известия о здоровье бедного великого князя Николая-старшего снова стали настолько тревожны, что ему, вероятно, недолго осталось жить.

Ону собирается вскоре нас покинуть, уезжая в начале будущей недели в Афины. Его ежедневные посещения были конечно одними из самых приятных, так как он очень интересный собеседник. Он соединяет с большим умом очаровательную оригинальность в суждениях. Подходя ко всему беспристрастно и без предвзятой точки зрения, видя положительную и отрицательную стороны каждого явления, он меня несколько примирил с деятельностью //Палестинского общества/, столь раскритикованного Зиновьевым ⁴⁵. Последний инцидент, по его мнению, вызван избытком рвения, которое привело Общество к организации обедов для паломников по пяти копеек с человека. За эту цену совершенно невозможно хорошо накормить приезжающих, но последние думают, что раз они что-нибудь платят, то они в праве требовать невозможного. В прежнее время совсем не занимались питанием этих добрых людей и были, по словам Ону, правы: „Они приезжают для спасения своей души, — говорит он, — а что касается остального, то чорт с ним“. Я не мог не посмеяться.

Великий князь Сергей и г. Степанов изготовили памятную записку, в которой стремятся доказать необходимость вве-

* Так в подлиннике.

дения новых порядков и значительного расширения компетенции Общества; они даже надеялись, что консулы в Иерусалиме и во всех прилегающих местностях не будут назначаться без их согласия; государь понял, насколько раздуты эти претензии, и отказал. Во вторник его величество переговорил об этом с г. Гирсом. Степанов прибежал к министру, но последний отослал его к Капнисту, который после этого в свою очередь побывал у великого князя. В конечном счете, по видимому, пришли к своего рода соглашению. Страсти улягутся, и в результате, может быть, установится *modus vivendi*.

Вечерние телеграммы сообщают о смерти великого Мольтеке; прекрасная кончина: девяноста двух лет, при сохранении всех умственных сил и после плодотворной и окруженной славой жизни, он умер без страданий, без шума, совершенно тихо. Мне думается, что Вильгельм II предпочел бы, чтобы исчез Бисмарк!

Воскресенье, 14 апреля.

Лютеранские пасторы получили приказание прочитать своим прихожанам во время богослужения манифест об обращении [в православие] великой княгини Елизаветы Федоровны. Я восбражаю их лица при поучительном чтении этого текста.

Понедельник, 15 апреля.

Я приступаю к приготовлению ответов на полученные вчера экспедиции. В высшей степени интересна экспедиция графа Шувалова от 12/24 апреля. Государь возвращает ее сегодня утром с несколькими пометами. На депеше № 24, дающей отчет о той большой тревоге, которую вызывает избрание князя Бисмарка депутатом, против абзаца: // „С одной стороны, создатель империи оказался в перебаллотировке с социалистом-сапожником, а с другой стороны, монархическое правительство рукоплещет успеху этого социалиста“! — его величество пометил: // „Факт колоссального безобразия и распада величия Германии! И слава богу!“ / Государь находит также совершенно верным замечание нашего посла, что если Германия переживает теперь трудные времена, то главную причину этого надо искать в политике „нового курса“, затеянной Вильгельмом II, удалившим из правительства всех тех, чей опыт мог бы его обуздать. Нет ничего удивительного, что преданные слуги великого прошлого Германии обеспокоены

тем сборотом, который теперь принимают дела, и критика с их стороны вполне естественна. Лица, находящиеся у власти, ошибаются, когда в том факте, что Бисмарк не был сразу избран подавляющим большинством голосов, усматривают неодобрение его фрондерства. Дело вовсе не в этом, а в конкуренции социалистического кандидата, показывающей лишь необычайный рост социалистической партии, что является гораздо большей опасностью, чем самая деятельная оппозиция князя Бисмарка.

На депеше № 25, излагающей уступки правительства польской партии, государь надписал: //„Все это весьма знаменательно и хорошего для Германии не предвещает!“// Против же абзаца: //„Подобные признаки перемены германской политики по отношению к полякам важны в том смысле, что этим, так сказать, завершается поворот, совершенный императором с пути, по которому вел Германию князь Бисмарк“,// его величество сделал помету: //„И далеко он уйдет с этим поворотом!“//

Наконец, депеша № 26 говорит о довольно удачном проекте прусского министра финансов г. Микеля: //„Безземельное крестьянство составляет весьма удобную почву для социал-демократической пропаганды. Министр финансов Микель внес в прусский ландтаг проект учреждения так называемых „рентовых банков“: внутренняя колонизация батраков на тридцатилетние аренды правительственных и частных земель*, — „Renten-Bank“ и „Renten-Güter“. — //Проект этот поддерживают либералы и отчасти консерваторы, но социал-демократы противятся ему, опасаясь потерять столь пригодный для агитации элемент сельского пролетариата“*./

Положение Германии требует самого бдительного внимания со стороны нашего посла. Вильгельм II заслуживает от нас хорошего памятника, так как старается поколебать положение Германии и таким образом косвенно служит нашим интересам. Лишь бы только это не привело его к попытке отвлечь внимание от внутренних затруднений посредством какой-либо большой военной авантюры, которая вызовет пожар во всей Европе.

Вторник, 16 апреля.

Между бумагами, возвращенными в воскресенье государем, находится письмо нашего посла в Париже от 11/23 апреля.

* Так в подлинн:

Барон Моренгейм вносит поправку в сообщенные им сведения о задуманной будто бы уступке острова Борнгольма немцам. Теперь он утверждает, что какое-то германское акционерное общество предполагает приобрести на побережье Борнгольма обширный участок, на котором можно устроить хороший порт, и полагает, что нам надо остерегаться этих скромных начинаний. Возвращая сегодня утром это письмо, государь написал: //„Об этом напишите графу Толю и обратите самое его серьезное внимание. Мне кажется, что он мог бы прямо переговорить с министром иностранных дел. Нам это весьма важно и если можно расстроить эту сделку“ *./ Вследствие этого я иду приготовить соответствующее письмо на имя нашего посланника в Копенгагене, хотя я и считаю, что тревога г. Моренгейма неосновательна.

Среда, 17 апрел

Проснулся рано и приступаю к работе; в 9 часов все мои проекты готовы, и я их посылаю министру; когда он вызывает меня, я с удовольствием узнаю, что все они полностью одобрены. Г. Гирс недоволен своим вчерашним докладом: государь казался утомленным обедней и завтраком. Его величество не пожелал согласиться на пожалование ордена св. Владимира II степени графу Шувалову и ленты св. Александра Влангали, хотя прошло уже пять лет со времени пожалования знаков отличия, носимых ими в настоящее время. //„Так ничего не останется давать“, — // замечает монарх. Что же касается Влангали, то он добавляет: //„Ведь чего он достигнул! * Два года тому назад пожалован статс-секретарем, только что назначен послом в Рим, и теперь дать ему Александровскую ленту — это уже слишком. Могут годик подождать и один и другой“./ Тон, которым государь говорил о нашем милом после в Риме, министру показался совершенно отличным от прежнего, поразившего его своей крайней благосклонностью в момент назначения Влангали. Графиня Клейнмихель распространяет придуманный ею рассказ о первом свидании Влангали с маркизом ди-Рудини. Это довольно злая и смешная выдумка. Итальянский министр иностранных дел выражает удовольствие видеть русского посла в Риме, чтобы переговорить с ним о серьезных вопросах

* Так в подлиннике

текущего момента, но какой бы вопрос он ни поднял, на все наш добрый Влангали неизменно отвечает со своей самой добродушной улыбкой: „Но зачем это?“; при этом он имеет такой вид, что находится в Италии совсем не для того, чтобы заниматься делами. Отзвуки подобных злых шуток, быть может, дошли до высших сфер.

Ону простился с нами и уехал в понедельник к месту своей службы; он мне напоследок признался, что присутствие принца Георга Греческого в свите великого князя-наследника было настоящей обузой. Добрая королева, повидимому, плохо воспитала своих детей, а этот экземпляр особенно распушен. После того была получена телеграмма от князя Барятинского, в которой он просил, чтобы принц Георгий был отправлен из /Владивостока во-свояси// морским путем, чтобы ему не пришлось сопровождать великого князя-наследника во время его путешествия по России.

Пятница, 19 апреля.

Министр присылает мне вчера вечером любопытное письмо Нелидова от 11/23 апреля 1891 г., к которому наш посол в Константинополе приложил довольно ребяческую докладную записку: ввиду того, что срок тройственного союза между Германией, Австро-Венгрией и Италией истекает в будущем году, г. Нелидов задается вопросом, какое влияние должна оказать на нашу внешнюю политику возможность возобновления этого договора. Он думает, что мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы воспрепятствовать его возобновлению, а в случае, если возобновление тройственного союза все-таки окажется вероятным, мы должны, по его мнению, принять следующие меры: 1) заключить окончательное соглашение с Францией и открыто об этом заявить, чтобы этим способствовать разложению тройственного союза и таким образом помешать его предстоящему возобновлению; 2) установить с Францией соглашение о совместных действиях в водах Ближнего Востока на случай событий, которые могли бы там произойти; совместно наметить пункты, которые в этом случае должны быть оккупированы; определить размер потребных для этого сил и начать с устройства при содействии Франции русской морской станции в Средиземном море.

Последовав совету, изложенному в первом пункте, мы могли бы быть совершенно уверены, что этим самым мы укрепим тройственный союз и сделаем его возобновление совершенно

неизбежным. Что касается второго пункта, то он требует изучения совместно с компетентными представителями нашего морского ведомства, но на первый взгляд трудно уловить практическую пользу этого шага, так как никто не был до сих пор таким противником нашего обоснования в Средиземном море, как французы. Когда я поднимаюсь вверх к министру, я застаю его с Вестманом, нашим новым министром-резидентом в Гамбурге, которого он просит обождать, пока будет работать со мною. Г. Гирс вполне разделяет мое мнение о памятной записке Нелидова и намерен лично представить ее государю на своем ближайшем докладе. Министр необыкновенно весел и любезен, он рассказывает мне о посещении его г. Флурансом, бывшим французским министром иностранных дел, приехавшим к открытию выставки в Москве. Он желал бы получить аудиенцию у государя и старается, насколько возможно, раздуть значение выставки⁴⁶. Интересные подробности были сообщены им о внутреннем положении Франции. Социализм не имеет там такого значения, как в других странах, и не развивается; француз по самому своему характеру эгоист и не склонен приносить какие бы то ни было жертвы идеям прогресса или теориям общего благосостояния. Во Франции всегда найдутся скандалисты и крикуны, но там нет людей, способных задумать социальную реформу на серьезных основаниях, да, впрочем, они и не были бы поддержаны массами, так как, в сущности, настоящего пролетариата или бедноты там не существует. Надо отметить, что высшие классы становятся во Франции религиозными, в то время как низшие слои и народ все более и более предаются неверию. Католическое духовенство теперь признает и поддерживает республиканскую власть. Папа как тонкий политик понял ту пользу, которую он мог бы из этого извлечь. Г. Флуранс лично хорошо знает Льва XIII и имел недавно случай его видеть. Между прочим, он рассказывает, что святой отец высоко ставит нашего государя, твердая, последовательная и мирная политика которого является, по его мнению, благодетельной для всей Европы. Г. Флуранс также с удовлетворением признает, что Россия занимает одно из наиболее внушительных мест в качестве арбитра всеобщего мира. Весь разговор, видимо, был очень интересен, но француз в конце концов все-таки сказался во Флурансе, когда он заговорил о „его величестве короле Черногории“, которого он видел в поезде по пути в Петербург. Когда Гирс указал, что Черногория не королевство и что ее повелитель, князь

Николай, отнюдь не король, этот бывший министр иностранных дел был весьма удивлен!

Г. Гирс посетил князя Николая, которого он нашел несколько растерянным ввиду того, что ему до сих пор еще не удалось увидеть государя. При его приезде сюда третьего дня, в среду, он был встречен на вокзале несколькими великими князьями, и великий князь Владимир привез его в Зимний дворец, где его поместили; теперь он не знает, что ему делать, чтобы побывать у его величества. Он даже подумывал послать состоящего при нем генерала Арапова, чтобы получить указание по этому поводу у графа Воронцова. Министр ему сказал, что последний слет в постель из-за сильного приступа подагры, и отсоветовал ему обращаться к министру двора. Г. Гирс рекомендует ему переговорить о своем затруднении с великим князем Владимиром и выждать случая представиться их величествам.

По всем признакам, на этот раз не желают слишком баловать //„единственного верного и честного друга России“⁴⁷// . В виде приложения к приглашению на //заутреню// приносят специальную //повестку//, предлагающую быть //в „русских лентах“//, несмотря на присутствие этого в своем роде тоже иностранного монарха.

Суббота, 20 апреля.

Вечерние телеграммы дают результаты баллотировки в Гестемюнде. Таким образом, князь Бисмарк окончательно избран и принял мандат депутата⁴⁸. Ввиду того, что „Hamburger Nachrichten“ сильно раскритиковали торговый договор⁴⁹, который должен быть заключен между Германией и Австро-Венгрией, а затем бывший канцлер также заявил, что он без колебания будет становиться в оппозицию всякий раз, как этого потребуют интересы родины, император Вильгельм со своей стороны в своей речи на недавнем банкете в Дюссельдорфе сказал, что всякая оппозиция против австро-германского договора свидетельствует о недостатке патриотизма и что, впрочем, он является единственным хозяином в Германии и никогда не потерпит другого. Таким образом, выявляются признаки все более и более ожесточенной борьбы. Князь Бисмарк не появился на похоронах графа Мольтке, а ограничился трогательным выражением соболезнования, посланным по телеграфу его семье: очевидно, он желал избежать случая встретиться со своим монархом. „Hamburger Nachrichten“ сочли нужным подчеркнуть, что он совершенно здоров.

Воскресенье, 21 апреля.

Пасха. К 11 часам я поднимаюсь наверх к Оболенскому, который только что собрался вставать. Мой министр тоже поднялся так поздно, что мне удастся его видеть лишь к полудню. Он присылает сказать, что направляется ко мне, но я его предупреждаю, и мы встречаемся в зеленой гостиной. Он очень любезно христосуется; затем он ставит мне странный вопрос: был ли он прав, давая из //„наградных“//, которые распределяются между старыми чиновниками министерства, три тысячи рублей Оболенскому, хотя последний и богат? Я отвечаю, что я был очень рад, узнав про это решение, и даже очень советовал своему другу принять это награждение без угрызения совести; иначе этот род внимания, выражающийся в деньгах, сделался бы очень унижительным для тех, кому он оказывается. //Ведь не „на бедность“ эти наградные суммы выдаются!//

При императорском выходе этой ночью шествие открывалось их величествами; во второй паре князь Черногорский вел великую княгиню Марию Павловну. Кажется, этот „лучший друг“, дойдя до решетки, перегораживающей ту часть церкви, которая предназначается для августейших особ, счел нужным скрыться в толпе великих князей, но великий князь Владимир удержал его за талию, чтобы он встал среди братьев государя. Он был в своем национальном наряде, с лентой св. Андрея. Газеты сообщают о переходе в нашу православную религию наследной принцессы греческой. Если судить по донесениям нашего поверенного в делах в Афинах, в стране к этому отнеслись с большим энтузиазмом.

Вторник, 23 апреля.

За завтраком Оболенский рассказывает, что в кругах, которые принято называть „великосветскими“, он слышал одобрительные отзывы о том, что дочь нашего бедного старого министра на пасху не была назначена фрейлиной, в то время как это назначение получили сразу шесть девиц, избранных среди совсем молодых представительниц более аристократических домов. „Ведь министров так много, — говорилось там. — Гирсы, может быть, и очень хорошие люди, но они не принадлежат к нашему кругу“. Даже супруга министра, рожденная княжна Кантакузен и дочь урожденной княжны Горчаковой (сестры покойного канцлера), считается „румынкой“ и т. д., и т. д.

Я замечая, что аристократические принципы мне очень симпатичны, но что, по моему мнению, они не должны у нас хотя бы в малейшей степени затрагивать принципы самодержавной монархии. Монарх — единственный хозяин, и один несет ответственность за выбор своего министра иностранных дел, а потому, когда в течение десяти лет внешняя политика поручена государственному человеку, честность и преданность которого непоколебимы, русский самодержец обязан создать этому сановнику соответствующее положение и дать ему влияние и престиж, достаточные для того, чтобы общественное мнение относилось к нему с уважением. Говорят, „много министров“! Это верно, но если другие могут заниматься порученными им делами, оставаясь в тени, и работать на благо своей страны, с презрением игнорируя эту маленькую клику паразитов, обязанную своим положением случайностям рождения, клику, которая по преимуществу составляет двор и круг развратников и бездельников, называемый „светом“, то министр иностранных дел не может устраниваться от обязанностей представительства, а потому ему надо оказывать все знаки внимания и моральную поддержку, необходимые ему ввиду его исключительного положения. Павел I говаривал, что в России может быть вельможей лишь тот, с кем он разговаривает, и лишь до тех пор, пока он говорит с ним. Подобное домогательство было бы в наши дни чрезмерно, но когда император всероссийский должен считаться с этим так называемым „общественным мнением“ окружающей его жалкой среды и, награждая своим доверием и даже дружбой министра, вынужден делать это лишь полуофициально, то это значит очень далеко отступить от традиций былых великих монархов; во всяком случае, это значит отказываться от престижа самодержца! За последние два года „Готский альманах“ стал называть императорскую семью „домом Гольштейн-Готторпским“. Действительно, нужно уже не чувствовать себя больше Романовыми и не чувствовать себя полными хозяевами у себя, чтобы прибегать к некоторым приемам, принятым за последнее время нашей императорской семьей.

Среда, 24 апреля.

Я вижу моего министра лишь мимоходом; он в мундире и собирается отправиться со своим сыном Михаилом в крепость. Он спрашивает, почему я к ним не присоединяюсь, и я

смеясь отвечаю ему, что если никого не оказалось бы на улице, чтобы любоваться всеми этими красивыми процессиями, то подобные зрелища окончательно утратили бы смысл. Г. Гирс передает мне весьма доверительное письмо барона Моренгейма, которое ему было привезено вчера банкиром Госкье, большим другом нашего посла в Париже. Последний имел беседу с министром иностранных дел г. Рибо, который высказал ему опасение, как бы Германии не удалось вовлечь Россию в эконоическое объединение, имеющее своей целью изоляцию Франции. Рибо высказал, впрочем, большое доверие к нашим добрым намерениям и уверенность в том, что в задачи России не входит нанесение ущерба интересам Франции. Поэтому он желал бы предупредить наше торговое соглашение с Германией, заключив вместо того договор между Россией и Францией в целях урегулирования торговых отношений в интересах обеих стран. Продолжая разговор, он выражает желание узнать: 1) начали ли мы уже предварительные переговоры с Германией и какой прием был нами оказан берлинским предложениям по этому вопросу; 2) как мы отнеслись бы к подобным же шагам, которые могли бы быть предприняты Парижем, и 3) когда мы могли бы приступить к переговорам. Я полагаю, что сделать это можно было только после пересмотра наших таможенных ставок, вопрос о которых находится теперь в стадии изучения. Г. Гирс тотчас же посоветовался по этому делу с министром финансов, и оба нашли, что домогательства г. Рибо чрезмерны. Нельзя ставить таким путем в затруднительное положение дружественную державу, запрашивая ее по поводу секретных переговоров, которые мы начали для ограждения своих торговых интересов. Подобное соглашение с Францией не может нам дать серьезных выгод, в то время как соглашение с Германией, покупающей у нас одного лишь зерна на триста миллионов, является неизбежной необходимостью. Оба министра полагают, что надо дать барону Моренгейму ответ такого рода, чтобы он почувствовал нескромный характер заявления, которое согласился передать и которое он, быть может, сам и вызвал; а затем по поводу наших переговоров с Германией они решают ответить уклончиво, заверив, что мы питаем наилучшие чувства и намерения в отношении Франции.

С другой стороны, приехавший вчера вечером на похороны великого князя Николая граф Шувалов передал министру весьма интересную записку о своих разговорах с германским

министром иностранных дел г. Маршалем по поводу тарифных вопросов.

Эти переговоры велись на основе записки г. Вышнеградского, переданной им графу Шувалову в марте месяце после обмена мнений, происходившего тогда между Шуваловым и прусским министром финансов г. Берлепшем. В этой записке г. Вышнеградский заявляет, что в принципе он нисколько не возражает против установления постоянных таможенных ставок на некоторое ограниченное количество продуктов на срок от пяти до шести лет ⁵⁰. По мнению нашего посла, трудность заключается в том, чтобы добиться приемлемого для обеих сторон равновесия в отношении выбора предметов, на которые должен быть установлен постоянный тариф, а затем в установлении самых размеров таможенных ставок. Г. Маршалъ сказал графу Шувалову: „Я не разделяю мнения бывшего канцлера, будто хорошие политические отношения нисколько не связаны с отношениями торговыми. Как раз наоборот, я полагаю, что торговые связи должны скреплять связи политические путем сближения материальных интересов обеих стран. Если наши политические отношения превосходны, то я этому еще больше радовался бы, если бы они были закреплены экономическим сближением...“ „Мы могли бы вам предложить: 1) отказ от применения к вам каких бы то ни было дифференциальных тарифов; 2) уступки в отношении таможенных ставок на рожь, лес и керосин; 3) быть может, и на другие продукты, если бы вы сочли нужным указать таковые; со своей стороны, мы бы просили об уступках по ряду продуктов, которые могли бы быть распределены на следующие группы: а) металлические изделия, б) химические продукты и краски, в) изделия из шерсти, хлопка и шелка, г) земледельческие продукты — сахар и хмель. Мы равным образом желали бы уравнивания таможенных ставок для товаров, идущих в Россию из Пруссии как морским, так и сухопутным путем, например для чугуна и для угля“ Так как этот список показался нашему послу слишком длинным, то г. Маршалъ заметил: „Вы говорите о постоянных тарифах, но подумайте, ведь мы еще не знаем, каковы будут ваши тарифы, которые в данное время пересматриваются“ ⁵¹. „Мы вам предлагаем снижение ставок на самые важные предметы вашего вывоза, — одного лишь зерна вы вывозите к нам на триста миллионов“. По этому поводу граф Шувалов напомнил барону Маршалю, что во время прошлой беседы он согласился с мнением г. Вышнеградского о том, что

следовало бы совершенно исключить наш хлебный экспорт из общего баланса. Барон Маршаль признал справедливость этого замечания ⁵².

Этот академический разговор намечает вехи для соглашения, что может иметь самые благоприятные результаты для нашей торговли и в особенности для хлебного экспорта. Отдавая должное услугам, которые были оказаны нам Францией и которые еще могут быть ею оказаны в области финансовой и биржевой, г. Вышнеградский признает, что тарифные соглашения с Германией будут нам бесконечно выгоднее. Поэтому следует написать г. Моренгейму в том смысле, чтобы, с одной стороны, не раздражить и французов, а с другой стороны, не лишить нас полной свободы действий по отношению к немцам.

Около 11 часов я отправляюсь по Миллионной и, дойдя до дворца принца Ольденбургского, занимаю место в промежутке, отделяющем его от //Лебяжьей канавки//. Отсюда очень удобно наблюдать за прохождением погребального шествия, перевозящего в крепость тело бедного великого князя Николая, прибывшее сегодня утром из Москвы.

Прекрасное впечатление производит на меня весьма уচিতая и добродушная публика. Но какая разница по сравнению с теми чувствами, которые проявлялись в таких случаях прежде! Теперь приходят смотреть на подобные торжества единственно из любопытства. Смеются, курят, разговаривают, читают церемониал, как программу спектакля, — вот и все. Я вспоминаю, что во время моего детства, когда при погребении императора Николая по улицам проходило шествие, толпа теснилась с обеих сторон на его пути, становилась на колени при приближении траурной колесницы с телом государя, плакала и крестилась. Иные времена — иные нравы.

Бедный великий князь! В общем он был честным человеком, добрым и сердечным. Он пользовался известной популярностью среди войск и проявил себя с хорошей стороны во время последней войны в Крыму. Впрочем, я помню, как во время наших неудач под Плевной здесь с иронией переиначивали телеграммы, посылаемые им с театра военных действий. Между прочим распространялось довольно характерное четверостишие:

//Всюду дождик и ненастье,
На Балканах выпал снег,
Но ведь главное несчастье,
Что я глупый человек!//

Зиновьев рассказывает мне за чаем в 4 часа, что у него вчера вечером долго сидел г. Вышнеградский и что наш министр финансов показался ему весьма озабоченным. Его беспокоило все более и более реакционное направление правительства; мы стали уже критиковать, говорит он, судебные установления, составляющие гордость прошлого царствования; желали бы, по возможности, изменить их характер и даже вовсе их упразднить. Полицейские репрессии таковы, что на днях несколько студентов и слушательниц высших женских курсов были высланы из столицы только за то, что шли с венками в погребальной процессии либерального писателя Шелгунова. Безумные и незаконные преследования евреев проводятся без всякого толку и смысла. В связи с назначением великого князя Сергея только что выслали из Москвы всех тех несчастных евреев, которым Долгоруков разрешил водвориться в Москве и которые по смыслу закона имели полное право на пребывание в Москве, поскольку они занимаются профессиями, удовлетворяющими условиям, предусматриваемым законом⁵³. Вышнеградский полагает, что лучше уж провести поголовное их избиение, чем доводить и виновных и невинных евреев до отчаяния и до гибели без всякого другого на то основания, кроме возмутительного произвола. Тупость и карьеризм г. Дурново превышают все, что можно об этом предположить. Когда его назначили министром внутренних дел, то думали, что он, будучи лишен всякого здравого смысла и инициативы, будет неукоснительно проводить систему своего предшественника, графа Дмитрия Толстого. Говорили, что //он будет „Алехимитрием“ и все пойдет по-старому//. Но, несмотря на все свои недостатки, граф Толстой был умным и весьма просвещенным человеком, в то время как Дурново только //чиновник//, старающийся угодничать свое начальство, но совершенно неспособный посоветовать ему что-либо разумное. Г. Вышнеградский опасается, что внутреннее положение Германии вызовет у Вильгельма II желание искать выход в международных осложнениях и что европейская война прервет наши финансовые успехи и постепенный рост народного богатства России. Германия всегда может найти против нас поддержку со стороны Англии, которая повсеместно является нашим противником. Зиновьев полагает, что вся наша политика должна быть направлена на заключение соглашения с лондонским кабинетом; время для этого, по его мнению, конечно еще не наступило, но он думает, что мы должны готовить

железнодорожные линии и материальные средства в Средней Азии. Средняя Азия представляет ту арену, на которой в более или менее близком будущем мы придем или к грандиозной борьбе, или же к соглашению, которое было бы шедевром дипломатического искусства! Все это заслуживает размышления.

Четверг, 25 апреля.

Государь возвращает с пометой: //„Это успокоительно“// телеграмму графа Толя из Копенгагена от 24 апреля/6 мая, которую мы вчера послали его величеству; оказывается, что небольшой, строящийся сейчас порт на северо-западном побережье острова Борнгольм не может иметь никакого значения. Это маленькая бухта в 18 футов глубины, могущая вместить лишь два судна небольшого тоннажа; она устроена в целях разработки залежей гранита, предназначенного для постройки Голштинского канала. Его величество пишет на полях: //„Отчего же он никогда об этом не писал?“// Но разве наш посланник в Дании мог себе представить, какие беспочвенные опасения могла изобрести германофобия барона Морентейма под влиянием постоянных происков его друга Ганзена, порождающего эти страхи в несколько расстроенном мозгу нашего посла в Париже! Я составляю ответ на его письмо по поводу нескромных запросов г. Рибо. Министр одобряет мой проект, но хочет его показать министру финансов.

Возвращаясь от брата, я встречаю государя одного в коляске; за ним едут в карете императрица с великой княгиней Ксенией; они направляются в крепость //на панихиду//. Мне кажется, что на всем протяжении их пути приняты исключительные полицейские меры. Говорят, что были получены угрожающие письма.

Пятница, 26 апреля.

По городу циркулируют два новых анекдота. //„Москва стояла до сих пор на семи холмах, а теперь должна стоять на одном бугре“// (bougr'e). Это говорят, намекая на великого князя Сергея *. Рассказывают еще, что Победоносцев очень

„Bougr'e“ означает: к с противоестественными наклонностями.

завидует Вышнеградскому, совершившему так много конверсий, в то время как обер-прокурору святейшего синода не удалось совершить ни одной *. Вышнеградский, который в связи с нынешними обстоятельствами пропустил два доклада, решил написать государю, чтобы осведомить его о финансовой войне, которую нам объявили евреи. Ротшильд взял обратно свое согласие на намеченную конверсию. Вышнеградский ответил объединившимся против нас банкирам угрозой изъять депонированный у них громадный золотой фонд. Во всяком случае, министр финансов считает необходимым соблюдать при нынешних условиях большую осторожность. Однако он не жалеет о несостоявшейся конверсии, к которой он обратился ввиду желания государя облегчить ликвидацию дел слившегося с дворянским банком // „взаимного поземельного банка“ //. Эта комбинация, которую вбили государю в голову, мало интересует министра финансов, но он пользуется кажущейся неудачей, понесенной им вследствие оппозиции больших еврейских банкирских домов, чтобы посоветовать большую осторожность и справедливость по отношению к евреям, столь жестоко преследуемым в России.

Воскресенье, 28 апреля.

Занимаюсь немного своими записками. Когда я поднимаюсь наверх к министру, перед ним лежит только что полученное им от его величества подписанное государем ответное письмо германскому императору. Я предлагаю перечитать его, и при этом оказывается, что в департаменте внутренних сношений была сделана ошибка: принц Саксен-Альтенбургский, который должен отвезти это письмо, назван принцем Саксен-Мейнингенским. Придется сделать подчистку, но министр очень доволен, что я обратил на это внимание. Он мне показывает записку г. Вышнеградского, который одобрил мой проект ответа барону Моренгейму, но я замечаю, что надо еще посмотреть, что привезет из Парижа и Берлина очередной курьер, ожидаемый сегодня. Г. Гирс считает министра финансов настолько тонким и даровитым человеком, что работать с ним одно удовольствие; его проницательность, гибкость и работоспособность совершенно необычайны. Со своей стороны, г. Вышне-

* „Conversion“ означает и „конверсия“ (займа) и „обращение“ в смысле перехода в другую религию (в данном случае в православие).

градский отдает должное моему министру; я слышал, что он его считает за единственного настоящего государственного деятеля среди своих коллег и думает, что в большой мере обязан ему своими финансовыми успехами, которые были бы невозможны без последовательной и разумной политики. Он рассказывал г. Гирсу, что бывший у него Флуранс восхищался положением России и ее политикой, превознося нашего государя. Но Вышнеградский, повидимому, невысокого мнения о способностях его величества: // „Мы ведь его знаем: он не при чем в том положении, которым мы обязаны вам и вашей политике“.

Я возвращаюсь к двум часам; скоро прибывает курьер. Некоторые из привезенных им экспедиций представляют большой интерес. Наш поверенный в делах в Берлине, граф Муравьев, доносит (от 26 апреля/8 мая): „Сербский поверенный в делах сообщил мне доверительно, что, как ему стало известно из достоверного источника, союзный договор между Германией, Австрией и Италией, истекающий в будущем году, только что возобновлен на пять лет⁵⁴. Это сообщение было сделано сербскому представителю под условием, что он не передаст его представителям России и Франции, но он не считает себя в праве, ввиду хороших отношений его страны с Россией, оставить меня в неведении. Г. Павлович (сербский поверенный в делах) добавил, что, по его сведениям, Германия больше всех настаивала на возобновлении союза и оказала в этом смысле сильное давление на обоих союзников, опасаясь, что через год Италия может оказаться менее склонной к этому, чем в настоящее время. С другой стороны, римский кабинет, идя навстречу желанию Германии, поставил условием полное соблюдение тайны, чтобы иметь возможность продолжать экономические переговоры, которые он ведет с Францией, и обольщать последнюю надеждой, что в будущем году Италия выйдет из так называемой „лиги мира“.

В другом письме от 26 апреля/8 мая Муравьев пишет по поводу избрания князя Бисмарка в парламент и крайне натянутых отношений между князем и императором Вильгельмом: „Вероятно, лишь осенью глухая, но заметная для всех борьба разразится в германском парламенте; можно предвидеть, что бывший канцлер попытается расстроить австро-германский торговый договор. Осведомленные лица полагают, что договор будет все же принят, несмотря на оппозицию князя Бисмарка, но бывший канцлер докажет

призрачность коммерческих выгод, которые этот договор должен доставить обеим странам, и покажет, что действительная цель нынешнего правительства заключается в достижении политического успеха перед общественным мнением". „Торговые договоры, объединяющие центральные державы на основе их общих интересов, изолируют Францию и заставят ее пойти на соглашение,—продолжает Муравьев.—Таково желание Германии; возможно, что за всем этим планом кроется скрытая надежда, заставив Францию сблизиться с Германией на экономической почве, вынудить ее изменить свое враждебное отношение к Германии и побудить ее, в интересах ее собственного благосостояния, понемногу позабыть о потере Эльзас-Лотарингии. Каждый немец, по моему мнению, убежден в необходимости окончательно сразить Францию или при помощи новой войны, приведя ее в состояние полного бессилия, или же принудив ее пойти на соглашение с Германией. Последний путь конечно сопряжен с меньшим риском и жертвами, нежели первый, а потому его предпочитает громадное большинство в Германии; этого не высказывают вслух, но это проглядывает по всякому поводу“.

Эти два письма наводят на многие мысли; как я уже предвидел, приходится изменить письмо Моренгейму; мы не можем теперь упрекать г. Рибо: шаг его перестает быть нескромным ввиду опасности, грозящей Франции.

Барон Моренгейм пишет в письме от 25 апреля/7 мая, что пресловутое 1 мая как в Париже, так и во всей Франции прошло совершенно спокойно; он указывает, что во Франции нет настоящего пролетариата и пауперизма в собственном смысле этого слова. Анархия не является ни правительством, ни общественным строем,—это просто нелепость*, и французы, жаждущие порядка и спокойствия, не могут к ней стремиться. Революция могла бы назреть в Париже, но Париж уже более не представляет всей Франции; провинция его не любит. Впрочем, революции не могут стремиться к ниспровержению республики*! Остается только свергать министерства, но ведь это делается так просто!

Г. Стааль пишет из Лондона от 24 апреля/6 мая: //„При грандиозной по числу участников манифестации рабочих в прошлое воскресенье,—надобно отдать справедливость миролюбивому настроению и самообладанию английских рабочих, а также чувству законности, которое ими было обнару-

* Так в подлиннике.

жено, — митинг 3 мая не повлек ни к какому случаю безнравия и даже прошел без нарушения порядка и общественной тишины“./

Князь Лобанов пишет из Вены от 25 апреля/7 мая: общественное спокойствие не было нарушено ни разу. В Пратере первого мая было большее стечение нарядных выездов, чем обыкновенно, и не происходило никаких демонстраций со стороны рабочих. Число их не превышало 15 тысяч, а следовательно было значительно меньше, чем первого мая прошлого года. На многих фабриках работа прекращена не была. По сведениям из других промышленных центров Австрии, нигде не происходило беспорядков, которые потребовали бы вмешательства властей.

В небольшом собственноручном письме князь Лобанов передает вполне достоверные данные, полученные им о женильбе молодого князя Михаила. Его свадьба состоялась в Венеции благодаря снисходительности греческого архимандрита, к которому великий князь явился в таком возбужденном состоянии, что это духовное лицо, опасаясь, чтобы его императорское высочество тут же не покончил с собой в случае отказа, удовлетворялось предъявлением документов, удостоверяющих, что великий князь и девица де-Меренберг не состоят в браке, и повенчал их в смежной с его квартирой небольшой молельне в присутствии одного англичанина и какого-то прохожего, вызванного с улицы в качестве свидетеля и получившего за это двадцать франков. Г-жа Меренберг пожелала получить от нештатного русского консула легализацию брачного свидетельства, подписанного греческим архимандритом, но консул, итальянец по происхождению, был предупрежден одним из своих коллег о неправомерности этой просьбы и в конце концов отказал в указанной легализации.

Сегодняшний курьер привозит первую экспедицию г. Влангали, который был, повидимому, принят в Риме с распростертыми объятиями. В торжественной аудиенции, продолжавшейся около часа, король наговорил много лестного о русском императоре, но ни его величество, ни маркиз Рудини не сделали ни малейшего намека на щекотливый вопрос о секретных договорах, объединяющих Италию с Германией и Австрией.

Экспедиция Извольского от 24 апреля/4 мая дает любопытные подробности о беспорядках, происходивших в Италии главным образом в Риме по случаю 1 мая. Ватикан про-

тестует и указывает, что если итальянские рабочие, находящиеся в самых лучших условиях по сравнению со всеми другими европейскими странами, дошли до таких крайностей, то это доказывает, что созданное революцией королевское правительство не обладает ни необходимой силой, ни влиянием, чтобы побороть их. По мнению св. престола, это правительство дало Италии лишь весьма сомнительные средства защиты от внешних врагов, причем эти средства таковы, что, понапрасну истощая страну, они разрушают ее изнутри. Св. престол также спрашивает себя, не входит ли в интересы всего цивилизованного мира защита святилищ Рима и соборных в нем произведений искусства; между тем взрыв порохового склада, устроенного вблизи города, нанес им кощунственный ущерб: //„Ватикан и храм св. Петра, вследствие их близости от „Порта Портеза“, довольно сильно пострадали от приключившегося уворот Рима взрыва порохового погреба, уничтожившего огромное количество стекол и разбившего многие драгоценные расписные окна. Починки в одном здании Ватикана немедленно обойдутся в 150 тысяч франков“././Надо еще отметить короткое письмо г. Стааля, дающее отчет о громадной сенсации, произведенной в Лондоне высылкой евреев из Москвы. Повидимому, это вызвало общее возмущение, причем выявились солидарность и обычная готовность к взаимопомощи, поддерживающие еврейский народ. Барон Гирш хочет пожертвовать десять миллионов фунтов стерлингов на покупку в Аргентине и в Африке обширных земельных участков, предназначенных для расселения его единоверцев. Повидимому, он желает просить для них по крайней мере о некоторых облегчениях, дабы организовать при лучших условиях их эмиграцию из России.

[Возвращаясь с прогулки,] в дверях встречаюсь с министром; он находится под впечатлением писем Муравьева и соглашается, что при таких обстоятельствах французов необходимо щадить. После обеда я перерабатываю проект письма барону Моренгейму и занимаюсь своими записками.

Понедельник, 29 апреля.

Министр, повидимому, вполне одобряет изменения, внесенные мною в проект письма нашему послу в Париже, и хочет при случае показать их министру финансов до представления проекта на утверждение государю на своем завтра-

рашнем //докладе.// Г. Гирс отправляется в 11 часов к великому князю Сергею; сегодня день рождения великого князя, и у него собираются к обеду, а затем к завтраку вся императорская семья и двор.

К чаю Капнист появляется сияющим; повидимому, он добился своего рода „modus vivendi“ с Палестинским обществом и сегодня был приглашен к завтраку, причем с ним были очень любезны. Он сидел слишком далеко, чтобы расслышать слова, сказанные государем, но его уверили, что, подымая бокал, его величество пил за здоровье //„новорожденного московского генерал-губернатора“//.

У министра обед, на который приглашено несколько иностранных представителей. В 7½ часов я отправляюсь в баню; спускаясь с лестницы, я встречаю ген. Безака, начальника главного управления почт и телеграфа; он крайне взволнован и возбужден. Ему необходимо, говорит он, повидать министра хотя бы на одну минуту по поводу известия, которое он только что получил и в связи с которым не знает, что предпринять. Я ему замечаю, что если министр будет вынужден выйти из-за стола, то это произведет большое впечатление на присутствующих дипломатов, и приглашаю его зайти ко мне, чтобы помочь ему справиться, какой пост занимает в Японии г. Биландт; повидимому, знать это для него все же необходимее. Когда мы справились в „Готском альманахе“, то оказывается, что г. Биландт является нидерландским посланником в Токио, где он также представляет шведский и датский дворы. При этом известии ген. Безак проявляет еще большее беспокойство и говорит мне: „В таком случае это серьезно. Вот телеграмма, которую я счел нужным задержать; г. Биландт ее адресовал в Стокгольм и Копенгаген“. Я читаю: „Великий князь, русский наследник, опасно ранен в лоб сегодня утром в Отсу, поблизости озера Вива, ударом сабли, нанесенным ему в голову полицейским. Подробностей нет“. Я очень потрясен этим известием; оно не может быть ложным, если дипломат клэром передает его правительству, им представляемому. Я тотчас же осведомляюсь, получены ли в министерстве какие-либо шифрованные телеграммы, но никаких телеграмм не приходило, а г. Безак утверждает, что на центральном телеграфе таковых тоже не было получено — ни на имя государя, ни на имя японского посланника. Я советую генералу во всяком случае задержать телеграммы г. Биландта, которые могут и запоздать в Стокгольм и Копенгаген, а самому — вернуться к 9½ часам, чтобы посоветоваться с ми-

нистром после того, как он встанет из-за стола. Я глубоко взволнован и потрясен, размышляя о случайно ставшем мне известным событии, последствия которого не поддаются никакому учету.

Узнав, что мой министр только что встал из-за стола, я начинаю с того, что пишу ему несколько слов, дабы сообщить ему о посещении ген. Безака по поводу „тревожной телеграммы из Японии“, а затем, немного подготовив его таким образом, я в запечатанном конверте посылаю ему сообщение об ужасной новости. Перепуганный г. Гирс пишет мне несколько слов, прося меня подняться к нему наверх, но в это время приезжает ген. Безак, и я дождался его отъезда, прежде чем отправиться к моему начальнику. Министр совершенно подавлен; он одобряет мое решение задержать телеграммы Биландта; министр уже просил главного начальника телеграфа задержать их до завтра. Совсем неверным известие быть не может. Во время обеда г. Гирсу подали записку от графа Воронцова с вопросом, получили ли мы что-либо из Японии, но он мог лишь указать на полученные за последние дни телеграммы с описанием великолепного приема, оказанного великому князю наследнику. Мы тотчас же запрашиваем нашего посланника в Токио. В это время приносят новую телеграмму, равным образом задержанную ген. Безаком; это телеграмма испанского посланника в Токио, который сообщает своему правительству, что русский наследник ранен сегодня утром в лоб. Мы теряемся в догадках. Министр очень беспокоится по поводу завтрашнего доклада, но успокаивается, увидя случайно в окне месяц с правой стороны: „Все кончится благополучно, в этом отношении я суверен!“ Приходится ожидать прямых известий; я даю указание дежурному чиновнику расшифровывать в первую очередь всякую телеграмму из Японии, если даже она придет глубокой ночью. В тот момент, когда я ложусь спать, в 11½ часов, мне сообщают, что меня желает видеть Капнист, только что вышедший от министра, и я тотчас же выхожу в гостиную. Капнист меня предупреждает, что японский посланник только что сообщил о своем желании переговорить с г. Гирсом, находящимся в крайнем беспокойстве. Я решаюсь дождаться результатов этого ночного посещения, которое должно выяснить положение. Капнист меня покидает, а японский посланник приезжает лишь к 12½ часам. После его ухода я спешу к министру, который уже успел послать за мной. Перед ним лежит официальное сообщение

японского правительства, подтверждающее тревожное известие, которое мы узнали из телеграмм, задержанных на центральном телеграфе. Сообщение таково: „Токио, 8 часов 30 минут вечера 11 мая. На русского наследного принца было сегодня в полдень в Отсу совершено нападение фанатиком Шига-кеном; принцу нанесена была рана в голову. Все подробности еще не получены. Рана довольно серьезна, но наследник находится в полном сознании. Спешим выразить наше глубокое соболезнование через г. Гирса“ * и т. д., и т. д.

Мой бедный старый начальник, будучи переутомлен и крайне обеспокоен, не знает, что предпринять и на что решиться: „Как сообщить подобное известие родителям?“ „Как я появлюсь завтра в Гатчине?“ „Какое несчастье!“ „Именно на великого князя наследника я возлагал лучшие надежды, помышляя о будущем России“. „Что будет, если он погибнет“, и т. д., и т. д.

Наконец, ввиду того, что отложить сообщение столь печального известия невозможно, я советую г. Гирсу тотчас отправить государю с ночным фельдъегерем, ранним утром выезжающим завтра в Гатчину, соответствующее письмо вместе с официальной телеграммой, переданной японским посланником. Самому же, вместо того чтобы выезжать по обыкновению с поездом, выходящим в 10½ часов, отбыть в императорскую резиденцию девятичасовым поездом. В конце концов министр соглашается на этот план и садится за письменный стол, чтобы написать следующие строки:

„Только что явился ко мне японский посланник, чтобы передать представляемую у сего телеграмму. Глубоко потрясенный заключающимся в оной известием и повергая у сего означенную телеграмму, я буду ожидать приказаний вашего величества в Гатчине, куда отправлюсь с девятичасовым утренним поездом.

Не получив до сих пор никакого известия от Шевича, я немедленно сделал ему запрос по телеграфу. Гирс.

30 апреля 1891. 1 час утра“.

Когда я спустился вниз и передал этот пакет в //фельдъегерскую//, а также послал телеграмму //гоф-фурьеру//, сообщающую, что министр приедет в Гатчину девятичасовым поездом, было уже около 2 часов утра. Я не могу заснуть,

* Сообщение написано по-английски.

мне едва удается задремать на несколько минут. К 6 часам я встаю, одеваюсь и иду в канцелярию узнать, не получено ли чего-нибудь ночью. Оказывается, ничего.

Вторник, 30 апреля.

Когда я иду к г. Гирсу к 8 часам утра, приносят пакет с бумагами, возвращенными государем. Этот пакет не содержит ничего нового. На письме графа Муравьева, где говорится о возобновлении тройственного союза, его величество написал: //„Этого конечно можно было ожидать“//; на депешах князя Лобанова, сообщающих о соболезнованиях, которые были ему выражены эрцгерцогом Альбрехтом по поводу смерти великого князя Николая-старшего, и о демонстрациях 1 мая, государь пишет: //„Кажется, можно было бы написать по-русски? Что тут политического?!“/ Очевидно, запечатывая этот пакет вчера поздно вечером, монарх не имел еще никаких известий о том, что случилось с его сыном и наследником. Г. Гирс уезжает с девятичасовым поездом, я ему советую убедиться по приезду в Гатчину в том, было ли его письмо, посланное ночью, своевременно передано его величеству и вскрыто им. Сегодня же утром я послал короткую записку за подписью г. Гирса, чтобы предупредить ген. Безака, что известие о покушении официально подтверждено японским посланником и что он может отправить задержанные телеграммы по их назначению.

Министр возвращается к 2 часам. Государь сегодня утром получил его пакет одновременно с телеграммой цесаревича на имя императрицы. Его императорское высочество уведомил свою августейшую мать, что ему было нанесено „оскорбление“ („insulted“), но добавил, что рана незначительна, а [состояние] здоровья очень хорошее. Эта телеграмма, полученная непосредственно от великого князя, смягчает тревожное впечатление; государь не показывает сразу государыне японского сообщения, представляющего положение в гораздо менее благоприятном свете. Монарх остается твердым и спокойным, хотя и очень встревожен. Он принимает г. Гирса лишь на минуту и извиняется, что он не может заняться его докладом; министр оставляет ему срочные бумаги и возвращается в город, пообещав, что немедленно в Гатчину перешлет по телеграфу или с нарочным все, что мы получим из Японии. Однако день проходит в тщетном ожидании, и, отправляя пакет в четыре часа в Гатчину, министр ограничивается несколькими строками, сообщающими, что никаких известий

из Японии к нам не поступало. Решено хранить событие в совершенной тайне до получения ожидаемых сведений от Барятинского и нашего посланника в Токио Шевича, который в данный момент должен находиться при наследнике. Государь сказал, что официальное сообщение появится завтра утром в „Правительственном вестнике“. Наконец после обеда, в 7½ часов, приносят шифрованную телеграмму из Киото, но ни одному из находящихся налицо чиновников не удастся сразу ее расшифровать; я им советую взять дешифрант Барятинского, и дело налаживается: в это время появляются вызванные по телефону барон Гревениц и Оболенский, которому я пишу несколько слов в дом Протасова. Телеграмма расшифрована к 9½ часам, а в 10 часов отправлена с нарочным в Гатчину.

Телеграмма Шевича, полученная в министерстве во вторник 30 апреля в 7½ вечера и отправленная в Гатчину в 10½ часов:

„Киото, 29 апреля/11 мая 1891 года. // „Сегодня на улице, в г. Отсу, полицейский нижний чин бросился на цесаревича и ударил его саблей по голове. Рана до кости, но, по словам наших докторов, благодаря бога, неопасна. Его высочество весел и чувствует себя хорошо. Хочет продолжать путешествие, привел всех в восторг своим хладнокровием. Японцы в совершенном отчаянии, злоумышленник задержан, тяжело раненый другим полицейским. Мотив покушения пока неизвестен. Князь Барятинский доносит подробно. Я выразил по телеграфу министру иностранных дел мое негодование“.

Эта телеграмма нас ободряет. Итак, серьезной опасности нет. Начинают прибывать со всех сторон телеграммы с просьбой о сообщении сведений; я предлагаю министру послать нашим послам циркуляр, чтобы их успокоить. Из Токио сообщают, что микадо выезжает к наследнику. Г. Гирс думает, что это недоразумение, но вторая телеграмма Шевича подтверждает это; он передает, что министры иностранных и внутренних дел придут в Киото завтра утром, а японский император завтра вечером. Работая в канцелярии, я не ложусь до 1 часа ночи. Министр вызывает меня несколько раз; в момент, когда мы расстаемся, после часа ночи, приносят пакет от государя; на записке, которой министр в четыре часа его уведомил, что из Японии от Шевича еще ничего не получено, его величество писал: // „Я думаю, что он вместе с Барятинским шифровал телеграмму ко мне“; „при этом

посылаю вам телеграммы, полученные мною от Барятинского“://

/Депеша князя Барятинского из Киото 11 мая/29 апреля 1891 г. в 11 ч. п. пд./12 ч. п. пд./ (Копия переписана женской рукой):

//Сегодня, во время проезда по городу, полицейский нижний чин из самураев внезапно ударил цесаревича саблей по голове; рана около 2 дюймов длины, кожа рассечена до кости. Опасности нет. Вернулся в Киото. Чувствует себя весьма удовлетворительно, весел, не ложился, желает продолжать путешествие. Цесаревич привел всех в восторг своим хладнокровием и добротой по отношению к японцам, которые в полном отчаянии, как власти, так и народ. Сам император приезжает завтра из Токио. Буду ежедневно доносить о состоянии здоровья. Злоумышленник задержан, принадлежит, по предположениям, к партии, враждебной иностранцам.

От князя Барятинского из Киото 12 мая/30 апреля 1891 г. 12 ч./4 ч./

(Почерком государя): //„2-я телеграмма получена в 6 часов“://

„Цесаревич встал сегодня утром, проспав непрерывно 9 часов, температура и пульс нормальны, головных болей нет, ни на что не жалуется, сделанная вчера перевязка раны не беспокоит; слава богу, общее состояние очень хорошо. Дополнительные подробности к моей вчерашней телеграмме: негодяй хотел вторично броситься на великого князя, но был опрокинут ударом палки, нанесенным принцем Греческим, а затем тяжело ранен полицейским агентом“.

(Почерком государя): //„От Барятинского, в 10 часов вечера“:

„Рана неопасна, состояние здоровья весьма удовлетворительно. Доктора спокойны. Усложнений* не предвидится“://

Это любезное сообщение доставляет моему министру большое удовольствие и трогает его; нам кажется, что женский почерк, которым переписаны две первые телеграммы, принадлежит императрице или великой княжне Ксении Александровне; третья, короткая телеграмма переписана целиком государем.

Под этим впечатлением я перехожу из апреля месяца, который был для меня переполнен столькими волнениями, в прекрасный месяц май. Да поможет нам милостивый бог!

* Так в подлиннике.

Появившийся сегодня номер // „Правительственного вестника“ // дает на первом месте сообщение о покушении на цесаревича.

Телеграммы с соболезнованиями и поздравлениями начинают приходить со всех сторон, и государь пересылает их министру с обычной пометой: // „Приготовить ответ“. // В числе их находится весьма трогательная телеграмма от японского императора, но я совершенно не знаю, в каком тоне наш монарх пожелает на нее ответить. Мне кажется, что было бы невеликодушно и неуместно выказать малейшее неудовольствие, и я заготовляю следующую ответную телеграмму: „Искренно благодарю ваше величество за выраженные вами чувства и за знаки внимания, которые вы оказали моему сыну. Я льщу себя надеждой, что несчастный случай, происшедший, к большому прискорбию, в Отсу, не лишит великого князя цесаревича всего удовольствия, которое он предполагал себе доставить посещением вашего величества“. Мне приходит мысль заготовить для нашего очередного курьера, уезжающего завтра, в четверг, циркуляр, который разъяснил бы нашим представителям, как императорское правительство относится к покушению в Отсу, с приложением копий всех официальных телеграмм, сообщивших нам подробности этого покушения. Министр одобряет это предложение и все представленные мною проекты. Он отправляется к великому князю Сергею, выразившему желание перед своим отъездом в Москву согласовать с министром позицию, которую он должен занять по отношению к консульскому корпусу во второй столице.

Государь возвращает вечером вторую телеграмму Шевича из Киото от 30 апреля 1891 г., посланную ночью в Гатчину. // „Император Японии будет здесь сегодня вечером. Министры иностранных и внутренних дел приехали сегодня и выразили мне свою несказанную скорбь и смущение, прося о милостивом прощении. Я отвечал виконту Аохи (министру иностранных дел), что ожидаю от вас сообщения касательно удовлетворения, которое государю императору угодно будет требовать за нанесенное ему и русскому народу оскорбление. Цесаревич здоров и бодр, великодушные его поражает всех“. //

Его величество надписал: // „Потребовать от правительства самое полное и тщательное следствие, а главное узнать как можно скорее, действовал ли убийца по своему желанию или это заговор и есть еще сообщники. От этого будет зависеть дальнейшее пребывание сына в Японии“. „Конечно, никакого удовлетворения нам не нужно“ //

Министр получает также вечером записку от графа Воронцова-Дашкова, в которой спрашивается, нет ли возможности узнать через японского посланника, какова национальность и личность преступника из Отсу. Повидимому, начинают опасаться, что это был переодетый русский и что существовал целый заговор.

Я начинаю сомневаться в том, что государь одобрит проекты телеграммы микадо и циркуляра нашим послам, которые были ему посланы сегодня утром.

Четверг, 2 мая.

Государь одобрил, тем не менее, наши проекты. Очередной курьер может выехать без задержки. Поздравительные и выражающие симпатию телеграммы сыплются со всех сторон, и я дюжинами изготовляю ответы. Монархи и монархини, папа, султан, шах, президенты республик и т. д. истощают свой запас самых разнообразных фраз. Императрица получила в момент переживаемых ею волнений и беспокоейств очень трогательную телеграмму, подписанную „Harico *“. Симпатии этого часто встречаемого в консервах овоща, казалось, имели характер мистификации, но было вскоре выяснено, что японская царствующая императрица носит имя „Harico“, что переводится по-японски поэтическим словом „весна“.

К нашему удивлению, мы получаем от г. Шевича телеграмму, отправленную из Киото вчера, 1/13 мая, с сообщением, что „великий князь цесаревич счастливо вернулся в полном здравии на „Память Азова“. Император и принцы, посетившие его. сегодня утром в Киото, сопровождали отсюда его императорское высочество до пристани в Кобе“. Это поспешное возвращение не было предусмотрено. В 12 часов отслужен благодарственный молебен в нашей министерской церкви, и на этот раз я иду туда. Много министерских чиновников, германский, австрийский и великобритан-

* „Haricot“ — фасоль.

ский послы и греческий посланник. Г. Шишкин устраивает мне своего рода овацию и подходит ко мне во время службы, чтобы пожать руку. После //„многолетия“// я быстро исчезаю.

Сегодня покидает Петербург великая княгиня Анастасия Мекленбург-Шверинская. Ее провожают на вокзал лишь семьи великого князя Михаила и великого князя Владимира, в качестве близкой родни; большой двор относится к ней холодно, но и помимо оказанной ею поддержки женитьбе брата, надо сознаться, что она ведет себя самым скандальным образом. Оставив своего большого супруга в окрестностях Ниццы, она, как говорят, ездит развлекаться направо и налево со своим любовником — в данное время довольно вульгарным англичанином. Ее видали с этим господином в парижских кафе. Домой они оттуда отправлялись на извозчике, как нежная мелкобуржуазная чета. „Кто стесняется, тот не получает удовольствия!“ Легкомысленное поведение, столь строго вменяемое в вину бедной великой княгине Марии Павловне, весьма невинно по сравнению с тем, что делает ее красивая невестка.

Японский посланник пришел к г. Гирсу, чтобы упросить его дополнить официальное сообщение о покушении в Отсу несколькими комментариями, которые смягчили бы тяжелое впечатление, произведенное на общественное мнение, и в то же время засвидетельствовали бы предпринятые императором и японским правительством шаги. Министр написал в этом смысле графу Воронцову, и в //„Правительственном вестнике“// появилась сегодня нижеследующая заметка: //„Наследник цесаревич совершенно здоров, чувствует себя отлично и после двух дней, проведенных в Киото, вернулся сегодня на „Память Азова“. Его величество император японский, в сопровождении принцев и высших сановников, посетил сегодня утром великого князя в Киото и сопровождал его императорскому высочеству до пристани в Кобе. Все власти и японский народ в высшей степени возмущены и опечалены посягательством на жизнь наследника русского престола. Министр императорского двора граф Воронцов-Дашков. 1 мая 1891 г.“//

Министр написал несколько слов государю, чтобы поблагодарить за сообщение вчера вечером телеграммы Бяратинского и выразить ему свои чувства; возвращая эту записку вместе с другими бумагами, государь надписал: //„Слава богу, что все так благополучно кончилось“//.

Пятница, 3 мая.

„Hamburger Nachrichten“, орган князя Бисмарка, продолжает свои маленькие наскоки (*petites attaques*) на Австрию и подчеркивает свои симпатии к соглашению с Россией⁶⁵.

Японский император почти ежедневно сообщает по телеграфу нашему монарху сведения о великом князе наследнике. Бедные японцы делают все возможное, чтобы их простили. Шевич в телеграмме от вчерашнего числа советует отказаться от дальнейшего путешествия цесаревича с тем, чтобы он вернулся прямо во Владивосток.

Суббота, 4 мая.

Телеграмма Шевича из Киото от 2/14 мая, посланная вчера, гласила следующее: //„Кроме визита цесаревичу и торжественных проводов до Кобе, император издал рескрипт, повелевающий кабинету немедленно предать преступника, покусившегося на жизнь возлюбленного цесаревича, в руки правосудия, дабы дружественные и близкие отношения с Россией не были нарушены, а также ввиду* личного успокоения императора, до-нельзя пораженного ужасным преступлением. Сверх того, император повелел, чтобы чрезвычайное посольство с принцем крови во главе отправилось тотчас же в Петербург для принесения от имени его величества извинений перед государем императором. Вследствие того, что торжественность и овационный до сих пор характер приема здесь цесаревича вызвали, повидимому, ныне негодование со стороны фанатиков патриотизма, я считаю дальнейшее пребывание его высочества в Японии небезопасным. К тому же сам цесаревич расположен, кажется, через несколько дней отбыть во Владивосток“.

Его величество возвращает сегодня утром эту телеграмму с пометой: //„Я тоже полагаю, что при таких обстоятельствах пребывание сына в Японии невозможно, и буду ему телеграфировать об этом“.

// Помимо того, на отдельной записке государь пишет: //„Если возможно, весьма желательно было бы отклонить в самых вежливых выражениях приезд сюда японского принца с свитой и сказать, что мы вполне удовлетворены личной любезностью императора, императрицы и всех принцев. А[лександр]“.

Я немедленно заготавливаю телеграмму Шевичу в этом смысле и почти в этих же самых выражениях. Совет по-

* Так в подлиннике.

следнего об отказе великого князя цесаревича от дальнейшего путешествия мне кажется совершенно неправильным. Его императорское высочество не должен продолжать свои экскурсии внутри страны, но посещение Иокогамы и Токио является, по-моему, обязательным. Принятое ныне решение находится в противоречии с пожеланиями, выраженными наследником немедленно после покушения и в телеграмме нашего государя на имя императора Муцухито. //Чего испугались?// Злые языки буквально смогут сказать, //что из Японии по шапке прогнали!// Ведь двор и все классы общества в Японии сделали все возможное; чтобы достойным образом встретить наследника, и вот небольшая царапина заставляет его возвращаться обратно, не отдав долга вежливости монарху и не посетив его. „Положение обязывает!“ Нельзя принимать столь жалкий и трусливый вид.

В общем надо признаться, что путешествие сыновей государя с образовательной целью удалось довольно плохо. Великий князь Георгий вернулся с самого начала этого путешествия чахоточным; наследник присутствовал на многих охотах, быть может, развлекался в веселом обществе, окружающем его, но весь этот спорт лишь весьма мало мог пойти на пользу его развитию, а что касается впечатления, произведенного его появлением на Дальнем Востоке, то оно было далеко не благоприятно. Английские газеты в Индии называли его //„молокососом“// и высмеивали его; некоторые старались распространить легенду, что царь послал своего сына, чтобы оказать почтение вице-королю Индии; банальная и невзрачная фигура великого князя не может оказать внушительного впечатления на восточных людей и на туземцев Индии; как говорил Ону, им нельзя было не испытать некоторого разочарования, видя, как сын и наследник великого и могущественного императора всероссийского садится за стол со ставленниками английской короны, которых они ненавидят. Они не допускали и возможности, что наследник русского престола может обращаться с последними, как с равными себе. Наконец, для завершения всего, великому князю наносится удары японским полицейским, а он убегает домой до наступления срока, назначенного для возвращения, и, по видимому, покрытый шрамами. По появившимся в газетах описаниям, великий князь играл весьма пассивную роль в Отсу, а потом, как только исчезла трагическая и тревожная сторона всего этого несчастного дела, успокоительные известия придали покушению обидный характер про-

стого оскорбления, а поспешному отъезду его императорского высочества придали вид весьма нерыцарственного бегства.

Когда я увидел моего министра, то мне показалось, что он разделяет мое мнение, но было бы трудно возобновить путешествие наследника по Японии; ответственность в этом случае представляется здесь слишком серьезной без знания положения вещей на месте. Тем не менее г. Гирс надеется, что великий князь, отказавшись от предполагаемого путешествия внутрь страны, не откажется от посещения Токио. Посмотрим!

Сегодня уезжает в Москву великий князь Сергей, чтобы вступить в исполнение своих генерал-губернаторских обязанностей. Повидимому, ему готовится весьма блестящая встреча, и Зиновьев, проезжавший случайно мимо дворца великого князя в тот момент, когда последний садился в экипаж, направляясь на Николаевский вокзал, рассказывает, что против бывшего дома Белосельских собралась даже небольшая группа крикунов, оглашавших воздух криками //„ура“//. Не был ли к этому причастен милейший ген. Грессер?

Полученная вечером телеграмма Шевича сообщает подробности о личности преступника, совершившего покушение в Отсу; это японец дворянского происхождения, принадлежащий к одной из самых фанатических сект и служащий в местной полиции. Мы сообщаем эти сведения графу Воронцову-Дашкову.

Воскресенье, 5 мая.

„Правительственный вестник“ помещает сегодня прилагаемое сообщение: //„По официальным известиям, полученным из Японии, выясняется, что злоумышленник, посягнувший на жизнь цесаревича, — местный уроженец, по имени Туда, служащий 8 лет в полиции.

При проезде великого князя Николая Александровича со свитой, в ручных колясках, через г. Отсу на его императорское высочество бросился стоявший тут полицейский Туда и ударил наследника саблей по голове. Несмотря на удар палкой, нанесенный принцем Георгом Греческим злоумышленнику, последний кинулся вторично на цесаревича, но был отброшен японцем, который вез коляску наследника; в это время другому вознице удалось выхватить у упавшего злоумышленника саблю и нанести ему ею тяжелую рану.

По последним известиям, рана цесаревича уже зажила. Министр императорского двора граф Воронцов-Дашков". //

Таким образом, после того как спасение нашего великого князя цесаревича было приписано принцу Греческому, в силу чего комитет министров вынес постановление о награждении принца медалью „за спасение погибающих“, теперь столь же официально сообщается, что удар палкой, данный бездельником принцем Георгом, ничем не помог. Задержанные цензурой частные телеграммы наводят на мысль, что фанатизм японцев был раздражен поведением молодых людей; между прочим, принц Греческий трогал своей палкой применяемые при богослужении колокола в одном из японских храмов и т. д., и т. п. Японский посланник написал г. Гирсу очень теплое письмо, сообщающее о большом желании его правительства, чтобы наследник возобновил свое путешествие по стране по принятому маршруту. Государь, которому было представлено это письмо, вернул его с пометой: „Это невозможно“, но мы продолжаем надеяться, что посещение Токио, куда великий князь мог бы проехать морем через Иокогаму, не будет отменено.

Понедельник, 6 мая.

Министр возвращается совершенно разбитым от усталости ж 3 часам и тотчас же вызывает меня к себе. Ему не пришлось видиться с их величествами, но он узнал от лиц, непосредственно их окружающих, что великий князь цесаревич в данное время покидает Японию, чтобы вернуться прямо во Владивосток. Даже ген. Рихтер, несмотря на свой придворный навык, замечает, что очень неловко // „даже не отдать карточку в Токио“ // . В общем, нападают на бедного Шевича за то, что он запоздал с сообщением сведений о покушении. Императрица, говорят, сделала замечание: „Вот каковы наши дипломаты: русский посланник телеграфировал последним“. В этом осуждении есть доля правды, но следовало бы проверить факты. Цесаревич выразил желание первым сообщить о происшедшем; быть может, также японские телеграфные отделения задержали телеграммы Барятинского и Шевича, дабы первое известие пришло через посредство здешнего японского посланника. Их величества уезжают в ближайшее время в Москву. Императрица выедет оттуда в Крым навстречу великому князю

Георгию, в то время как государь после посещения только что открытых французской и азиатской выставок вернется прямо сюда.

Вторник, 7 мая.

Когда я поднимаюсь наверх к министру к 9^{1/2} часам, он разбирает бумаги, возвращенные государем. В числе их находится письмо нашего поверенного в делах в Греции г. Бахметева от 24 апреля. Премьер-министр г. Делианис не удовольствовался бесстыдными выпадами против своего политического противника, но зашел дальше, нападая столь же непочтительно, сколь и неловко, даже на королевскую семью. Когда принцы Константин и Николай организовали скачки, в которых собиралась принять участие вся королевская семья, г. Делианис в качестве военного министра в последний момент запретил покинуть город всем офицерам афинского гарнизона, предполагавшим участвовать в скачках. Затем он отчислил некоего солдата, служившего в полку, находящемся под командой наследного принца Константина, не предупредив об этом его королевское высочество, дабы, прикомандировав этого солдата к одной из канцелярий, быть приятным какому-то депутату, родственнику последнего. Принц Константин грозил подать в отставку и т. д. Государь надписал на этом донесении: //„И такого нахала король должен терпеть. Что за унижительное положение конституционного монарха!!!“// Его величество всеми силами ненавидит всякого рода конституционный строй.

Вернувшийся к 6 часам министр вызывает меня, чтобы передать мне большое количество бумаг в канцелярию для исполнения. В этот момент он получает телеграмму нашего посланника в Белграде г. Персиани, сообщающую о насильственной высылке из страны королевы Наталии. Это известие смущает министра; мне кажется, что дело произошло при довольно прискорбных обстоятельствах, но это не может иметь серьезных последствий, так как вина и правительства и королевы тут почти одинакова ⁵⁶, что же касается самого факта ее удаления, то это только благоприятно для сохранения и укрепления удобного для нас режима в Сербии, из которого мы должны извлечь, за время несовершеннолетия молодого короля, все для нас возможное. Трудно предвидеть, что произойдет затем; при воспитании, которое получает этот бедный мальчик, который, имея родителей, на деле является

сиротой, у него много шансов стать таким же негодяем, как и его отец.

Ввиду того, что 26 и 30 апреля доклады не состоялись, министру только сегодня удалось переговорить с государем о письме г. Нелидова от 11 апреля и о записке, которая была к нему приложена; его величество не пожелал даже оставить у себя эти бумаги и вполне разделяет мнение г. Гирса на этот счет (см. 19 апреля).

Шевич телеграфирует из Киото 7/19 мая: „Великий князь цесаревич уехал в полном здравии во Владивосток. Японский император прибыл из Киото на фрегат „Память Азова“, где их величества дружески простились после завтрака на фрегате. Сегодня вечером я уезжаю в Токио“.

По случаю представления г. Флуранса их величествам в воскресенье в Гатчине он был приглашен к завтраку. То, что государь едет в Москву и посетит там выставки, судя по перлюстрациям телеграмм, истолковывается многими дипломатами как специальное посещение французской выставки. В общем, в этом нет ничего плохого.

Четверг, 9

Г. Гирс рассказывает мне много подробностей о своем //докладе//, который был третьего дня. Государь не желает оказать какие-либо знаки внимания и даже не хочет послать завтра поздравительную телеграмму румынскому королю по случаю двадцатипятилетнего юбилея его правления. На телеграмме нашего поверенного в делах в Бухаресте, сообщающей о торжествах, которые состоятся по этому случаю, его величество ограничился надписью: //„Желаю им забавляться“//. За завтраком их величества говорили о своем предстоящем отъезде. Министр спросил в шутку императрицу, позволит ли она г. Нелидову приехать из Константинополя, чтобы выразить ей в Крыму свое почтение, и не может ли по крайней мере прибыть в Крым супруга нашего посла, пресловутая //Ольга Дмитриевна//. Ее величество, которая ее недолюбливает, громко протестует, говоря: „Никогда“. Разговор коснулся также мер, принятых для проезда через проливы великого князя Георгия; по этому случаю императрица просит позаботиться, чтобы он не был принят так, как в свое время был встречен великий князь //Александр Михайлович//, судно которого обстреляли, так как разрешение на свободный его проход своевременно получено не было. „Если нечто подобное

случится с моим сыном, знайте, что это приведет к войне". „Да, государыня, — отвечает министр, — в таком случае я первым пошел бы на войну". „Партизаном", добавляет государь. Императрица выражает некоторое сожаление по поводу того, что великий князь цесаревич не сделал короткого визита в Токио, но государь замечает: „Это было невозможно", и меняет тему разговора.

Воскресенье, 12 мая.

„Правительственный вестник" помещает сегодня указ и рескрипт в ознаменование приезда в Сибирь и пребывания там великого князя наследника. Но, прибыв во Владивосток тремя неделями раньше срока, великий князь поставил местные власти в очень затруднительное положение. Многие приготовления не закончены; говорят даже, что на некоторых реках еще ледоход и что большие туманы в это время года весьма затрудняют плавание.

Понедельник, 13 мая.

Встал в 7-м часу и занимаюсь приведением в порядок своего дневника и мемуаров. В полученной вчера экспедиции интересно лишь отмеченное графом Шуваловым старание Германии связать торговые и тарифные соглашения, так сказать, приспособить их (*à greffer*) к договору, только что заключенному с Австрией. Последний сохраняется в секрете, и г. Вышнеградский думает, что мы не должны форсировать заключение соглашения с берлинским кабинетом до тех пор, пока он не сообщит нам этой тайны. По мнению нашего министра финансов, Германия неизбежно должна будет отказаться от дифференциальных тарифов⁵⁷.

Французы высказывают все большую тревогу по поводу грозящей им изоляции. Французский посол в Берлине недавно спрашивал графа Шувалова, в каком положении находятся наши предварительные переговоры. Из этого можно заключить, что он о них слышал и следит за ними с беспокойством. Барон Моренгейм, на основании письма, посланного ему с последним курьером, по возможности успокоил французское правительство, которое только что значительно снизило ввозные пошлины на наш хлеб, дабы усилить как можно скорее наш хлебный вывоз и тем самым отвлечь его

от Германии. Наш посол в Париже указывает, что путешествие президента г. Карно по промышленным районам Франции вызвало ряд всеобщих горячих овадий. Он видит в этом доказательство укрепления республиканского строя, общей удовлетворенности рабочего класса и отсутствия социалистического бедствия, подтачивающего Германию, Бельгию и другие страны. Что касается Моренгейма, то наш посланник в Дании, граф Толь, с тем же курьером посылает г. Гирсу планы и подробное описание так называемого Борнгольмского порта, к которому он присоединяет копию контрактов, подписанных правительством с предпринимателем, датчанином по национальности. В то же время он пишет из Копенгагена в депеше от 9/21 мая: „Из всех этих документов явствует, что маленький порт, а равно акционерное общество, его построившее, не имеют никакого политического значения. Это и было причиной, почему я воздержался от всякого упоминания об этом в моих донесениях на имя вашего превосходительства, хотя в //„Новом времени“// и появились по этому поводу две или три статьи“. „Данные, которые барон Моренгейм счел нужным привести в своем письме от 11/23 апреля, являются такой же игрой воображения, как и указанные статьи. Впрочем, с осени 1888 г. наш посол уже во второй раз считает себя призванным осведомлять ваше превосходительство насчет Дании. Не знаю, из каких источников он черпает свои информации, но, во всяком случае, они и на этот раз столь же неверны, как и в прошлый“.

Прямота и благородство этих строк мне очень нравятся. Между прочим, граф Шувалов пишет, что в троицын день, обычно столь торжественно справляемый в Германии, у Каприви были австрийский посол и г. ф.-Маршалль с толстыми портфелями в руках. Он также полагает, что тройственный союз возобновлен. Я уже приготовил третьего дня, в субботу, письмо (которое министр одобрил и подписал) на имя нашего посла в Константинополе. Его проект воспрепятствовать этому возобновлению демонстративным заявлением о союзе между Россией и Францией оказался бы запоздалым; впрочем, в настоящее время тройственный союз представляет собою уже совсем не то, чем он был несколько лет тому назад, а мы все же никогда не были им слишком озабочены. Князь Лобанов получил анонимное письмо с угрозой, что его убьют, дабы отомстить за страдания, которые испытывают в России единоверцы автора анонимки. Лобанов полагает, что это послание исходит от кого-либо из евреев, высланных в

Австрию; из предосторожности он послал его графу Кальноки.

Тяжелые размышления по поводу того, что наш министр не приглашен участвовать в предстоящей поездке их величеств в Москву. Положение г. Гирса в достаточной мере жалкое. Оболенский думает, что слишком большая его приниженность и скромность, эта постоянно колеблющаяся и шутовская манера уклончиво держать себя вредят ему при дворе. Никто не знает, как он говорит с государем и сколько действительных услуг оказал он отечеству. Когда его назначили, он как-то сказал, что его девиз: //„Не слыть, но быть“./

Мысль хороша, но, к несчастью, не обращая внимания на внешнюю сторону отношений, он дошел до того, что его вообще не признают; одна пользующаяся большим влиянием великосветская дама как-то сказала про него: „Что вы хотите, облик г. Гирса является оскорблением для России“. Наше министерство, некогда столь популярное, находится как бы в длительной опале в нынешнее царствование. Общее беспощадное недоброжелательство.

Капнист появляется к чаю сияющий от удовольствия. Вчера он участвовал в комедии заседания //„Славянского благотворительного общества“// под председательством графа Игнатьева, где был хорошо принят⁵⁸.

Благоприятная перемена, происшедшая в Румынии, по отношению к нам, сказывается в том, что призванные сейчас к власти государственные люди выслали на русскую границу болгарских эмигрантов //Ризова и Назарова//, выдачи которых софийские правители, подстрекаемые австро-венгерским правительством, требовали во что бы то ни стало.

Зиновьев представлялся третьего дня, в субботу, их величествам в Гатчине; он был поражен малыми размерами внутренних комнат в антресолях, в которых его принимала императрица. Государь принял его весьма милостиво, благодарил за службу и много говорил о Персии, не затрагивая вопроса о железных дорогах. Его величество озабочено революционным движением и покушением на жизнь шаха, о которых сообщал военный агент в Тегеране полковник Шнейдер. Это — новый фактор, с которым приходится считаться. Во всяком случае, царствующий шах не является больше долговечным, и надо подумать о том, кто может ему наследовать.

Ионин говорит о наших эмигрантах в Бразилии. Эти несчастные ленивы, беспечны и не способны найти средства к

жизни; они впадают в отчаяние и в крайнюю нищету. Теперь хлопчут о соглашении с бразильским правительством, которое мы собираемся признать, относительно их репатриации за общий счет. Почему эмигранты других национальностей, в десять раз многочисленнее наших, не возвращаются на родину и почти всегда находят возможность устроить свою жизнь и иногда даже разбогатеть?

Разговор переходит на ультраправославное направление нашего правительства. Зиновьев получил от своего брата, лифляндского губернатора, печальные известия о том, что творится в балтийских провинциях. Там имеются // „православные“ //, которые со времени своего крещения, о котором они и не помнят, были воспитаны исключительно в лютеранской среде; если, в случае смешанного брака, их дети не бывают крещены в православной церкви, а власти узнают об этом столь естественном правонарушении, то детей отымают от родителей. Можно ли представить себе подобные ужасы!..

Вечером без труда набрасываю циркуляр всем нашим послам. В общем, надо лишь уведомить их о получении их экспедиций, сообщить им о кратковременном отсутствии из Петербурга государя и государыни, о счастливым возвращении во Владивосток великого князя цесаревича, о сохранении, несмотря на все, что произошло, совершенно дружественных отношений с Японией и наконец о нашей оценке прискорбных событий, происшедших в связи с насильственной высылкой королевы Наталии из Белграда. Конечно королева поступила бы лучше, отказавшись от сопротивления, в котором упорства было больше, нежели разумности, но и сербское правительство должно было при столь прискорбных обстоятельствах действовать умереннее и осторожнее. Мы надеемся, что все это не оставит следов и что наступит конец семейным конфликтам, угрожающим общественному спокойствию и судьбе династии.

Вторник, 14 мая.

Министр в восторге от моего проекта циркуляра и целиком одобряет его.

Государь подписал 9 мая грамоты на орден св. Александра Невского гг. де-Фрейзинэ и Рибо; мы тотчас же сообщаем об этом г. Морентейму с тем, чтобы известие об этом отличии пришло раньше арбитражного решения, под-

писанного его величеством сегодня утром, по которому река Ава должна рассматриваться как пограничная между французскими и нидерландскими владениями ⁵⁹.

Вчера мы получили от Нелидова телеграмму, сообщающую об отправлении им двух весьма секретных депеш, заключающих предложения примирения от имени Стамбулова, которые последний будто бы доставил послу через посредство болгарского экзарха ⁶⁰ в Константинополь. Нелидов просит дать ему ответ по возможности скорее. Эти совершенно секретные депеши были получены сегодня, и министр поручил Капнисту посоветоваться со мной. Он полагает нужным сослаться на заявления, сделанные Цанкову в 1888 г. государем. Я говорю Капнисту, что, по моему мнению, следовало бы сослаться на обмен мнений, начатый в прошлом году с великим визирем и прерванный резким изменением положения в связи с отставкой князя Бисмарка ⁶¹. Я достал из архива и передал Капнисту все документы, относящиеся к переписке за то время, когда была изложена наша программа.

Среда, 15 мая.

Министр, которого я вижу в обычное время, как будто совершенно забыл о переговорах в январе, феврале и марте 1890 г. между великим визирем и Нелидовым по поводу болгарских дел; когда я ему напоминаю весь их ход и подробности, он соглашается со мной, что нам следует сослаться на эти переговоры. Сделанный Стамбуловым шаг, может быть, и неискренен, но, во всяком случае, было бы нецелесообразно отвечать ссылкой на предложение, сделанное его врагом Цанковым. С другой стороны, вернувшись к нашим декларациям минувшего года, мы доказываем, насколько мы тверды и последовательны, не рискуем ничем себя скомпрометировать и выставляем единственно возможную программу выхода из этого злосчастного болгарского тупика. Министр поручает составить //„докладную записку“// в этом смысле и пошлет ее вместе с депешами Нелидова в 4 часа в Гатчину.

Четверг, 16 мая.

Государь вернул сегодня утром //докладную записку//, к которой был приложен текст весьма секретного письма г.

Гирса от 21 февраля 1890 г. и при которой ему были препровождены весьма секретные депеши г. Нелидова. Государь сделал следующую помету: //„Одобряю все эти предположения. Я бы желал прибавить одно, что, если возможно, желательнее выбрать князя православного, и если это не удастся, то тогда только лютеранина“././ Это пожелание суживает нашу программу прошлого года, и я сожалею об этом; министр говорит, что Капнист совсем не умеет редактировать и сам отдает себе в этом отчет; он меня просит составить проект ответной телеграммы, и я тотчас же набрасываю его тут же у него. Министр в восторге от моего проекта и хочет его отложить, дабы иметь два-три часа на размышление и чтобы посоветоваться с Капнистом. Я только настаиваю на совершенной необходимости, по моему мнению, сослаться на наше письмо от 21 февраля и на нашу телеграмму от 8 марта минувшего года на имя Нелидова.

Письмо от 21 февраля 1890 г. я составил на основании разговора, который имел с моим министром в субботу 17 февраля, возвращаясь из церкви после причастия. Это письмо гласит: „Государь не думает, что предложение, которое было вам сделано великим визирем, дает много шансов на практическое разрешение болгарского вопроса. Но раз, по вашим словам, симпатии Киамиль-паши к правительству князя Кобургского, повидимому, уменьшаются, то нам никоим образом не следует обескураживать его в его попытках притти с нами к соглашению. Вы были правы, снова повторяя великому визирю формальное и категорическое заверение, что мы не преследуем никаких собственных выгод в Болгарии, но что мы никогда не согласимся ни на признание принца Фердинанда, ни на признание независимости Болгарии, которую он попытался бы провозгласить в целях сохранения своей власти в стране. Мы уверены, что, открыто став на эту точку зрения, Турция будет содействовать крушению нынешнего болгарского режима, который нам, впрочем, и без того не представляется прочным; этот режим непременно уступил бы перед силой обстоятельств, оказавшись перед непоколебимой и ясной позицией как своего сюзерена, так и российского правительства. Ввиду того, что Киамиль-паша вам высказал предположение, что „если мы можем сговориться о назначении другого князя и предоставим это избрание самим болгарам, упрощая избирательные формальности, то нынешнее правительство, *может быть, согласится отказаться от принца Фердинанда*, который понял бы сам, что ему нечего больше ждать“, вы можете

сказать великому визирию, что мы согласны договориться с Портой относительно приемлемого для всех и могущего быть одобренным болгарами кандидата, но не станем брать на себя инициативу в деле выдвижения какой-либо определенной кандидатуры.

Великодушная и бескорыстная точка зрения нашего августейшего монарха вам известна. Она остается ясной, точной и неизменной: мы не могли бы потерпеть ни реставрации принца Баттенбергского (графа Гартенау), ни избрания кого бы то ни было из членов семьи принца Кобургского или другого католического кандидата. Но, за этими исключениями, мы не станем возражать ни против каких выборов, согласных с условиями берлинского трактата, стремясь прежде всего положить конец ненормальному положению, столь тяжело отзывавшемуся на Болгарию и являющемуся элементом постоянного беспокойства и тревоги во всей Европе. Это — единственная цель, которую мы преследуем в этом злосчастном болгарском вопросе в общих интересах. Если Турция пожелала бы присоединиться к этой цели, она всегда встретила бы у нас искреннее желание притти к соглашению, польза которого так очевидна, что ее не стоит и доказывать. Примите и проч.“.

Ввиду того, что великий визирь, в целом хорошо приняв тогда это предложение, заметил, что для успеха переворота в Болгарии было бы абсолютно необходимо использовать Стамбулова и успокоить его относительно судьбы, ожидающей нынешних министров, я отредактировал проект ответа на письмо от 1/13 марта 1890 г., в котором Нелидов нам сообщал ответ Киамия. Составленная мною телеграмма была одобрена министром и отправлена 8/20 марта 1890 г.

Эта телеграмма гласит: „Отношение великого визиря к вашему предложению представляется довольно удовлетворительным. Наш августейший монарх с интересом ожидает результатов. Если Киамиль настаивал на необходимости использовать Стамбулова с целью удаления Кобурга и правомерного избрания законного князя, то мы не встречаем препятствий к тому, чтобы Порта прибегла к этому способу, если она его считает наиболее целесообразным. Вы были правы, указывая, что для нас важно договориться между собою об избрании нового князя, а не заниматься вопросами о составе министерства, которое в будущем князь будет иметь полную возможность назначить по собственному усмотрению“.

Несколько дней спустя князь Бисмарк покинул свой пост; при том неопределенном положении, в котором Европа оказа-

лась после этого события, турки и болгары прекратили переговоры.

Тем не менее является вероятным, что Стамбулов был осведомлен обо всем, что Нелидов должен был по этому случаю сообщить Киамиль-паше, и если он действительно намеревается в ближайшем будущем избавиться от принца Кобургского, то он мог пожелать справиться через посредство экзарха, попрежнему ли мы расположены притти в этом случае к соглашению. После завтрака я отправляюсь на небольшую прогулку; вернувшись, я нахожу записку от министра; последний, обдумав вопрос и поговорив со своим сыном и с Капнистом, внес небольшую перестановку в составленный мною проект телеграммы. Третий абзац должен занять место второго, а последний — место третьего. Это несколько искажает текст; последний абзац перередактирован: он усилен словами „само собой разумеется“ и „такового“, которые мне представляются не очень живописными, но так как в сущности смысл несколько не изменен, то я одобряю эти поправки, и, кажется, все остаются довольны. Вот телеграмма, которую мы тотчас же посылаем в Константинополь и проект которой был послан в 4 часа государю:

„Ваши совершенно секретные депеши были прочитаны государем, который одобряет ваш ответ экзарху, как вполне соответствующий принципам, изложенным в моем секретном письме от 21 февраля и в моей телеграмме от 8 марта 1890 г., которым его величество остается верен.

Если бы экзарх пожелал назначить, *стговорившись со Стамбуловым* (эти три слова были добавлены министром), вполне заслуживающее доверия лицо, могущее служить посредником для доверительного обмена мнений по болгарским делам с нами, то мы в Петербурге не возражали бы против подобной миссии.

Что касается кандидатов в болгарские князья, о которых говорит ваша депеша, то наш августейший монарх, само собой разумеется, предпочел бы православного и лишь за отсутствием такового был бы приемлем и лютеранин“.

Если шаг Стамбулова неискренен, то такой ответ нас ничем не скомпрометирует, — напротив, он докажет еще раз, насколько мы корректны и верны усвоенным нами принципам. Мне кажется, что телеграмма от 8 марта такова, что она может даже склонить болгарского диктатора на нашу точку зрения. Опасения, которые он, повидимому, высказал митрополиту, являющемуся посредником между ним и экзархом,

сводятся главным образом к тому, что Россия не пожелает допустить каких бы то ни было выборов князя и попытается учредить в Болгарии своего рода генерал-губернаторство, чтобы самой распоряжаться внутренними делами страны. Он хотел бы иметь уверенность, что не будет сделано никакого покушения на независимость княжества и что мы не помешаем закономерному и быстрому приходу к власти нового князя. Если Стамбулов начинает, и притом небезосновательно, не доверять принцу Кобургскому, то он опасается также и слишком долгого междоуцарствия и анархии, которая могла бы стать роковой и лично для него.

Хотя экзарх никогда не принадлежал к друзьям Стамбулова, но он думает, что замена его кем бы то ни было была бы для страны несчастьем. Стамбулов несомненно патриот, другие же были бы лишь приниженными слугами западных держав и даже поддались бы католической пропаганде. Ионин и Зиновьев приходят ко мне к чаю в 4 часа. Обмениваемся воспоминаниями из времен нашей борьбы с Катковым⁶².

Пятница, 17 мая.

Разговоры с Иониним и Зиновьевым, которые уговаривают меня писать мемуары, вызывают интересные воспоминания. Надежда на то, что исход болгарских затруднений не замедлит выяснить наше положение и что единственная ошибка, сделанная моим дорогим //Николаем Карловичем//, за время его пребывания министром, будет таким образом вскоре исправлена, ободряет меня и придает на некоторое время смысл будущему.

Государь возвращает сегодня утром министру утвержденный проект телеграммы Нелидову. Тем лучше. Посмотрим, что из этого получится.

К 4 часам к чаю собираются Капнист, Зиновьев и Ионин. Трогательное прощание с последним. Его отъезд создает вокруг меня большую пустоту.

Воскресенье, 19 мая.

Замечательная речь г. Каллая об Андраши в „Revue d'Orient“; министр меня просит сохранить эту статью в нашем архиве. Это целая политическая программа.

Вторник, 21 мая.

Вечерние телеграммы сообщают о мероприятиях очень широкого масштаба, которые французское правительство собирается принять в пользу рабочих. Дело идет об учреждении пенсионной кассы, что поставит рабочих в смысле пенсии в то же положение, в котором находятся государственные чиновники. Надо отдать справедливость Франции, что она умеет проявлять инициативу в великих делах.

Помещая подробное описание пребывания их величеств в Москве, газеты дают нам новый образец необыкновенно наивного красноречия нашего августейшего монарха ⁶³.

Среда, 22 мая.

Министр мне рассказывает о своем вчерашнем //докладе//. Приехав в Гатчину, он нашел дворец совершенно пустым, так что лишь с большим трудом ему удалось узнать, что государь вернулся в 8 часов, и послать камер-лакея спросить у его величества, может ли он его принять. Государь, казавшийся крайне утомленным, встретил его словами: //„Я не знал, будете ли вы“//, но просил начать //доклад//, хотя ему стоило больших усилий работать.

Преступник, покушавшийся на наследника в Отсу, был приговорен японским судом к пожизненной каторге, что является высшей мерой наказания за покушение на частное лицо. Правительство не добилося, чтобы он был приговорен к смерти; это произошло бы, если бы покушение было направлено против одного из членов императорской японской семьи. Шевич очень поражен, признавая однако, что смертная казнь способствовала бы крайнему возбуждению фанатизма. Государь разделяет мнение министра, что мы не должны никоим образом протестовать против такого решения суда, раз оно согласно с законом, но мы можем дать почувствовать японцам, насколько их правительство нам кажется слабым. //„Какое счастье, что наследник не поехал далее по Японии“//, сказал между прочим его величество.

Кояндер прислал министру выдержку из письма г. Щеглова, бывшего когда-то при нем секретарем миссии в Каире и исполняющего теперь обязанности секретаря в Токио. Это письмо от минувшего января заключает пророческие опасения. Молодой человек отмечает в нем, что введенный в Японии парламентский режим имел своим результатом лишь ослаб-

ление правительства и возвращение народа ко всем пред-
рассудкам и самым фанатическим страстям былого времени.
Народ, писал он, несколько не склонен оказать востор-
женный прием иностранному принцу, и нельзя скрывать
опасностей, сопряженных с посещением Японии. Наш бедный
Шевич был менее проникновен. Государь много говорил
с министром о своем пребывании в Москве, о котором его
величество сохраняет наилучшие воспоминания, за исключе-
нием невыносимой жары, от которой он страдал; судя по
письмам императрицы, на юге не так жарко. Доклад продол-
жается недолго, так что министру даже не удастся доложить
государю вопрос о примирении с Болгарией в связи с пред-
ложением, сделанным Стамбуловым через константинополь-
ского экзарха. Между тем это достаточно интересный и
важный вопрос. Его величество позволяет министру переехать
в Финляндию и приезжать на доклад каждые две недели;
он кончает разговор, чтобы отправиться вместе с г. Гирсом
завтракать. К завтраку ожидается великая княгиня Александра
Георгиевна. На этом семейном завтраке, на котором за исклю-
чением его величества, великой княгини, супруги великого
князя Павла Александровича и двух младших детей государя
присутствовал один лишь Гирс, снова много говорилось о
Москве. Министр утверждает, что он никогда еще не видел на-
шего великана-монарха таким утомленным и недомогающим; в
связи с этим он откланивается немедленно после завтрака.

Четверг, 23 мая.

Пакет с возвращаемыми государем бумагами содержит
памятную записку нашего политического агента в Бухаре
г. Лессара, считающего весьма желательным посещение эми-
ром Петербурга и старающегося это доказать. Его величество
написал на этой записке: //„Я все-таки далеко не убежден в
пользе пребывания эмира в Петербурге. Впрочем, еще об
этом переговорим“.

Узнав, что принц Греческий выехал из Владивостока
с намерением посетить еще раз Японию, Шевич протестует
в зашифрованной телеграмме против этого неудобного и опас-
ного во всех отношениях проекта. Г. Вышнеградский по-
сетил вчера моего министра и надолго задержал его, читая
//записку// инструкцию, которую он собирается отправить
графу Шувалову по вопросу о переговорах с Германией по

поводу таможенного договора. Министр финансов хотел бы созвать совещание с участием гг. Гирса и Абазы, и перспектива необходимости вернуться в город до своего ближайшего доклада, т. е. до 4 июня, вовсе не улыбается моему дорогому начальнику. Он в высшей степени внимателен ко мне, говорит со мною о мерах, которые нужно предпринять в его отсутствие, и приглашает меня посетить его в Финляндии.

Пятница, 24 мая.

Министр просил меня вскрывать все пакеты, направляемые ему от государя, с тем, чтобы принимать немедленно меры в тех случаях, когда это необходимо по содержанию поступающих бумаг. Полученный сегодня утром пакет содержит, между прочим, телеграмму Шевича от 22 мая/3 июня, которую мы послали вчера утром в Гатчину. Против слов: „Принц Георг вышел вчера из Владивостока в Иокогаму. Столь скорое вторичное посещение Японии принцем даст, наверное, повод к самым нежелательным для нас толкам и соображениям в связи с прекращением путешествия наследника цесаревича“// государь, подчеркнув вышеприведенные слова, ставит на полях большой вопросительный знак. С завтрашнего дня не будет больше электричества — порядки летнего времени. Я зажигаю все лампы и в последний раз пользуюсь этим приятным освещением.

Суббота, 25 мая.

Я думаю о том, как легко я согласился бы на отставку при своем нынешнем настроении и, поправив свое здоровье, стал бы искать какой-либо другой, действительно здоровой и полезной деятельности вместо бесцветной и расслабляющей канители нашей жалкой дипломатии. Овации, устроенные на днях вечером отцу Иоанну [Кронштадтскому], снова заставили меня задуматься над значением, которое получает жизнь человека, когда он направляет истинное и полезное призвание, когда он посвятил себя нормальному кругу деятельности, соответствующему его вкусам и его стремлениям. Шиллер справедливо сказал: „Die Seele fehlt dem nichtigen Geschäft“. А уже давно мы не занимаемся делами другого рода в нашем захудалом министерстве.

Воскресенье, 26 мая.

Вернувшись к 8 часам, я нахожу очень любезное письмо министра, который хочет передать в Афины выраженные Шевичем опасения, если на это согласится государь. Г. Гирс извещает о своем приезде во вторник вечером для участия в //совещании//, которое желает созвать министр финансов. В 9 часов приезжает очередной курьер, и я внимательно просматриваю экспедиции, которые должны быть отправлены вместе с проектами ответов завтра утром в Финляндию.

Вторник, 28 мая.

Министр приезжает в 7 часов и сразу отправляется в клуб обедать; в министерстве он появляется к 8 часам и просит меня к себе, чтобы передать бумаги, предназначенные государю, а затем отправляется на финансовое, или, вернее, таможенное заседание, собирающееся у Абазы ⁶⁴. У нас сегодня горит электричество, и я пользуюсь этим, чтобы заниматься до поздней ночи. Полученные в воскресенье экспедиции не лишены интереса. Граф Шувалов весьма подробно и интересно пишет по вопросу о хлебных пошлинах и о том возмущении, которое вызывает в Германии этот вопрос. Правительству трудно отказаться от системы протекционизма, введенной еще Бисмарком, но народные массы видят в ней налог на бедных в пользу богатых. Они хотят дешевого хлеба, а не привилегий в пользу землевладельцев. Заключенное с Австро-Венгрией соглашение уже принуждает германское правительство оказывать облегчение ввозу австрийского зерна, но народ все более и более противится этой [протекционистской] торговой политике. Агитация в этом отношении настолько сильна, что правительство может оказаться вынужденным против своей воли понизить ввозные пошлины на хлеб. Дорогой хлеб может стать опасностью даже для самой династии.

В виде курьеза наш посол присылает моментальную фотографию, снятую в Бонне, когда Вильгельм II появился там в костюме студента. Намеченное путешествие германского императора и императрицы в Англию указывает на все более тесное сближение между обоими дворами, недавно еще столь друг от друга далекими. На этот раз император посетит Лондон, а императрица пробудет долгое время на острове Уайте. Это требует неослабного наблюдения, о котором следует напомнить г. Стаалю.

Барон Моренгейм пишет, что министр иностранных дел г. Рибо очень подавлен создавшимся как внутренним, так и внешним положением. В делах внутренних борьба, которую правительству приходится выдерживать в связи с таможенными и тарифными вопросами, вызывает у него опасения, что придется принять разорительную торговую политику, что приведет к самым злополучным последствиям. В международных делах он предвидит окончательное поглощение Египта Англией, не скрывающей больше своих намерений ввиду безразличного отношения к этому вопросу со стороны европейских держав. С другой стороны, Франция изолирована перед лицом тройственного союза, который если еще и не возобновлен, то уж, во всяком случае, находится в стадии возобновления и который расширен фактическим присоединением к нему Англии, взаимоотношения которой с Германией и Италией, по видимому, становятся все более тесными. Князь Лобанов вынес из уклончивых ответов графа Кальноки убеждение, что арест и передача болгарским властям болгарского эмигранта, задержанного по приказанию австрийского консула в Рущуке на австрийском пароходе, шедшем вниз по Дунаю, действительно произошли именно так, как это описывают французские газеты. В письме, отправляемом в Вену с уезжающим в четверг курьером, мы советуем Лобанову высказать наше удивление и тяжелое чувство, вызванное у нас этим произвольным нарушением всех международных норм и обычаев.

Испанская королева-регентша, встревоженная размерами, принимаемыми революционным движением в Португалии, намерена в случае беспорядков послать свои войска на границу и просит поддержки у французского кабинета, которая однако может быть только чисто моральной.

Но кто отличился, так это наш добрый Влангали: в продолжительном разговоре маркиз ди-Рудини его заверял, что тройственный союз никогда не имел и не может иметь агрессивного характера в отношении Франции и что, впрочем, с тех пор, как он является министром, приложены все старания, чтобы улучшить отношения между обеими странами, причем однако со стороны Франции он не встречает ни малейшего благожелательства. Переходя затем к нынешнему политическому положению, итальянский министр-президент указывает, что как „Италия, так и ее король, желают лишь мира“ и что ничто не грозит нарушить этот мир, к которому все стремятся. Лишь один Восток постоянно является свободной ареной, открытой для всяческих неожиданностей, что может

дать повод для забот, но чтобы предупредить всякого рода опасности, по мнению Рудини, надо было бы следить „за сохранением status quo на Балканском полуострове“. На это наш посол, отнюдь не выясняя, на какое именно status quo намекает Рудини, начал распространяться в этом смысле и выразил убеждение, что „если бы все державы захотели договориться, то это status quo могло бы быть сохранено“. Необходимо будет указать г. Влангали, что законное status quo, утвержденное всеми державами, подписавшими берлинский трактат, мы всегда готовы поддерживать, так как убеждены, что уважение к международному праву и к договорам является лучшим залогом мира и безопасности народов; но наряду с ним в Болгарии существует положение вещей, противное законности и могущее служить постоянной угрозой общему спокойствию. Таким образом, прежде чем перейти к мерам поддержания status quo на Балканском полуострове, следовало бы начать с восстановления там законного и правого порядка.

Что касается этого последнего, то донесения, только что полученные от г. Нелидова, дают довольно благоприятные сведения о ходе переговоров с болгарским экзархом. Повидимому, Стамбулов очень утомлен принцем Фердинандом и, возможно, действительно искренен в своем желании примириться с Россией, но он продолжает выказывать большую недоверчивость и желает иметь в руках гарантии и обещания, идущие чуть ли не непосредственно от государя; посол прав, говоря что с нашей стороны мы должны проявить возможно большую осторожность. Не исключена возможность, что Стамбулов стремится нас скомпрометировать и использовать каждый подходящий документ, дабы восстановить свое пошатнувшееся положение при князе, привести в замешательство своих врагов и захватить снова всю полноту власти.

Повидимому, Нелидов весьма недоволен уклончивым ответом на его письмо и памятную записку от 11 апреля. В новом письме он настаивает на необходимости пустить в печать, хотя бы в виде пробного шара, известие о союзе с Францией с тем, чтобы воспрепятствовать возобновлению тройственного союза, к которому, повидимому, в какой-то форме присоединилась Англия, — обстоятельство, которое очень сильно ощущается на Востоке.

Шевич сообщает, что принц Греческий уехал в Америку, не останавливаясь в Японии. Император Муцухито возымел

несчастную мысль воздвигнуть в Отсу памятник по случаю спасения жизни наследника. Память об этом инциденте отнюдь не является приятной, и я себе представляю, каким образом фанатическое население отнесется к этому бедному памятнику.

Министр возвращается с совещания к 11½ часам, я его не вижу, но пишу ему несколько слов, чтобы узнать, не надо ли что добавить к бумагам, которые мы пошлем государю.

Среда, 29 мая.

Я заканчиваю редакцию бумаг и посылаю их в 9 часов министру. Он просит меня подняться к нему к 10 часам. Государем возвращено много бумаг, но помет на них почти нет. Министр читает в моем присутствии мои редакции, что мне очень неприятно; я страшно нервничаю. Все мои проекты получают полное одобрение. Я советую ответить Нелидову по телеграфу для ускорения и во избежание всякой лишней переписки по столь щекотливым вопросам. Эта мысль, равно как и проект телеграммы, также одобрена.

Четверг, 30 мая.

В 9 часов привозят пакет от государя. Его величество одобрил все проекты, которые были ему представлены, хотя его пометы на телеграмме нашего консула в Генуе г. Кребеля и на перлюстрации телеграммы г. Рибо здешнему французскому поверенному в делах Вовинэ вовсе не свидетельствуют о хорошем настроении духа. Первый сообщает, что свадьба великого князя Михаила Михайловича состоялась в греческой церкви, и его величество делает помету: //„Поздно и неверно“// На перлюстрации телеграммы Рибо надписано: //„Я этого не говорил, но спрашивал его (г. Флуранса) и Вовинэ, кто из послов будет здесь во время посещения Петербурга эскадрой — Лабулэ или уже придет новый. Мне решительно все равно, кто из них будет в это время в Петербурге“//

Вечерние бюллетени сообщали уже вчера об отъезде принца Кобургского из Софии; следовало бы ковать железо, пока горячо, в сношениях со Стамбуловым, и я тороплю отправление телеграммы Нелидову.

Иду к обедне в министерскую церковь; затем посылаю курьера к министру с поездом, отходящим в 1 час дня. Пишу г. Гирсу довольно длинное письмо о текущих делах и отправляю ему проект письма папе с выражением благодарности Льву XIII за присылку им его величеству роскошного экземпляра его замечательной энциклики по рабочему вопросу. Вместо завтрака я ем простоквашу; отношу визитную карточку Комарову, который только что вернулся и был у меня. В сущности, это почти честный человек. Девять десятых человечества воздерживается от зла только из страха перед наказанием на земле или по крайней мере из опасения быть вечно поджариваемым на том свете; Комаров получал всякого рода поощрения и весьма существенные выгоды каждый раз, как он совершал какую-нибудь мелкую гадость, и он все же довольствуется тем, что делает их лишь изредка.

От министра приходит пакет Вакселя и мне. Я больше не выхожу и занимаюсь немного у себя. Старый Дабизо занес мне карточку с надписью: „Горячо благодарю“. Слава богу, что хоть кто-нибудь да доволен мною, хотя бы на минуту.

Вся английская пресса комментирует процесс полковника Кумминга, друга принца Уэльского, обвиняемого в шулерстве; процесс, на котором наследник великобританского престола должен был появиться в качестве свидетеля, направлен против его королевского высочества ⁶⁵. Некоторые газеты полагают, что это злополучное дело может иметь неблагоприятное влияние на карьеру принца, и вспоминают дело об ожерельи Марии Антуанетты. „Таймс“ выражает сожаление, что окружение принца Уэльского состоит из игроков, и замечает, что его королевское высочество хорошо бы сделал, дав обещание больше не играть. В 10 часов ухожу к себе, чтобы лечь спать.

И Ю Н Ъ

Суббота, 1 июня.

В течение ночи прибыли две телеграммы из Константинополя, — ввиду отъезда принца Кобургского из Софии и переговоров, начатых со Стамбуловым через посредство экзарха, должно быть, это что-то важное. Я тревожу сон доброго толстого Вакселя, послав ему несколько слов, дабы указать на срочную необходимость закончить расшифровку этих двух

телеграмм и заготовить проект ответа до отправления курьера в Финляндию в 1 час. Нелидов телеграфирует от вчерашнего числа (31 мая): //„Ответ от экзарха еще не получен. Частные сведения из Софии подтверждают желание Стамбулова притти к соглашению с нами. Что касается письма, коим он должен снабдить своего доверенного при отправлении в С.-Петербург, то я нарочно желал, чтобы оно было адресовано вам, дабы возможно окончательно скомпрометировать Стамбулова и удостовериться в искренности его действий. Письмо же к экзарху он всегда сумеет написать так, чтобы в случае нужды от него отказаться или обратиться в свою пользу“.

Я полагаю, что в этом отношении г. Нелидов прав. Я предлагаю министру в среду 29 мая просто ему телеграфировать: //„Изложенный в секретных донесениях ваших от 23 сего мая ход переговоров с экзархом кажется удовлетворительным. Все сообщенное вами его блаженству, равно как и принятые вами предосторожности, вполне одобряются“.

Но г. Гирс добавил собственной рукой: //„Мне кажется однакоже, что было бы более удобным и осторожным, если бы письмо Стамбулова о миссии Гешова было адресовано не мне лично, а экзарху для сообщения нам“.

Очевидно, ему претит вступать в непосредственные сношения со Стамбуловым, но, быть может, именно тут уместно сказать, что „цель оправдывает средства“. Вторая телеграмма говорит о налете, произведенном в Иерусалиме на католических и православных монахов.

Воскресенье, 2 июня.

Пишу свой дневник. Государь возвращает телеграмму Шевича, сообщающую о намерении японского монарха воздвигнуть памятник в Отсу по поводу спасения цесаревича, с пометой: //„Что могут они поставить, интересно знать?“

Таким образом, его величество отнюдь не возражает против самой мысли, а между тем этот план крайне неудобен. Впрочем, надо сознаться, что большинство памятников, поставленных на улицах, имеет довольно печальную судьбу, даже когда они воздвигнуты в память самых популярных и великих людей, по крайней мере у нас. Когда я вижу всю непочтительность снега и дождя или, еще чаще, фигуры Петра и Екатерины II, покрытые нечистотами, которые возлагают на их знаменитые головы пролетающие птицы, мне их становится жалко. Пьеде-

стал статуи Екатерины по крайней мере защищен окружающим его садом; но с осени 1890 г. отнесли Александровский сад таким образом, что памятник великого основателя Петербурга окружен лишь скверной мостовой, и с тех пор собаки его поливают и пачкают снизу, в то время как птицы с удобством располагаются на голове, которая когда-то с таким блеском носила императорскую корону!..

Курьер от министра, ожидавшийся к 7 часам, приезжает лишь в полночь. Просматривал старые папки с делами и совершенно секретные документы, переданные мне Зиновьевым. Последние требуют тщательного изучения; в числе их находятся письма принца Александра Баттенбергского, являющиеся почти пророческими, а также инструкции нашим агентам в Болгарии, начиная с 1882 г., не отличающиеся ни достоинством, ни разумностью.

Газеты помещают бесконечные описания поездки великого князя Сергея и его супруги по уездным городам Московской губернии в его новом звании генерал-губернатора. Расходы и чествование, которые связаны с этими поездками, во много раз превышают достоинства этой комической личности; раздувать таким образом свое значение — это уже превосходит простое ребячество.

Понедельник, 3 июня.

Я готовлю для моего министра, приезжающего сегодня вечером, следующий проект телеграммы Нелидову: // „Вопрос, кому адресовать письмо, коим должен быть снабжен доверенный Стамбулова, предоставляется вам решить вместе с экзархом, смотря по обстоятельствам. Но полагаю, что если Стамбулов неискренен, то найдет способ отказаться и от письма ко мне. В таком случае, обнаружив попытки временщика, мы могли бы только вызвать его удаление, чего экзарх справедливо опасается, так как с преемниками Стамбулова, по всей вероятности, еще труднее было бы достигнуть желаемого исхода из нынешнего ненормального положения“ // По правде сказать, я не отдаю себе отчета, чего Гирс опасается в случае, если письмо Стамбулова будет послано на его имя; я не понимаю также стремления Нелидова компрометировать эту личность: Стамбулов все же самый интеллигентный, патриотически настроенный и способный деятель из болгар, который мог бы в нужное время помочь нам выйти из тупика; его не следует ни понуждать, ни отпугивать

компрометирующими требованиями, — надо просто привлечь его на нашу сторону, убедив, что его выгода, его безопасность, спасение заключаются в неизбежном соглашении с нами.

Хотя погода и облачна, но тепло, и я совершаю экскурсию в Шлиссельбург. Какое громадное счастье чувствовать себя немного свободным и жить вне министерских впечатлений! Как только я вернулся, Ваксель мне передает новую телеграмму Нелидова из Константинополя от 2:14 июня 1891 г., которая делает излишним приготовленный мною проект. Телеграмма следующая: //„Экзарх сообщил мне ответ, данный Стамбуловым Мефодию. Стамбулов находит недостаточными уверения, переданные ему экзархом о намерениях государя, и желал бы письменного изъявления воли его величества, которое могло бы быть прочтено здесь доверенным от него лицом. Он настаивает также на указании ему кандидата на княжеский престол, дабы прежде удаления Фердинанда он мог условиться со своей партией о выборе ему преемника. Наконец, посылку доверенного в Россию считает неудобной, ибо не может взять ее на свою исключительную ответственность, а боится советоваться со своими единомышленниками, кои могут разгласить дело. Я ответил экзарху, что все это предлог, чтобы получить какие-либо выгоды, не связывая себя лично. Если Стамбулов действительно сознал свои ошибки и искренно желает их исправить, он должен всецело предоставить себя благорасположению государя императора, непоколебимому слову которого верит весь мир и который не имеет намерения навязывать Болгарии ни своего кандидата, ни русского управления. Торговаться мы не намерены и будем спокойно ждать дальнейшего развития дел в Болгарии, которая вынуждена будет искать нашего покровительства. Экзарх, совершенно понимающий и разделяющий наш взгляд, не теряет надежды, что резкий ответ мой Стамбулову способен еще его образумить, ибо положение Болгарии крайне натянуто и угрожает кризисом“ *.

Мне кажется, что слишком резкий тон Нелидова достоин сожаления и что он был неправ, выступая пророком: //„Бол-

* В дневник вложен небольшой листок следующего содержания. //„Проект секретной телеграммы тайному советнику Нелидову в Константинополь. 5 июня 1891 г.

„Шифром. Сущность ответа вашего Стамбулову одобряется. Нам следует держаться непреклонно и последовательно высказанной программы и относиться совершенно спокойно к болгарским делам“.

гария вынуждена будет искать нашего покровительства“ А.//; — к чему это хвастливое многословие? Более спокойные, достойные и примирительные выражения были бы предпочтительнее. В общем, при всех глупостях, которые наделали наши агенты* в Болгарии, говоря все время от имени государя часто в совершенно противоположном смысле, нельзя чересчур удивляться недоверию болгар; помочь этому следует не пустозвонными словами, но непоколебимой настойчивостью в сохранении твердой и благосклонной позиции, достойной России.

Вторник, 4 июня.

Как только министр уехал, принесли пакет от государя, заключающий выдержки из иностранных газет, касающиеся по преимуществу возобновления тройственного союза и франко-русского союза, как его противовеса. На этих выдержках его величество пометил: //„Как всем этим канальям желательно расстроить хорошие отношения наши с Францией! Доказательство, как эти отношения их тревожат и неприятны им“// Невелико открытие!

Министр только что приехал из Петергофа. Мы посылаем ему бумаги и тщетно ожидаем его вызова. Эта постоянная неопределенность в отношениях с моим дорогим начальником до крайности тягостна и беспокойна. Заходит Зиновьев, только что вернувшийся из Москвы, где он видел великого князя Сергея. Инспекционные поездки его императорского высочества по городам и уездам, сводящиеся, в сущности, к завтракам, преподнесению икон и „хлеба и соли“ и произнесению нескольких банальных слов в ответ на обращенные к нему льстивые изъявления чувств, вызывают смех; но найдутся еще любители кричать //„ура“// при его появлении на улицах Москвы*.

Пятница, 14 июня.

Из Берлина от 5/17 июня 1891 г.: „С итальянской и английской сторон разоблачения о существовании будто бы между обоими государствами тайного соглашения, в силу коего Англия обеспечивает, в случае войны, безопасность итальянского побережья и сохранение status quo на Средиземном море“.

* Дневник за остальную часть июня имеется только в отрывочных черновых набросках, с которых и сделан перевод.

Утверждение г. Лабуэ о происходивших якобы в 1887 г. переговорах между кн. Бисмарком и лордом Сольсбери ⁶⁶.

Суббота, 15 июня.

Возвращение [от государя] депеши Нелидова от 6/18 июня в 7 часов. Против абзаца: //„Переданные от моего имени заявления о нежелании государя императора вмешиваться во внутренние дела Болгарии *кажутся ему недостаточными*. Ему известно, говорит Стамбулов, что между волей его императорского величества и изъяснением ее смысла является иногда весьма существенная разница и т. д.—[помета:] //„Этакий прохвост!“//

Суббота, 22 июня.

Министр [вызывает меня] в 10 часов; он едет к Вышнеградскому, которого он видел вчера; министр финансов очень озабочен, отстаивать ли вывоз хлеба или же облегчить его возврат в Россию? * Повсеместный неурожай, опасения политического характера и т. д. Я предложил министру проводить его до Териоки **.

Тройственный союз шумно заявляет о своем существовании. Англия, повидимому, к нему присоединяется.

Понедельник, 24 июня.

По пути в Левашово [написал проект письма князю Лобанову]: „Г. посол, объяснения, которые граф Кальноки и г. Сечени дали вам касательно аудиенции, предоставленной императором Францем-Иосифом принцу Фердинанду Кобургскому, в известной мере удовлетворительны, но самый факт этого свидания остается тем не менее весьма прискорбным, и вы были совершенно правы, не скрыв этого от венского кабинета ***.“

Шум, поднятый в связи с декларацией маркиза ди-Рудини ⁶⁷, подтвержденной приписываемыми германскому импе-

* Так в подлиннике.

** Дальше следует не вполне разборчивая фраза. Повидимому: „Что с нами станется?“

*** См. об этом подробнее ниже, подлинника.)

6 июля. (Прим.

ратору словами по поводу возобновления тройственного союза, нисколько нас не удивляет. Все эти выступления свидетельствуют не столько о действительной удовлетворенности, сколько о народившихся сомнениях в прочности и практической пользе возобновленного союза. Мы не менее центральных держав желаем сохранения мира, и, твердо решив со своей стороны ничего не делать такого, что может его нарушить, не имеем никакого основания беспокоиться по поводу продолжения соглашения, которое, повидимому, имеет ту же цель. Помимо того, мы можем в этом случае лишь поздравить себя с тем, что, пользуясь всеми выгодами полной свободы от всяких обязательств, — мы можем направлять наши усилия исключительно на постепенное внутреннее развитие страны, благотворное для ее интересов и благосостояния.

Конечно Европа представляет необычайный вид, будучи разделена на две вооруженные до зубов группы, в то время как она стремится исключительно к миру. Это положение, столь не благоприятствующее благотворному успокоению умов, могло быть вызвано лишь чувствами зависти и страха, которые России чужды и разорительную тщету коих время не замедлит выявить.

Ввиду того, что государь находится в данное время в финляндских шхерах, я посылаю ему туда вашу интересную экспедицию от... *; пока я пользуюсь отъездом нашего двухнедельного курьера, чтобы доставить вам пакет с литографиями за последние две недели, среди которых вы найдете бюллетень, дающий общее резюме политического положения в данный момент. Примите и проч.“.

Проект препроводительного письма к набору документов для графа Шувалова в Берлин (Копия Лобанову в Вену (6/18 июня) и Стаалу в Лондон (4/16 июня): **

„Г. посол,

Подтверждая исправное получение вашей интересной экспедиции от 7/19 июня, которую я вменил себе в долг представить на благовоззрение государя, я не считаю нужным добавить что бы то ни было к данным, каковыя ваше

* Пропуск в подлиннике.

** Этот документ вложен между страницами дневника; даты на нем не имеется.

превосходительство почерпнет при чтении литографий, приложенных к этим строкам”.

[Приписка] Моренгейму:

„С чувством искреннего удовлетворения я усмотрел из письма, которое вы благоволили мне послать 5/17 июня, что настроения г. Рибо отличаются меньшим пессимизмом как в отношении Египта, так и в отношении общего положения.

Как я вам писал в своем последнем письме, только французское правительство может дать оценку тем доказательствам доброжелательства, которые предоставляет ему римский кабинет. Что касается нас, то, желая, чтобы Италия сделала все возможное для сближения с Францией, мы можем лишь одобрить осторожность, проявленную г. Рибо ввиду близости римского кабинета к тройственному союзу, и мы не сожалеем, что он не доводит христианского милосердия до снабжения своими деньгами вооружений, которые, как он знает, направлены против Франции”.

И Ю Л Ь

Понедельник, 1 июля.

Говорят, что как только государь вернется из увеселительной поездки, которую он совершает в данное время в семейном кругу, его величество снова отправится в море для присутствия на больших морских маневрах. Пока в политике застой, но зато обилие печальных известий о почти повсеместном неурожае в России. Курс рубля падает все ниже. //Есть о чем призадуматься.//

Первому секретарю канцелярии Римскому-Корсакову поручена редакция политического бюллетеня. Я обращаю его внимание на необходимость не только перечислять происшедшие события, но указывать, как мы к ним относимся, так как это является самым существенным для агентов, которым посылаются бюллетени.

Среда, 3 июля.

Посылаю министру письмо, дабы переслать ему проект политического бюллетеня и экспедиции, полученные из Константинополя, Афин, Каира и т. д. Экспедиция г. Нелидова

написана совсем не в розовых тонах. Ему представляется в мрачном свете возобновление тройственного союза, осложненного присоединением Англии, если не по договору, то по крайней мере на деле. Переговоры со Стамбуловым кончились ничем, и болгарский диктатор, видя, что от России он ничего не добьется, начинает ухаживать за представителями Австрии и Англии. У меня создалось впечатление, что в переговорах с экзархом г. Нелидов был слишком резок; во всяком случае, он был плохо осведомлен о положении вещей в Софии, каковое он представлял себе настолько неблагоприятным для Стамбулова, что последний мог, по его мнению, искренно идти на примирение. В настоящее время наш посол, повидимому, опасается попыток провозглашения независимости Болгарии или же попыток получить от великих держав признание несчастного Фердинанда в качестве законного князя! Государь еще не вернул экспедиций, которые были ему посланы 23 и 25 июня! После завтрака, отправив пакет министру, я отправляюсь на набережную, рассчитывая встретить погребальное шествие бедного князя Долгорукова, бывшего московского генерал-губернатора, отпевание тела которого происходило в конногвардейской церкви, а похороны на Смоленском кладбище; но когда я дохожу до Николаевского моста к 1 часу, все уже кончено, и я встречаю генералов Рихтера и Черевина в колясках: они, должно быть, переделались в одном из домов на набережной. Никто из этих господ не проводил тела бедного старого московского сатрапа, отставка которого, вероятно, ускорила его кончину и который получил теперь лишь то, что является совершенно неизбежным по части почестей, коим он придавал столь большое значение при жизни.

Пятница, 5 июля.

„Journal de St.-Petersbourg“, как этого и желал мой министр, сообщает о посещении его вчера г. де-Лабулэ, только что вернувшимся в Петербург⁶⁸. Ни одна из русских газет не воспроизвела этой заметки; такова их тактика.

Шум, поднятый в связи с возобновлением тройственного союза и присоединением к нему Великобритании, наводит меня на мысль, что мы должны тем или иным способом выяснить положение и прежде всего покончить с болгарской неразберихой, являющейся самым уязвимым ме-

стом на нашем политическом горизонте и нашей жестокой ошибкой в прошлом. Я решаюсь письменно изложить мысли, появившиеся у меня по этому поводу, и показать эту записку министру, когда он придет для ближайшего //доклада//, который будет во вторник, после трехнедельного перерыва.

Суббота, 6 июля.

Их величества должны были вернуться вчера вечером в Петергоф из морской поездки по заливу и вдоль финляндского побережья, занявшей у них в этом году три недели, начиная с 16 июня. Наконец приносят большой пакет с бумагами, возвращаемыми государем. В нем содержится сразу несколько экспедиций, между прочим все те, которые были привезены очередным курьером, приехавшим в воскресенье 23 июня, и были посланы его величеству с фельдгером во вторник 25 июня. Интересная экспедиция Шевича от 10/22 мая из Токио, дающая все подробности покушения в Отсу, не возвращена, хотя она и была переслана государю немедленно после ее получения 22 июня в воскресенье. Его величество, повидимому, ее передал императрице, а быть может, даже послал королеве греческой, находящейся в Павловске со своими родителями и, повидимому, очень склонной преувеличивать роль спасителя, сыгранную ее сыном, принцем Георгом, в Отсу. Пока невозможно ответить на многие вопросы, вызванные донесениями нашего посланника в Японии. Но семейные соображения, повидимому, должны в это царствование преобладать над всем остальным. — Возвращенные экспедиции почти не имеют пометок на полях. Их нет даже на документах, которые, по моему мнению, должны были быть совершенно по вкусу нашему монарху, как, например, письмо посла в Берлине графа Шувалова от 21 июня /3 июля, который, говоря о заявлении маркиза ди-Рудини касательно возобновления тройственного союза, писал: „Пользуясь связями г. Рудини с консервативной партией, германский кабинет не преминул лишний раз затронуть в Квиринале струну монархических принципов, на которой он пытается играть так же, как и в Бельгии и Голландии, используя ее для собственной выгоды, провозглашая себя в то же время главным охранителем европейского мира. Позволительно однако думать, что этот мир покоился бы на не менее твердых основах,

если бы вместо того, чтобы разделять Европу на два вооруженных лагеря в силу системы союзов, принятой по почину Германии, каждая из стран, образующих так называемую „лигу мира“, продолжала мирно заниматься исключительно развитием своего внутреннего благополучия. Что бы ни говорили, за граница смотрит не без зависти на Россию, которая одна сумела стать на этот путь. Не нуждаясь ни в ком, не боясь никого, она считает собственную мощь за лучшего союзника и собственную волю за лучшую гарантию мира“. //Так и хочется крикнуть: „Ура!“//. И вспомнить, что эти красноречивые строки написал фанатический защитник секретных союзов и соглашений под двойным замком с Германией!

Шувалов отмечает в другом письме неосновательность подозрений, высказанных бароном Моренгеймом по поводу захвата острова Борнгольма немцами.

Князь Лобанов в своем письме из Вены от 20 июня/2 июля оценивает положение, созданное возобновлением тройственного союза, более здравым и серьезным образом: „Когда я спросил у Кальноки, — пишет наш посол, — верны ли сведения, данные газетами, он мне ответил, что действительно три державы согласились между собою не ожидать срока истечения договоров для их возобновления, но дата 29 июня, приведенная газетами на основании нескольких слов, нечаянно оброненных императором Вильгельмом, неверна. Срок новых договоров, повидимому, установлен шестилетний, и политический союз будет скреплен торговыми соглашениями, по поводу которых сейчас ведутся переговоры. Бесспорно, что *материальным* результатом (*résultat matériel*) этого положения будет мир, но такой мир, который заключает в себе постоянную угрозу для держав, оставшихся вне союза, и который поэтому не произведет никакого *морального* успокоения. Присоединение Англии к этой „лиге мира“, в какой бы форме оно ни произошло, не подлежит сомнению: насколько центральные державы и главным образом обе немецкие державы заинтересованы в сохранении *status quo*, настолько же и Англия желает, чтобы нынешнее равновесие сил не было нарушено в бассейне Средиземного моря в пользу Франции. Это желание разделяется там всеми партиями, и весьма знаменательно, что ни в парламенте, ни в прессе не раздалось ни одного голоса протеста против обязательств, принятых на себя, по словам французских газет, лордом Сольсбери“.

К этому письму было приложено донесение, дающее отчет об аудиенции, данной императором Францем-Иосифом принцу Фердинанду Кобургскому при его проезде через Вену. Оказывается, что в момент проезда Фердинанда Кобургского австрийский монарх на этот раз впервые оказался в Вене. Его величество не мог отказать ему в приеме как родственнику и, таким образом, принял его не как князя болгарского. // „При этом граф Кальноки сообщил мне (— пишет Лобанов —), что разговор продолжался не более $\frac{1}{4}$ часа; принц был до крайности скромен в своих речах и преимущественно говорил о неудобствах своего ложного положения и даже о личной опасности, которой он ежеминутно подвержен. Император ему на это заметил, что в известном положении всякое лицо должно свыкнуться с мыслью о личной опасности, которая ему угрожает, но что венский кабинет не считает возможным сделать что-либо для того, чтобы прекратить его ложное положение, и что он должен был об этом подумать перед тем, чтобы * отправиться в Болгарию. Этот рассказ графа Кальноки мне был дословно подтвержден г. Сечени, который сопровождал императора Франца-Иосифа в Фиуме и которому его величество передал в совершенно тех же выражениях свой разговор с принцем Фердинандом. По этому случаю император рассказал г. Сечени, что недавно принц Фердинанд просил руки эрцгерцогини Луизы (дочери бывшего великого герцога Тосканского, которая ныне выходит за старшего сына саксонского наследного принца), но что он получил отказ. „И я надеюсь, — прибавил император, — что ни одна из эрцгерцогинь за него не пойдет“.

Надо отдать справедливость императору Францу-Иосифу, что этот злополучный Фердинанд Кобургский никогда не был ему симпатичен. Еще во время его первого отъезда в Софию, в 1887 г., его величество воскликнул: „Нет, этот человек еще глупее, чем я думал“.

Наш милейший г. Стааль, который всегда несколько склонен в своих оценках к розовым краскам, сообщает из Лондона от 19 июня/1 июля по поводу приезда германского императора в Виндзор: „Я пишу вам и, вероятно, буду еще писать об императоре Вильгельме. Меня очень позабавило известие, что королева на-днях в тесном кругу семьи спросила, нет ли возможности как-нибудь подсказать августейшему

* Так в подлиннике.

внуку, чтобы он не возвращался на будущий год. Нет сомнения, что никто не согласится принять на себя это щекотливое поручение, и „император-путешественник“ („Reise-kaiser“), ничего не подозревая, не найдет повода для отказа от своих периодических наездов, тем более, что нынешний приезд имеет все шансы превратиться в большой успех („great success“).

Наш милый А. Е. Влангали пишет из Рима от 18/30 июня: //„Насколько я мог заметить, за тройственный союз стоят потому, что *якобы* он обеспечивает мир. Итальянцы страшно боятся французов, а король, со своей стороны, боится, что за французами должны следовать антимонархические республиканские мысли. Эта боязнь и есть главная причина, что король стоит, пожалуй, более всех за союз со среднеевропейскими государями. Независимо от этого итальянцы чуют как-то, что так же как французы завладели Тунисом, они завладеют и Триполи при случае“. Это обстоятельство легко может совершенно подорвать монархическую власть в Италии, потому что тогда все иллюзии итальянцев о будущем владении хотя частью африканского берега на Средиземном море исчезнут. Что касается англичан, то едва ли они сильно примут сторону Италии, лишь бы только французы оставили их в покое в Египте“.

Одно только письмо барона Моренгейма из Парижа от 20 июня/2 июля имеет пометку государя: //„Увидим“//, — против заключительной фразы Моренгейма: „Таким образом, г. министр, разговор, на который я счел долгом безотлагательно вызвать г. Рибо, имел более счастливые последствия, чем я надеялся! Я увижу Лабулэ перед его отъездом и постараюсь добиться, чтобы эти две беседы были насколько возможно исчерпывающими“. Этот разговор нашего посла с г. Рибо касается позиции, занятой французским послом графом Монтебелло по отношению к султану и Порте в виффлеемском вопросе ⁶⁹ без ведома нашего посла г. Нелидова. Стараясь его оправдать, г. Рибо сказал между прочим: „Я поручу г. Лабулэ пролить как можно больше света на этот вопрос, дабы эта область отношений была окончательно выяснена до приезда графа Монтебелло; вы очень скоро измените о нем мнение; его стараются дискредитировать именно те, у кого больше всего оснований опасаться его присутствия в С.-Петербурге“ ⁷⁰.

Посмотрим, каковы будут эти доверительные сообщения.

Воскресенье, 7 июля*.

Министр пишет Оболенскому, что придет в понедельник в 7 часов, но добавляет, что все еще болен.

От императора возвращено сразу несколько экспедиций. На телеграмме Кояндера, от 29 июня, сообщается, что //„Машков телеграфирует вчера из Обока⁷¹: духовные члены экспедиции заболели и возвращаются назад“//, [помета]: //„Весьма жаль“//. Экспедиции из Токио все еще не возвращены(!?). Моя записка о тройственном союзе, которую я хотел бы закончить, чтобы послать ее завтра министру с курьером, отправляющимся ему навстречу. К 4 часам [заходит] брат Оболенского Владимир. Они едут в Петергоф с пароходом, уходящим в 5 часов.

Муравьев пишет, что отношения между императором Вильгельмом и его матерью портятся. Император нападал на принца Уэльского, которого защищает его мать. Стааль не думает, чтобы политическое положение изменилось: речь германского императора была весьма миролюбива, и в общем он мало говорил.

Все послы находятся в отпуску. Можно будет написать только препроводительное письмо [к литографиям] и послать бюллетень.

Понедельник, 8 июля.

[Из дворца] возвращается депеша г. Нелидова от 27 июня/9 июля 1891 г. № 80, по поводу возобновления тройственного союза и влияния его на Порту. Его новое расширение, вызванное присоединением Англии, состоявшимся на неизвестных и сохраняемых в тайне условиях, близко затрагивающее сферу наших интересов и нашего законного влияния и дающее союзникам способ верного воздействия [на Турцию], — в этом г. Нелидов видит „самую большую опасность новой группировки“. Он заканчивает свою депешу словами: „Я не могу постыжиться от себя и обойти молчанием перед вашим превосходительством беспокойство, вызываемое у меня этим положением“. Государь пишет на депеше сверху: //„Меня это вовсе не беспокоит“./

* Дневник за последующие дни июля имеется только в черновых набросках, не отделанных в стилистическом отношении, написанных часто намеками и отрывочными фразами. Много написано крайне неразборчиво.

Среда, 10 июля.

За завтраком министр говорит о предстоящей поездке государя в Данию, о посещении им Берлина и о возвращении через Киев. Доверительные сообщения Лабулэ не имеют никакого значения⁷².

Письмо Муравьева из Берлина от 5/17 июля. [Он сообщает о] разговоре с Каприви, который, повидимому, желает заключения торгового соглашения, но не уступит давлению со стороны ультралиберальной партии. Ему будет легче снизить тариф на хлеб в качестве эквивалента за сделанные нами уступки*, нежели снизить тариф без всякой компенсации, исключительно под давлением одной из парламентских партий. Не беда, если наши уступки будут призрачны, лишь бы только оказалось возможным убедить страну в противном. Можно предвидеть, что в отношении Австро-Венгрии германское правительство будет ссылаться на те же соображения. [Помета]: // „Это было с самого начала мнение министра финансов“./] Против слов: „Подписывая торговые договоры с большинством европейских государств вплоть до соглашения с нами, Германия могла бы достигнуть полной изоляции Франции на международной экономической почве и, быть может, заставить ее пойти на финансовые переговоры“ — [помета]: // „От этого нам и надо быть так осторожными в этом вопросе“./]

Ону пишет от 26 мая/7 июня 1891 г.: „Во всем этом надо усматривать крайне подогретенные чувства национального тщеславия. В глазах греков грек спас и цесаревича, и Россию, как Леонид спас цивилизованный мир в Фермопилах“**. „Нам будет трудно оплатить этот долг благодарности!“

Четверг, 11 июля.

Возвращается телеграмма⁷³ г. Рибо от 9/21 июля 1891 г.*** „Вы поймете, что мне надо точнее знать условия, при которых возник разговор, который вы имели с г. Гирсом, и момент, когда он готов обсудить возможность более полного сближения между двумя странами; поэтому я буду ждать вашего донесения, чтобы дать вам более точные указания. Но если

* Так в подлиннике.

** Дело идет о роли королевича Георга при покушении на Николая Романова в Японии.

*** Перлюстрировано в русском министерстве иностранных дел.

г. Гирс будет расположен вернуться к этому разговору, вы, естественно, не должны отклонять предложения, которые могут быть вам сделаны в указанном смысле“*.

Гирс [пишет]: //„Из этого, как мне кажется, можно заключить, что французское правительство не желает брать инициативы в этом вопросе“././ Государь [делает помету]: //„Надо подождать; действительно, трудно французскому правительству высказаться положительнее на основании только одной телеграммы Лабулэ, вопрос слишком важен для них“././

Возвращается экспедиция Нелидова 4/16 июля. Прием у султана болгарского министра финансов Начевича и агента Вулковича. „Он ограничился знаками внимания своим подданным, занимающим высокое положение в местной администрации, — свидание это вовсе не имело политического характера, ни значения“**.

Возвратясь из отпуска, германский посол [Радовиц] рассказал, [что] Каприви сказал Радовицу: //„Мы отнюдь не хотим изменять ни в чем нашей политики в этом вопросе. Мы ценим слишком высоко die gute Freundschaft Russlands, чтобы в угоду покровителям Кобурга делать что-нибудь, что было бы ей неприятно“. А потому Радовиц отказался принять Вулковича, приходившего рассказывать об аудиенции Начевича. /

Пятница, 12 июля.

Говорят, что встреча французской эскадры была великолепна и трогательна***.

Суббота, 13 июля.

Государь должен ехать сегодня на французскую эскадру и принимать моряков на „Державе“. За завтраком выясняется, что на дипломатическом экзамене могут обойтись без меня, а потому я еду в 1 час 45 минут в Петергоф и купаюсь там с большим удовольствием. Их величества, вернувшись из Кронштадта, совершают прогулку в парке. Обедаю у Пивато и ложусь рано спать.

* На докладе во вторник: „Весьма трогательно“. Гирс жалуется на Лабулэ; его протесты [его претензии?], отъезд в Реттиярви, несмотря на сегодняшний обед на эскадре⁷¹; проект поездки в Копенгаген. „Марсельеза!“ (Прим. подлинника.)

** Так в подлиннике.

*** В дневник вложены черновики двух проектов тоста Александра III в Кронштадте.

Воскресенье, 14 июля.

Оболенский уезжает в 11 часов, чтобы осмотреть вместе с графиней Клейнмихель эскадру в Кронштадте. Я сажусь на пароход в 11½ часов. Море очень бурно, небо становится облачным. На пароходе Головин, вообще масса народа. Морской переход неприятен. Вернувшись, обедаю у Донона. Пришлось отказаться от поездки в Сергиеву пустынь и от говения там ввиду непредвиденного запроса государя, который требует, чтобы приготовили телеграмму Карно и т. д.

Письмо Греча от 15 июля 1891 г. *:

„Дорогой граф!

В течение нескольких дней я засыпан телеграммами; я не выходил из дому, но вы увидите из конца письма, что можно было бы дорого заплатить, чтобы Кронштадт был в Петербурге **. Все это не трогало бы меня, если бы телеграммы и описания не становились все более лаконичными, а тосты г. Жерве все более определенными. Я вам присылаю при сем его последний тост, произнесенный в Кронштадте. Что касается лично меня, то я получил полное отвращение к этой „народной“ манифестации. Тут так мало контроля, что в будущем, возможно, в этом придется раскатыться. Официальные чествования были почти обойдены молчанием. Агентство [телеграфное] своей пассивностью очень мало содействовало этому энтузиазму. Англичане и немцы тоже признают „совершившийся“ факт, не предаваясь сетованиям; „мы увидим, сколько это продлится“, добавляет „Таймс“. Г. Рансен, повидимому, в фаворе, и такие фразы, как, например: „Сегодня утром за завтраком у Кюба великий князь Алексей мне сказал“ и т. д., мною вычеркнуты. Я также конечно выбросил в той же телеграмме предполагаемый тост его величества государя, который гласит: „Я думал, что имею в Европе одного друга, а оказывается, их два“ ⁷⁵. Телеграмма заканчивается словами русского генерала (названного в телеграмме по имени): „Я надеюсь, что дело вышло“. В то же время смеются над публикой, производящей все эти манифестации, говоря, что лица, знающие французский язык лишь наполовину, спрашивают „митральезу“ вместо „Марсельезы“.

* Письмо Греча вложено в дневник между июльскими черновыми записями.

** Так в подлиннике.

Среда, 17 июля.

Министр мне рассказывает о вчерашнем обеде. Жерве очень хорош. Официальный прием очень корректен. Г. Гирс уезжает в 9 часов утра. После завтрака я решаюсь ехать в Петергоф пароходом, уходящим в 1³/₄. Постоянно идет дождь. На набережной громадная толпа, встречающая французов. Их повезут затем на //„тройках“// на острова, а после дадут обед в думе. У Николаевского моста стоит „Сюркуф“ (который в свое время обстрелял Ашинова). Обед в одиночестве. Лег в 10¹/₂.

Четверг, 18 июля.

От государя вернулась депеша из Белграда от Персиани по поводу проекта акта отречения, который бывший король Милан должен вручить регентам, дабы получить обещанные два миллиона франков. [Помета]: //„Что за подлец Милан, подписавши этот акт!“//

Воскресенье, 21 июля.

Г. Гирс приезжает морем лишь в 10 часов ввиду громадного количества народа на пароходе. Он мне сообщает о своих разговорах с г. Лабулэ, которого он собирается посетить в 3 часа. К обеду я не попадаю, так как выхожу от министра лишь в полдень. В 4 часа министр возвращается от Лабулэ. Намеченные два пункта довольно удачны; я предлагаю внести некоторые изменения⁷⁶. Повидимому, министр желает, чтобы я привез завтра мой проект в Петергоф. Он уезжает с пароходом, уходящим в 5 часов.

Понедельник, 22 июля.

Идет проливной дождь, небо совсем заволочено. Таким образом, сотни тысяч рублей, израсходованные на приготовления к иллюминации в Петергофе, выброшены в воду вместо того, чтобы быть истраченными на огонь. Я об этом сожалею, в особенности из-за молодого сербского короля. //Ему тут не сухо, но грустно покажется.// Посылаю министру перлюстрации Лабулэ.

Четверг, 25 июля.

Меня вызывает министр и рассказывает о посещении Лабулэ; последний принял наши два пункта и передаст их по телеграфу в Париж. Выработанный мной порядок действий одобрен.

Пятница, 26 июля.

Встаю несколько позже; большая слабость. Почти целый день не в состоянии работать. Много потрясающих подробностей о комитете 23-х у Сольского. Государь относится к этому легко. Получены новые перлюстрации переписки Рибо. Повидимому, он желает пойти дальше. Лабулэ желает посетить министра. Я не могу ехать на острова. Большая усталость.

А В Г У С Т

Четверг, 1 августа.

Оказывается, что в полночь на мое имя был получен пакет от министра, и Оболенский его не вскрыл, а в нем находилась докладная записка Гирса государю касательно пребывания барона Моренгейма в Котрэ, которую я тотчас же отправляю ⁷⁷.

Пятница, 2 августа.

Приходит письмо от министра с одобрением телеграммы, составленной мною для государя на имя сербского короля. Г. Гирс просит меня заготовить еще другую на имя австрийского императора. Государь возвращает письмо нашего поверенного в делах в Вене от 24 июля/5 августа, в котором князь Кантакузен дает отчет о разговоре с австро-венгерским министром иностранных дел. Граф Кальноки, скрывая неприятное впечатление, которое на него произвело посещение Кронштадта французской эскадрой, толкует его как новую гарантию мира; по его мнению, французы найдут в овациях, полученных их моряками, успокоительное удовлетворение своего самолюбия. Он, между прочим, заметил, что „раз Россия не предпочла стать на сторону мирного союза средневропейских держав, о чем венский кабинет искренно сожалеет, то понятно, что она не желала остаться слишком продолжительное время в положении, подвергающем ее опасностям полной изоляции“. Но „что его, несмотря на все, озабочивает, так это воинственная позиция, занятая державами в отношении друг друга и принимающая все более угрожающую форму. Может наступить момент, когда это тягостное положение станет невыносимым, и в этом случае опасность будет велика“. Эти слова мне напоминают мысли, высказанные мной в моей небольшой записке от 6 июля.

„В течение разговора граф Кальноки выразил несколько раз глубокое удивление, отмечая, что форма правления, отличающая Францию от остальной монархической Европы, не явилась большим затруднением для императорского кабинета. Он не мог себе представить улицы С.-Петербурга и даже залы дворца его величества государя оглашаемыми хорошо известными революционными песнями. Я ответил, что мне неизвестны слова „Марсельезы“, равно как и других иностранных национальных гимнов, и я думаю, что большинство подданных государя находится в том же положении, но что конечно никто из тех, кто слушал звуки „Марсельезы“ в присутствии нашего монарха и его французских гостей, не старался найти в этой музыке что-либо иное, кроме как звуки национального гимна великой державы, делающей все возможное для выражения почтения его императорскому величеству и своих симпатий России“.

Это место письма князя Кантакузена удостоилось высочайшей пометы: //„Совершенно верно“//

Наш поверенный в делах заканчивает свое письмо следующими словами: „Тем не менее я узнал из весьма авторитетного источника, что впечатление, произведенное здесь кронштадтскими событиями, было серьезно и глубоко. Согласно сведениям моего осведомителя, то же имело место и в Берлине, Лондоне и Риме, только, — добавил он, — там с самого начала оказались достаточно сообразительными, чтобы этого не высказывать“

Вернулся в 10 часов и пил чай с Оболенским, который приехал из нового клуба, где обедал с морским министром адмиралом Чихачевым и бывшим начальником Третьего отделения ген. Оржевским. Последний рассказывал интересные подробности о покушении 1 марта 1887 г., из-за которого он сломал себе шею. Грессер приписал себе заслугу раскрытия заговора, в то время как Оржевский утверждает, что он сам указал на него Грессеру. Он не скрывает своего мнения о министре внутренних дел г. Дурново, нынешнем шефе жандармов Шебеко и нашем бдительном градоначальнике Грессере, которые, по его мнению, все трое большие дураки.

Суббота,

Утром я работаю над своим дневником; przygotowляю проект поздравительной телеграммы австрийскому императору, которую посылаю на утверждение министра. К чаю приходит

Капнист; он вернулся сегодня утром из Реттиярви, куда ездил с г. Стаалем. Министру лучше, но он все еще очень слаб. Повидимому, в сентябре решено предпринять заграничное путешествие; г. Гирс и слышать не хочет о Крыме. Тем не менее он нашел бы там гораздо больше спокойствия и отдыха. Проезжать два раза через Берлин и Вену, не повидавшись ни с кем, было бы демонстративно и неудобно. Между тем, свидания его очень бы утомили и, во всяком случае, произвели бы в России крайне тягостное впечатление. Скажут, что он отправился извиняться за сближение с Францией, которое произошло по высочайшей воле, и т. д., и т. д.

Воскресенье, 4 августа.

Письмо от министра; он в высшей степени одобрительно отзывается об одном из моих проектов телеграммы императору Францу-Иосифу. По его словам, он не вполне отделился от своей болезни.

Сегодня цесаревич ожидается после свыше чем девятимесячного отсутствия. Предполагается более или менее торжественный прием в Красном, где в настоящее время находится двор. Созваны все министры и главноуправляющие; я сожалею о том, что мой бедный больной министр, столь удаленный от всего из-за злополучного пребывания в Реттиярве, не сможет присутствовать на этом приеме.

Вернулся к 8½ часам и записываю все привезенные очередным курьером экспедиции. Все эти вынужденные писания весьма бесцветны. Г. Карно указал нашему поверенному в делах в Париже на мирный характер непрерывной и горячей демонстрации симпатий, объединяющих Францию и Россию; мы никому не бросаем вызова и никого не раздражаем. Муравьев пишет, что, как он слышал, император Вильгельм действительно повредил себе колено и задержался в Киле на „Гогенцоллерне“ лишь вследствие этого несчастного случая; профессор Бергман однако признался Муравьеву, что хроническая ушная болезнь, которой страдает германский император, может вызывать обмороки; таким образом, зловещие слухи, носившиеся по поводу частого повторения подобных припадков, происходивших с его величеством в Англии и в течение его морской поездки, имеют под собой некоторое основание.

Оболенский и Капнист были вчера в Красном на скачках и в театре и имели случай видеть наследника, вернувшегося вчера утром. Говорят, что великий князь выглядит хорошо (очень возмужал) и сохранил лишь незначительный шрам на лбу. Капнист даже обедал у кавалергардов, у которых цесаревич появился, по обычаю, на минуту до обеда после скачек. „Он производит впечатление очень приличного молодого человека, — утверждает мой дорогой коллега, — и не придает себе слишком большой важности, но он умеет поддерживать свое положение; великий князь Владимир был вынужден ступать перед своим племянником“. При первом свидании со своими августейшими родителями цесаревич был так взволнован, что не мог произнести ни одного слова. Оказывается, что сам государь предложил по телеграфу цесаревичу при его приезде в Москву посетить Троице-Сергиево. Присутствие принцессы Марии Греческой на семейном приеме великого князя в Тосне придает некоторую правдоподобность слухам об их будущей помолвке, хотя близкая степень родства между ними должна была бы служить этому препятствием.

Вторник, 6 авгу

Государь возвращает телеграмму Бахметева по поводу тревожных известий с Крита, которые ставят греческое правительство в положение еще более трудное, чем два года назад. Афинский кабинет желал бы добиться, чтобы одна из великих держав, а быть может, Россия и Франция сообща, предприняли шаги перед Портой. В Греции предполагают, что Англия подстрекает и поддерживает волнения на Крите в неизвестных еще пока целях. Его величество пометил наверху этой телеграммы: //„Весьма желательно было бы остановить эти безобразия во-время“. Еще одно свидетельство греческих симпатий! Газеты полны описаний ярких проявлений самого рьяного руссофильства во Франции. Великий князь Алексей сделался предметом их в еще большей мере, чем при своем приезде в Париж и в Виши. Русский народный гимн раздается по всякому поводу во всех уголках Франции, но весьма прискорбно, что все эти вначале совершенно невинные манифестации в последнее время принимают не-

осторожный, чтобы не сказать вызывающий, оборот. Упоминание об Эльзас-Лотарингии в некоторых речах и проделании перед статуей Страсбурга достаточно неуместны; наши друзья начинают нас компрометировать.

Министр приезжает в 7 часов; я ему посылаю обед, после которого он ложится; я его вижу в 8½ часов крайне разбитым. Он не уверен, сможет ли состояться завтра его доклад. Крайне тяжело видеть упадок его сил. Министр ожидает посещения барона Моренгейма, и одна эта перспектива делает его больным; у нас отсутствуют какие бы то ни было перлюстрации телеграмм Лабуэ после процессуальной аудиенции, которую он имел у государя в понедельник 29 июля; это тоже беспокоит министра, который к тому же ничего не знает относительно того, что говорилось между монархом и бывшим французским послом. Я передаю г. Гирсу набросок двух пунктов соглашения и проект сопроводительного письма, которые были уже представлены государю и в которые надо теперь посвятить барона Моренгейма⁷⁸. Бедный министр производит на меня весьма тяжелое впечатление ввиду своей крайней слабости. Моренгейм приезжает в 9 часов и остается до 11. В это время Капнист и Оболенский собираются у меня. Возник интересный спор. Капнист находит, что мы никогда и ни при каких обстоятельствах не сможем признать принца Фердинанда, так как в этом вопросе затронуто слово государя, и что подобное признание было бы равносильно путешествию в Каноссу. Он говорит, что державы никогда не признавали объединения двух Болгарий, а только личную унию князя Болгарского и генерал-губернатора Румелии. Но он забывает, что принц Фердинанд никогда не был признан и в качестве генерал-губернатора Румелии и что даже срок полномочий, данных его предшественнику, князю Александру, истек этой осенью. Таким образом, де-факто молчаливо терпели правление принца над двумя Болгариями. Оболенский думает, что у нас нет оснований спешить с урегулированием болгарской неразберихи; по его мнению, попытка провозгласить независимость Болгарии и добиться признания власти принца Фердинанда законной может быть сделана лишь в том случае, если бы решились вывести нас из себя, а если они на это решились, то за неимением именно этого предлога всегда найдутся другие. Я много думаю об этом. В 1 час ночи приходит телеграмма от государя с приглашением министра на доклад на завтра, в среду, в 12 часов. Я заказываю ему коляску по телеграфу.

Среда, 7 августа.

Министр очень рано вызывает меня к себе. Разговор с Моренгеймом доставил ему хороший сон. Он гораздо свежее и бодрее сегодня утром. После бесцельного разглагольствования на общие темы наш посол дал наконец возможность министру заговорить в свою очередь, и после того, как г. Гирс сообщил ему результат своей беседы с г. Лабулэ, а равно текст двух пунктов, отредактированный недавно, Моренгейм, по видимости, пришел в полный восторг и предлагает включить эти пункты в письмо, которое министр послал бы на его имя и которое он сообщил бы затем французскому министру иностранных дел г. Рибо; последний, присоединяясь к этим двум пунктам (которые подтверждали бы согласие [l'entente], установленное между обоими правительствами), сообщил бы об этом в письменной форме барону Моренгейму, включив в свое ответное письмо текст двух намеченных пунктов. Таким образом, проект письма, заготовленный мною по адресу г. Лабулэ, надлежало бы только переделать на имя барона Моренгейма. Министр уезжает с этим проектом в Петергоф в 10 часов. Он постарается представиться цесаревичу до доклада.

К чаю приходят Капнист и Оболенский. Лица, сопровождавшие великого князя наследника в течение его продолжительного путешествия, по возвращении не получили никаких знаков отличия. Его величество ограничился тем, что обратился к ним со словами: //„Вы, должно быть, очень устали; даю вам четырехмесячный отпуск“.:// После этого офицеры были откомандированы обратно в свои полки.

Вернулся в 8 часов. Ко мне заходил министр; повидимому, он очень доволен своим утренним докладом; он рассказал государю, которого это развеселило, как трудно ему было заставить Моренгейма себя слушать и насколько затем этот посол оценил редакцию двух пунктов, представляющих формулировку нашего соглашения с Францией. Государь одобрил мысль включить их в письмо г. Гирса на имя барона Моренгейма, которое потом должно быть передано последним г. Рибо. Поэтому мне поручено соответственно переделать проект письма г. Лабулэ; министр желает, чтобы этот проект был представлен на окончательное одобрение монарха до субботы — дня, назначенного для представления барона Морен-

гейма в Петергофе и для отъезда их величеств, уезжающих после завтрака в Данию. Министр просил разрешения отправиться в сентябре за границу, на что и получил согласие. Ко времени возвращения государя он обещал вернуться. По этому поводу г. Гирс, по его словам, сказал его величеству, что я являюсь единственным лицом в министерстве, посвященным в секрет предстоящих переговоров с Францией, и спросил его, может ли г. Шишкин, как новичок, быть приобщен к этому делу, на случай, если бы ответ г. Рибо был получен здесь в то время, когда Гирс будет в отпуску. Государь на это ответил: „Нет: //в таком случае пускай Моренгейм ответ пришлет ко мне в Копенгаген, меня это интересует, и я желал бы знать об окончании дела, а затем я вам этот ответ привезу при возвращении“././ Странные порядки в нашем министерстве! Я должен бы быть очень польщен этими исключительными откровениями, и тем не менее во всем этом кроется что-то такое, что мне неслишком нравится. Государь также ясно выразил желание, чтобы Моренгейм не приезжал в Копенгаген. //„Это очень хорошо, что он сюда приехал, и этак можно о всем переговорить и тут покончить“././

Министр завтракал с императорской семьей, которая очень обрадована возвращением наследника, с которым государь обращается с некоторой предупредительностью, называя его //„Николай Александрович“// и т. д. Г. Гирс не застал великого князя и ограничился тем, что расписался до доклада у него в книге, но встретившись с министром, когда собирались к завтраку, цесаревич оказал ему самый любезный прием.

Г. Гирс говорит, что нельзя сказать, чтобы его императорское высочество похорошел, но он находит его совершенно здоровым и не мог даже заметить шрама от недавней раны. На него также произвело впечатление его хорошее расположение духа и уверенность в себе вполне сложившегося молодого человека. Наоборот, министр был сильно поражен видом великого князя Георга, на которого, повидимому, действовало пребывание в Красном селе, а быть может, также свежесть осенней погоды. Великий князь заметно изменился за время с 22 июля. Вся семья садится в субботу 10 августа на новую яхту „Полярная звезда“, которая, говорят, доставит их, окруженных сказочною роскошью и самым утонченным комфортом, в Копенгаген в течение 50 часов.

Четверг, 8 августа.

Я быстро одеваюсь, затем жму руку Николаю Гирсу, уезжающему в качестве очередного курьера. Письма, которые он увозит, лишь сообщают нашим представителям о счастливом возвращении цесаревича и о предстоящем отъезде их величеств и их августейших детей и констатируют затишье в политике, что позволяет не добавлять никаких комментариев к бюллетеню за последние две недели.

Кантакузену в Вену будет сообщено помимо того об одобрении, которым государь удостоил все сказанное им графу Кальноки по поводу „Марсельезы“, исполненной в наших дворцах по случаю посещения французской эскадры.

Я переделываю проект письма г. Лабулэ таким образом, чтобы это письмо могло быть отправлено барону Моренгейму, и отношу этот новый проект министру в 10¹/₂ часов. Г. Гирс рассказывает мне, что бедный барон, посетив его вчера после полудня, начал очень разумно разговаривать, но внезапно почувствовал себя дурно; это сопровождалось сильной рвотой и другими симптомами расстройства желудка, которые очень обеспокоили министра. Хотя он очень слаб сам, ему пришлось провести около двух часов, ухаживая вместе с своей прислугой за бедным бароном, пока наконец около 11 часов последнего не усадили в карету. Г. Гирс собирается поехать справиться о его здоровье, и я ему подсказываю мысль показать барону составленный нами проект письма, чтобы он с ним солидаризировался. После этого проект можно бы послать сегодня вечером в окончательной форме на утверждение государя. Когда же барон Моренгейм будет представляться его величеству в субботу, письмо будет уже совершившимся фактом. Речь идет главным образом о выборе оттенка для выражения согласия государя на принятие „наших принципов соглашения“ (*de nos principes d'entente*): сказать, что это величество находит принятие их очень желательным или даже просто желательным, значило бы сказать слишком много; сказать же, что государь „не находит возражений или неудобств“, было бы чересчур мало. Министр одобряет предложение посоветоваться с Моренгеймом, и я вручаю ему копию указанного проекта.

Министр завтракает у меня со своим сыном. Повидимому, барону Моренгейму очень понравился проект письма; он нашел весьма удачный выход из упомянутого затруднения,

предложив выражение: „Государь благосклонно соглашается на принятие и т. д.“. За завтраком министр нас рассмешил, рассказывая, как бедный Моренгейм, который всегда в восторге от *всего*, что касается его личности, не переставал расхваливать крепость и выносливость своей натуры во время мало эстетичных приступов, вызванных у него вчера расстройством желудка. Г. Гирс нам также рассказывал, что вчера во время доклада и высочайшего завтрака он мог заметить, что августейшие особы отдают полную справедливость Шевичу. Между прочим, сам цесаревич и князь Барятинский утверждают, что принцу Георгу Греческому в значительной степени принадлежит заслуга спасения наследника. Нанеся убийце сильный удар палкой, он его остановил на секунду, в то время как тот пустился уже преследовать его императорское высочество, и этой секунды оказалось достаточно, чтобы два японца, везшие рикшу, могли повалить и разоружить преступника. Министр подтверждает, что великий князь очень хорошо выглядит, но находит его подурневшим из-за отпущенных усов и бакенбард. //„Прежде лицо его было миловидное, а теперь он бурсаком смотрит“./ После завтрака я переписываю для доклада проект письма барону Моренгейму и посылаю его министру, который занят приемом дипломатов; только около 4 часов ему удается написать небольшую записку государю, которую он жаает присоединить к указанному прсекуту. Мы пошлем проект в Петергоф лишь с вечерним фельдъегерем.

Пятница, 9 августа.

Письмо пресловутого Ашинова из Лондона от 24 минувшего июля государь возвращает с пометой, сделанной крупными буквами красным карандашом: //„Записки сумасшедшего!“// Этот авантюрист предлагает чудеса в Африке и просит разрешения отправиться для занятия обширной территории, богатой золотом и драгоценными камнями, которую он собирается преподнести русскому императору. Он заканчивает это смехотворное послание словами: //„Прошу и молю ваше императорское величество сего моего донесения никому и наипаче министерству иностранных дел не передавать; сия для дела как тайна * должна остаться у тебя, великий госу-

* Так в подли

дарь. Что еще узнаю, сообщу". // Значит, Ашинов на свободе, а говорили, что, давая ему приказание вернуться зимой в Россию, приняли нужные меры, чтобы направить его непосредственно от границы в Якутскую губернию. // Или гнев на милость сменили, или бедный казак-разбойник не поддался? " Министр рано вызывает меня и сообщает, что хочет послать государю письмо с сообщением, что врачи советуют ему отправиться лечиться за границу, но что его денежных средств на это нехватает и потому он просит у его величества разрешения взять из //разъездных денег// приблизительно 800 полуимпериалов. Министр читает мне письмо, помеченное им 12 августа, которое он просит отправить с первым фельдгегерем, уезжающим в Копенгаген. Благодаря этому мы заговариваем о задуманной им заграничной поездке, которую государь разрешил. Я не скрываю от моего министра, что помимо того, что я сомневаюсь, даст ли ему пребывание за границей возможность отдохнуть, я очень опасюсь, что неизбежный проезд через Вену или Берлин произведет самое неблагоприятное впечатление в России. У нас его будут упрекать, что он поехал испортить дело нашего сближения с Францией, а с другой стороны, уверенность французов в нашей дружбе может оказаться подорванной, причем дружба с Германией в силу одного только его свидания с императором Вильгельмом и канцлером не будет конечно восстановлена. Повидимому, в данное время в Берлине очень озабочены, а вся партия настаивает на необходимости ускорить войну с Россией, пока мы еще не вполне готовы. Если мы хотим улучшения отношений, следовало бы государю побывать в Берлине или согласиться на свидание с императором Вильгельмом где-либо в другом месте при своем возвращении из Дании; но проезд г. Гирса через Германию не может быть столь же полезен для дела и конечно окажет дурное влияние на личное положение министра в России. Будь это, по крайней мере, полезно для его здоровья! Но это совсем не так, и все эти проекты его путешествия, сопряженные с неприятной просьбой о пособии, являются лишь новым ярким проявлением его супружеской и отеческой привязанности.

Обедаю в одиночестве. Вечером я готовлю на подпись письмо барону Моренгейму, проект которого, посланный государю на утверждение, еще не вернулся.

Суббота, 10 августа.

Я нахожу министра гораздо более бодрым; он чувствует себя лучше; государь вполне одобрил его ответ военному министру относительно генерала Куропаткина, который стал вести собственную политику в Афганистане. Обыкновенно его величество стоит на стороне военных. Проект письма барону Моренгейму равным образом возвращается одобренным, и я его представляю на подпись министру; вот это письмо, помеченное 9/21 августа ⁷⁹:

„Г. посол,

Положение, создавшееся в Европе, в силу открытого (manifeste) возобновления тройственного союза и более или менее вероятного присоединения Великобритании к политическим целям, преследуемым этим союзом, вызвало во время недавнего пребывания здесь г. де-Лабулэ обмен мнений между французским послом и мною с тем, чтобы установить позицию, которая при нынешних условиях в случае возникновения известных обстоятельств была бы наиболее целесообразной для обоих наших правительств, которые, оставшись вне какого-либо союза (en dehors de toute ligue), тем не менее искренно желают создать самые действительные гарантии для сохранения мира. Таким образом, мы пришли к формулированию нижеследующих двух пунктов:

1) В целях определения и утверждения сердечного соглашения, объединяющего их, и желая сообща способствовать поддержанию мира, который является предметом их самых искренних желаний, оба правительства заявляют, что они будут совещаться между собой по каждому вопросу, способному угрожать всеобщему миру.

2) В случае, если мир оказался бы действительно в опасности, и в особенности в том случае, если бы одна из двух сторон оказалась под угрозой нападения, обе стороны улаиваются (conviennent) договориться о мерах, немедленное и одновременное проведение которых окажется в случае наступления означенных событий настоятельным для обоих правительств.

Доложив государю об этих переговорах, а равно и текст принятых заключений, я имею честь вам сегодня сообщить, что его величеству угодно было полностью одобрить означенные принципы соглашения и благосклонно согласиться на принятие их обоими правительствами.

Сообщая вам об этой высочайшей воле, я прошу вас довести ее до сведения французского правительства и уведо-

мать меня о тех решениях, на которых, со своей стороны, оно остановится. Примите и проч. Гирс“.

Министр выражает мне еще раз свое полное удовлетворение этим документом, находя его лаконичным, ясным, достойным и не могущим ни в коем случае причинить нам вреда, даже в случае его опубликования. Пока государь требует соблюдения по этому поводу полнейшей тайны и просит г. Гирса скрыть эти переговоры даже от г. Шишкина, товарища министра, который будет управлять министерством в его отсутствие. Его величество приказывает также, чтобы только один старший перлюстратор г. Битепаж был допущен к расшифровке французских телеграмм, касающихся этих переговоров. В сущности, г. Гирсу все это сближение с Францией несимпатично; я отмечаю, что тем не менее оно является неизбежным результатом нынешней обстановки и логическим следствием событий, развернувшихся в течение последних лет. Во всяком случае, это доказывает отсутствие у министра предвзятого взгляда и личных симпатий. „Вы симпатизируете и отдаете ваше предпочтение тому, кто в данный момент может и хочет предоставить наибольшие выгоды России“.

Министр вспоминает записку, которую я составил в сентябре 1886 г., о нашем секретном договоре с Германией и Австрией и просит меня продолжать этот труд и описать настоящий фазис нашей политики: „Вы одни можете это сделать“, „потому что вы одни посвящены во все и имеете в своем распоряжении все секретные документы“. „Это было бы очень полезно и являлось бы своего рода завещанием“. Я думаю, он совершенно прав, полагая, что это интересно и полезно, но это большой труд, который потребовал бы много спокойного времени, а у меня его так мало начиная с осени 1886 г. Тем не менее следует об этом подумать...

К 5 часам приезжает барон Моренгейм, представившийся наконец сегодня их величествам; государь выказал свое полное удовлетворение письмом, которое г. Гирс передал за своей подписью барону. Решено, что барон завтра уедет в Париж, повидаться без промедления с г. Рибо и постарается доставить сюда министру ответ французского правительства с первым же очередным курьером, прибывающим в Петербург 1 сентября.

После приема Моренгейма их величества сели сегодня в 1 час пополудни на новую яхту „Полярная звезда“, направляясь в Копенгаген.

Мне приходит мысль достать из секретного архива дела о переговорах в 1858—1859 гг. по поводу заключения договора

с Францией, о которых я говорил министру сегодня утром. Мы перечитываем с самым живым интересом эти документы; несколько замечательных помет покойного государя выставляются в самом симпатичном свете благородную фигуру незабвенной и светлой памяти Александра II. Мне непременно нужно изучить эти дела и сделать из них несколько выписок.

Воскресенье, 11 августа.

Министр, уезжающий с сыном в Финляндию, просит меня к себе в 8¹/₄ часов. Пользуясь тем, что он мне дает инструкции относительно приема и отправки пакетов во время царского пребывания в Копенгагене, я выражаю желание ненадолго уехать, так как я почти все лето провел в городе. Министр не возражает, но высказывает очень любезное желание, чтобы мое отсутствие совпало с его собственным. Товарищ министра, таким образом, останется в полном одиночестве! Я не могу не улыбнуться про себя, когда г. Гирс начинает мне делать комплименты относительно того, как я хорошо выгляжу, как будто лето, проведенное в Петербурге, необычайно пошло мне на пользу. Он продолжает держаться убеждения, что атмосфера министерства является единственной, которой я могу дышать; кто знает, быть может, приневоливая себя к ней, я кончу тем, что действительно для меня станет невозможно жить в другом месте.

Мой друг Оболенский является большим поклонником прелестной графини Сумароковой-Эльстон, которую он видел очень печальной и огорченной на похоронах князя Юсупова. Она наследует пустяк — четыре миллиона рублей дохода! Погребение было очень просто, и тело архимиллионера похоронено не в церкви, а на одном из кладбищ Александровской лавры, рядом с могилой его супруги. Гроб несли на руках от Николаевского вокзала до лавры толпа его крепстьян; обошлись без всякой погребальной колесницы.

Понедельник, 12 августа.

Занимался своим дневником. Посылаю с уезжающим сегодня фельдъегерем письмо министра к государю касательно пособия на поездку. // „Дай бог в добрый час“, // но этот шаг весьма тягостен для моего бедного милого // Николая Карловича. /

Получена телеграмма от нашего посланника в Копенгагене, извещающая о благополучном прибытии их величеств после хорошего перехода менее чем в 46 часов. Bravo, // „Полярная звезда“, // — это необыкновенная скорость хода. Пересмотрел и привел в порядок секретные бумаги, оставленные Зиновьевым.

Вторник, 13 августа.

Оболенский мне вчера рассказывал, что в среду его невестка, присутствовавшая за императорским завтраком после доклада г. Гирса, нашла нашего бедного министра совсем не на высоте; когда зашел разговор о Сибири, через которую цесаревич только что проехал, Гирс имел такой вид, точно упал с облаков, узнав о богатствах этого края; он спрашивал, много ли там русских и т. д. По словам княгини, их величества и наследник были даже несколько поражены всеми этими замечаниями и наивными вопросами. Дело в том, что мой министр придает себе порой в разговоре несколько наивный вид, а при дворе он, быть может, думает стать таким путем на уровень окружающих, выказывая себя еще более несведущим и менее способным, чем его собеседники. Но впечатление, которое г. Гирс с некоторых пор производит в высших сферах, судя по тому, что приходится оттуда иногда слышать, не из слишком благоприятных и не таково, чтобы внушать большое доверие.

Пятница, 16 августа

Оболенский отправляется вместе с Капнистом завтракать к Юсуповым, чтобы вместе с ним быть свидетелем при совершении завещания, которое собирается подписать княгиня. По поводу фамилии князя Юсупова, которую по случаю смерти своего тестя только что принял граф Сумароков-Эльстон, великий князь Владимир сострил: „Это человек, которому три взятые займы имени открывают неограниченный кредит“. Действительно, присоединение фамилии деда с материнской стороны и тестя встречается редко, а помимо того, утверждают, что именем Эльстон, которое носил его отец, он обязан лишь случаю.

Суббота, 17 августа

Ваксель только что вернулся из своего отпуска. Дожди испортили в Ковенской губернии урожай, который обещал быть хорошим. Получились те же печальные результаты, которые в других местах были вызваны засухой.

Воскресенье, 18 августа.

Очередной курьер привозит совершенно бесцветную экспедицию, за исключением весьма секретных личных писем барона Моренгейма. Вот они:

„Париж, 15/27 августа 1891 г.

Я имел честь выполнить инструкции, которые по приказу нашего августейшего монарха ваше превосходительство благоволили мне дать в своем письме от 9/21 текущего месяца, доведя содержание этого письма до сведения г. Рибо, который нарочно приехал из Швейцарии. После того как г. министр иностранных дел выразил мне от имени правительства республики горячую благодарность всей Франции, объединенной одним всеобщим чувством преданности императору и России, и констатировал полное согласие во взглядах обоих правительств, я ему заявил, что я официально направляю на его имя в письменной форме то сообщение, которое я ему только что сделал в предварительном порядке устно. Вернувшись к себе, я тотчас же исполнил эту обязанность — отправил прилагаемое при сем в копии письмо, и несколько часов спустя я получил ответ министра иностранных дел, оригинал которого, написанный рукой самого г. Рибо, я имею честь препроводить вашему превосходительству. В течение нашей беседы мы сговорились с г. Рибо, что, если не произойдет непредвиденных событий, дело временно останется в нынешнем его положении до возвращения его величества императора и вашего превосходительства в С.-Петербург, чему будет предшествовать прибытие к месту своей службы нового французского посла и мое собственное возвращение в Париж. Ваше превосходительство не откажется однако обратить внимание на то, что г. министр иностранных дел с некоторой настойчивостью отмечает в своем ответе желательность не отсрочивать слишком надолго обсуждение и формулирование нашими главными штабами некоторых чисто технических и военных пунктов ввиду чрезвычайной быстроты, с которой, — как это слишком хорошо доказали недавние прецеденты, — развиваются события в случае роковых конфликтов и ввиду полной невозможности для обеих сторон совместно обсудить что бы то ни было, если мы будем застигнуты врасплох при полной невозможности каких-либо взаимных сношений. Прибывший из Швейцарии г. де-Фрейсина, которого я не преминул посетить, поделился со мной теми же опасениями.

Он, по собственному почину, добавил, что он был со своей стороны очень неприятно поражен весьма неуместными *со-
вещаниями* генерала Буадефра с нашим начальником штаба и что он *сразу покончил с этим*, выразив помощнику начальника французского главного штаба свое неудовольствие. Он назвал этот *избыток рвения* со стороны генералов, не снабженных на то полномочиями, *неловким* и находит *весьма при-
скорбным*, что они не могли избежать огласки своих *част-
ных доверительных бесед*. Но тем не менее он считает не-
обходимым как можно раньше уточнить предполагаемое во-
енное положение, причем это, само собой разумеется, не
должно ни повлиять в чем-либо на ход событий, ни ускорить
их наступление хотя бы на *одну секунду*, поскольку решение
о наступлении „casus foederis“ должно оставаться исключи-
тельно в руках одних верховных глав государств. Я конечно
ограничился ответом, что не премину представить французские
пожелания на высокое усмотрение нашего августейшего мо-
нарха. На аудиенции, которой меня удостоил его величество
государь перед своим отъездом, я уже счел для себя невоз-
можным уклониться от сообщения ему об этой неизбежной
перспективе, равно как переговорил об этом из предусматри-
тельности и с вашим превосходительством. Предполагая
завтра вернуться к своей семье в Пиренеи ввиду отпуска,
который был мне милостиво предоставлен до первого октября
нового стиля, я напомнил г. Рибо, что буду находиться у те-
леграфного провода, и данное мною доказательство необык-
новенной легкости, с которой я преодолеваю большие про-
странства, должно его побудить воспользоваться этим в случае
надобности. Примите и проч. Моренгейм“.

Приложения.

Копия письма Моренгейма г. Рибо⁸⁰.

„Париж, 27/15 августа 1891 г.

Г. министр,

Во время моего недавнего пребывания в С.-Петербурге, куда я был вызван по повелению моего августейшего монарха, государю было угодно снабдить меня специальными инструк-
циями, изложенными в прилагаемом в копии письме, послан-
ном на мое имя его превосходительством г. Гирсом, министром
инстранных дел, которое его величество благоволил пред-
писать мне сообщить правительству республики.

Во исполнение этого высочайшего повеления я вменяю себе в обязанность довести этот документ до сведения вашего превосходительства, в твердой надежде, что его содержание, предварительно согласованное и сообща сформулированное нашими двумя кабинетами, найдет полное одобрение французского правительства и что вы, г. министр, сообразовали, согласно желанию, выраженному г. Гирсом, почтить меня ответом, свидетельствующим о полном согласии, счастливо установившемся на будущее время между нашими двумя правительствами.

Дальнейшее развитие, которое эти два согласованные и установленные сообща пункты не только допускают, но которое должно составить их естественное и необходимое дополнение, может стать предметом доверительных и строго личных переговоров и обмена мнений в тот момент, в который это будет найдено своевременным тем или другим кабинетом, и там, где они сочтут для себя возможным приступить к ним в нужное время.

Отдавая себя на этот случай в полное распоряжение вашего превосходительства, я счастлив воспользоваться подобным случаем, чтобы просить вас принять уверения в моем глубочайшем почтении. Моренгейм“.

Копия письма французского министра иностранных дел г. Рибо российскому послу барону Моренгейму.

Это письмо написано целиком собственной рукой г. Рибо⁸¹.

„Париж, 27/15 августа 1891 г.

Господин посол,

Вы сообразовали по приказанию вашего правительства сообщить мне текст письма императорского министра иностранных дел, в коем заключаются специальные инструкции, которыми его величество император Александр решил снабдить вас в результате вызванного общеевропейским положением последнего обмена мнений между г. Гирсом и послом французской республики в Петербурге. Вашему превосходительству было поручено выразить в то же время надежду, что содержание этого документа, предварительно согласованное между двумя кабинетами и сформулированное сообща, встретит полное одобрение французского правительства. Я спешу поблагодарить ваше превосходительство за это сообщение. Правительство [республики] может оценить поло-

жение, создавшееся в Европе в силу тех обстоятельств, при которых состоялось возобновление тройственного союза, лишь так же, как это делает императорское правительство, и вместе с ним считает, что наступил момент определить позицию, при нынешней обстановке и при наступлении известных событий наиболее целесообразную для обоих правительств, одинаково стремящихся обеспечить гарантии сохранения мира, заключающиеся в поддержании равновесия сил в Европе. Я счастлив поэтому сообщить вашему превосходительству, что правительство республики полностью присоединяется к двум пунктам, которые являются предметом сообщения г. Гирса и которые сформулированы следующим образом:

1) В целях определения и утверждения сердечного соглашения, объединяющего их, и желая сообща способствовать поддержанию мира, который является предметом их самых искренних желаний, оба правительства заявляют, что они будут совещаться между собой по каждому вопросу, способному угрожать всеобщему миру.

2) В случае, если мир оказался бы действительно в опасности, и в особенности в том случае, если бы одна из двух сторон оказалась под угрозой нападения, обе стороны улаживаются (*conviennent*) договориться о мерах, немедленное и одновременное проведение которых окажется в случае наступления означенных событий настоящим для обоих правительств.

Я отдаю себя, впрочем, в ваше распоряжение для обсуждения всех вопросов, которые при нынешнем положении общей политики привлекут особое внимание обоих правительств.

С другой стороны, императорское правительство, подобно вам, несомненно, отдает себе отчет в том, насколько важно было бы поручить специальным делегатам, которых следовало бы выделить в ближайший срок, практически изучить те меры, которые надлежит противопоставить событиям, предусмотренным во втором пункте соглашения.

Обращаясь с просьбой довести до сведения императорского правительства ответ французского правительства, я считаю долгом отметить, как ценно было для меня иметь возможность оказать содействие, по мере моих сил, утверждению согласия (*l'entente*), которое всегда было предметом наших общих усилий. Примите и проч. А. Рибо“.

Это официальное письмо сопровождается небольшой, также собственноручной, запиской, помеченной: „Министерство ино-

странных дел. Кабинет министра. Париж, 27 августа 1891 г.». Записка эта следующего содержания: „Дорогой посол. Я вам посылаю ответ французского правительства на сообщение, которое вы мне сделали от имени г. Гирса. Я хочу вам еще раз дружески высказать, насколько я счастлив, видя столь удачно завершенным то дело, для которого мы непрестанно работали. Это станет одним из самых незабвенных воспоминаний моей государственной деятельности. Примите, дорогой посол, уверения в чувствах привязанности и совершенной преданности. Р и б о“.

Понедельник, 19 августа.

Я встаю очень рано, переписываю документы, полученные от барона Моренгейма, и кладу их в совершенно личный пакет, который посылаю министру, присоединив записку следующего содержания: „Смею думать, что барон Моренгейм значительно превысил пределы предоставленных ему полномочий. Второй пункт соглашения предусматривает возможность договоренности об определенных мерах, если они станут неизбежны для обоих правительств *„в случае, если всеобщий мир оказался бы действительно в опасности, и в особенности в том случае, если бы одна из двух сторон оказалась под угрозой нападения“*“.

Но в препроводительном письме на имя г. Рибо наш посол заявляет уже теперь, что дальнейшее развитие обзих принятых пунктов не только возможно, но что оно *„должно составить их естественное и необходимое дополнение“*. С этой целью он сразу же ставит себя в полное распоряжение министра иностранных дел, привязывает себя *„к телеграфному проводу“* и напоминает про ту *„необыкновенную легкость, с которой он преодолевает пространства“*.

Разве барон Моренгейм полагает, что общий мир находится *„в опасности“* или одна из обеих сторон сейчас находится *„под угрозой“* неминуемого „нападения“? Между тем мало вероятно, чтобы каким-либо образом в России решились начать войну в ближайшее время (*dans la saison qui approche*), и было бы конечно очень неосторожно поощрять известные французские устремления, давая обязательства, столь же компрометирующие, сколь и несвоевременные.

В самом деле, указав на неуместность избытка рвения со стороны генералов, не имевших на то полномочий, г. Мо-

ренгейм, повидимому, пожелал доказать, какую опасность представляют послы, не отличающиеся щепетильностью в использовании своих полномочий. Он, очевидно, пытается прибегнуть к подтасовке и найти какой-либо предлог, чтобы преодолеть с необыкновенной легкостью (хорошо оплаченной) расстояние, отделяющее Париж от Копенгагена!

Я составляю и даю переписать для представления на подпись министра письма, которые могут быть отправлены с курьером, уезжающим в четверг. Ни одна из полученных в воскресенье экспедиций не требует ответа и не вызывает необходимости новых инструкций. Муравьев сообщает из Берлина, что здоровье императора Вильгельма поправилось и что он отпустил себе бороду, которая однако, вероятно, скоро исчезнет, так как это украшение не нравится императрице. Бутенев пишет из Лондона, что прием, оказанный французской эскадре, был блестящим, но, повидимому, несколько не затмил встречи, которая была оказана ей в России, и даже не сравнялся с ней. В Кронштадте пришлось бросать жребий, чтобы выделить моряков, которые должны были оставаться на кораблях для несения службы; в Плимуте же были вынуждены прибегнуть к тому же способу, чтобы выбрать моряков для участия в празднествах! Коцебу пишет из Парижа, что французское правительство было очень польщено одобрением государя, которым он почтил его в достаточной степени осторожную и умеренную позицию, и обещает остаться и в дальнейшем на том же пути. Наш поверенный в делах отмечает также, что блеск кронштадтских празднеств, английские любезности и, наконец, приезд греческого и сербского королей в сильной степени подняли престиж правительства и личное положение президента г. Карно.

В три часа фельдгегерь, прибывший из Копенгагена, привозит от государя три пакета; я вскрываю два из них и сохраняю нераспечатанным небольшой третий, на котором стоит написанный собственноручно его величеством адрес: „/„Статс-секретарю Гирсу“; „в собственные руки“./“ Это, должно быть, ответ на просьбу о пособии на задуманное моим дорогим министром путешествие; пожелаем, чтобы он был самым благоприятным! На возвращенных государем бумагах стоит лишь одна чрезвычайно одобрительная помета: „/„Весьма добросовестный и интересный труд“./“ на действительно очень любопытной записке г. Извольского о конклавах и об условиях, в которых, вероятно, произойдет избрание нового папы после смерти Льва XIII. Мы отправляем эти бумаги,

составляющие большой пакет, с курьером Яковлевым в Финляндию; он переночует в Выборге и придет завтра весьма рано в Реттиярви.

Среда, 21 августа.

В 11 $\frac{1}{2}$ часов приезжает курьер от министра, который одобрил все мои проекты и прислал мне следующую записку:

„20 августа 1891 г. Вопрос, затронутый в весьма секретном письме Моренгейма, настолько важен, что я не решаюсь сейчас же отправить это письмо государю. Оно требует с моей стороны пояснений, а я не желаю делать это, не обдумав. Я оставляю поэтому эту переписку у себя на один или два дня, но я справлюсь с этим делом к следующему курьеру, уезжающему в Копенгаген, если не ошибаюсь, в будущую субботу. Пока что я могу вам сказать, что вполне присоединяюсь к вашей оценке: мне действительно кажется несомненным, что Моренгейм *значительно вышел из пределов данных ему инструкций*.

Сегодня я слишком спешу, чтобы писать спокойно и вполне обдуманно.

Весь ваш Гирс“.

P. S. // „На известной вам моей докладной записке государь написал: „Хорошо“.“ //

Таким образом, моему дорогому министру разрешено взять 800 полумимпериалов из *разъездных* денег в целях облегчения его поездки. Но разрешение могло бы быть дано в более милостивой форме. Государь не отдает себе отчета в материальных затруднениях простых смертных и не любит, когда прибегают к помощи казны. Я всей душой желаю моего бедного, старого, больного начальника. Я ожидал какой-либо благодарности за быструю подготовку отправки курьера в четверг и за заботы, приложенные нами к отправлению ему сразу экспедиций, полученных в воскресенье вечером, и пакетов, привезенных фельдтегерем в понедельник утром. Вместо этого курьер нам объявил, будто министр был недоволен, что прислано очень много бумаг сразу. Он постоянно забывает о громадных затруднениях, связанных с его летним пребыванием в Реттиярви, вызывающим потерю времени почти в 24 часа на пересылку бумаг туда и обратно. Я чувствую себя обиженным и не желаю больше вмешиваться в какие-либо дела канцелярии.

Пятница, 23 августа.

Я нахожу на своем столе пакет от министра, который я с нетерпением распечатываю, так как беспокоюсь о его здоровье и заботах, причиненных ему большим количеством дел за последнее время.

Вот что пишет мне г. Гирс: „22 августа 1891 г. Не понимаю, что мог сказать курьер Яковлев о моем неудовольствии по поводу одновременной присылки двух экспедиций. Конечно, меня расстроило вовсе не получение столь для меня важных экспедиций, а присылка бесчисленных бумажек из департаментов (даже департамента личного состава), прибывших ко мне совсем не во-время. Впрочем, вы можете быть вполне уверены, что, по-моему, все, что приходит от вас, — хорошо, так как я знаю, насколько вы близко принимаете к сердцу служебные интересы, и, смею добавить, — мои. Я вас прошу послать с первым уезжающим фельдъегерем пакет государю. Он заключает экспедицию Моренгейма с моей докладной запиской, черновик которой я вам посылаю. Как вы увидите, я был вынужден несколько щадить Моренгейма по причине, которую вы угадываете. Я знаю по опыту, что всякая критика этой личности не нравится в высших сферах и только портит успех хорошего дела. Чтобы дать вам представление о способе, каким он выполняет свою миссию, я вам пересылаю при этом письмо, полученное от сына, которое я прошу мне вернуть. Я прилагаю при сем свою докладную записку с проектом телеграммы на имя шаха. Благоволите послать ее государю с курьером, который прибудет в Копенгаген за день или за два до 29 августа. Я вас прошу проставить тогда на докладной записке дату ее отправления из Петербурга. Вы найдете также в приложениях письмо Кудрявского, с которым я не знаю, что делать; быть может, лучше всего было бы положить его в архив“.

Вот записка министра государю:

//„Докладная записка государю императору.

22 августа 1891 г.

Представляя у сего на высочайшее воззрение полученное мною от барона Моренгейма секретное письмо по вопросу о соглашении нашем с Францией, приемлю смелость повергнуть на всемилостивейшее благоусмотрение вашего величества следующие соображения.

Смею думать, что при настоящем политическом положении последовавшее соглашение по двум пунктам, указанным в данной нашему послу инструкции, может пока быть признано совершенно достаточным, так как оно вполне ограждает Россию от опасности оказаться изолированной в случае войны, которую, судя по общему настроению в Европе, никто теперь не предвидит, да и не может желать *. Нет сомнения, что такому настроению много содействует для всех очевидное сближение наше с Францией, являющееся как могущественный противовес ** тройственному союзу, постоянно увеличивающему свои военные силы, несмотря на присва[ивае]мое себе прозвище „лиги мира“. Выходить из этого спокойного и выгодного для нас положения было бы, по крайнему разумению моему, весьма неосторожно, а это легко могло бы случиться, если, согласно предположениям, выраженным в переписке бар. Моренгейма с г. Рибо и в разговоре его с Фрейсинэ, мы теперь же приступили к переговорам о принятии тех мер, которые окажутся необходимыми ввиду непредвидимых случайностей. Не говоря уже о том, что подобные переговоры, порученные специальным делегатам, вряд ли сохранятся в тайне и что огласка их, послужив к возбуждению умов, может лишь ускорить роковую минуту, мне казалось бы весьма нежелательным связывать себя преждевременно какими-либо положительными обязательствами в военном отношении и тем стеснять нашу свободу действий. Вследствие вышеизложенных соображений мне казалось бы необходимым, строго придерживаясь предначертанному ** вашим величеством пути, удовольствоваться пока соглашением по двум пунктам, выраженным в инструкции барону Моренгейму, отложив всякие дальнейшие по оным объяснения до возвращения вашего величества в С.-Петербург. Уклониться от этой программы могли бы побудить лишь какие-либо внезапные тревожные обстоятельства, но, к счастью, их нельзя ожидать в столь близком будущем ***.

На случай, если бы вашему величеству благоугодно было бы удостоить меня высочайшими указаниями по настоящему вопросу, считаю долгом всеподданнейше доложить, что я воспользуюсь всемиловейше разрешенным мне отпуском за

* Абзац от слов: „Смею думать“ до слов: „и не может желать“, отчеркнут на полях красными чернилами, и возле черты написано: //„Да“://

** Так в подлиннике.

*** Текст от слов: „Вследствие вышеизложенных соображений“ до слов: „в столь близком будущем“ отчеркнут на полях красными чернилами, и возле черты написано: //„Да“://

границу лишь 10 сентября, а до того времени буду оставаться в С.-Петербурге". /Гирс./

Очень тронутый письмом моего доброго старого министра и весьма удовлетворенный докладной запиской, я спешу написать ему длинное письмо, которое пойдет с курьером, посылаемым с утрением 9-часовым поездом.

Заходит Ваксель; в канцелярии получены телеграммы из Константинополя, сообщающие об отставке великого визиря Киамиля и о смене министерства; в этом видят доказательство ослабления престижа трейтвенного союза.

Судя по письму Николая Гирса из Парижа, которое мне переслал сегодня утром министр, Моренгейм совершенно потерял ориентацию (*la tramontane*). Он, повидимому, полагает, что является обладателем портфеля министра иностранных дел, хвалится, что был исключительно милостиво два раза принят государем, и кстати и некстати разглаживает об исключительной важности той миссии, для поручения которой он вызывался. Не открывая еще предмета этой миссии, он создал столько шума и такую рекламу по поводу своей недавней поездки в Россию, что это начинает привлекать общее внимание. Такого рода агент является настоящим бичом; можно ли при таких условиях добиться какого-либо успеха?

Суббота, 24 августа.

Мы отправляем сегодня в Копенгаген секретный пакет с запиской министра и донесениями Моренгейма. Заходит Капнист, затем Греч. Любопытные комментарии дают „*Nachrichten*“ к проходу наших судов через Дарданеллы. Орган князя Бисмарка находит, что, раз Россия потерпела урон в силу нарушения берлинского трактата в отношении Болгарии, она вполне могла бы сговориться с султаном и нарушить парижский трактат путем заключения соглашения о свободном проходе наших судов, — проходе, разрешение на который было бы полностью предоставлено султану. Подобная уступка в пользу России отнюдь не давала бы еще права другим державам требовать себе подобных же уступок.

Пышные речи, произнесенные бароном Моренгеймом по своем возвращении из Котрэ, всячески комментируются германской печатью и принимают тем более провокационный характер, что, как отмечают, этот тон был взят после возвращения из России и немедленно после свидания с государем ⁸².

Четверг, 29 августа.

По сведениям из Софии, в доме митрополита Мефодия был внезапно произведен обыск; и это духовное лицо подверглось временному аресту. Вероятно, Стамбулов пожелал захватить довольно компрометирующую преосвященного Мефодия переписку его с болгарским экзархом в Константинополе. Мы можем лишь радоваться нашей корректности в переговорах этой весной.

Суббота, 31 августа.

Получена ответная телеграмма из Фреденсборга ⁸³, в которой государь любезно благодарит г. Гирса за его поздравления; я прошу переслать эту телеграмму в Реттиярви. Министр остался, повидимому, доволен телеграммой, которую я составил и отправил от его имени монарху в ночь с 29 на 30 августа.

Греч приходит рассказать о высадке англичан в Митиленах. Этому не придается никакого значения, и английские суда после небольших маневров тотчас же удалились, но, быть может, это является пробным шаром для завладения островом и косвенной мерой устрашения султана в ответ на облегчения, предоставленные нашим судам Добровольного флота при проходе через проливы.

С Е Н Т Я Б Р Ь

Воскресенье, 1 сентября.

К 3 часам приезжает фельдъегерь из Копенгагена; он привозит письма барона Моренгейма вместе с запиской, приложенной г. Гирсом. На письмах не имеется никакой пометы, но записка снабжена следующей надписью: // „Пока, конечно, достаточно настоящего нашего соглашения с Францией. Собственно специальный, военный вопрос настолько важен, что, конечно, до личного свидания с вами и Ванновским я ничего сказать не могу“. // Помимо того, его величество отметил красным карандашом два абзаца записки министра и написал на полях два одобрительных // „Да“: // Мой милейший начальник будет в восторге ⁸⁴... ДЕРЕВИЦКИЙ приезжает в качестве очередного курьера. Экспедиции не заключают ничего особенно интересного. Каприви беседовал в весьма миролюбивом тоне с графом Муравьевым и с французским послом

г. Эрбеттом. Г. Маршалль признался, что император Вильгельм сначала казался несколько взволнованным кронштадтскими демонстрациями, но канцлер и министр иностранных дел его успокоили, доказав, что Франция, удовлетворенная и польщенная, будет проявлять гораздо меньше нервности. Наш поверенный в делах в Париже пишет, что, действительно, Франция чувствует себя удовлетворенной и счастливой, что император Александр III в высшей степени там популярен и что его благосклонность к нынешнему правительству республики придает последнему новую устойчивость и силу. Никакого воинственного или провокационного настроения не проявляется.

Вторник, 3 сентября.

Вернувшись в 5 $\frac{1}{2}$ часов, я обедаю, приказав принести обед от Донона. В 7 часов приезжают Гирсы. Я вижу вечером министра лишь в течение нескольких минут; он чувствует себя гораздо лучше и, повидимому, в восторге от помет государя на его записке о письмах Моренгейма; он разделяет мое мнение о необходимости сообщить их содержание в Котрэ нашему послу и просит приготовить письмо барону к отъезду следующего курьера. Замешательство министра при разговоре о знаке отличия, пожалованном Капнисту; обычная его неоткровенность.

Среда, 4 сентября.

Годовщина свидания в Скерневицах ⁸⁵. Я встаю очень рано и принимаюсь за составление писем.

Вот письмо барону Моренгейму, которое я приготовил для министра:

„С.-Петербург, 4/16 сентября 1891 г.

Г. посол,

Государь, ознакомившись с весьма секретным письмом, которое вы благоволили написать мне 15/27 минувшего августа, а равно и с сопровождавшими его приложениями, которые я срочно переслал его величеству. в Копенгаген, только что сообщил мне свои решения по поводу важного вопроса, которому посвящены эти документы.

Наш августейший монарх находит, что основания согласия, сформулированные и утвержденные нами и французским правительством, вполне отвечают требованиям нынешнего положения и что специально военный вопрос слишком важен, чтобы

к нему можно было приступить без предварительного изучения; его величество предполагает заняться этим в свое время вместе с г-н. Ванновским и со мною, по возвращении в Россию.

Поэтому государь желает, чтобы мы продолжали строго придерживаться программы, которую ему угодно было нам начертать, и приняли меры к тому, чтобы не давать *никакого* преждевременного развития двум пунктам, являющимся в настоящее время выражением нашего согласия с Францией.

Его величество требует, как и раньше, соблюдения *самой абсолютной тайны* относительно всего этого дела. Примите и проч.“ ⁸⁶

Я составляю также письма на имя Коцебу в Париж, Муравьева в Берлин и других поверенных в делах в виде простых сопроводительных писем к пакету с литографиями. Когда я поднимаюсь наверх к 11 часам к министру, он выказывает полное удовлетворение проектом письма барону Моренгейму и просит меня переписать это письмо, дабы никто другой о нем не узнал. Пока что, если судить по полученным из Парижа письмам, наш посол как будто сошел с ума, напускает на себя необычайную важность и болтает даже о таком щекотливом предмете, как наше соглашение. Бог знает, откуда у него деньги, у него, который в прежнее время всегда был в долгах! Подозрительная инициатива проявлена редакцией газеты „Gaulois“ ⁸⁷ в смысле проведения во Франции национальной подписки в пользу русского посла, чтобы преподнести ему в той или иной форме большую дотацию в вознаграждение за усердие, проявленное в деле сближения между обеими странами. Они посмели даже обратиться с подобным предложением к Моренгейму, причем он не проявил ни смущения, ни негодования; наоборот, он делает все возможное, чтобы заслугу во всем происшедшем приписать себе одному, и не видит ничего дурного в том, что французы, которым он служит, оплатят его труды.

Четверг, 5 сентября.

Министр видел вчера многих дипломатов. Все, что сказал министру французский поверенный в делах, не называя Моренгейма, по поводу „Gaulois“ и т. д., может лишь подтвердить некоторые подозрения относительно честности нашего посла. Странная телеграмма от Коцебу; французский министр иностранных дел, собирающийся отправиться в провинцию, хотел бы получить от нас указание, что он должен

говорить по вопросам внешней политики. С какой стати мы примем на себя роль вдохновителя речей г. Рибо!

Пятница, 6 сентября.

Министр в полной мере одобряет мой проект телеграммы Коцебу, отстраняющий предлагаемое нам вмешательство.

Суббота, 7 сентября.

В сущности, после возвращения из Копенгагена весьма секретных донесений Моренгейма и отправки в четверг 5 августа в соответствии с высочайшими пометами нашего письма Моренгейму мое присутствие здесь перестает быть необходимым. Я сдержал данное министру обещание не уезжать, пока не будет закончена строго личная и секретная переписка, порученная исключительно мне, но теперь, в особенности после отъезда министра, мне остается лишь на отдыхе заняться работами по необходимому ремонту своей нынешней квартиры, чтобы передать ее Оболенскому, а затем я мог бы отлучиться до конца октября. Но куда ехать? И не лучше ли было бы воспользоваться этим временем, чтобы спокойно поработать в секретном архиве, к чему я так давно стремился? Вчера я провел добрую часть ночи, читая запоем новый рассказ графа Л. Толстого //„Поликушка“//. Ваксель делает упрек автору, что он не получил философского образования, а поэтому неосмотрительно увлекается новыми идеями, близкими к абсурду. Мне кажется, что в том-то и состоит преимущество гения, чтобы не замыкаться в узкие рамки признанной философии и свободно отыскивать истину, хотя бы часто ошибаясь. Мой добрый Ваксель немного догматичен; он любит понятия определенные, как дважды два четыре. Неприятное впечатление на меня произвела неоткровенность министра. Он путается и несвязно говорит о том, что предупредил Шишкина о моем отъезде в отпуск одновременно с ним. Уверяет, что товарищ министра меня очень уважает и прекрасно относится ко мне, но не знает, с какой стороны подойти, чтобы завязать со мной хорошие отношения, и т. д., и т. д. Он мне говорит также, что было бы хорошо с моей стороны приехать к нему за границу. В сущности, все это ему безразлично; в данное время я ничем не могу быть ему полезен. Министр обходит молчанием вопрос, куда я еду в отпуск, и не проявляет к этому никакого интереса.

Вечером, когда я занимаюсь у себя, министр присылает в запечатанном пакете весьма доверительное письмо государя, которое привез только что прибывший фельдъегерь; он мне пишет: „Прочтите, чтобы мы могли поговорить об этом завтра утром“. Вот письмо государя: // „Об этом я переговорю с вами, когда увидимся, а пока подумайте, как отвечать королеве и как устроить это дело. Помочь им, действительно, весьма желательно и подействовать на французское правительство, действительно, мне кажется, мы можем“. А[лександр].//

К этой записке приложены следующие приложения:

Письмо герцога Эдинбургского.

„Кобург. Эдинбургский дворец.
7 сентября/26 августа 1891 г.

Мой дорогой Саша. Испанская королева-регентша просила меня быть ее ходатаем перед тобой в важном деле, и я полагаю, что не могу сделать ничего лучшего, как послать тебе ее письмо, переданное мне господином... *, директором одного из департаментов испанского министерства иностранных дел. Г. де-Бокэ передаст тебе эти строки через г. Макдонелля.

Надеюсь, что ты приятно проводишь время в Дании; я прошу передать мои лучшие чувства Минни и всей семье, собравшейся в Фреденсборге. Мария тебя целует.

Твой преданный шурин Альфред“.

Письмо испанской королевы-регентши Марии-Христины **.

„С.-Себастьян, 2 сентября 1891 г.

Милый Альфред! Ты всегда так хорошо и дружески ко мне относишься, что это дает мне смелость обратиться к тебе по одному делу, которым я очень озабочена и о котором ты, вероятно, уже слышал от своей дорогой матери. Я именно ей недавно писала об этом, и она сама посоветовала мне написать тебе непосредственно и просить тебя быть ходатаем в этом деле перед твоим шурином, русским императором. Я ему прямо не пишу, так как думаю, что ему будет приятнее, чтобы ты это сделал, потому что он едва ли помнит, что видел меня в 1873 г. в Вене. Я попытаюсь возможно яснее изложить тебе общее положение дела.

* Фамилия в подлиннике написана неразборчиво.
Письмо написано на немецком языке.

Уже давно меня сильно беспокоит внутреннее положение Португалии, где республиканская пропаганда делает быстрые успехи и в особенности распространяется среди войск. Мои заботы тем серьезнее, что королева Мария-Пия, с ведома своего сына и его правительства, мне несколько раз писала, прося меня прислать наши войска на помощь португальским, дабы восстановить порядок, в случае, если там вспыхнет революция. Уже два раза (в 1834 и в 1847 гг.) нашим солдатам удалось спасти монархию в Португалии, и мне хотелось бы отозваться и теперь на многократные просьбы Португалии. Но мое правительство опасается, что подобное решение произведет во Франции плохое впечатление и что в Париже нам станут чинить затруднения, которые один русский император мог бы устранить, воспользовавшись своим большим влиянием, чтобы побудить Францию не выказывать недоверия к нашему выступлению на защиту португальской династии, имеющему исключительно охранительные задачи. Дело идет вовсе не о том, чтобы выступить против формы правления, так как мы уважаем форму правления каждого народа, когда она правомерно создана и не угрожает соседним странам. Но республиканская партия Португалии рассчитывает лишь на восстание в армии, дисциплина которой очень подорвана и в которой господствует большая деморализация. В результате республиканского восстания воцарилась бы анархия, а это создало бы для соседней Испании очень трудное положение. Мое правительство желает лишь, чтобы Франция, с которой мы всегда желаем поддерживать самые дружественные отношения, оставалась бы, в случае, если вмешательство Испании в португальские дела станет необходимым, совершенно нейтральной. Это вмешательство было бы вызвано не желанием приобрести влияние на португальское правительство, но дружеским желанием пойти навстречу многократным просьбам Португалии помочь нашими войсками ее армии восстановить порядок. Я знаю, насколько император заинтересован в сохранении монархий, социального порядка и всеобщего мира, а поэтому я обращаюсь к нему через твое любезное посредство, чтобы его просить оказать свое мощное влияние на французское правительство, дабы оно не создавало нам затруднений в португальских делах. Я прошу тебя, милый Альфред, чтобы ты, изложив императору это дело, сказал бы ему, насколько я всей душой надеюсь, что он в этом деле не откажет мне в своей могущественной поддержке. Я не могу забыть, что в то время, как вся Европа

колебалась признать моего дорогого Альфонса испанским королем в первые дни после его вступления на престол, Россия его сразу признала; это ему очень помогло в те критические минуты, и он постоянно с благодарностью вспоминал об этом. Русский император был всегда верным и благосклонным другом моего возлюбленного Альфонса, и это тоже дает мне смелость обратиться к нему теперь.

Прости, милый Альфред, что я тебя беспокою этой просьбой, но твоя дорогая мать дала мне самым доброжелательным и дружеским образом совет обратиться к тебе с письмом. С сердечным приветом Марии и тебе и заранее искренно благодаря тебя, остаюсь сердечно тебе преданная кузина Христина“.

Эти три собственноручные письма, которые я решаюсь переписать, интересны как знамение времени. Шаги в желательном для испанской королевы смысле могли бы быть приняты перед французским правительством, и весьма возможно, что из уважения к государю желательный нейтралитет был бы предоставлен, но очень сомневаюсь, чтобы в случае серьезного движения в Португалии испанские войска выказали больше дисциплины и преданности, чем войска этого маленького королевства, готового превратиться в республику. Момент этого превращения и распространение его (на соседние государства) в лучшем случае могут быть несколько отсрочены. Что же касается того отклика, который возникновение республики на Иберийском полуострове вызовет, по всей вероятности, в Италии, то в этом, я думаю, не будет ничего противного русским интересам.

Воскресенье, 8 сентября.

Газеты заняты речью императора Вильгельма в Эрфурте. Его величество упомянул об унижениях, которым корсиканский завоеватель подвергнул в этом городе немецких князей и государей, и о реванше 1813 г., явившемся якобы результатом чувств, которые его прадед сохранил от этого унижения⁸⁸. В Париже буланжисты и прочие им подобные⁸⁹ устраивают шумные манифестации по поводу представления „Лоэнгрина“ Вагнера, который был поставлен весьма несвоевременно. На-днях в демонстрации принимала участие тысяча человек. Я вижу моего министра; оказывается, он разделяет мое мнение по поводу шага, предпринятого испанской королевой и собирается написать несколько слов государю об

этом до своего отъезда. Г. Гирс подымает вопрос о моей поездке за границу; он уверяет, что в связи с визитом, который он, повидимому, собирается нанести г. ди-Рудини, я ему нужен, чтобы осведомить его обо всем, что будет происходить в министерстве до его проезда через Берлин. Одним словом, он приглашает меня приехать к нему по делам службы и на казенный счет. Я возражаю, что если обстоятельства и мои личные дела позволят мне уехать за границу, то для меня будет большим удовольствием заехать приветствовать его и затем направиться в Рим и Неаполь. Я говорил с его врачами, и никто лучше меня не знает, насколько он нуждается в отдыхе. Я испытывал бы настоящие угрызения совести, если бы приехал к нему по служебным делам, а тем более, если бы свою поездку, предпринятую для отдыха и для удовольствия, совершил за счет казны. Министр безуспешно старается склонить меня на свою точку зрения и, повидимому, предполагает написать из-за границы Шишкину, чтобы потребовать моего приезда. //Едва ли удастся им.//

„Правительственный вестник“ сообщает, что 30 августа государь пожаловал принцу Георгу Греческому золотую медаль //„за спасение погибавших“// для ношения на владимирской ленте. Таким образом, его королевское высочество официально признан за спасителя великого князя наследника.

Понедельник, 9 сентября.

Министр прочел мне черновик своего письма государю относительно испанской королевы. Согласно моему совету, он пишет еще второе письмо, чтобы сообщить его величеству, что он передал его решение Моренгейму, уезжает завтра и возвратится в конце октября. Он просит отправить эти письма во вторник с фельдъегерем.

Вторник, 10 сентября.

Мы едем с Вакселем на вокзал проводить министра и его семью. Министр ничего не говорил обо мне Шишкину. В тот момент, когда поезд уже тронулся, г. Гирс спрашивает меня, не провожу ли я его одну или две станции; я решаюсь проехать до Царского. Никто из дипломатов не явился на вокзал проводить министра, который, повидимому, этим неприятно поражен. Это почти демонстрация. В свое время, в

период нашей тесной дружбы с берлинским и венским дворами, дипломатический корпус собирался в подобных случаях в полном составе во главе с деканом, германским послом, генералом Швейницем. Правда, в данное время на месте находится лишь один итальянский посол, но среди поверенных в делах австрийский поверенный барон Эренталь и германский — г. фон-Бюлов хорошо знают дипломатические обычаи. В вагоне мы дружески разговариваем с министром и его семьей; на станции Александровская я прощаюсь с ними и отправляюсь на извозчике на ближайшую станцию Царскосельской ж. д.

Я просил Вакселя предупредить г. Шишкина, что хотя я и получил отпуск, но с удовольствием отдаю себя в его распоряжение, покуда я остаюсь здесь, на случай, если бы я ему мог быть полезен. Наш товарищ министра, повидимому, был очень удивлен и тронут этим предложением; он признался Вакселю, что г. Влангали уверил его, что, как только министр окажется в отсутствии, я уеду и не пожелаю работать с управляющим министерством. Он приходит ко мне около 3 часов и горячо меня благодарит.

Суббота, 21 сентября*.

Мой проект письма государя на имя испанской королевы: „Государыня, письмо, которое ваше величество благоволили прислать мне, подтвердило все, что мне было сообщено Альфредом Эдинбургским и г. Бокэ касательно важных вопросов, озабочивающих вас. Ваше величество могло быть уверено в живом участии, с которым я отнесусь к вашим заботам, и в искреннем моем желании сообразоваться с вашими пожеланиями. Все возможное будет предпринято моим правительством, дабы побудить правительство французской республики соблюдать нейтралитет в случае военного вмешательства Испании во внутренние беспорядки в Португалии, каковые грозят ей. Я льщу себя надеждой, что государственные люди, находящиеся ныне во Франции у власти, будут согласны с нашей точкой зрения, но очень опасаюсь, что они встретят серьезные затруднения со стороны палат, обычно мало расположенных оказывать какую-либо поддержку монархическим правительствам.

Ваше величество, я надеюсь, не будет сомневаться в удовольствии, которое доставила бы мне возможность быть

* Черновая запись, вложенная в дневник.

вам полезным, оправдав доверие, которое вы мне оказали и за которое я очень благодарен, но прошу считаться с деликатной стороной интересующего нас вопроса и не терять из виду, насколько мало...“ *

Государь на этом проекте написал: //„При удобном и верном случае перешлите это письмо королеве-регентше испанской г. Гирсу, при этом напишите ему, что весьма желательно дать скорее ответ королеве и вступить в переговоры с французским правительством по этому поводу“./.

Н О Я Б Р Ь

Пятница, 1 ноября.

Ко мне приходит завтракать Оболенский. Затем я спускаюсь в свой официальный кабинет вниз, куда приходит г. Шишкин, чтобы попросить меня заготовить проекты ответов, которые он желал бы послать государю с уезжающим завтра фельдъегерем. Вскоре я передаю проекты Оболенскому, а затем г. Шишкин возвращает их утвержденными с весьма лестной для меня запиской.

Воскресенье, 3 ноября.

Сегодня меня навестили Николай Брок и Константин. Мы говорили о расстройстве в наших делах. Продолжительное пребывание государя за пределами столицы задерживает правильный ход дел. Рассказывают, что в Крыму становится холодно и ненастно; много больных; недостает лишь, чтобы престарелые родители императрицы или кто-либо из семьи схватили инфлюэнцу, тогда это будет на всю зиму. Вспомним, как просто покойный император и императрица Мария Александровна справляли свою серебряную свадьбу в апреле 1866 г. Не было никаких подписок, никакого блеска и никакого перерыва в ежедневных обязанностях — это был действительно чисто семейный праздник, который не мог ни приостановить, ни задержать работу великого монарха. Нынче же дамы, сделавшие пожертвования на создание стипендии в память серебряной свадьбы, не получили ни от кого из Ливадии даже слова благодарности. Ходят слухи о неудовольствии, проявляемом в Москве по отношению к великому князю

* Конец письма отсутствует.

Сергею. Граф Орлов-Давыдов, которому наскучили отношения с его высочеством, отказался от своих обязанностей в кремлевском дворце; говорят, что митрополит тоже просит о переводе в другое место; наконец, рассказывают, что великого князя, заставившего себя недавно около часа ждать на московских бегах, ошкарки при его появлении. Мой министр предполагает покинуть Висбаден; он в восторге от лечения доктора Мецгера; вместе со своим старшим сыном он отправляется в Париж. Все эти дни курс значительно падает.

Понедельник, 4 ноября.

Ходят смутные слухи о даре, который якобы сделал государь из удельных сумм (пятьдесят миллионов), дабы притти на помощь голодающим. Великий князь наследник будто бы назначен председателем комитета, который будет распределять пособия. Пока пожертвования, притекающие со всех сторон, повидимому, часто растрачиваются, а с другой стороны, содействуют деморализации народа. Вместо того чтобы работать и заслужить пособие, громадное количество крестьян и рабочих в провинции отказываются от всякой работы, под предлогом, что //„дарский паек“// должен им быть выплачен даром. Благотворительность такого рода может в конечном счете привести к более значительным и еще более непоправимым бедствиям, чем сами последствия неурожая, от которого этим летом пострадала большая часть России.

Четверг, 7 ноября

Вечером, после обеда, в то время как я пишу письма, является курьер Василий Федоров, чтобы мне объявить, что умер князь Владимир Оболенский. Это производит на меня страшное впечатление. Дежурный чиновник граф Келлер, обедавший у Донона, узнал эту ужасную вестъ от князя Белосельского и приказал сообщить об этом мне. Я посылаю курьера за сведениями к князю Александру Оболенскому и к Бибиковым. Он возвращается с подтверждением этого известия. Я потрясен, мною овладевают тревога и угрызения совести, что я не поехал со своим бедным, дорогим любимцем.

Пятница, 15 ноября.

Утром более 10 градусов мороза; прекрасный солнечный день, но я чувствую себя очень разбитым и подумываю о том, чтобы не ехать на вокзал для встречи министра. Но затем я меняю свое намерение и все же отправляюсь, закутавшись, на извозчике на вокзал к приходу берлинского поезда к 2 часам пополудни. Вместе со мной при входе на платформу стоят Деревидкий и Александр Гирс. Министра и его семью встречают очень много представителей разных отделов нашего министерства; у него весьма веселый и здоровый вид; он горячо расхваливает доктора Мецгера. Я держусь немного в стороне; когда он с супругой направляется к карете, сопровождающий их Шишкин расхваливает меня за „доброту, с которой я играл для него роль провидения во время его управления министерством“. „Кому вы это говорите?“ отвечает на это г. Гирс. Все это весьма трогательно и любезно, но в глубине сердца я не испытываю былой радости при встрече с моим милейшим начальником. Мной овладевают какое-то недоверие, тяжелые воспоминания, которые я не в силах подавить; моя работа утомляет меня, и я без всякого подъема помываюсь о возвращении к своим занятиям, которые я раньше так любил. Вечером к 8 часам министр вызывает меня, обнимает и говорит, как он рад свидеться со мной. Он с энтузиазмом рассказывает о лечении Мецгера; три-четыре недели массажа в Висбадене, по его словам, омолодили его на 20 лет. Г. Гирс в таком же восторге и от политических результатов своего путешествия; он нисколько не сетует на меня за то, что я написал ему с полной откровенностью, как здесь в октябре отнеслись к его намерению посетить Париж. Был момент, когда это могло произвести весьма дурное впечатление в Германии. Герцог Альберт Саксен-Альтенбургский, жених дочери великой княгини Екатерины, служивший в России вместе с графом Павлом Шуваловым, пришел поведать нашему послу, что когда было решено, что государь при проезде из Копенгагена в Ливадии не заедет в Берлин, то император Вильгельм принял это как личную обиду и не мог скрыть своей досады. Все усилия герцога Альбрехта успокоить молодого германского монарха не имели успеха, и когда он попросил у его величества разрешения доверительно переговорить об этом с Шуваловым, пользуясь своей старой дружбой с ним, Вильгельм II этому категорически воспротивился. Считаю положение весьма

серьезным, герцог тем не менее тотчас после своего свидания с Вильгельмом зашел рассказать обо всем нашему послу и в конце концов согласился, чтобы последний, под условием самой строгой тайны, послал по этому поводу донесение государю. Шувалов счел своим долгом изложить все обстоятельства дела и все, что ему было сообщено герцогом Саксен-Альтенбургским в письме от 11 октября из Берлина, и отослал это письмо с первым же фельдъегерем, направлявшимся в Копенгаген. Государь ответил письмом, в котором благодарил посла за откровенность, но без колебания остался при прежнем намерении не проезжать через Берлин. Официальный визит монарха монарху, по мнению его величества, был отдан, и он не видит никакого основания возвращать визит по поводу маневров в 1890 г. в Нарве. Государь не отказывался приехать *при случае* в Берлин, но его величество не желает, чтобы каждое его пребывание в Копенгагене признавалось поводом для неизбежного визита прусскому двору; „наконец, добавлял наш августейший монарх, //я беру с собою// короля и королеву датских, принцессу Уэльскую с ее дочерьми и при таких обстоятельствах невозможно уклониться от прямого пути через Данциг“. Обеспокоенный доходящими до него со всех сторон слухами, — между прочим, принц Макс Баденский слышал, что император Вильгельм назвал государя „азиатским монархом“ и т. д., — гр. Шувалов отправился навстречу государю в Данциг с твердым намерением не скрыть от него ничего из ставших ему известными тревожных симптомов и выразить в то же время свое мнение, что при этих обстоятельствах г. Гирс, которого он предполагал посетить в Висбадене, хорошо сделает, отказавшись от посещения Парижа. Государь ответил, что он вполне предоставляет министру решить это самому. Его величество не желал ни предписывать, ни отсоветовать г. Гирсу эту поездку, в твердом убеждении, что он сам всего лучше будет знать, что ему делать при создавшейся обстановке. Подобное доверие произвело сильное впечатление на графа Шувалова, который горячо поздравлял по этому поводу г. Гирса, приехав затем в Висбаден. Министр не счел возможным оповестить об отказе от своей уже объявленной поездки в Париж, где его уже ждали. Он признался в своих опасениях, как бы от этого не пострадал его прием в Берлине, и поручил графу Шувалову тщательно зондировать почву с тем, чтобы в случае необходимости он мог бы проехать прямо с вокзала на вокзал, избегнув мало любезного приема. Я замечаю министру, что я более всего

опасался именно этого; это значило бы непоправимо испортить отношения, а поэтому я позволил себе со своей стороны написать ему на этот счет. Приняв на себя поручение позондировать и подготовить почву к приезду г. Гирса в Берлин, объяснив истинное, т. е. умиротворяющее, значение его поездки в Париж, граф Шувалов прекрасно справился с этим делом. Прием, оказанный министру, был безукоризнен, и он очень доволен вполне откровенными беседами, которые имел с канцлером Каприви, и собирается мне последовательно сообщить все свои впечатления, начиная с того дня, когда мы с ним расстались в Италии, с тем чтобы я мог приготовить к его первому докладу в будущий вторник памятную записку, на основании которой ему было бы легче сделать свой доклад государю ⁹⁰.

В конце нашего разговора г. Гирс рассказал мне о сердечном приеме, оказанном ему старой королевой Ольгой Вюртембергской; она собирается приехать на некоторое время будущим летом в Петергоф; в связи с этим ее величество проронила однако несколько слов, которыми выдала, что домашние нравы нашего нынешнего двора не вполне ей по вкусу. Она вспомнила об обедах при дворе ее отца, императора Николая, и славной памяти императора Александра II; на этих обедах присутствовало много интересных гостей, которые могли поддерживать серьезный или политический разговор. „Я так привыкла к этого рода приемам и не люблю смотреть, как перебрасываются за столом шариками из хлеба“ (привычка нашего царствующего императора). „Буду ли я иметь возможность, — спрашивала она, — приглашать к себе некоторых лиц?“ и т. д., и т. д.

Курс за последние дни очень сильно упал; главными причинами являются политические опасения и неудача нашего последнего трехпроцентного займа ⁹¹, не говоря о крайне неблагоприятном впечатлении, произведенном запрещением вывоза за границу, в связи с голодом, нашей ржи и даже пшеницы ⁹². Моренгейм рассказал министру в Париже, что г. Вышнеградский, ввиду подобных затруднений, будто бы также написал государю, подсказывая необходимость визита в Берлин, но его величество якобы ответил: „// Не такие беды Россия переживала и благодаря бога уцелела“!// Наш посол, надо сказать, в восторге от подобного ответа // „русского царя“//.

По моем возвращении министр вызывает меня; его посетил министр финансов, весьма озабоченный и подавленный.

Г. Вышнеградский недоволен бароном Моренгеймом за его клевету на парижского Ротшильда и обвиняет его в некоторых неблагоприятных сделках, оказавших дурное влияние на реализацию нашего последнего займа. Он доходит до того, что подозревает нашего посла в заинтересованности и в незаконных спекуляциях.

Понедельник, 18 ноября.

С большим интересом я работаю у моего министра в течение 1½ часов, от 10½ до 12. Мы восстанавливаем все разговоры, которые он вел в Италии, в Германии и во Франции, все факты его путешествия, и я записываю их, чтобы приготовить к завтрашнему утру исчерпывающую памятную записку. Мой министр попрежнему в восторге от состояния своего здоровья и результатов путешествия и очень приятно поражает меня своим оживлением и свежестью, которых у него уже давно не замечалось. Прервав нашу работу в 12 часов, он просит меня снова приняться за нее вечером. Я провожу день, приводя все в порядок и систему, и развиваю все сделанные мне министром сообщения. После обеда к 8 часам г. Гирс снова меня приглашает, и мы еще работаем более часу, но дело уже не идет так гладко, как утром, и мне трудно следить за мыслью министра. Большую часть ночи я провожу за редакцией памятной записки, которую министр хочет взять с собою завтра в Гатчину. Вступив с высочайшего разрешения со вчерашнего дня снова в управление министерством, г. Гирс, считая это необходимым, желает, чтобы „Journal de St.-Petersbourg“ поместил несколько строк как об этом, так и по поводу его путешествия. Я пишу записку редактору газеты, предлагая ему набросок этой заметки; он печатает этот набросок текстуально, и министр вполне одобряет присланную ему для корректуры заметку⁹³.

Вторник, 19 ноября.

Я встаю очень рано, заканчиваю свою работу и передаю ее министру перед его отъездом в 10 часов утра в Гатчину.

Министр меня вызывает и задерживает на полчаса. Он вернулся из Гатчины по Балтийской ж. д.; вагоны на ней слишком сильно отапливаются, и из-за этого у него тяжесть в голове и зубная боль. Но мне кажется, что на него повлияло

некоторое разочарование, вынесенное из свидания с августейшим монархом. Дело не в том, что государь в чем-либо не одобрил его, — наоборот, его величество, повидимому, вполне доволен всем, что министр доложил ему по поводу своего путешествия, но ему не было сказано ни слова благодарности или поощрения. Государь его спросил, присутствовал ли Моренгейм при его беседах с французскими министрами. Г. Гирс видит в этом новое доказательство особой слабости к нашему послу в Париже, которая его часто поражала. Доклад был сегодня весьма продолжителен: 1½ часа до завтрака и почти столько же после него, но министр все же не имел времени доложить о всех вопросах, занесенных в памятную записку, которую я ему приготовил. Он намерен вернуться к ним в будущий вторник. Когда министр откланивался, его величество сказал, что султан ему прислал в Ливадию табак и что он пошлет часть его г. Гирсу. „Это очень любезно, — замечает мой начальник, — это моя андреевская лента“. Повидимому, их величества весьма опечалены смертью Владимира Оболенского. Говоря о нем, императрица обливается слезами; она с большим интересом расспрашивала о моем дорогом Ола и притом в таком тоне, что г. Гирсу на минуту показалось, что его, может быть, рассматривают как заместителя брата. По моему мнению, эта комбинация пришлась бы министру по душе, хотя из приличия, он и замечает, что было бы жаль потерять такого человека в министерстве. Г. Гирс согласился со мной, что Оболенский и его брат должны были бы представиться их величествам, чтобы поблагодарить их.

Среда, 20 ноября.

Когда я сообщаю о моем впечатлении своему другу, он, повидимому, не разделяет этого мнения, так как между их величествами и его покойным братом существовали отношения совершенно личной дружбы, что, по его мнению, и является единственной причиной внимания, оказанного памяти покойного. Тем не менее его невестка, которая должна увидеть императрицу завтра по ее приезде в Петербург, постарается выяснить этот вопрос. Вступив в исполнение своих обязанностей, министр сделал визиты своим коллегам. К его большому удивлению, Победоносцев его принял с необычайной сердечностью, наговорил ему много комплиментов по поводу его путешествия и выразил полное одобрение нашей поли-

тике. До чего дожили! Газеты также выражают удовлетворение, а // „Гражданин“ //, вдохновляемый иногда Гатчиной, поощает в высшей степени хвалебную статью. Граф Воронцов, вероятно под влиянием Шувалова, выразил мнение, что все-таки следовало бы побудить государя повидаться с императором Вильгельмом; министр ответил, что это конечно было бы хорошо, и просит помочь ему в этом в случае необходимости. Взгляды министров на то, что происходит внутри страны, таковы, что можно притти в отчаяние. В особенности министр внутренних дел Дурново далеко не на высоте созданного голодом положения.

Вчера во время чая ко мне в нижний кабинет зашел г. Шишкин и горячо благодарил меня в присутствии Оболенского и Капниста за мое гостеприимство в воскресенье в Сергиевой пустыни и за „неоценимую“ помощь, которую я ему будто бы оказывал за время его управления министерством. Он приехал из комитета министров под впечатлением ужасающих известий, которые там слышал. Из 72 миллионов, ассигнованных для борьбы с вызванными голодом бедствиями, 60 миллионов уже истрачено, а получаемые из провинции сведения все более и более тревожны. Как притти на помощь этой громадной массе несчастных на таком пространстве. Откуда черпать средства, а главное, где найти людей, чтобы с толком делать добро на месте? Было решено учредить два комитета: один — под председательством наследника для собирания и распределения средств, доставляемых благотворительностью, другой — при министерстве внутренних дел для организации общественных работ и изыскания заработков для бедствующего населения. Повидимому, высшее руководство этим делом будет поручено генералу Анненкову.

Четверг, 21 ноября.

Мой министр сегодня встал очень поздно; к счастью, вчерашний прием дипломатов не слишком его утомил. „Нужно быть Медгером, — сказал он, — чтобы сделать меня способным выдержать штурм, который они вчера против меня повели“. Все, казалось, были в восторге от умиротворения, вызванного его путешествием.

Канцлер Каприви произносит совсем миролюбивую речь в палатах. Курс подымается. Все это, быть может, и хорошо, но надолго ли?

Их величества впервые после возвращения из Крыма приезжают в город. Праздник... * полка, но завтрака после этого при дворе не было. По случаю голода все торжественные обеды отменяются. Газеты печатают рескрипт цесаревичу по случаю создания комитета, председателем которого назначается его императорское высочество; в этом рескрипте перечисляются лица, призванные для участия в комитете. //В час добрый!// Задача прекрасная. Да подаст им бог полный успех!

Поступившие из-за границы предложения организовать сбор пожертвований нашим правительством отклонены. Не желают ни принимать денег, ни допускать проникновения внутрь страны иностранных филантропов. Однако предложение американцев нагрузить мукой русское судно, которое было бы послано с этой целью, было принято как практическое и деликатное.

Пятница, 22 ноября.

Обычное свидание с министром. Графиня Клейнмихель, обедавшая у австрийского посла, графа Волькенштейна, рассказала г. Гирсу, что посол с восхищением говорил о всем, сделанном Гирсом для восстановления доверия и общего умиротворения Европы. Он одобряет посещение Парижа как проявление мужества (*acte de courage*) и проезд через Берлин как акт мудрости (*acte de sagesse*) и т. д., и т. п.

Суббота, 23 ноября.

Министр мне рассказывает, что г. Вышнеградский, который за последнее время сильно упал духом, вернулся крайне ободренным после своего первого доклада вчера в Гатчине. Министр финансов говорит, что их величества оказали ему в высшей степени милостивый прием, и, между прочим, замечает: //„Императрица была так приветлива после завтрака“//. Г. Гирс спрашивает себя, действительно ли его коллега по финансовому ведомству удостоился чести быть приглашенным на интимный завтрак после своего доклада? Важно то, что, ободренный монаршей благосклонностью, г. Вышнеградский имел возможность весьма подробно изложить

* Пропуск в подлиннике.

государю положение наших финансов; он настаивал на необходимости строгой экономии, совершенно мирной политики и уменьшения расходов на вооружения, поглощающие такие громадные суммы. Его величество терпеливо выслушал министра, заметив однако: //„Но ведь у вас есть еще фонды“./

Тогда министр постарался доказать монарху, что в течение и этого и будущего годов не только нельзя рассчитывать на регулярное поступление доходов, но необходимо жертвовать сотнями миллионов, чтобы помочь населению, страдающему от голода, и обеспечить будущие посевы на громадном пространстве. Фондов, которыми ныне располагает казна, может, пожалуй, хватить на уплату процентов по государственным займам и на чрезвычайные расходы в течение двух лет, но если на будущее не будут приняты меры, то по истечении этих двух лет произойдет крах и ряд финансовых бедствий. Г. Вышнеградский спрашивает у г. Гирса, нельзя ли было бы воспользоваться нынешним умиротворением, чтобы добиться какого-либо соглашения насчет разоружения или, по крайней мере, по ограничению новых вооружений. Италия только что приняла подобного рода меры. Это весьма важный и высоко гуманный вопрос, но в наши дни его трудно разрешить.

Телеграмма графини д'Э сообщает о смерти в Париже императора Дон-Педро II. Грустный конец в изгнании в момент, когда в его стране, повидимому, происходит движение в пользу реставрации.

Воскресенье, 24 ноября.

Министр встает так поздно, что, дожидаясь его, я пропускаю обедню, и меня вызывают лишь тогда, когда я уже собираюсь сесть за стол. Г. Гирс чувствует себя немного больным, и я ему советую принимать сидячие ванны, которые всегда помогали ему в этих случаях. В 2 часа приезжает наш очередной курьер; экспедиции, которые он привозит, нельзя признать оптимистичными. Граф Шувалов отмечает успокоительное влияние проезда г. Гирса через Берлин и речей императора Вильгельма и канцлера Каприви, произнесенных по этому случаю и после этого, но признается, что все же нельзя не быть обеспокоенным постоянным увеличением военных сил. Возможность одновременной войны и на восточной и на западной границах является постоянным оправданием в глазах населения новых финансовых тягот, вызываемых вооружениями, и каждый немец чувствует, как

растет его ненависть к России, являющейся в его представлении величайшей возмутительницей (*grande perturbatrice*) всеобщего мира. Военные круги и лица, составляющие окружение императора Вильгельма, стараются доказать, что было бы выгодным свести раз навсегда счеты с Россией теперь, пока она вооружена слабее, не давая нам времени развить наши силы и содействовать увеличению французских. Канцлер Каприви и все серьезные люди конечно противятся этой аванюре и предпочитали бы сохранение мира, но пребывание их у власти зависит все же лишь от порывистой воли императора, темперамент которого не внушает никакого доверия.

Князь Лобанов пишет из Вены, что, когда ему случилось появиться на придворном концерте, он был осыпан любезностями со стороны Франца-Иосифа и графа Кальноки, но тем не менее он отмечает признаки растущего недоверия по отношению к России. Во время приема г. Гика, бывшего румынского посланника в С.-Петербурге, назначенного сейчас на то же место в Вену и представлявшегося недавно австрийскому императору, последний, как узнал наш посол, ему будто бы сказал: „Мы постоянно получаем из России заверения о самых мирных намерениях, но если заверения эти искренни, то зачем Россия увеличивает из года в год концентрацию своих войск на австрийской границе? В этом кроется серьезная опасность для общего мира“. Князь Лобанов в то же время высказывается против секретных миссий наших офицеров генерального штаба из Киева и Варшавы в Австрию; за ними следят, на-днях даже едва не арестовали одного из них; в общем, они не узнают ничего такого, чего бы не знал гораздо раньше их наш официальный военный агент, но эти секретные миссии в большей мере содействуют возбуждению недоверия.

Г. Стааль пишет из Лондона, что английская пресса как будто с некоторым удовольствием отмечает, что нынешнее успокоение лишь временное и что, в сущности, положение остается прежним: концентрация войск на австрийской границе и постоянное вооружение всех держав являются более убедительными аргументами, чем слова монархов и их премьер-министров. Так, слова императора Вильгельма после аудиенции, которую он дал г. Гирсу, а также предшествующие заявления Рудини, Кальноки и самого лорда Сольсбери, в сущности, являются лишь проявлением благонамеренного, но призрачного и мало обоснованного оптимизма. Наш посол добавляет: „Il n'y a pas pire sourd que celui qui ne veut entendre“.

Заболевший инфлюэнцей барон Моренгейм ничего не пишет. Влангали констатирует лишь, что кабинет маркиза Рудини, повидимому, достаточно прочен, чтобы предсказать, что он удержится у власти в течение нынешней парламентской сессии.

Таким образом, окрашенные в розовый цвет впечатления, которые мой министр привез из-за границы, не вполне соответствуют действительности. Он в свое время мне поручил приготовить для уезжающего в четверг курьера письма, дающие резюме памятной записки о его путешествии, на основании которой он сделал доклад государю. Придется предварительно просмотреть пометы, которые его величество делает на письмах наших послов, и, во всяком случае, принять менее торжествующий тон. Я не могу не вспомнить о своей маленькой памятной записке от 5 мая. Конечно, это был лишь набросок, над которым надо было еще подумать, а затем его разработать, но именно в этом направлении следовало бы нам действовать для достижения умиротворения: восстановить равновесие сил в Европе путем сближения с Францией в качестве ответа на тройственный союз, затем определенно выявить мирный по существу характер этого сближения и, наконец, указать, что для обеспечения мира, желаемого всеми державами, надо „договориться о каком-либо приемлемом для всех *modus vivendi*, а не разделяться на два лагеря, безостановочно вооружаясь до крайних пределов. Лишь одна Россия достаточно сильна, чтобы предложить приостановку вооружений и обсуждение правомерного *status quo*, могущего заменить берлинский трактат и другие международные соглашения, которые в прежнее время служили законной базой при сношениях между великими державами. Подобная инициатива не преминула бы значительно рассеять взаимное недоверие и затруднила бы истребование у парламентов новых кредитов на вооружения. На что же, наконец, годится эта злополучная дипломатия, если она даже не может воздействовать на положение, подобное нынешнему, и не в силах найти компромисс, который примирил бы державы, раз все они, в сущности, стремятся к миру и в то же время против воли устремляются очертя голову в направлении, которое должно неминуемо привести их к войне?

Наш посол в Константинополе г. Нелидов, прибывший сюда из Ливадии через несколько дней после их величеств, суетится и действует на нервы моему министру. Так как я вижу, что г. Гирс находится в нерешительности, каким обра-

зом заставить Нелидова согласиться на проект снабжения русского и французского послов в Константинополе тождественными инструкциями, я ему подсказываю мысль поручить самому Нелидову написать эти инструкции и предложить ему затем вернуться к своему посту, предупредив его, что этот документ будет ему послан подписанным, когда о его содержании договорятся с кем следует у нас и с французским правительством. После того как Нелидов уедет, мы пересмотрим и переделаем, если это будет нужно, его редакцию, которая будет представлена государю лишь в желательной форме. Министр в восторге от этого проекта и сразу его принимает, но, к несчастью, бедный Нелидов схватил что-то вроде инфлюэнцы и слег на неопределенное время. Ввиду того, что инструкции являются не более срочными, чем его собственный отъезд, — //нет худа без добра//. Его мысль будет иметь возможность созреть, а избыток его рвения — охладеть³¹.

Понедельник, 25 ноября.

При свидании с моим милым министром я сообщаю ему о впечатлении, вынесенном мною из полученных вчера экспедиций. Он несколько недоволен графом Шуваловым за его пессимистическое письмо и говорит, что так с ним бывает всегда: опасение не высказаться, //на всякий случай//, и в том и в другом смысле заставляет нашего посла писать, перемешивая и хорошие и неблагоприятные впечатления. Я обращаю внимание г. Гирса на то место в письме, в котором граф, повидимому, подсказывает необходимость визита в Берлин, как он это говорил и графу Воронцову-Дашкову. Действительно, в письме от 22 ноября/4 декабря т. г. гр. Шувалов пишет: „следует также считаться с неуравновешенным, возбуждающимся и до крайности щепетильным характером Вильгельма II. Не будем забывать, что этот монарх — солдат как по своему воспитанию, так и по своим вкусам, что он находится ежедневно в общении с офицерами, которые непрестанно хвастают безо всякого удержу качествами и преимуществами германской армии, — со своего рода касты, которая несколько лет тому назад ставила в упрек князю Бисмарку, что он упустил момент, подходящий для начала активной политики *.

* Граф Шувалов видит лишний симптом германского недоброжелательства к нам в том факте, что вся пресса высказывает симпатии Болгарии и хвалит кобург-стамбуловский режим, чего не было в прежнее время. (Прим. подлинника.)

Разве переживаемые нами в данное время затруднения, сильно преувеличиваемые местной прессой, не дают людям, принадлежащим к этой касте, нового повода для развития этой темы?

Во всяком случае, вполне возможно, что такие мнения высказываются вблизи трона, и мысль об этом, должен признаться, уменьшает благотворность произведенного на меня словами генерала Каприви впечатления. Вероятно, мысль, что непосредственные сношения между монархами способны порой рассеять тучи, побудила германского канцлера намекнуть в своей речи на поездку в Нарву. Действительно, монарх остается на месте, в то время как государственные люди Германии сменяют друг друга и могут быть один на другого не похожи“ и т. д., и т. п.

Министр соглашается, что надо обождать помет государя, прежде чем отвечать на полученные экспедиции. К сожалению, по случаю георгиевского праздника в завтрашний вторник доклада не будет. Г. Гирс показывает мне любопытное письмо своего сына; повидимому, гнусная (vilain) статья; появившаяся в „Фигаро“⁹⁵ ко времени приезда министра в Париж, которая приписывалась раньше Татищеву, дело рук Циона, которому покровительствует Моренгейм. Когда французские министры, возмущенные этой статьей, хотели противопоставить ей строгое опровержение, наш посол воспротивился этому и, повидимому, даже тайком вдохновлял другие статьи в английских газетах, старавшиеся доказать, что министр является лишь послушным орудием и что заслуга во всем, что может быть сделано хорошего, должна быть, в общем, приписана государю, а во Франции — ему, послу его величества; вместе с тем во время пребывания г. Гирса в Париже Моренгейм был перед ним до крайности низкопоклонен.

Слухи, которые распространялись осенью по поводу 50 миллионов, будто бы пожертвованных государем из удельных сумм в пользу голодающих, ложны. Ввиду того, что комитет, созданный под председательством наследника, нуждается в средствах для начала своей работы, устроена благотворительная лотерея, о которой объявлено сегодня в „Правительственном вестнике“. Применение такого крайнего средства, чтобы добыть мизерную сумму в 5 миллионов, подвергается всеобщей критике. Тот же великий князь, который только что истратил, не стеснясь, миллионы на веселое путешествие, не может теперь добыть несколько миллионов для серьезного дела, которое ему поручено. Если такого рода лотереи обыкновенно имеют деморализующее влияние, то что будет с этой,

с купонами в 1 рубль и потому доступной низшим, бедным классам населения? При этом нет никакого контроля над расходом собранных сумм, и в разных местах совершены значительные растраты. Все, что говорится и передается по этому поводу, конечно совсем не такого свойства, чтобы вызвать доверие к правительству. Пресловутый граф Николай Павлович Игнатьев, который посетил Константина и Китти, иронически заметил, что назначение великого князя наследника председателем комитета, которому поручено помогать населению, пострадавшему от голода, не будет иметь другого практического результата, кроме того, что оно снимает ответственность с министра внутренних дел Дурново с его присными, перекладывая на голову его императорского высочества значительную часть нареканий, вызываемых недостаточностью помощи, частыми растратами и всякого рода ошибками, наделанными администрацией. Голодающее население, прослышав о сделанных пожертвованиях и о тех мерах помощи, которые предписано ему оказать, и не видя выполнения этого в пределах своих ожиданий, конечно будет искать виновных. Все это весьма серьезно и мало успокоительно.

Вторник, 26 ноября.

Государь возвращает пессимистическое письмо графа Шувалова с пометой: //„Конечно, от нервного и шалого Вильгельма можно всего ожидать!“// Доклада нет. Их величества приезжают в город и затем вскоре возвращаются в Гатчину. Большой ежегодный обед отменен. Состоялся лишь обед, обычно даваемый //„нижним чинам“//. Капнист, присутствовавший на большом выходе, рассказывает мне и Оболенскому за чаем в моем нижнем кабинете, что их величества имели //„skonфуженный“// вид. Не знаю, удачно ли выбрано это слово, но конечно имеется много причин быть озабоченными.

Среда, 27 ноября.

Заканчиваю и представляю министру проекты писем послам. Он их одобряет. Сообщая вкратце о благоприятном впечатлении, вынесенном министром из свиданий с французскими, итальянскими и германскими государственными людьми, я стараюсь по всякому случаю высказать свою мысль

о слабости гарантий на будущее, представляемых создавшимся в Европе положением. Наше сближение с Францией, оформленное вследствие демонстративного возобновления тройственного союза, не менее искренно, чем последний, стремится обеспечить сохранение мира. „Остается сожалеть, что при выполнении этой задачи, отвечающей самым настоятельным нуждам всех европейских держав, последние предпочитают сформировывать вооруженные до предела группировки вместо того, чтобы путем заключения разумного соглашения изыскать средство покончить с финансовыми бедствиями, все более и более тяготеющими над всеми народами и угрожающими неминуемо втянуть их во всеобщую войну“. Министр замечает, что, повидимому, я нахожусь под впечатлением мыслей и опасений г. Вышнеградского, о которых он мне недавно говорил. Действительно, я полагаю, что вопрос этот весьма серьезен и что возможность спасения заключается лишь в попытке общего соглашения, сделать которую, после того как восстановлено равновесие сил в Европе, по плечу лишь одной России. Предложение об общем разоружении и пересмотре фактически потерявших силу статей трактатов, назначение которых заключалось в том, чтобы служить основанием для дружественных сношений между правительствами, могло бы исходить только от нас. Следует лишь создать подходящую для этого обстановку и воспользоваться ею. Этого тезиса не следовало бы забывать.

Пятница, 29 ноября.

В 9^{1/2} часов я захожу проститься с Оболенским, который уезжает с поездом в 10^{1/2} часов. Я нахожу, что он озабочен и холоден. Ваксель заходит ко мне после того, как я возвратился от министра; он меня спрашивает, не является ли поездка Оболенского в Гатчину признаком его назначения гофмаршалом, что было бы для него, Вакселя, настоящей катастрофой; я ему сообщаю, что представление Оболенского и его брата императрице было заранее предусмотрено. Таким образом, приглашение сегодня в Гатчину не доказывает еще желания назначить его ко двору, но что такой выбор конечно мне представлялся бы наилучшим, какой государь мог бы сделать. С одной стороны, я бы сожалел о том, что Оболенский покинет министерство, а с другой — мне часто кажется, что он настолько устал от нас всех, что, быть может, ему было бы лучше начать новую жизнь.

Оболенский возвращается в 3 часа; я приказываю немедленно подать чай и традиционное яблоко и ожидаю его в своем нижнем кабинете. Брат его Платон и он были приняты лишь императрицей. Они были весьма тронуты ею. Она плакала, говоря о покойном брате, и всячески выражала свое сожаление по поводу его смерти. „Он всегда говорил правду и умел это делать“, заметила, между прочим, императрица. Государь, весьма занятый докладом министра финансов, не принял братьев Оболенских, которые не были также приглашены к царскому столу, хотя их зять Кутузов и вдова, княгиня Сандра, тоже бывшие сегодня в Гатчине, завтракали с их величествами. Дело в том, что внутренние комнаты в антресолях так малы, что нехватает места. Императрица по этому поводу уже выразила сожаление флигель-адъютанту князю Николаю Дмитриевичу Оболенскому, бывшему вчера дежурным. Мой друг с братом завтракали у генерала Черевина с несколькими другими более или менее интересными лицами.

Сегодня вечером состоится первое заседание благотворительного комитета у цесаревича в Аничковом дворце. Сумы, предназначенные на придворные празднества, которые отменены на всю зиму, передаются для голодающих.

Таким образом, в данное время нет вопроса о назначении Оболенского ко двору. Когда я говорю ему о своих предположениях и опасениях Вакселя, он считает их химерами и, повидимому, не желает их осуществления. Кутузов должен вернуться в Берлин безо всякого обещания назначения в Россию, получить которое он очень бы хотел. Говорили о возможности его назначения в Москву в Кремль или же гофмаршалом здесь, но, может быть, в высших сферах колеблются, так как государь, повидимому, решил не назначать Кутузову в Берлин заместителя, если бы он покинул свое настоящее место, а данный момент является неподходящим, чтобы подвергать императора Вильгельма новому маленькому унижению.

Суббота, 30 ноября.

Некоторые утверждают, что наследник принимает весьма близко к сердцу дела благотворительного комитета, находящегося под его председательством; г. Нечаев-Мальцев, которого комитет просил съездить в Казанскую губернию, говорил Оболенскому, что он, наоборот, нашел его императорское высочество весьма безразличным. Протокол первого заседа-

ния критикуют за то, что там говорится о менее пострадавшей местности и царит молчание в отношении других, гораздо более потерпевших.

Заканчивая записи за этот месяц, я должен отметить дошедшие до нас секретным путем сведения, которые г. Шишкин довел до сведения государя в докладной записке от 13 ноября т. г., накануне возвращения г. Гирса. Речь шла о состоявшемся якобы на словах соглашении между румынским королем и монархами тройственного союза в связи с их недавним свиданием. Румыния будто бы приняла на себя обязательство, в случае войны России с Германией и Австрией или Турцией, оставаться нейтральной; в случае же, если Румыния присоединится к тройственному союзу в его войне с Россией и будет его активно поддерживать, то ей будет гарантировано возвращение Бессарабии и другие привилегии. Возвратив на этих днях этот документ, его величество подписал: //„Непоздоровится Румынии от этого соглашения“./

ДЕКАБРЬ

Вторник, 3 декабря.

Мой министр уезжает в 10 час. в Гатчину; он опять берет с собой памятную записку, дающую резюме его заграничных впечатлений; помимо того, я ему передаю письмо графа Шувалова от 24 ноября/4 декабря (приехавшее в моих записках от 25 ноября); государь не обратил внимания на то место письма, где говорится о свидании в Берлине. В то же время я готовлю проект ответа королеве испанской в ответ на ее письмо, полученное на этих днях нашим монархом. Это собственноручное письмо королевы Марии-Христины заключает несколько весьма лестных слов по поводу письма, проект которого я составил и послал государю из Палланцы в Копенгаген*; вот этот абзац: „Глубоко тронутая тем извещением, которое проявило ваше величество, а равно верностью ваших суждений, я смею надеяться, что вы пожелаете в случае необходимости притти мне на помощь не только вашей мощной моральной поддержкой, но также и добрым советом, значение и силу которого я чувствую, прочитав письмо, которое ваше величество благоволили мне написать“ и т. д., и т. д.

* См. дневник от 21 сентября.

Министр, повидимому, в восторге от своего вчерашнего доклада; их величества отнеслись к нему в высшей степени милостиво, почти дружественно. Предприимчивая графиня Клейнмихель, проникающая повсюду, рассказывала ему, что на обеде у княгини Юрьевской, на котором присутствовал также великий князь Алексей, последний расхваливал в самых лестных выражениях министра, сказав, что государь отдает ему полную справедливость: // „Гирс мне большую услугу оказал“. // Та же графиня, обедавшая недавно у Волькенштейнов, утверждает, что австро-венгерский посол очень сочувственно оценивал результаты путешествия г. Гирса и что, между прочим, он сказал, что путешествие в Париж было проявлением мужества (*de courage*), а в Берлин — актом благоразумия (*de sagesse*). Наконец государь еще раз выказал себя очень удовлетворенным всем, что г. Гирс рассказал ему о своем путешествии.

Когда министр показал ему то место из письма Шувалова, где тот подсказывает необходимость свидания с императором Вильгельмом, то его величество ограничился словами: // „А я этого и не заметил“ //, и затем начал говорить о другом. Что касается письма на имя испанской королевь-регентши, то государь оставил у себя проект, резюмирующий вынесенные г. Гирсом впечатления с тем, чтобы переписать его, как только он найдет для этого время.

Министр рассказывает мне, что г. Шишкин вынес из вчерашнего заседания комитета министров самое тяжелое впечатление. Министр внутренних дел объявил, что почти все суммы, ассигнованные на помощь пострадавшему от голода населению, уже истрачены и что надо отпустить новый кредит, приблизительно в 10 миллионов, чтобы комитет под председательством генерала Анненкова, которому поручено отыскивать работу для бедствующего населения, мог начать свою деятельность. Министр финансов горячо возражал против этого предложения. Было обращено внимание на серьезное неудобство такого большого расхода без контроля и представления отчетов. Красноречивые доказательства неудовольствия и недоверия проявляются внутри страны все чаще и чаще. Израсходованные миллионы не привели еще к ощутительным результатам; как в обществе, так и в народе, носятся самые неприятные слухи о больших злоупотреблениях и растратах. Куда может привести подобное положение вещей?

Как мог министр внутренних дел ничего заранее не предвидеть и не подготовить? Одним словом, добавляет Гирс, вчерашнее заседание комитета министров носило характер двора короля Пето *. Положение, надо сознаться, крайне серьезно.

Суббота, 7 декабря.

Как всегда, я вижу моего министра. Инструкции, которые Нелидов загостил во время своей болезни, хорошо составлены и вполне согласны с беседами, происходившими между г. Гирсом и французскими министрами в Париже. Министр просит меня внимательно просмотреть их и представить, если понадобится, свои замечания. Мне кажется только, что не следовало бы слишком повторяться по поводу нашего решения никогда не признавать принца Кобургского и несколько смягчить то место, где говорится о более или менее демонстративных появлениях русской и французской эскадр в Средиземном море, что является коньком Нелидова ⁹⁷.

Воскресенье, 8 декабря.

Прибывает очередной курьер. Два самых значительных факта, о которых сообщают полученные экспедиции, — это произвольная высылка из Софии французского корреспондента агентства Гавас ⁹⁸ и обнародование торговых договоров, заключенных державами лиги между собой и с несколькими другими государствами ⁹⁹. Что касается франко-болгарского инцидента, то князь Лобанов прекрасно резюмирует вопрос: „Существуют в Болгарии капитуляции или нет? Если они существуют, то болгарское правительство не имеет права высылать иностранца, не сносаясь с соответствующей консульской властью“. Это законная почва, на которую мы должны стать, оказывая моральную поддержку требованиям об удовлетворении, предъявленным парижским кабинетом.

В отношении торговых договоров надо еще посмотреть, как они будут применяться на практике. Нынешнее торжество держав тройственного союза может оказаться непродолжительным. Пока что коммерческая лига до крайности пугает неко-

* Королем Пето именовался предводитель, которого в средние века выбирали себе нищие. Иносказательное выражение: „двор короля Пето“ — место, где царствует беспорядок, неразбериха.

торые сферы во Франции. Некоторые органы печати патетически восклицают: „Франция идет навстречу новому Седану, на этот раз экономическому“. По этому поводу граф Шувалов пишет: „Ввиду того, что Россия не пользуется правами наибольшего благоприятствования, ее, естественно, больше всего интересует вопрос о дифференциальных тарифах. Германия сохранила за собой полную свободу действий в отношении своих контрагентов. Нынешнее положение нашего хлебного рынка делает нас в данный момент незаинтересованными в этом вопросе, и для нас было бы, повидимому, в случае необходимости, легче сделать шаг навстречу теперь, чем позже, например после обильного урожая, что нас заставило бы искать заграничных рынков“, и т. д., и т. д.; но государь помечает: //„В этом вопросе конечно Германия более заинтересована, чем мы, а поэтому, я думаю, надо ждать, что они затронут этот вопрос скоро“.// Министр финансов не совсем того же мнения; он думает, что следует осторожно продолжать предварительные переговоры с Германией о заключении торгового договора и не закрывать на будущее время столь важный рынок для русского хлеба. Соединенные штаты и — отчасти вынужденный — ввоз маисовой муки в Германию представляют весьма серьезную опасность для нашего экспорта ¹⁰⁰.

Мой друг Ионин, приехавший вчера вечером, тотчас же заходит ко мне. Он отправляется в качестве делегата России на санитарную конференцию, которая скоро откроется в Вене; так как он должен изучить этот вопрос и составить инструкции, то я отдаю в его распоряжение для этой работы свой нижний кабинет.

Понедельник, 9 декабря.

Г. Нелидов представляется сегодня в Гатчине, но министр находит полезным самому отвезти завтра инструкции для представления их на своем докладе. Государь возвращает сегодня утром телеграмму графа Шувалова, сообщающую от 7/19 текущего месяца, что ввиду одобрения торговых договоров германским парламентом Вильгельм II пожаловал канцлеру Каприви титул графа. Его величество написал на этой телеграмме: //„Кажется, и на этот раз поторопился; еще увидим, какие последствия будут этих трактатов“.//

Нелидов еще раз представляет министру памятную записку о пользе присутствия наших военных судов в Средиземном

море и о могущей явиться необходимости занять там опорный пункт, как некогда Вильфранш. Государь надписывает: //„Со временем это надо будет иметь в виду“// Сегодняшние газеты официально сообщают об образовании комитета общественных работ, учрежденного при министерстве внутренних дел; председательство в нем поручено ген. Анненкову.

Вторник, 17 декабря*.

На телеграмме Бюцева от 15 декабря против: //„Напустив на себя спокойное настроение, шах не хотел признать основательности моего заявления“// [государь написал:] //„Упрям же, бестия!“//, а затем в конце, [после слов:] //„Сомневаюсь в возможности народного взрыва теперь, но опасаясь, что возбуждение против шаха и первого министра может развиться и перейти в движение, с которым они бесильны будут совладать“//, [помета:] //„При этом нам не надо оставаться простыми зрителями, а стараться добиться первенствующего влияния в Персии“//

Важное заседание железнодорожного комитета.

Рязано-Козловская железная дорога получает концессию на эксплуатацию Тамбово-Саратовской линии и постройку дороги на Камышин и Уральск.

Пятница, 20 декабря.

Письмо Жадовского от 12/24 декабря: „Порой одной искры достаточно, чтобы разжечь пожар. Я очень опасаясь, чтобы та искра, которая так неожиданно упала из Софии, не оказалась призванной вызвать роковой конфликт¹⁰¹. Я знаю из верного источника, что на следующий день после инцидента Германия и Австрия предприняли энергичные шаги во дворце и в Порте, чтобы потребовать невмешательства сюзерена“. [Помета:] //„Недурно!“//

От государя вернулась телеграмма из Осборна от 29 декабря. „Содержится ли какая-либо правда в недавних известиях об оскорблении, нанесенном в Москве великому князю Сергею?“** [На этой телеграмме помета:] //„Это, наверное,

* Последующие записи за декабрь имеются только в виде черновых набросков, вложенных в тетради дневника.

** В подлиннике — по-английски.

старая сплетница королева и приказала узнать“:// Ответ уклончивый: „Он и великая княгиня, делают все возможное, чтобы покровительствовать мужикам, но безуспешно. Говорят, что они были оскорблены, но я не могу верить, что это правда, и думаю, что этот слух неверен“.

[Помета:] // „Все это выдумки, и ничего подобного никогда не было“:// И тем не менее Воронцов это подтверждает; известно, что государь пребывает в ослеплении.

Хитрово наконец вручил свои верительные грамоты.

[Среди черновиков дневника за декабрь имеется следующая запись без даты:]

Экспедиции из Рима от 16/28 декабря, из Лондона от 17/29. Делегация из Вены от 19/31 декабря. Кальноки: „Понятие о капитуляциях весьма растяжимо“; „болгарское правительство погрешило с точки зрения формы“. Лобанов: „Но в деле такого рода форма — это все. Форма, как в делах уголовных, так и гражданских, является гарантией. Раз приговор был вынесен без соблюдения всех форм, предписанных законом, он неизменно кассируется“. Кальноки говорил об ответе г. Рибо на запрос депутата Мильвуа и обратил внимание на слова г. Рибо, утверждавшего, что никакая высылка не может быть произведена в Болгарии *без поддержки и совета Порты*. Я должен был признать, что, действительно, если телеграфное резюме, переданное газетами, правильно, то это утверждение Рибо ошибочно.

Официальный текст речей, произнесенных в заседании (палаты депутатов) 28 декабря: „Может ли болгарское правительство по собственному почину и без всякого содействия иностранных консулов арестовать одного из их соотечественников, отвезти его на границу, одним словом, выслать его? Мне кажется, что никогда не существовало ни малейшего сомнения на этот счет.

Общий принцип в странах, где существует капитуляция, заключается в том, что никакой акт правосудия или приведения в исполнение судебного приговора не может иметь место без вмешательства консула и без его посредничества*.

*. Среди черновиков дневника за декабрь находится отдельный листок со следующей копией пометы Александра III на донесении из Токио от 13/25 декабря: // „Обезьяны, играющие в европейцев“://

1892

ЯНВАРЬ

Среда, 1 января.

В 11 часов я отправляюсь к министру. Взаимные поздравления и добрые пожелания. У г. Гирса упадок духа, и он видит все в черном цвете. При дворе выход не состоится; государь сказал ему вчера, что не намерен делать обычных визитов членам императорской семьи, за исключением старой великой княгини Екатерины. Его величество прибавляет в шутку, что он наложит на себя штраф в 50 рублей в пользу голодающих за каждый визит, которого ему удастся избежать.

В //„Гражданине“// сегодня появилась статья, защищающая министра финансов в связи с ходившими в городе слухами относительно побуждений, заставивших его оказать поддержку концессии на постройку железной дороги //Рязань — Козлов//. Одним словом, орган князя Мещерского старается доказать, что г. Вышнеградский выше всякой критики; бог знает, основательны ли были в данном случае обвинения, направленные против министра финансов; достойно сожаления уже одно то, что репутация этого государственного деятеля по всякому случаю дает повод к предположениям такого рода. Генерал-адъютант князь Имеретинский назначен членом государственного совета. Это человек большого ума и очень независимый. Он может оказаться полезным.

Четверг, 2 января.

В 11 часов я вижу с моим министром, но к нему приходит французский посол граф Монтебелло с какими-то сообщениями, и я покидаю его.

Я составляю ряд ответных телеграмм для их величеств. Завтракаю с моим милым Оболенским. Затем я отправляюсь заканчивать свои новогодние визиты. //Извозчик./ изливается в поздравлениях и благословениях: я дал ему рубль. Должно быть, эти добрые люди так мало избалованы нынешними обстоятельствами, что малейшая прибавка приводит их в восторг. Настоящее удовольствие иметь возможность пользоваться этими бедными людьми, которые за все благодарят, вместо того, чтобы держать у себя на службе толстого кучера, который возит вас в дурном расположении духа.

Барон Моренгейм телеграфирует, что французское правительство вполне присоединяется к инструкциям, данным Нелидову, и что французский посол в Константинополе будет немедленно снабжен аналогичными инструкциями ¹⁰².

Что-то замышляется против Египта по случаю вступления на престол нового хедива. Лондонский кабинет старается притти к соглашению с Портой помимо Европы и закрепить навсегда оккупацию Египта ¹⁰³. С другой стороны, англичане стремятся ослабить сюзеренные права султана.

Пятница, 3 января.

Видел моего министра, которого начинает утомлять беспрерывная работа, которой мы загружены последнее время. Вопреки регламенту, предусматривающему пятидневный траур, государь желает, чтобы по герцоге Кларенском при дворе был объявлен траур на три недели.

Вчера снова обсуждался в государственном совете вопрос о Рязано-Козловской железной дороге. Товарищ министра юстиции г. //Горемыкин// проявил больше независимости, нежели наш [товарищ министра], и признался г. Гирсу, что он голосовал с меньшинством против проекта министерства финансов.

Я составляю еще две ответные телеграммы для государя.

Понедельник, 6 января.

Указом, подписанным 4 января и опубликованным сегодня, великие князья Владимир и Алексей назначены членами комитета министров. Тучные особы их императорских высочеств займут там, во всяком случае, значительное место;

если бы только их умы оказали пропорционально такую же большую пользу!

Экспедиции, которые должны были прибыть вчера, запоздали на 24 часа вследствие недоразумения, задержавшего курьера в Париже. У меня едва хватает времени пробежать их. В то время как Оболенский пьет у меня в 4 часа чай, приходит Капнист в неприятном расположении духа. Он спрашивает: //„Как бы мне отделаться от Деревицкого?“ „Кто его рекомендовал?“ „Выбор неудачный“. „Деревицкого вон, а на его место другого“// и т. д., и т. д.

Дурное настроение бедного Капниста все растет и развивается. Дело в том, что он не умеет писать и слишком ленив даже для того, чтобы хорошо изучать вопросы и давать необходимые указания чиновникам, которые берут на себя труд писать за него. Он мечтает иметь идеального редактора, который тщательно изучал бы вопросы, талантливо и искусно излагал их и представлял бы ему работу в готовом виде; ему оставалось бы только назвать себя ее благородным отцом, присвоив себе всю заслугу. Он не лишен ума и рассудительности, но некоторая способность с легкостью устно излагать хорошие мысли и поддерживать разговор на разные темы не предполагает еще обязательно искусства формулировать все это тактично, ясно и логично в бумагах, которые должны являться документами, где каждое слово имеет свое значение. При жизни нашего бедного Жюмани Капнист в высшей степени презирал его „литературные излияния“; теперь он оплакивает его редакторский талант и сожалеет об отсутствии редактора, который мог бы облегчить его задачу. Я не отказываюсь ни от какой работы, но мне как первому советнику один лишь министр может поручать редакторскую работу, а довольно неприятные порой намеки Капниста отнюдь не являются средством побудить меня помогать ему по собственной инициативе.

Вторник, 7 января.

К 10½ часам меня вызывает министр. Я ему передаю книгу Ионина для их величеств и напоминаю ему о некоторых вопросах, которые он хотел поставить государю. Г. Гирс уезжает к 11 часам на свой доклад в Аничков дворец. Я заканчиваю проект письма Нелидову, которому предполагается поручить совместно с его французским коллегой обратить внимание султана и Порты на опасность столкновения, ко-

торое венский кабинет стремится вызвать между Болгарией и Сербией ¹⁰⁴. Конечно, Турция, в качестве сюзерена Болгарии и в качестве пограничной державы, больше всех призвана к тому, чтобы своевременно сделать в Софии внушительное предупреждение.

Среда, 8 января.

Когда я поднимаюсь к Гирсу к 11 часам, он выражает полное свое одобрение составленному мною проекту письма Нелидову.

Его вчерашний доклад начался немного неприятно. Военный министр прислал ему на днях письмо, в котором категорически ставил вопрос, можно ли ручаться, что англичане не распространят своего господства на Памир. Г. Гирс ему ответил, что в дипломатии нет аксиом, но что мы не имеем никаких доказательств намерений такого рода и что экспедиция, которую наши военные предполагают послать, чтобы предупредить англичан, во всяком случае не преминет повлечь за собой серьезные последствия *. Государь стал высказываться в духе ген. Ванновского и как бы упрекать моего любимого начальника за недостаток ясности в его советах, но затем его величество сделался очень любезным. Министр по обыкновению завтракал с их величествами и был приглашен перейти в гостиную императрицы, у которой он оставался до 3½ часов. Он нашел нашу государыню очень ослабевшей и недомогающей. Беспрестанная бессонница подала доктору Гиршу мысль прибегнуть к массажу, и императрица решила, что в этом случае надо обратиться к Мецгеру. Приглашенный по телеграфу знаменитый массажист ответил, что выедет из Висбадена в среду и будет в пятницу в Петербурге.

Книга Ионина // „По Южной Америке“ // была принята их величествами, но императрица и виду не показала, что собирается ее прочесть; // „она только начала издеваться над глазами Ионина“ //. Но разве подобные книги читают лишь ради прекрасных глаз автора?

Государь возвращает телеграмму Нелидова от 6/18 января, извещающую, что обмен сообщениями (*notre échange de communications*) с султаном убедил его в том, что происходят секретные переговоры с Англией по поводу Египта через

* Жалуясь на произведенные Ионовым захваты, Морьер применил слово „возмездие“. (Прим. подлинника.)

посредство Германии и т. д. Его величество надписал: // „Что тут поделаешь, когда имеешь дело с таким старым колаком вместо султана“. // На депеше Хитрово от 28 декабря/ 9 января, дающей отчет о торжественном открытии кортесов в Лиссабоне, против абзаца: // „На всей этой театральной обстановке слишком ясно сквозит вся фальшь и вся ложь конституционного режима“ //, государь надписал: // „Чистейший балаган!“ // Надо сознаться, что его величество высказывается с очаровательной бесцеремонностью по поводу своих братьев и сестер, монархов и монархинь.

Довольно интересное донесение получено от нашего посланника в Бухаресте г. Фонтоня от 19/31 декабря; на нем тоже есть помета. Румыния опасается рано или поздно оказаться поглощенной или Россией или же Австрией и хорошо не знает, которой из двух отдаться, чтобы обеспечить себе покровительство одной из этих держав и таким образом иметь возможность сопротивляться другой. Наш представитель отмечает пока // „признаки предубеждения и недоверия — даже опасения — по отношению к нам, проявляющиеся в Румынии“ /. Государь делает замечание: // „Жалкая страна, не знающая, куда и к кому пристать“. //

Вечерний телеграфный бюллетень, дающий отчет о вчерашнем заседании французских палат, меня очень рассмешил. Вот последнее слово цивилизации конца XIX века у наших милых друзей — французов! ¹⁰⁵

Министр вызывает меня, и я застаю его крайне утомленным приемом дипломатов, осаждавших его до 6 часов. Он просит меня составить ответ на телеграмму, полученную от Моренгейма по поводу шагов Нелидова и Камбона в Константинополе. Г. Гирс очень озабочен вопросом о Памире; он еще не отвечал военному министру, а это является самым главным. С англичанами можно было бы притти к соглашению, а Морьер, который, повидимому, остается на своем посту, желал бы лишь облегчить положение, но сильную борьбу всегда приходится вести против наших военных. Долго ожидаю доклада, который переписывают в канцелярии.

Четверг, 9 января.

Встаю очень рано и под впечатлением вчерашнего разговора с министром принимаюсь за изложение следующих мыслей:

//Проект записки.

„Ручаться, что англичане *никогда* не распространят своих захватов до... * невозможно, хотя великобританский посол уверяет *ныне*, что правительство его не замышляет ничего подобного.

Но нет сомнения, с другой стороны, что появление сильного русского отряда на... * при теперешнем возбуждении послужило бы Англии поводом к соответствующим и даже еще более существенным мероприятиям.

Таким образом, вопрос сводится к необходимости выяснить, настолько ли важно в *стратегическом* отношении *безотлагательное* занятие... *, чтобы решиться на оноо вопреки последствиям, которые, при настоящем положении дел, оно, вероятно, вызовет, или не лучше ли отстранить миролюбивым объяснением возникнувшие за последнее время пререкания и сохранить полную свободу действий для более удобной и спокойной минуты?

Подобные вопросы могут быть решены только компетентным военным ведомством, — дипломатии же предстоит сообразовать свои действия с тем заключением, к которому оноо придет“.

Я составляю также ответные письма князю Лобанову и графу Шувалову.

На телеграмме Нелидова от 4¹⁶ января, в которой наш посол сообщал о восстановлении (*rétablissement*) французской эскадры на Ближнем Востоке как о способе нейтрализовать исключительное преобладание Англии в восточной части Средиземного моря, и добавлял: „Постепенное усиление наших морских сил в Средиземном море с этой точки зрения кажется равным образом в высшей степени желательным и важным для успеха наших совместных усилий в Константинополе“, государь против приведенных слов надписал: / „В этом нет сомнения, но, к сожалению, в настоящую минуту мы не можем увеличить эскадру“.

Редактируя проект ответной телеграммы барону Моренгейму, я хотел в конце ее передать эту помету, но министр, сомневаясь, располагаем ли мы вообще в этих краях „эскадрой“, предпочел просто выразить сожаление, что у нас нет лишних судов. Проект, посланный его величеству, был поэтому средактирован следующим образом: „Нелидов нас уже

* Пропуск в подлин

известил о шагах, предпринятых им совместно с Камбоном, чтобы побудить султана не заключать соглашения с Англией в отношении Египта. Наш августейший повелитель одобряет позицию, занятую обоими послами, и сделанное ими заявление, а также посылку французского морского отряда в -Александрию. Мы сожалеем, что с своей стороны мы не располагаем лишним военным судном в Средиземном море". На возвращенном сегодня утром проекте государь зачеркнул последний абзац: „Мы сожалеем“ и т. д. и надписал на полях: „//Переговорите об этом с Чихачевым. У нас в настоящую минуту в Пирее три военных судна: „Дмитрий Донской“, „Забияка“ и „Уралец“. Кроме того, фрегат „Минин“ в Тулоне“./// Министр приглашает меня к себе. Он снова говорит со мной о памирском вопросе, и я ему передаю небольшой проект ответа военному министру, а также проекты писем князю Лобанову и графу Шувалову; он одобряет все эти бумаги.

Письмо нашего посла в Вене от 2/14 января, привезенное очередным курьером в понедельник, довольно пессимистично. Раскрытие нового заговора против принца Фердинанда и г. Стамбулова, составленного болгарскими эмигрантами, во главе которых стоял Ризов, находящийся в настоящее время в Сербии, послужило венскому кабинету поводом для предъявления энергичных представлений в Белграде. Князь Лобанов пишет, что он был неприятно поражен „развязным тоном, каким Кальноки говорил об этом, приписывая себе как бы протекторат над Болгарией. Можно было бы подумать, что для Австрии вполне естественно брать в свои руки защиту интересов и безопасности болгарских правителей“. На нашего посла производят также сильное впечатление военные приготовления, производимые Австро-Венгрией на широкую ногу, несмотря на обычную бережливость; это не может не указывать на ожидание войны в близком будущем. Ему кажется, что венский кабинет старается вызвать разрыв отношений, а быть может, и братоубийственную войну между Болгарией и Сербией, и это впечатление в сильной степени подтверждается донесениями нашего посланника в Сербии. Военная партия в Австрии считает момент подходящим, так как вызванные голодом затруднения, повидимому, должны парализовать Россию. Тем не менее Лобанов заканчивает свое письмо следующим размышлением: „Как бы то ни было, мне трудно верить, чтобы Австрия решилась пойти навстречу всем последствиям, которые может вызвать вооруженное столкновение между Сербией и Болгарией. Мне кажется

более вероятным, что Австрия будет распространять и укреплять свое влияние на Балканские страны, как делала это до сих пор, т. е. настойчиво, но мирным путем". Государь тут надписывает: // „И я не думаю, чтобы Австрия решилась сама по себе затеять что-либо серьезное, разве она получит поддержку от Германии“.

В своем ответе я ссылаюсь на письмо, которое мы послали Нелидову в среду, отмечая вполне корректную позицию сербского правительства и тот факт, что при таких условиях при нападении на него вся ответственность ложится на нападающего. По этому поводу нашему послу поручено обратить благосклонное внимание австрийского правительства на серьезную опасность, которая угрожала бы общему миру в случае братоубийственной борьбы между сербами и болгарями, борьбы, к которой мы не могли бы отнестись равнодушно и предупреждение которой зависит в значительной степени от венского кабинета.

Экспедиции графа Шувалова довольно объемисты, но не очень интересны, за исключением следующего замечания в его письме от 3/15 января: „Не подлежит сомнению, что не успели торговые договоры войти в силу, как с разных сторон уже раздаются голоса, отнюдь не являющиеся гимнами согласия“.

Затруднения возникли главным образом в Венгрии. В одном из своих донесений наш посол добавляет: // „Не прошло и месяца со дня утверждения торговых договоров между Германией и Австрией, как со всех сторон поднимаются вопли. Недаром сторонники кн. Бисмарка повторяют, что австро-германской дружбе предстоит пережить тяжелое испытание“.

Все это — любопытные и утешительные для нас признаки, но надо знать, во что это выльется!

В ответе графу Шувалову я ссылаюсь на письма, посланные Нелидову и князю Лобанову. Нашему послу, который так не любит затруднительных разговоров, поручено от имени государя переговорить с канцлером Каприви о том, как нас озабочивает позиция Австрии по отношению к Сербии, и напомнить ему о заверениях в лояльности и в верности договорам, которые он столь часто расточал.

Барон Моренгейм пишет из Парижа 3/15 января, что инструкции г. Нелидову, содержание которых он был уполномочен сообщить французскому правительству, произвели самое хорошее впечатление. „Г. Рибо высоко оценил мудрость и предусмотрительность, отличающие эти инструкции, а также

ясность и точность изложения. Он мне сказал, что в свою очередь приложит все старания, чтобы снабдить инструкциями, „списанными“ с наших, французского посла в Константинополе. Г. Рибо особенно старался самым положительным образом заверить меня, что будет с крайней заботливостью следить, чтобы не возникло никакого разногласия из-за „святых мест“. Он строго осуждал традиционную захватническую тенденцию, руководившуюся ложно направленным религиозным рвением, которой дали развиться к большому ущербу самих христианских церквей; это является настоящим скандалом в мусульманском окружении, где эти захваты, происходящие в самой грубой форме, очень мало содействуют поддержанию престижа и уважения к христианскому имени“. Государь делает помету: //„Наконец, сознались в этом!“//

В течение дня я составляю проект ответа послу в Париже, в котором выражаю удовлетворение тем, как были приняты наши сообщения, и констатирую, что при нынешнем положении становится все более желательной полная согласованность действий русского и французского послов в Константинополе; я привлекаю также его внимание к тревоге, вызываемой австрийскими происками в Сербии и Болгарии, о которых говорится в письмах, посланных нашим послам в Берлине, Вене и Константинополе.

Когда министр переговоров с адмиралом Чихачевым по поводу упомянутой выше пометы государя на телеграмме Нелидову, морской министр выразил сожаление, что его величество не сохранил первоначальной редакции, но так как совершенно невозможно, по его мнению, побудить нашего монарха изменить сложившееся у него убеждение, то он примет меры к посылке нескольких из указанных судов под видом //„практического плавания“//, не придавая этому последнему ни демонстративного, ни политического характера. Я добавляю об этом в письме барону Моренгейму.

Инцидент Шадурна более или менее урегулирован. Французы удовлетворились нотой, содержащей некоторые извинения со стороны болгарских правителей. Принципиальная сторона вопроса исчерпана; что касается остального, то, пожалуй, лучше, чтобы вопрос не был обострен.

Между бумагами, возвращенными вчера государем, находится ужасная английская карикатура, представляющая его величество стоящим спиной к массе голодающих, над которыми витает смерть. Он отказывается от пожертвований, которые стараются ему вручить несколько военных, говоря: „Голода

нет! У монарха завязаны глаза, его окружают министры, держа в руках ложные доклады. Это намек на замечание, якобы сделанное его величеством одному полковому командиру, который сообщил по окончании праздника этого полка, на котором присутствовала императорская семья, что офицеры решили израсходовать деньги, собранные для обычного товарищеского обеда, на //„голодающих“//. //„Голодающих в России нет! Есть местности, пострадавшие от дурного урожая“,// будто бы резко заметил наш монарх. Спрашиваешь себя, почему государь просто не уничтожил подобного документа, а послал его в министерство, где он навсегда сохранится в архиве.

После своего одинокого обеда работаю у себя; мне докладывают, что Капнист хотел бы переговорить со мною. Я спускаюсь в нижний кабинет, чтобы его принять. Он говорит, что хотел бы со мною посоветоваться; так как испытывает беспокойство по поводу ответа, который надо дать Морьеру по вопросу о Памире. Я отвечаю ему, что не очень хорошо знаю подробности этого дела, но, по моему мнению, следовало бы ликвидировать инцидент Ионгхезбэнд — Ионов, в котором мы неправы, а территориальные вопросы отложить до более подходящего времени. Он подымается к Гирсу, чтобы высказать ему свои сомнения. Его обращение ко мне и высказанные по этому поводу чувства меня трогают. Не остается ни малейшего следа от страшного раздражения, которое мною овладело три дня тому назад.

Пятница, 10 января.

Когда я подымаюсь к моему министру, мне кажется, что он чувствует себя бодрее. Между прочим, он мне рассказывает, что вчера переговорил с военным министром в духе моей записки от вчерашнего утра; ему кажется, что он его переубедил; //„Но он своего хвоста боится“// — прибавляет министр намекая на рьяных агентов генерального штаба, ищущих разных авантюр; в воскресенье у него состоится совещание. Государь принял отважного Ионова, и, повидимому, последний произвел самое хорошее впечатление. Я советую министру секретной телеграммой поручить нашему послу в Лондоне напомнить великому князю Алексею, чтобы он немедленно вернулся сюда и что 15/27 день рождения императора Вильгельма; этого не следует забывать ввиду того, что он проедет через Берлин.

Суббота, 11 января...

Министр вызывает меня к себе раньше обыкновенного; он ожидает приехавшего сегодня утром Мецгера, который известил, что посетит его сегодня же утром. Мы послали вчера вечером государю всю переписку с Канджутским ханом и донесения нашего консула в...*, доказывающие преувеличенность слухов, распространяемых нашими местными и военными властями по поводу захватнических намерений англичан. К этим документам была приложена новая нота сэра Морьера, в дополнение к тем, в которых выражался протест против незаконного ареста и высылки Ионгхезбенда и Девидсона. Государь сделал помету: //„Передайте все эти письма на прочтение военному министру“. „Отвечать за то, что англичане не продвинутся дальше к Памирам, нельзя, а поэтому все-таки нам надо их предупредить!“//

Я привожу ниже в русском переводе абзац ноты британского посла Морьера от 28 декабря/9 января:

//„Правительство ее величества поручает мне обратить серьезное внимание вашего высокопревосходительства на то, что акты незаконной власти**, совершенные полковником Ионовым, не могут на будущее время служить основанием какого-либо права (title) России на территорию, где они совершены, и что не следует упускать из виду, что оба английских офицера подчинились арестовавшему их отряду лишь при протесте“//

Против этого места его величество делает помету: //„Я полагаю, что на это неуместное замечание не стоит и отвечать“//

К несчастью, это „замечание“ совсем не „неуместно“; что же касается мысли государя предпринять военную экспедицию в направлении к Памиру, то эта идея неосторожна и несвоевременна. Министр должен высказаться об этом определенно и отвести от себя ответственность. Посмотрим, что решит воскресное совещание.

Перед завтраком меня вторично вызывает министр. Его вчера посетил министр финансов, который осведомил его о докладе, только что представленном им государю. Группа французских капиталистов предлагает купить у нас за 60 миллионов наши права на военную контрибуцию, уплачиваемую Турцией с 1878 г., порядок уплаты которой урегулирован

* Пропуск в подлиннике.

** Так в подлиннике.

соглашением 1882 г.¹⁰⁶ Г. Вышнеградский признается, что он крайне стеснен в средствах и не располагает никакими ресурсами и что министр внутренних дел //Иван Николаевич//, Дурново, продолжая отрицать наличие голода в России, требует еще 60 миллионов, так как предоставленных до сих пор 80 миллионов нехватило на оказание помощи пострадавшим от бедствия, поразившего 17 губерний империи. Не желая прибегать к займу, результаты которого сомнительны, и не располагая никакими денежными резервами, министр финансов надеялся таким образом получить нужные суммы, но государь, повидимому, вспомнил, что г. Гирс имеет возражения против этой комбинации, которая не нова, и поручил ему посоветоваться с нашим министром.

Произведенные наслех в Азиатском департаменте поиски обнаружили депешу г. Нелидова, написанную в 1890 г. и снабженную императорской пометой: //„Все это совершенно справедливо“././ Наш посол, узнав о подобном предложении, которое еще тогда собирались сделать императорскому правительству, горячо возражал против него с политической точки зрения. В то время нам предлагали комбинацию, по которой покупатели обязывались лишь ежегодно и регулярно выплачивать нам долг Турции. Это значило лишить себя верного средства давления на оттоманское правительство и передать в ведение компании биржевиков отрасли управления и источники дохода, гарантирующие наши права на контрибуцию. Министр просит меня прочесть этот документ и сообщить мое впечатление. Я его вскоре возвращаю со следующей запиской: „Согласно прилагаемой депеше г. Нелидова, французские банкиры нам предлагали в 1890 г. заступить место Турции для регулярной, но ежегодной уплаты взносов в счет военной контрибуции. Если я не ошибаюсь, теперь дело идет о *полной и единовременной* уплате всей капитальной суммы этой контрибуции, что нас на будущее время освободило бы от предъявления каких-либо претензий к Порте, не обязывая к сношениям с капиталистами, приобретшими наши права. При этих условиях и принимая во внимание наши нынешние отношения с Францией и Турцией, обсуждаемая ныне финансовая комбинация представляется совсем в ином свете“. Эту комбинацию следует зрело и серьезно обсудить.

Воскресенье, 12 января.

Английский посол Морьер известил нас нотой, что остается на своем посту в Петербурге; государь, ознако-

мившись с этим сообщением, надписал: //„Можете ему сказать, что я рад, что он остается“./

Министр готовится к свиданию с министром финансов и к совещанию у военного министра.

Понедельник, 13 января.

Г. Гирс очень озабочен, что Мецгер не навестил его вчера вечером, и очень желал бы знать, как устроились его дела при дворе. В городе уже говорят, что знаменитого массажиста выписали вовсе не для императрицы, а для молодых княжон, так как Ксения Александровна имеет нарост на боку, а Ольга Александровна несколько кривобока, после того как она упала в Борках. Оболенский узнал через свою невестку, что Мецгер при первом же посещении императрицы в субботу объявил, что массаж для ее императорского величества необходим и что надо приступить к нему немедленно. С тех пор он массирует нашу императрицу два раза в день по пяти минут. Станный способ лечения. В прежнее время, мне кажется, его нашли бы мало приличным.

Мой министр очень доволен своим свиданием с министром финансов и совещанием, состоявшимся вчера у военного министра. Г. Вышнеградский, прежде чем дать ответ капиталистам, желающим приобрести наши права на ту редкую военную контрибуцию, решил поставить им ряд вопросов, дабы вполне осветить все подробности этой сделки. Предполагая завтра отправиться совместно с моим министром во дворец, он решил высказаться перед императором в этом смысле. В военном совещании мой министр, как ему кажется, одержал существенную победу. Предоставив предварительно ген. Проценко, специально ведающему в главном штабе этой областью, сделать подробный доклад об историческом ходе наших выступлений, о мерах, принятых нами в соседних с Афганистаном странах, и о правах, которые мы имеем на расширение наших владений в сторону Памира, министр ответил на это просто изложением действительного положения вещей, как оно вытекает из действующих договоров и соглашений, согласно точным картам этих стран и переписке, происходящей между правительствами. //„Вот что мне говорят иностранцы“//, — констатировал г. Гирс. Обмен мнений принял после этого другой оборот; видя, что министр лично отнюдь не возражает против мер, вызываемых

стратегическими соображениями, раз они действительно станут необходимыми, военные' отдали себе отчет в ответственности, сопряженной с легкомысленным принятием этих мер, которые вызовут аналогичные и еще более решительные меры со стороны англичан и, быть может, китайцев. Генералы Ванновский, Обручев и др. изменили тон, а последний нашел даже опасными и неосторожными меры предосторожности, предложенные во время заседания с целью усиления наблюдения за названными краями. В конечном счете, решили не предпринимать большой военной экспедиции для занятия территории на Памире, а ограничиться посылкой туда весной казачьих //разъездов//, дабы избежать всяких протестов и не вызывать тревоги. Пока министерство постарается дипломатическим путем устранить затруднения, возникшие в связи с незаконным арестом английских офицеров и избытком рвения со стороны полковника Ионов.

Вторник, 14 января.

Министр, встретив меня в канцелярии, уводит меня в свой кабинет; он говорит, что государь одобрил решение, к которому г. Гирс пришел вместе с министром финансов; ввиду того, что военный министр болен, его величество откладывает просмотр протокола состоявшегося третьего дня совещания (по памирскому вопросу), смысл которого, как его изложил Гирс, как будто удовлетворил его величество. Но, в общем, мой министр, повидимому, не в очень хорошем расположении духа; в особенности он недоволен тем, что его любимому доктору Мецгеру не удалось завоевать симпатии их величеств.

Телеграммы императору Вильгельму одобрены; когда г. Гирс привез с собой поздравительную телеграмму на подпись цесаревичу, оказалось, что последний только что запросил у министра проект этой телеграммы через ген. Даниловича. Ознакомившись с текстом, наследник спросил у министра за завтраком в присутствии всех: //„А это, наверное, граф Ламздорф писал?“// и при этом, по словам министра, было выражено одобрение моим телеграммам, в которых было отмечено чувство меры, соблюдение оттенков и //„тонкость“//. Государь просит, чтобы в будущем ему посылались проекты, переписанные просто на //бланках// и без заглавных букв в словах: „я“, „меня“, „мой“ и т. д., как это в обычае.

Ввиду того, что приходится заготовить две телеграммы — для султана и для г. Карно, я сообщаю об этом желании Оболенскому, так как его величество сказал г. Гирсу: // „Оболенский наверное знает, какие бланки; его брат мне всегда такие давал.“ // Заходит Шварц; замечаю у него и у Оболенского какой-то оттенок недовольства, когда я им рассказываю, что получил одобрение за мои телеграммы. Затем Оболенский и Шварц делают замечания по поводу того, что я тороплюсь получить бланки, а между тем я делаю это исключительно из дружбы к Оболенскому. // „Подумаешь, что за важное дело!“ Да в том-то, господа мои, и беда, что на Руси всякий метит важные дела творить, а своими прямыми обязанностями пренебрегает. // Тяжелый и гадкий осадок.

Среда, 15 января.

Виделся с моим министром в 10¹/₂ часов. Он получил от посла Морьера полушутливое и полное метафор письмо, в котором тот горько сетует на ответные ноты, которые он ему только что прислал. Мне кажется, что можно было бы очень хорошо ответить на это необыкновенное послание, которое вовсе не исключает возможности дальнейших объяснений, но говорят, что британский посол в отчаянии. Протестуя против ареста и высылки, — надо признаться, весьма незаконных, — английских офицеров Ионгхезбенда и Девидсона, он надеялся разрешить в то же время важный вопрос о [территориальном] разграничении, на что мы конечно не можем согласиться.

Министр оставил вчера у государя проект протокола воскресного заседания; его величество возвратил его сегодня с пометой: // „Это очень хорошо“ //, причем эти слова подчеркнуты; таким образом, решение совещания одобрено. Вот в выдержках главные пункты этого протокола:

// „Обсуждался вопрос: следует ли удовлетворить ходатайство туркестанского генерал-губернатора о высылке теперь же, зимою, отряда войска на Памир для занятия урочища Базай-и-Гумбес¹⁰⁷ в видах охранения прав России на Памирский край и предупреждения возможности появления в крае англичан из Канджута¹⁰⁸. Права России на владение Памирским краем имеют большое основание и опираются на факты бывшей принадлежности края Кокандскому ханству, ныне входящему в состав империи¹⁰⁹, и на известных

международных соглашениях с Англиею в 1873 г.¹¹⁰ и с Китаем в 1884 г. Вследствие сего последовала в прошедшем году посылка отряда, который обошел все Памиры и тем показал соседним государствам, что Россия считает край преимущественно * своею собственностью¹¹¹. Дальнейшее поддержание этих наших прав, ввиду продолжающихся претензий на некоторые части края китайцев и афганцев и вмешательства англичан, признается вполне необходимым. Но поддержка этих прав требует прежде всего политических переговоров с заинтересованными государствами, и к таким переговорам необходимо приступить безотлагательно; не зная же их исхода, следует относительно проявления фактических наших прав на месте быть крайне осмотрительным. Ходатайство туркестанского генерал-губернатора о командировании военного отряда на Памир основано на известии о столкновении англичан с Канджутом и о готовящемся будто бы движении англичан в Памирский край для занятия урочища Базай-и-Гумбеш и Акташ, этих важнейших пунктов края¹¹². Ввиду недостоверности этих известий и затруднения экспедиции до урочища Базай-и-Гумбеш за 600 верст и т. д. положено предоставить вышеупомянутому генерал-губернатору ныне выслать разведчиков на Памир из киргизов-джигитов. С наступлением же более благоприятного теплого времени, именно — ранней весной, выслать в район Зора-Куля¹¹³ разъезд, в соответствии с обстоятельствами, составом примерно от половины до одной сотни казаков, и вместе с тем приготовить достаточно сильный отряд (в составе 4 сотен, 4 орудий и 1 батальона пехоты) для немедленного движения на Памир, если по ходу обстоятельств в этом представится надобность. Инструкции как разведчикам, так и отрядам будут зависеть от хода начинаемых переговоров с английским и китайским правительствами и действиями этих правительств в соседстве от Памирского края, о чем конечно будет своевременно извещено туркестанское начальство“ *./

Таким образом, посылка экспедиции, которая при нынешних обстоятельствах явилась бы опасной и ненужной провокацией, отложена. Остается урегулировать инцидент с арестом двух английских офицеров и приступить затем к вопросам разграничения с английским и китайским правительствами.

Так в подлиннике.

Лобанов телеграфирует из Вены вчера, 14/26-го:

„Кальноки сам заговорил со мною о слухах, дошедших до С.-Петербурга, о якобы воинственных настроениях Австрии и приписываемых ей намерениях восстановить болгар против сербов. Он категорически отрицает всякое намерение начать войну и утверждает, что Австрия имеет самое искреннее и горячее желание сохранить мир. Я ответил, что тем более рад услышать подобное заявление, что имел намерение обратить его внимание на серьезную опасность, которую мог бы вызвать болгаро-сербский конфликт, так как мы не могли бы отнестись к нему безразлично“.

Повидимому, сделанное Швейницу предупреждение произвело свое действие в Берлине, а рикошетом и в Вене. Весьма полезно, что Лобанову представился случай сделать приведенное выше небольшое замечание, но во избежание того, чтобы другие наши представители, и в особенности г. Нелидов в Константинополе, не усилили до крайности тона при подобных разговорах, я предлагаю министру сообщить им немедленно циркуляром эту телеграмму нашего посла в Вене. Г. Гирс соглашается с этим.

Наш посланник в Белграде телеграфирует 13/25 января: //„Австрийская миссия сделала здесь устное сообщение, что так как все меры для свободного пропуска Ризова в Россию приняты, то Сербии следует поспешить его высылкой. Сербское правительство усмотрело в этом давление и ответило, что принимает к сведению, но воспользуется лишь когда сочтет нужным. Что же касается распоряжений, принятых в Австрии, то сербское правительство не считает себя ими связанным, так как само их же вызывало“:// На этой телеграмме государь надписывает: //„Совершенно логично“:// Его величество любит подобные заявления, но министр находит их излишними.

В письме из Белграда от 31 декабря/12 января г. Персиани обрисовал положение королевы Наталии как совершенно испорченное. Она умудрилась перессориться со всеми, создать натянутые отношения даже со своим сыном, молодым королем; определенные симпатии она выказывает лишь к Гарашанину, стороннику австрийского влияния, которого ненавидят в стране. Государь пишет на этом письме: //„Действительно, при таких обстоятельствах отстаивать ее интересы трудно“://

Интересна экспедиция из Пекина; в местной газете появилась весьма сочувственная к России статья, приписывае-

мая бывшему посланнику Поднебесной империи в С.-Петербурге Хун Чуну, который перед своим отъездом был принят нашим монархом, говорившим с ним очень милостиво.

Четверг, 16 января.

Государь вернул телеграмму *, полученную вчера от Лобанова; слова „он категорически отрицает“ (т. е. Кальноки) подчеркнуты, а на полях его величество написал: //„К сожалению, ему верить нельзя“// На другой телеграмме, полученной от нашего поверенного в делах в Японии от 14/26 января, сообщающей, что „по собственной инициативе японский император приказал наложить шестидневный траур по случаю смерти великого князя Константина, хотя совсем недавно он отказался сделать это по просьбе британского посланника по поводу смерти герцога Кларенского“, его величество сделал помету: //„Это факт хотя и не крупный, но не лишенный значения“//

Министр ожидает визита графа Монтебелло, который сообщил, что приедет к 11½ часам. Мы говорим о полученном вчера проекте инструкций французскому послу в Константинополе. Они, строго говоря, не „списаны“ с тех, которые мы послали г. Нелидову, но в то же время и не расходятся с инструкцией, которой был снабжен наш посол. Абзац, касающийся болгарских дел, мне кажется очень осторожным; абзац, говорящий о политике в отношении „святых мест“, гораздо удовлетворительнее; наконец, упоминание о нашем участии в демонстрации французской эскадры на Ближнем Востоке несколько преувеличено. Г. Рибо ожидает, что Россия покажет свой флаг в Средиземном море „в обстановке, отвечающей ее престижу на Востоке“. Пустяки! Но какое нам, в сущности, дело до того, что парижский кабинет выражает это пожелание своему представителю в Константинополе? Это ни к чему не обязывает; достаточно, чтобы г. Гирс отметил это маленькое преувеличение в разговоре, который у него будет с графом Монтебелло. Проект французской инструкции мы пошлем в Аничков дворец с запиской, в которой министр выразит мнение, что в общем эта редакция может быть принята ¹¹⁴.

* Телеграмма Лобанова приведена выше, стр. 235.

К двум часам министр вызывает меня еще раз; у него только что был министр финансов, обедавший вчера у Мюрера и находящийся под впечатлением того отчаяния, которое последний обнаруживает; он пришел просить г. Гирса быть по возможности сговорчивей. Британский посол сообщил г. Вышнеградскому письмо, которое он недавно послал моему начальнику, но не прочел ему ни ноты последнего, ни тех нот, ответом на которые она являлась. Он говорил о разрыве, о непреодолимых затруднениях и т. д. Г. Гирс успокаивал министра финансов и под конец прочитал составленный вчера проект письма. Г. Вышнеградский находит его слишком резким и могущим осложнить отношения, в то время как, по его мнению, при нынешних обстоятельствах необходимость сохранения мира и добрых отношений со всеми державами должна быть принята во внимание прежде всего. Я признаюсь министру, что мне тоже казалось бы желательным сократить средактированное его сыном письмо и опустить непристойные выражения английского послания, которые в нем приводятся, тем более, что его собственноручное письмо вообще не должно быть длинным и не должно обращать внимания на мелочи. Министр посылает вчерашний проект вместе со своими замечаниями Капнисту как директору Азиатского департамента.

На этих днях во время прогулки у г. Стамбулова разрядился револьвер; пуля проникла в правое бедро и еще не извлечена. Некоторые газеты сообщают, что жизнь его в опасности. Министр меня рассмешил, сказав сразу: „Чтобы чорт его побрал“, и // „царство ему небесное!“ // Г. Гирс говорит, что вчерашний завтрак в Аничковом дворце в тесном кругу прошел очень хорошо. Помимо германского посла и полковника Вильома, присутствовали государь, императрица, цесаревич и остальные дети их величеств, гофмейстерина графиня Строганова, дежурная фрейлина графиня Воронцова-Дашкова, мой министр и генерал Черевин. Государь был в сюртуке, а императрица в светлом платье. Пили за здоровье германского императора, и их величества выразили свое удовлетворение, узнав, что великий князь Алексей проводит этот день в Берлине. Они, повидимому, были удивлены, что ему пришла в голову эта хорошая мысль. Государь принял 80 человек по случаю своего //приемного дня//, но казался в очень хорошем расположении духа и поддразнивал императрицу. Когда ее величество спросила посла, сидевшего за столом по правую ее руку, о князе Бисмарке, то государь

засмеялся и сказал: „Она спрашивает о Бисмарке у Швейнида!“ — намекая на малодружественные отношения, которые всегда существовали между ними. Одним словом, завтрак был интимен и весел. Их величества говорили также в гораздо более благосклонных выражениях о Мегрере.

Пятница, 17 января.

Вчера, в то время как я ложился, министр прислал мне толстый пакет с бумагами, возвращенными государем; на записке, сопровождавшей проект инструкции французскому послу в Константинополе, присланный нам бароном Моренгеймом, его величество написал: //„Лучшего и ожидать нельзя“// Таким образом, нам остается лишь принять проект и сообщить об этом в Константинополь Нелидову.

Суббота, 18 января.

Государь, надо думать, считает, что наше министерство ничего не делает; по его мнению, он один ведет и направляет политику. Временное управление министерством по другим ведомствам обычно дает повод для //„благодарности“//. „Когда же я испросил таковую, — рассказывает министр, — для Шишкина по моем возвращении из-за границы, то государь в этом отказал: //„За что же?“ — сказал он. — //Он товарищ и исполнил только свою обязанность“//. То же самое случилось когда-то с Влангали во время его управления министерством“.

Мой бедный старый начальник вызывает у меня соболезнование, и я нахожу его подавленность весьма естественной. Но одна из причин того, на что он жалуется, заключается в его неумении поставить себя. Очень вероятно, что с более определенным и менее гибким характером он не сохранил бы своего поста в течение почти 10 лет, но его хороший девиз: //„не слыть, но быть“// а также зависимость от материальных преимуществ своего положения из-за многочисленной семьи, совершенно лишенной собственных средств, конечно не являются условиями, благоприятствующими приобретению престижа и уважения у личности, столь грубой по своему духовному складу, как наш монарх. Не благоприятствует это и получению почета и отличий, которые ему принадлежат по праву.

Я спрашиваю у г. Гирса его мнение о наследном принце шведском. Он находит его прямо очаровательным. Он красив, изящен, элегантен и прекрасно воспитан. Есть нечто тонкое и вместе с тем простое и естественное в его обращении и в разговоре. „Еще недавно, после его посещения, мы говорили с женой: „Если бы хоть кто-нибудь из наших великих князей имел подобные манеры! Но начиная с наследника, никто из них не умеет себя держать. Все они более или менее лишены воспитания“.

Проезд великого князя Алексея через Берлин был очень хорошо подготовлен. Повидимому, предупрежденный г. Сталем, его императорское высочество попросил разрешения у государя, который ему ответил: //„Можно и было бы даже хорошо“././ Император Вильгельм был этим посещением весьма тронут. Граф Кутузов пишет Оболенскому, что в общем за последнее время к русским необыкновенно любезны, но он не видит в этом ничего хорошего и полагает, что неизбежность будущей борьбы между нами и немцами делается все более и более ощутительной. Надо, впрочем, сделать оговорку, что это давнишнее убеждение графа и что этот прекрасный и честный человек очень неумен. Он, может быть, до известной степени и прав, но его суждение не может быть признано непогрешимым.

Министр путей сообщения г. Гюббенет вышел в отставку. Неизвестно еще, кто будет назначен на его место, но о нем сожалеют как о человеке честном, бескорыстном и с собственными убеждениями, которые он не колеблясь противопоставлял Вышнеградскому и его присным. Впрочем, его считали мало способным, а его ум — не соответствующим его добрым намерениям.

Воскресенье, 19 января.

На телеграмме нашего представителя в Бухаре, сообщавшей, что эмир в знак своих чувств к государю и к России только что прислал сто тысяч рублей для благотворительного комитета, находящегося под председательством цесаревича, его величество написал: //„Это любезно, но деньги награбленные“././

Слухи о второй благотворительной лотерее подтверждаются, и, судя по появившимся в газетах сообщениям, эта прискорбная мера решена месяц тому назад. Тираж первой лотереи назначен на первое февраля.

Министр мне рассказывает, что вчера в крепости при погребении великого князя Константина Морьер отворачивался от него, стараясь его не видеть; г. Гирс тоже не пытался приветствовать любезного британского представителя, который позволяет себе писать непристойные письма и выражает недовольство, когда на его метафоры отвечают весьма корректной прозой.

Понедельник, 20 января.

Мой старый Василий, который мне служит, бледен и имеет печальный вид. Я его спрашиваю, // „не соскучился ли по деревне.“ — „Не особенно, там время тяжелое.“ // Он из Московской губернии и, таким образом, не из тех 17 губерний, которые официально признаны потерпевшими от голода. Однако он говорит: // „У нас хлеб не родится, мы берем его из Тульской или Рязанской губернии. Когда там хлеба много, он у нас дешев; теперь же нам за пуд муки 1 р. 60 к. и 1 р. 70 к. приходится платить.“ //

Вторник, 21 января.

Из всех полученных вчера экспедиций самыми интересными являются конечно письма графа Шувалова и князя Лобанова. Наш посол в Берлине сообщает в своем совершенно личном письме от 17/29 января 1892 г., как он выполнил поручение привлечь внимание германского правительства к опасности сербо-болгарского конфликта, вызвать который, повидимому, желает Австрия. Он начал с разговора с бароном Маршалем, не желая обидеть его непосредственным обращением к графу Каприви. Барон совершенно не допускает наличия воинственных настроений у Австрии и категорически заявил графу Шувалову, что, поскольку дело идет о берлинском кабинете, то *„германская политика в отношении балканских стран та же, что и во времена князя Бисмарка“*. „Мы прежде всего хотим мира и соблюдения договоров. Мы всегда сделаем все от нас зависящее для сохранения этих принципов, устранив, насколько это в наших силах, все, что может подорвать их значение“.

„Отправившись на следующий день к графу Каприви, — пишет Шувалов, — я услышал лишь, так сказать, более громкое эхо слов барона Маршала“. Канцлер мне сказал тоном, полным простодушия и искренности, что он не может допу-

стить, чтобы Австрия преследовала воинственные цели, и что поэтому тем более не может быть и речи о том, будто она оказывает в этом смысле поощрение в Софии“.

„Австро-Венгрия, по мнению Каприви, больше, чем любая другая держава, заинтересована в том, чтобы избежать всего, что могло бы таить в себе опасность войны“. „Целью германской политики, — сказал в заключение канцлер, — является сохранение общего мира под эгидой договоров“. „Конечно, это заявление в высшей степени успокоительно, и оно меня вполне успокоило бы, если бы мы еще имели здесь дело с таким человеком, как князь Бисмарк, который являлся полным хозяином и ответственным руководителем политики Германии. К несчастью, как я уже позволил себе указать, развивая свои пессимистические соображения в письме от 21 ноября/3 декабря, нельзя отрицать наличия в Берлине некоторых течений, противных миролюбивому политическому руководству графа Каприви. Определить момент, в который эти противоположные течения усиливают или ослабляют свое влияние на переменчивый и впечатлительный характер молодого германского императора, является исключительно делом чутя“. „Признаюсь, что из всей политической информации, полученной мною с последним курьером, меня более всего обеспокоил развязный тон, который князь Лобанов, повидимому, заметил у графа Кальноки, так как, только чувствуя прочную поддержку всей своей восточной политики со стороны Германии, Австрия решилась бы, мне кажется, приступить к осуществлению своих властолюбивых планов на Балканах. Если бы подтвердилось, что Австрия усвоила подобную манеру себя держать, то это могло бы быть объяснено лишь предположением относительно существования в Германии двоякой политики: одной, исходящей из дворца, а другой — с Вильгельмштрассе“. „Одна, — тайная, активная, для которой Австрия могла бы в случае нужды послужить орудием и даже факелом, которым можно разжечь пожар; вторая — спокойная, не щадящая всякого рода заверений, официальным и совершенно искренним сторонником которой является генерал Каприви“. „К счастью, телеграмма князя Лобанова, содержание которой ваше превосходительство изволили мне сообщить, но которую я, естественно, не использовал в своей беседе с Каприви, рассеяла мои гипотетические подозрения, и я очень доволен, что имею возможность добавить к категорическим заявлениям графа Кальноки не менее категорические и успокоительные заверения канцлера Каприви. Примите и проч.“.

Государь надписывает на этом письме: // „Надо надеяться, что Каприви был чистосердечен“ // ¹¹⁵.

Генерал Лобанов в одной из своих депеш дает подробный отчет о сугубо миролюбивых заверениях, данных ему графом Кальноки, и сопровождает эту депешу доверительным письмом от 16/28 января. Вот это письмо:

„Давая вам отчет в одной из моих депеш об архипа-цифистских заверениях Кальноки, считаю долгом добавить несколько объяснений, которые — совершенно между нами — мне только что дал мой друг Сечени. Эти заверения были вызваны беседой, которую вы вели со Швейницем, немедленно сообщившим о ней Волькенштейну, который, в свою очередь, телеграфировал о ней в Вену. Должно быть, ваши слова, переданные германским послом, дошли до Кальноки в не вполне точной форме. Последний в своем разговоре со мной, повидимому, думал, что слухи, распространившиеся относительно воинственных замыслов Австрии, у нас сочтены за вполне достоверные. Вызванная здесь тревога оказалась ввиду этого еще более сильной. Опасались, как бы от позиции, которую из-за этих слухов может занять Россия, не пострадала очень сложная операция стабилизации денежной единицы и конверсии австро-венгерской ренты, — операция, которая, как я узнал, должна быть закончена в мае месяце. Этим объясняется поспешность и горячность, которые проявил Кальноки, давая мне самые категоричные мирные заявления; после нашего разговора он тотчас же похвалился Сечени, что вполне меня успокоил. Это только сплетня, но она доказывает, какие усилия прилагаются здесь, при нынешних обстоятельствах, чтобы усыпить наше недоверие“. „Что касается меня, то вы знаете мое внутреннее убеждение. Как я вам писал в моем последнем письме, я уверен, что Австрия не откажется от политики, которую она проводит на Балканском полуострове, но она будет тщательно избегать всего, что могло бы привести к вооруженному столкновению с Россией, разумеется, при условии, что Германия не побудит ее занять по отношению к нам вызывающую позицию. Тысяча заверений в дружбе и т. д.“. Это письмо возвращается без всякой пометы государя.

В депеше № 6 от 17/29 января граф Шувалов отмечает любезность, которую за последнее время германское и австрийское правительства проявляют по отношению к польскому населению обеих монархий. Облегчения, предоставленные Германией католическому и польскому элементам, кажутся

ему тем более необъяснимыми, что император Вильгельм питает вполне определенную антипатию к польской национальности. Наш посол приходит к заключению, что германское и австрийское правительства стараются привлечь к себе поляков ввиду возможности войны с Россией, в случае которой пограничные области, населенные польским элементом, будут играть большую роль.

Государь надписывает на этом документе: //„Жестоко обманутся и накажут сами себя Германия и Австрия с польскими заигрываниями“//

Из Парижа мы получаем лишь одно собственноручное письмо барона Моренгейма от 17/29 января, в котором он сообщает, что французское правительство удовлетворено тем, что государь одобрил шаги, предпринятые нашими послами в Константинополе. Он полагает, что дело Шадурна улаживается, и сомневается в воинственных замыслах Австрии. Мне кажется, что во всем, что касается столь важных для нас болгарских дел, французское правительство старается сохранить весьма осторожную позицию и ограничивается довольно уклончивыми заявлениями. Наоборот, о египетских делах барон Моренгейм пишет пространно. Французский представитель в Каире граф Реверсо, видимо, сразу завоевал доверие молодого хедива и убедил его, что ни одна держава не заинтересована так сильно, как Франция, в том, чтобы защищать в Египте интересы самого Египта. Он пишет своему правительству, что Аббас-Хельми производит впечатление очень умного и необыкновенно зрелого для своих лет молодого человека, воодушевленного разумными и великодушными намерениями, но скрывающего под покровом видимой скромности большой запас тщеславия. Это является его слабой стороной и главной чертой его характера, с чем придется всегда считаться в сношениях с ним. Пока что г-жа Беринг, супруга британского резидента, большая интриганка, весьма близко стоящая к вице-королеве-матери, вдове Магомет-Тефика, уже убедила последнюю предоставить своему сыну двух молодых рабынь необычайной красоты, в помощь которым даны еще несколько юношей разного типа, но одинаково склонных подчиняться во всех отношениях прихотям молодого повелителя. Должно быть, таким образом, развлекая его подходящими для его возраста способами, надеются отвлечь его от дел и ослабить его энергию. „Это безобразно, — замечает наш посол, — но я не считаю себя в праве обойти молчанием подобные сведения“.

Барон Моренгейм ожидает после открытия сессии палат усиления религиозно-политической борьбы и думает, что ввиду нынешней эволюции в церкви радикальные партии снимут маски и открыто будут проводить программу *антихристианства*, который лежит, по его мнению, в основе всех современных революций.

Пока что Извольский пишет из Рима, что папа, оставаясь верным своей программе „признания республиканской формы правления во Франции, тем не менее ввиду борьбы, начатой в легальных рамках против антирелигиозных законов, изданных под влиянием радикальной партии“, определенно недоволен компромиссом, на который, щадя радикалов, идет республиканское правительство. Неожиданное назначение кардинала Ледоховского на весьма важный, открывающий путь к папству пост „префекта пропаганды“¹¹⁶ вместо только что умершего кардинала Симеони является неблагоприятным симптомом для Франции, международное положение которой, как покровительницы католицизма на Востоке, может пострадать.

Все, что нам пишет из Рима г. Влангали, министр называет „чистейшей водичей“, и действительно, все это не представляет никакого интереса. Экспедиция г. Стаала из Лондона не лишена значения. Он отмечает признаки торжества либеральной партии. Кандидат, выставленный группой Гладстона, избран в Россудале подавляющим большинством голосов. Непорядки в администрации Канады и т. д. Наконец самое интересное для нас: военный агент Ермолов считает, что у него имеются достаточно веские основания верить в продвижение англичан на север Канджута по направлению к Памиру. Этот факт требует проверки, но он уже вызвал очень характерное расхождение между нашим послом и военным агентом, причем первый пришел к убеждению, что единственная вечная война, которую никакое искусство на свете не может устранить, — это война между штатскими и военными!

Когда ко мне собираются в нижнем кабинете к чаю, — на этот раз лишь Оболенский и Ваксель, — я подымаю вопрос, не следует ли каким-либо образом отпраздновать исполняющееся в марте десятилетие пребывания г. Гирса министром, и, между прочим, предлагаю в ознаменование этого отчеканить медаль. Ваксель берется переговорить об этом с Никоновым.

Министр присылает бумаги для государя. Это экспедиции Нелидова от 16/28 января; последний высказывает свое удовольствие по поводу того, что обоими правительствами одо-

блены как те инструкции, которые мы ему дали, так и те инструкции, которые в ближайшее время должен получить французский посол. В связи с этим он садится на своего конька — насчет необходимости присутствия французской и русской эскадр для сохранения равновесия и status quo в Средиземном море. Наш посол переговорил по поводу опасений, вызываемых у нас сербо-болгарскими разногласиями, которые если и не вызваны Австрией, то во всяком случае поддерживаются ею. Оттоманское правительство отрицает возможность опасного конфликта и утверждает, что оно следит за Болгарией. Тем не менее посол заканчивает следующими пессимистическими размышлениями: // „Общее положение крайне натянуто, и я не могу не поддаться чувствам некоторого беспокойства при виде накопившегося в международных отношениях горячего материала и как бы преднамеренной неосторожности, с которой с ним обращается австро-венгерское правительство“ .//

Среда, 22 января.

Ужасная тяжесть в голове, которой я страдал вчера вечером, не позволила мне написать ничего кроме набросков двух писем, — которые я считаю необходимым послать князю Лобанову и графу Шувалову, — хотя я и сидел за письменным столом почти до полуночи. Встав сегодня в 6¹/₂ часов утра, я храбро берусь за дело, и к 8¹/₂ утра проекты писем нашим послам в Берлине, Вене, Париже и Риме готовы. Графу Шувалову я указываю депешу князя Лобанова, в которой говорится о необычайно миролюбивых заявлениях графа Кальноки; с трудом верится в существование двойкой политики в Берлине, а в особенности в торжество течений, противных мирным заявлениям канцлера, но тем не менее эта гипотеза нам предписывает крайнюю бдительность, а любезности по отношению к полякам являются симптомом, который не должно упускать из виду.

Князю Лобанову я выражаю удовлетворение, которое нам доставили заявления графа Кальноки. Не исключена возможность, что разговор г. Гирса со Швейнцием был передан в Вену с некоторыми преувеличениями, но предупреждение не было бесполезным, так что мы не имеем повода об этом сожалеть. Я добавляю, что не менее категорические заявления были сделаны графу Шувалову в Берлине, но что наш посол

порою склонен верить в возможность двойственной политики, а подобная гипотеза нас принуждает к постоянной бдительности.

Моренгейму я пишу, что инструкция французскому послу в Константинополе, проект коей был нам сообщен, одобрена государем; в общем, она достаточно соответствует той инструкции, которой был снабжен г. Нелидов, и предоставит возможность представителям обеих дружественных держав проявить полное согласие во всех вопросах, которые смогут возникнуть на этой раскаленной почве. Я упоминаю о небольшой оговорке, которую министр мимоходом сделал графу Монтебелло по поводу трудности для наших морских сил появиться в Средиземном море в количестве, соответствующем тому престижу, которым Россия пользуется на Востоке, чего, видимо, хотело бы французское правительство. Мы весьма довольны хорошими отношениями, установившимися между новым хедивом и представителем Франции. Наконец я обращаю внимание нашего посла на пересылаемые ему в копии весьма интересные донесения г. Извольского.

Влангали я пишу несколько слов, чтобы осведомить его, что мы только что получили самые миролюбивые заверения со стороны Вены и Берлина, но что ввиду ненормального положения вещей в Болгарии и поддержки, которую австрийские замыслы в любой момент могут встретить со стороны тройственного союза, мы не должны ослаблять самое бдительное внимание.

Все эти соображения, вместе с развитием мыслей, заключающихся в высочайших пометах, изложены на четырех листах, которые я и посылаю к 10 часам министру. Он просит меня к себе и встречает словами: „Я не нашел нужным изменить ни одного слова в том, что вы написали: надо послать все эти проекты в виде //доклада// государю“, //„мы с вами так спелись“// и т. д., и т. д.

Я предлагаю в отношении Стаала ограничиться простым препроводительным письмом к литографиям, так как с курьером, уезжающим в четверг, решено послать ему две депеши — по памирским делам и об инциденте с высылкой английских офицеров, а помимо того всю переписку, которая за последнее время велась с английским послом. Министр все одобряет и читает мне бумаги, относящиеся к Азиатскому департаменту, и записку, отправляемую им лично г. Стаалу. Таким образом, Стааль будет в курсе всего этого дела. Я очень рад, что мы пришли к практическому способу его разрешения, отделав

инцидент с незаконно высланными английскими офицерами от территориального вопроса, имеющего совершенно иное и притом весьма важное значение. Что касается инцидента с офицерами, то в нем мы были неправы и должны совершенно просто в этом сознаться, между тем как основной вопрос надо разрешить осторожно и твердо. Права и интересы, которые тут надо защитить, очень серьезны.

Министр мне рассказывает, что когда он приехал вчера в Аничков дворец на свой доклад, он встретился с выходящим от государя Ванновским, который заметил ему: //„А вот англичане-таки идут на север“./ Его величество тоже, повидимому, находится под некоторым впечатлением депеши г. Стаала. Министр успокаивал монарха, говоря, что мы конечно не должны отказываться от наблюдения за передвижениями англичан в этих краях, но что он не верит в возможность подобной затеи в настоящее время. Государь был тоже поражен пессимизмом Шувалова и той заботливостью, с которой наш посол изображает положение //„на два конца“//. Являясь глубоко убежденным сторонником поддержания наилучших отношений с Германией, он, с одной стороны, старается изобразить положение в благоприятном свете, а с другой стороны, боясь ошибиться, затушевывает фон картины черными красками. Впрочем, при неопределенности текущего момента он и не может иначе действовать.

Четверг, 23 января.

Министр вызвал меня к 10 часам, но затем к нему кто-то приходит, и он меня просит вернуться через четверть часа. Мне представляется, что государь не одобрил большинства доложенных ему средактированных мною писем. Мое воображение рисует какую-либо неприятную помету; я готовлюсь снова повторить министру свое искреннее заверение в том, что я не чувствую себя способным выполнять те обязанности, для которых он меня удерживает, и серьезно просить его исходатайствовать для меня отставку. Наконец меня вызывают. Государь все одобрил, и министр в самых любезных выражениях повторяет, насколько он доволен всем, что я написал. Тем не менее, когда я вчера вечером до отправления государю перечитывал свои проекты, то испытывал попросту чувство стыда. Мне все это показалось очень плохо написанным!..

После чая Ваксель дал мне только что полученный номер //„Московских ведомостей“./ Передовая статья этой газеты, появившаяся в Москве вчера, приводит перевод письма графа Льва Толстого в английские газеты о причинах голода в России. Я предполагаю, что перевод подлинный: слишком хорошо узнается неподражаемый замечательный стиль нашего великого писателя. Эта статья слишком примечательна, чтобы не сохранить ее в виде приложения к моим запискам. Гениальные, всеобъемлющие и прекрасные мысли близки к истине и в то же время ложны и опасны именно в силу таланта, с которым они высказаны. Это квинтэссенция социализма, но отнюдь не христианского социализма, основывающегося на любви и сострадании.

Побоедав, как всегда, в одиночестве, я посылаю купить один или два экземпляра московской газеты, но ее нельзя больше приобрести ни за какую цену. Повидимому, были приняты меры, чтобы помешать распространению этой статьи, ставящей правительство в довольно затруднительное положение.

Пятница, 24 января.

Газеты получили распоряжение воздержаться от перепечатки и от всяких комментариев статьи //„Московских ведомостей“//. Один //„Гражданин“// помещает несколько строк, ставя вопрос: //„Какие таинственные враги порядка, какие жида могли попутать редакцию „Московских ведомостей“ в виде передовой статьи пустить в обращение бешеный бред графа Льва Толстого?“// и т. д.

Газеты получили приказание не поминать об ожидаемых переменах в министерстве путей сообщения. В городе говорят о кандидатуре генерал-адъютанта барона Корфа, генерал-губернатора Восточной Сибири, но ничего еще окончательно не решено. Падение г. Гюббенета было, повидимому, вызвано его отказом председательствовать в комиссии, призванной рассмотреть деятельность полковника Вендриха. Последний, получив весьма обширные полномочия, кажется, распорядился самым нелепым образом, так что в конце концов произошло несколько катастроф и громадное скопление вагонов с мукой под Харьковом. Полномочия Вендриху были даны самим государем во время болезни Гюббенета; теперь предстоит обсудить, являлись ли меры, принятые вопреки министерству путей сообщения, разумными и законными. Вопрос щекотливый,

и г. Гюббенет был в известной степени прав, требуя, чтобы председательство в комитете перешло к его товарищу.

В городе не перестают говорить об ограбленных трупах, которые были найдены на чердаке казарм Конного полка. До 20 солдат арестовано, и следствие продолжается. В былое время около казарм искали безопасности; теперь в центре города в одном из самых блестящих кавалерийских полков гвардии, повидимому, увлекают людей, чтобы их убить и ограбить. Командир полка великий князь Павел отсутствовал всю осень; со времени случившегося с ним несчастья он вообще постоянно находится в путешествии. Говорят даже о предстоящем удалении полка из города.

Вижу моего министра около 11 часов. Он очень доволен всей отправленной вчера экспедицией. Между прочим, он написал несколько слов графу Шувалову, дабы извинить Шишкина и Сакена. Последний, будучи директором департамента внутренних сношений, с удовольствием пишет крайне грубые бумаги, а добрый Шишкин подписывает их, не читая. На-днях министр привлёк внимание ретивого барона на непристойность одной из бумаг, посланных во время путешествия г. Гирса; этот оригинал, чтобы не сказать — сумасшедший, ответил на это: //„Действительно, все изложенное в этой бумаге глупо и грубо, но я никак не мог думать, что Н. П. Шишкин ее подпишет. Я только имел в виду довести дело до абсурда“./ (Это его конек). На этот раз наш посол серьезно запротестовал по поводу дерзкого отношения, которое было ему послано директором департамента внутренних сношений и снабжено подписью нашего доброго товарища министра.

Сэр Р. Морьер одолевает министра записками, ставшими теперь не только любезными, но почти что сентиментальными. На приеме в среду г. Гирс заговорил с ним так решительно, что британский представитель сдался и даже попросту попросил прощения. С тех пор он сам просит разделить вопросы о высланных офицерах и о территориальном разграничении. Теперь для него, оказывается, достаточно нескольких слов, устанавливающих, что офицеры были высланы без приказа императорского правительства, да выражения сожаления по поводу этого факта. У моего министра есть такая особенность: после того как он преодолевает врожденный ужас перед всяким проявлением грубости и гнева, он, если рассердится, дает волю своему языку настолько, что все его хорошо понимают. Я заметил, что характер Морьера, постоянно побуждающий его

говорить и писать лишнее, до известной степени облегчает ведение с ним дела: он оказывается неправ и тем самым сам дает против себя ценное оружие. „Да, — отвечает министр, — возможно, но довольно скучно иметь дело с таким грубияном“. Еще в прошлом году Морьер был на ножах с нашим министром финансов; теперь это лучшие друзья. Оба — люди большого ума и могут находить удовольствие во взаимных беседах, но посол не имел никакого права посвящать г. Вышнеградского в свою дипломатическую переписку, а последний еще меньшее — посвящать посла в составляющий государственную тайну проект военной экспедиции на Памир, не получивший благодаря г. Гирсу своего осуществления. Министр однако подозревает, что его коллега по финансовому ведомству это сделал, так как на-днях Морьер по собственному почину затронул этот вопрос, отметив громадную услугу, оказанную г. Гирсом делу общего мира. „Памир должен быть вашим, мы уладим это разграничение к лучшему, мирным путем, но появление военной экспедиции при нынешней обстановке неминуемо повлекло бы за собой разрыв“. Надо отдать справедливость Морьеру, он является убежденным и горячим поборником мира и отнюдь не сторонником фраз. Доказательством этому может служить то, как он просил и умолял г. Гирса лечиться у Медгера, причем он вполне простодушно добавлял, что, по его мнению, отнюдь не важно лечить императрицу, но следует воспользоваться присутствием знаменитого врача для сохранения жизни государственного деятеля, которому Россия и весь свет обязаны тем, что пользуются благодеяниями мира. Приходится постоянно останавливать эту несчастную болтовню, даже тогда, когда говорят о государыне, сестре принцессы Уэльской!..

Суббота, 25 января.

В 11 часов виделся с министром. Г. Гирс пишет несколько слов Морьеру, предупреждая, что если мы соглашаемся признать высылку английских офицеров прискорбным инцидентом, случившимся без приказа императорского правительства, то вовсе не для того, чтобы подобное сообщение появилось в Синей книге. Это просто случайность, и она не должна стать достоянием публики, которая не посвящена во все подробности важного вопроса о разграничении наших владений и сфер обоюдного влияния, стоящего сейчас на очереди.

Мой зять Брок и Шварц приходят завтракать с Оболенским и со мною. Брок очень озабочен тем, что происходит в Польше. В качестве начальника жандармерии во всем этом крае он имел случай ознакомиться с документами, доказывающими, что австрийское правительство замышляет, в случае войны с Россией, восстановление королевства под скипетром Габсбургов. Он имеет даже копию официального проекта, снабженного пометами покойного эрцгерцога Рудольфа и императора Франца-Иосифа. Но что произвело самое тяжелое впечатление на моего зятя, так это энтузиазм, царящий с недавнего времени в Варшаве по отношению к императору Вильгельму; повсюду висят его портреты, и поляки не перестают восхвалять его, выставляя его весьма демонстративно гениальным монархом и т. д., и т. п.

Все это наводит меня на мысль о том, что нам писал недавно граф Шувалов. Мысль о восстановлении Польши в качестве буферного государства между Россией и Европой действительно может возникнуть в Германии и Австрии. Нам надлежит помешать ее осуществлению, но отнюдь не путем обидных мер преследования, принимаемых на всех наших „окраинах“, можно побороть подобную опасность.

Встретил в дверях моего министра; у него был Морьер, кроткий, как ягненок; он вполне согласен не помещать в Синей книге ничего относящегося к злощастному инциденту с английскими офицерами.

Воскресенье, 26 января.

Вижу моего министра в 11 часов. Я рассказываю ему обо всем, что мне вчера говорил Брок о Польше; он также находит это довольно тревожным. Г. Гирс сожалеет об оскорбительных строгостях, а равно о произвольном и неосторожном проведении политики обрусения во всех пограничных областях. Результатом является лишь общее недовольство и бесконечная ненависть. Говорят, что киевский генерал-губернатор граф Алексей Игнатьев, карьерист по призванию, безостановочно предлагает противоречащие закону меры притеснения евреев, что приводит к росту пагубного беспокойства и в этом направлении. Моя невестка получила недавно письмо от своего отдаленного родственника Нарышкина, находящегося на службе в балтийских провинциях; последний навлек на себя упрек в том, что он, Нарышкин, „немец“ из-за того, что не остается равнодушным при виде всякого рода без-

законий и притеснений, напоминающих инквизицию, принимаемых в целях обрусения и принуждения с помощью самых крутых мер перейти в православие. Старый граф Пален, посетивший при одном из своих появлений в Петербурге моего министра, говорил ему то же самое. Все это весьма грустно.

Г. Трипэ просит возвратить номер „Московских ведомостей“ с письмом графа Толстого; я ему возвращаю его экземпляр, но постараюсь достать другой; эта статья не выходит у меня из головы; в ней столько до ужаса верного наряду с глубоким и тенденциозным заблуждением. Это заставляет и должно заставлять призадуматься.

Понедельник, 27 января.

Отыскиваю в словаре Литтрэ точное значение слова „verte“, которое министр употребил, передавая Морьеру замечание государя относительно его первых нот. Его величество назвал их по-русски //„дерзкими“//. Чтобы быть точным, следовало бы перевести это слово „impertinantes“ или даже „inconvenantes“. „Vertes“ имеет несколько значений, но ни одно из них не может быть вполне точно применено к настоящему случаю. Морьер хотел было разобраться в значении этого слова, но после объяснения в последнюю среду он, повидимому, примирился с необходимостью понимать с полуслова.

Министр вчера снова просил меня вернуть книгу Самсона Гиммельштерна и не скрыл, что ему неприятно появление этой книги в руках императрицы, которая его на днях спросила, внимательно ли он ее прочел, и несколько зло отметила похвалы, которые автор нашел возможным расточать г. Гирсу, в то время как он до крайности бранит почти все в России. Дело в том, что министр в начале этого месяца одолжил мне на время эту злосчастную книгу; я напал в ней прежде всего на страницы, говорящие о нашем министерстве, и с удовольствием прочитал несколько строк, отмечающих, что канцелярия, управлявшая раньше графом Ламздорфом, ныне управляется князем Оболенским, „самой способной головой“, „салонным львом“, „прославляемым дамскими устами“ * и

* Взятые в кавычки написано в подлиннике на немецком языке.

т. д., и т. д. В поисках всего, что могло бы развлечь и позабавить моего дорогого Ола, сохранившего после недавнего траура большую печаль, я ему, естественно, сразу показал эти строки; он над этим посмеялся и унес книгу домой, чтобы показать своей невестке; последняя ничего не нашла лучшего, как передать ее императрице. Оказывается, Самсон-Гиммельштерн — //недовольный остзеец// и в своем очерке современной России написал наряду со многими другими горькими истинами несколько весьма мало лестных страниц о нашем монархе ¹¹⁷. Министр думает, что ее величество сохранит об этом неприятное и недоброжелательное впечатление; она знает, что книга принадлежит министру.

Виделся с моим милейшим начальником в 11 часов. Он был вчера с семьей в опере. „Эсclarмонда“ Массене, которую так расхваливали, показалась ему очень скучной, и он не мог досидеть до конца; по крайней мере после он очень хорошо спал. Сегодня в делах полное затишье; Гирс говорит о своем желании сделать что-либо в пользу голодающих; он думает о любительском спектакле или другого рода собрании в его салоне; доход с него мог бы выразиться в двух-трех тысячах рублей; он хотел бы направить значительную часть этой суммы в имение своего сына Александра, принимающего живое участие в страданиях голодающих своего уезда; он знает большинство из них лично и может оказывать им помощь на месте.

Комитет, находящийся под председательством великого князя цесаревича, довольно бесцветен. Чиновничество, и ничего более. По этому поводу министр мне совершенно доверительно рассказывал, что он в ужасе от того, как относится к бедствию государь и интимный круг императорской семьи. Его величество не хочет верить в голод. За завтраком в тесном кругу в Аничковом дворце он говорит о нем почти со смехом; находит, что большая часть раздаваемых пособий является средством деморализации народа, смеется над лицами, которые отправились на место, чтобы оказать помощь на деле, и подозревает, что они это делают из-за похвал, которые им расточают газеты. Эта точка зрения, повидимому, разделяется всей семьей, и мой министр с сожалением отмечает, что цесаревич тоже слушает эти разговоры с одобрительной улыбкой. Когда в ноябре при своем проезде через Берлин г. Гирс был принят германским императором, то Вильгельм II спросил его, между прочим, каким путем наш государь собирается проехать, возвращаясь из Крыма. „Я бы на его месте, — сказал его величество, — проехал в губернии, постиг-

нутые голодом, взяв с собой всех, кто может оказать помощь голодающим“. „Такое же точно незнание неприкрашенной правды, те же иллюзии и предрассудки в отношении того, что происходит внутри страны, как и в отношении внешней политики“. Никакие возражения невозможны ввиду определенного ослепления в некоторых вопросах; приходится лишь молчать в доказательство того, что не разделяешь этих взглядов“.

Завтракал со своим милым Оболенским; он очень хочет видеть Шварца, чтобы посоветоваться с ним насчет сельскохозяйственных машин. Я отправился к последнему и, не застав его дома, оставил карточку с приглашением на следующий день к завтраку. Оставил у Мари номер // „Московских ведомостей“ // с письмом графа Толстого.

Со всех сторон просят этот номер на прочтение; его нельзя приобрести ни за какие деньги; говорят, в Москве за номер этой газеты предлагают до 25 рублей.

Вторник, 28 января.

В 11 часов видел моего министра. Мы припоминаем все, что он должен сказать государю. Я напоминаю ему о посещении бывшего болгарского министра Станчева, который представлялся г. Гирсу на этих днях. Сведения, полученные из Болгарии, не отличаются от тех, которые были сообщены министру болгарским врачом в конце прошлого года. Новой является лишь болезнь Стамбулова, рана которого осложняется из-за плохой крови. Кобург начинает приобретать собственную партию, но пока ему еще нужна поддержка диктатора, а последнему удобно сохранить принца. Если бы Стамбулов исчез, то революционное движение могло бы усилиться и в конце концов низвергнуть князя. Пока же он жив, он будет стараться сохранить нынешнее status quo, которое для него выгодно. Стамбулов — миллионер, но он прежде всего честолюбив. Он считает себя Бисмарком; ему льстят похвалы, которые ему расточают то австрийский император, то британский премьер, и он крайне доволен, что вся Европа обращает на него внимание. Станчев думает, что Стамбулов никогда искренно не пожелает сближения с Россией; он полагает, что и Турция втихомолку желает лишь продления настоящего положения вещей в Болгарии.

Все это неутешительно и укрепляет меня в убеждении, что мы должны были бы подготовить пути к восстановлению

нормальных отношений с княжеством. В этом злосчастном болгарском вопросе, начиная с 1886 г., время до сих пор не являлось нашим союзником, а затруднения, вытекающие из этого вопроса, влияют на наше общее положение.

К завтраку приходят Шварц и Николай Брок. Последний сообщает об очень хорошо составленной прокламации в духе письма Толстого; между прочим, экземпляр прокламации, который вчера нашли в городе, прекрасно отпечатан. У нас также очень озабочены происками наших анархистов в Лондоне: найдены разрывные пули и т. д.

Выпущен новый внутренний четырехпроцентный заем в 30 миллионов на постройку Рязано-Казанской ж. д.

Министр, услышав, что мы с Вакселем разговариваем на лестнице, спускается, чтобы переговорить со мною. Он только что вернулся, довольный, но очень утомленный своим докладом. Государь не придает большого значения проискам Германии и Австрии в Польше. Его величество видит в любезностях, расточаемых полякам, лишь парламентский маневр; их отзвуки в наших пограничных губерниях его не тревожат.

К чаю появляется Капнист. У этого бедного человека невыносимые манеры и до смешного странный тон. Самым большим доказательством дружбы, которое я могу дать Оболенскому, является то, что я вынужден ежедневно терпеть общество Капниста, и лишь в силу какой-то симпатии, которую Ола питает к последнему, я с этим мирюсь. По просьбе Оболенского я составляю письмо для великой княгини Марии Павловны, которой мэр г. Канн только что прислал 10 800 франков, полученных по подписке в пользу голодающих в России.

К 10 часам я спускаюсь вниз, чтобы отправить пакет государю и запереть в шкаф несколько секретных бумаг. Телеграмма г. Стааля из Лондона сообщает об отъезде одного очень известного нигилиста в Петербург через Париж. Я задерживаюсь немного, читая секретные документы, относящиеся к 1885—1886 гг.

Лег около полуночи и просыпаюсь в 5 часов утра, размышляя о своих записках и мемуарах. В городе упорно держатся слухи о войне. Между прочим, сегодня утром мой зять верно заметил, что голод, распространившийся так широко по России, пролил свет не только на нашу слабость в этом отношении, но и на недостаточность наших путей сообщения и транспорта, которая скандально обнаружилась при этом и

которая может открыть нашим врагам тяжесть затруднений, ожидающих нас при мобилизации и снабжении армии в случае войны.

Среда, 29 января

В обычное время я иду к министру. Он доволен своим вчерашним //докладом.// Государь был с ним очень добр и любезен. Императрице, повидимому, лучше; о Мецгере не говорили. Государь сказал г. Гирсу, что в министерстве внутренних дел получены тревожные известия о деятельности нигилистов в Лондоне и в Соединенных штатах. Главные вожаки этой партии, как, например, Лавров, Кропоткин и т. д., повидимому, покинули Францию, где за ними было установлено строгое наблюдение, чтобы укрыться в Англии. В Россию были отправлены и распространялись прокламации. Его величество предупредил министра о посещении г. Дурново, который хочет сговориться с ним о мерах предосторожности и охраны, которые будет предложено принять нашим заграничным представителям.

Г. Гирс неприятно поражен манерой, с которой государь говорил с ним об Ону: //„Он бестактен“, „я не знал, что он румын“// и т. д. Наоборот, по адресу Бахметева расточаются большие похвалы. Ввиду того, что после возвращения Ону из путешествия в Индию в свите наследника его, кажется, напротив, очень ценили при дворе, г. Гирс спросил у его величества: //„Разве государь цесаревич был им доволен?“— „Нет, не сын мой,//—ответил государь,—//но из Афин о нем пишут“// За завтраком императрица затронула ту же тему и спросила с некоторой иронией: „А что делает ваш друг Ону?“ Очевидно, этот бедный человек дискредитируется греческой королевской семьей, потому что он не пришел в восторг от приписанных принцу Георгу подвигов и, быть может, не сумел заслужить симпатию этого повесы, выполнявшего роль шута в свите цесаревича. Таким образом, это злосчастное родство нашего монарха еще раз проявляет свое вредное влияние. Ону, может быть, и не совершенство, но это очень умный человек, знающий до тонкости восточные дела и в высшей степени обладающий дипломатическим тактом; министр признается сегодня, что весною государь думал именно об Ону в качестве заместителя Влангали на посту товарища министра; теперь он почти что в немилости, и одновременно проводится интрига в пользу

первого секретаря посольства Бахметева. Последний оставался долгое время поверенным в делах и, рассчитывая на большое наследство, ожидающее его супругу-американку, имел возможность устраивать большие приемы и стать в хорошие отношения с многочисленной семьей их греческих величеств. Последние, повидимому, также смертельно ненавидят Шевича из-за того же принца Георга. Наш посланник в Японии, находящийся здесь проездом, был принят государем, и его величество, по крайней мере в данное время, одобряет, кажется, энергию и откровенность, выказанные им; но императрица еще не приняла Шевича, впрочем, как говорят, из-за того, что состояние здоровья государыни заставляет ее отказываться порой от всяких приемов.

Министр внутренних дел Дурново был у г. Гирса; он рассказывал, что полученные из Лондона сведения действительно тревожны, и хотел прислать Гирсу небольшую записку для передачи г. Стаалю. Один из наших молодых людей, служавших в канцелярии, получил прокламацию, но тотчас ее разорвал; в ней говорилось, что 10 лет нынешнего царствования привели лишь к голоду, а потому наступило время решить и т. д.

Четверг, 30 января.

У министра я в обычный час. Донесение нашего агента в Каире выставяет молодого хедива Аббас-Хельми как очень энергичного, очень честолюбивого и крайне решительного человека, не желающего довольствоваться номинальной властью. Г. Кояндер и его французский коллега, как, впрочем, и наш посол в Константинополе, опасаются, что этот молодой человек навлечет на себя большие неприятности со стороны англичан; но г. Гирс предпочитает, чтобы хедивом был человек с сильной волей; сместить его нельзя без согласия Порты, и мы могли бы, если понадобится, воспротивиться этому совместно с французами. Если бы он стал покорным слугой англичан, было бы хуже.

В городе только и говорят, что о будущей войне. Тревожные чувства проявляются как у нас, так и в Берлине и Вене и до известной степени повсеместно. Военный министр генерал Ванновский спрашивал вчера у моего министра, чем можно объяснить эти внушающие беспокойство слухи, которые, так сказать, „носятся в воздухе“. Я замечаю, что следовало бы, по моему мнению, в целях всеобщего успокоения предпри-

нять нечто показательное еще до весны, т. е. до периода, когда возможно начало враждебных действий. Их величества предполагают отправиться в Копенгаген 14/26 мая — день золотой свадьбы короля и королевы датских. Путешествие, предпринимаемое исключительно для развлечения и из-за семейной привязанности, в момент, когда Россия страдает от голода, сможет произвести лишь самое неблагоприятное впечатление. Если бы государь желал придать своему путешествию политический характер, начав с посещения Берлина, дабы рассеять черные тучи на горизонте, то все разумные люди не могли бы не одобрить в полной мере его шага. По моему мнению, следовало бы заранее подготовить подобное решение; простой проезд через Берлин по возвращении из Копенгагена не имел бы того же значения. На этот раз не следовало бы делать внезапного и как бы случайного визита, а необходим специальный визит, объявленный заранее, протекающий в атмосфере, разреженной подобным доказательством благорасположения со стороны государя. Министр в принципе одобряет эту мысль, но размышляет, с какого конца приняться, чтобы получить ее одобрение. Он предполагает, что большее противодействие будет оказано императрицей. Но ее величество могла бы со своими младшими детьми отправиться морем — прямо или через Данциг, в то время как государь и цесаревич поехали бы кружным путем через Берлин; они съехались бы в Копенгагене на несколько дней позже. Мне кажется, следовало бы согласовать все это с графом Шуваловым и предложить ему постепенно подсказывать этот проект в своих письмах, указывая на весьма тревожное положение, наблюдаемое в настоящее время, которое следовало бы с тактом и своевременно устранить. Наш посол мог бы отметить, насколько в Берлине ценят всякое проявление внимания с нашей стороны, доказательством чему служит недавний проезд великого князя Алексея через германскую столицу. Г. Гирс находит, что лучше всего вместо того, чтобы писать Шувалову, воспользоваться его присутствием здесь в феврале. // „Он ловкий и хитрый“ // добавляет г. Гирс. Я заметил, что следовало бы пропагандировать понемногу эти мысли среди лиц, имеющих порой возможность повлиять на точку зрения монарха. Поговорить // при случае // с Воронцовым, с Рихтером, может быть, с Вышнеградским и т. д. Даже Победоносцев мог бы быть полезен.

Так мы начали говорить об императорской семье. Министр замечает, что императрица не играла до сих пор благо-

творной роли; с ее появлением семья, обладавшая прекрасными качествами, выродилась как физически, так и морально; ее ненависть к немцам поставила нас политически в неблагоприятное положение, так как именно датские счета, несомненно, привили и государю и наследнику чувства и поведение, приведшие к постоянной натянутости наших отношений с соседними империями. Я говорю, что, пожалуй, можно было бы порой подумать, что у нашей государыни дурной глаз; цесаревич Николай Александрович умер, став ее женихом; когда она была объявлена невестой его младшего брата, с которым должна была утешиться после потери того человека, в которого она, казалось, была влюблена, начались у нас покушения; новое направление, принятое царствованием Александра II после покушения Каракозова 4 апреля 1866 г., почти что совпало с ее приездом в Россию; отношения между покойным государем и покойной императрицей изменяются также в это время; начинается несчастная связь Александра II с княжной Екатериной Долгорукой (впоследствии княгиней Юрьевской). Наступают сумерки великого царствования Александра II, колеблющегося между прекрасными стремлениями и противоположным им течением; несчастная война 1877—1878 гг. и неопределенная политика, едва не приведшая нас в 1879 г. к ссоре с Германией и впервые вызвавшая тесное сближение последней с Австрией. Затем идут зловещие годы нигилистического движения; затем смерть Марии Александровны в 55-летнем возрасте и трагический конец Александра II 62 лет. Одним словом, с момента, когда принцесса Мария-Дагмара Датская появилась на нашем русском горизонте, дела бесспорно не пошли лучше.

Правда, в очень тесном кругу семьи она с буржуазной точки зрения безупречна; говорят, она даже добра, когда все идет так, как она хочет, но она ни в чем не проявляет влияния государыни, поставленной в исключительно благоприятные условия. Наследник, 24 лет от роду, представляет из себя странное явление: наполовину ребенок, наполовину мужчина, маленького роста, худощавый, незначительный — хотя, как говорят, он упрям — и проявляет удивительное легкомыслие и бесчувственность. Когда он начал службу в Преображенском полку, то говорили, что он хороший товарищ, но лишь только он был переведен в гусары, он порвал с прежними товарищами; теперь он не поддерживает никаких отношений с товарищами по последнему полку. Он принял с легким сердцем продолжительное увеселительное

путешествие, не думая, какое горе причинил его отъезд родителям; думали, что он сильно привяжется к спутникам, выбранным для его сопровождения, но со времени возвращения он их вовсе не видит и ограничился тем, что удержал при себе князя Кочубея чем-то вроде денщика. Я был поражен в сентябре при погребении молодой великой княгини Александры Георгиевны, стоявшей особенно близко к семье государя, видя, что цесаревич, как всегда, бесчувственен и улыбается в то время, когда почти все, начиная с его августейшего отца, испытывали глубокую и вполне естественную при этих печальных обстоятельствах скорбь. Говорят, что великий князь очень хорошо умеет собой владеть; может быть, — но зачем принимать позу для того, чтобы подавлять самые симпатичные движения сердца, в то время как в своих обычных манерах он слишком склонен к распушенности? Дай бог, чтобы он таил в себе великие и прекрасные неожиданности для будущего, но пока ничто в нем не говорит о чем-либо значительном. Министр признается, что его мнение о великом князе сильно изменилось, и рассказывает, что Шувалов, вновь видевший осенью его императорское высочество в Данциге, был тоже поражен предвзятостью суждений, предубеждениями и ребячеством, проявляющимся в его разговорах. Он не узнал в нем больше того юношу, который показался ему симпатичным при его визите в Берлин в 1888 г. Еще одна довольно любопытная подробность: в самый день приезда цесаревича в Красное в начале августа, после почти годовой раздуки с семьей, он вечером отправился один в театр! Это мне рассказал Оболенский, не желавший однако признать, что молодой человек бессердечен.

Пятница, 31 января.

Директор Дворянского банка граф Кутузов указал вчера Оболенскому на очень интересный факт. Отчеты, представленные министру финансов за 1891 г., отмечают, что сберегательные кассы собрали вкладов более обыкновенного и что налоги были собраны без особенно большого дефицита. Отсюда он делает вывод, что обеднение, вызванное плохим урожаем прошлого года, не было столь значительным, как этого можно было опасаться, а также отнюдь не повсеместным в России. „Гражданин“ помещает заметку, сообщающую, что графиня Толстая, супруга графа Льва Николаевича, категорически отрицает передачу какого-либо письма в английские газеты,

//, а признает то, что было напечатано в „Московских ведомостях“, искаженным текстом статьи графа Толстого, напечатанной, но не выпущенной в свет в московском журнале „Психология“//. Как бы то ни было, но мы действительно читали в „Daily Telegraph“ почти тождественный, но более длинный текст на английском языке. Редакция //„Московских ведомостей“// выпустила, оказывается, два издания своей газеты от 22 января, рассчитывая на впечатление, которое произведет это письмо, и на выгоду, которую можно извлечь из продажи.

Прокламации, захваченные на-днях, находились в прямой связи с мыслями, высказанными Толстым. Это доказало действительную опасность письма. В связи с этим в городе было произведено несколько обысков. Повидимому, соответствующие власти находятся в большой нерешительности, не зная, принять ли меры против //„Московских ведомостей“// или же против графа Льва Толстого и как это сделать. Последний располагает, ввиду широкой раздачи пособий голодающим, опасными средствами пропаганды и пользуется большой популярностью.

Виделся с моим министром в обычное время. Он разговаривал вчера с морским министром адмиралом Чихачевым, которого считает очень разумным человеком. В качестве такового он всячески возражает против демонстративной встречи наших судов с французской эскадрой в одном из портов Средиземного моря, в особенности на о. Крите или в Пирее. Он также не одобряет проекта Нелидова о появлении наших моряков в Константинополе и просит министра умерить неразумный пыл наших послов в Париже и Константинополе. Мы не надолго задержали в Александрии и совершили //„практическое плавание“// в доказательство нашей готовности идти навстречу французам, но пока не следовало бы предпринимать ничего большего. Мы располагаем лишь незначительным количеством свободных судов, которые нужны для неизбежных экспедиций на Дальнем Востоке, где истребляют котиков и выдр и т. д. Содержание эскадры в Средиземном море обошлось бы нам очень дорого и было бы бесполезно. //Тем, что имеем, никак не запугаем, а вызовем, быть может, со стороны Англии и других держав мероприятия гораздо более действительные.// Даже французы, повидимому, понимают, что опасно бросать вызов англичанам, демонстрируя русские или французские суда в водах о. Крита, где спокойствие теперь восстановлено. Но зло заключается в том, что государь относится сочувственно к мысли о по-

явлении двух-трех наших судов в Средиземном море и очень желает, чтобы это подобие эскадры отправилось в Безику. Подобная мысль, может быть, отчасти внушена его величеству великим князем Александром Михайловичем, который очень хорошо принят в царской семье и мечтает, в качестве молодого моряка, об активном и воинственном флоте. Это все громкие слова //о русской чести, о нашем достоинстве// и традиционное //„шапками закидаем“//. Чихачев и Гирс решили серьезно переговорить с государем при своих будущих докладах, — первый — в понедельник, а второй — во вторник. Адмирала Чихачева очень покорило посещение французского морского агента, который с ним говорил, как о решенном деле, о встрече русских и французских судов в Пирее. В перлюстрированной телеграмме г. Рибо г. Монтебелло выражается та же мысль. Французы, повидимому, желают располагать нами со всей бесцеремонностью навязчивых друзей. У них все тот же тайный умысел — скомпрометировать нас демонстрациями, столь же бесполезными, сколь и неосторожными; они также собираются осаждать нас предложениями заключить соглашение о совместных военных действиях обеих держав в случае нападения какой-либо третьей стороны. И, совершенно запутавшись в их сетях, мы будем преданы и проданы при первом удобном случае. Кто может поручиться за прочность нынешнего правительства? А его преемники захотят, может быть, испробовать новую политику. Я говорю министру, что наше сближение с Францией, как ответ на возобновление тройственного союза, мне кажется очень удачным и весьма ловким. Кронштадтские демонстрации, наше соглашение по некоторым принципиальным вопросам, его поездка в Париж — все это хорошо, нам нельзя было оставаться изолированными и неподготовленными, надо было восстановить хотя бы подобие равновесия сил в Европе, но зачем злоупотреблять хорошими вещами? Нам нужны мир и спокойствие ввиду бедствий голода, неудовлетворительного состояния наших финансов, незаконченности наших вооружений, отчаянного состояния наших путей сообщения и наконец возобновляющегося брожения в лагере нигилистов. Для общего успокоения, по крайней мере на некоторое время, необходимо выправить насколько возможно наши отношения с Германией; единственным действительным средством для этого является визит государя Вильгельму II.

За завтраком я сообщаю свою мысль о посещении государем Берлина Оболенскому; мне кажется, что она ему нра-

вится, и, как я предполагаю, он поговорит об этом со своей невесткой, столь близкой к высшим сферам. Он думает, что самым большим препятствием будет разлука их величеств во время путешествия, но на этот случай следовало бы поступить таким образом: поручить Шувалову в марте или апреле сообщить в Берлине о желании государя посетить Вильгельма II и позондировать, когда и где мог бы состояться этот визит. Он мог бы одновременно сказать, что ввиду болезни, перенесенной императрицей зимой, доктора ей советуют отправиться прямо в Копенгаген морем, что государь будет ее сопровождать и может высадиться с цесаревичем в Киле для предполагаемого свидания. Таким образом, не потребуются особой дипломатической ловкости, чтобы вызвать со стороны германского императора предложение приехать в Киль, тем более, что ведь и последний визит Вильгельма II в Россию был сделан в Нарве, а не в Петербурге. Он прибыл в 1890 г. в Петергоф лишь при отъезде, чтобы сесть на свою яхту. Если об этом визите во-время и ловко объявить, то он вызовет некоторое успокоение и может пройти в самых благоприятных условиях и со всем блеском при встрече военных эскадр дружественных держав. В России подобная серьезная цель путешествия уменьшила бы тягостное впечатление от поездки в Копенгаген, вызванной исключительно семейными привязанностями и желанием развлечься. Их величества отправились бы затем провести годовщину 14/26 мая вместе с датской королевской четой в полном покое, по крайней мере в отношении внешней политики. Так ли все это будет?

Разговаривая со мною сегодня утром, министр откровенно признался, что его сын доверительно сообщил ему о наших разговорах по поводу медали, которую предполагается отчеканить по случаю десятилетия его пребывания министром; он сказал, что это не доставило бы ему удовольствия, хотя он и ценит эту мысль.

Секретная телеграмма туркестанского генерал-губернатора Вревского на имя военного министра сообщает, что разведчики отправляются на Памир 3 февраля. //В добрый час!// Оболенский мне рассказал, что его невестка, княгиня Сандра, вдова Владимира Оболенского, получила ежегодную пенсию в три тысячи рублей. Она ее приняла с благодарностью и предполагает пользоваться ею, в память покойного, для благотворительных целей, как, например, для стипендий детям придворных лакеев и т. д. Это хорошая мысль, и княгиня должна быть счастлива, что имеет возможность осуществить ее.

Ф Е В Р А Л Ь

Суббота, 1 февраля.

В 11 часов видел министра; он мне рассказывает о небольшом инциденте, происшедшем между ним и Капнистом. Последний не умеет ни писать сам, ни делать нужные указания чиновникам, которым он хотел бы поручить писать за себя. При этом он ленив и безоговорочно требует, чтобы к нему был прикомандирован специальный редактор. Министр не противится этому, но надо найти подходящее лицо и нужные для его содержания суммы. Тяготясь работой, которая ему не удается, Капнист третьего дня повторил свое требование в очень резкой форме; это было после завтрака, когда наш старый начальник обыкновенно отдыхает. „Я человек независимый“, сказал он наконец г. Гирсу, на что тот, выведенный в конце концов из себя, ответил: „Конечно, вы большой барин, а мы все лишь проходимцы“ и т. д. В результате Капнист удался и с тех пор больше не показывается. Г. Гирс, немного посмеиваясь над ним, повидимому, сожалеет о своей резкости и говорит мне: //„Помирите меня с Капнистом.“// Я питаю к нему слабость, так как все же это очень хороший человек“. Будем верить, что этот дорогой коллега действительно хороший человек, обаятелен, одарен всеми невидимыми качествами, какие только можно себе представить, но в качестве человека, с которым приходится иметь дело, я не знаю в мире никого более несносного, чем этот невежа с большими претензиями. Бывают люди, которых можно любить лишь пропорционально расстоянию, которое нас от них отделяет.

Оболенский приходит к чаю. Кажется, Шишкин уже переговорил с ген. Рихтером, и последний охотно согласился высказать как-нибудь мнение государя касательно юбилейной медали. Он сказал по этому поводу, что, зная исключительно благосклонное отношение нашего монарха к г. Гирсу, он уверен в полном его согласии. Наш товарищ министра слишком поторопился: прежде чем предоставить Рихтеру говорить с государем, следовало предварительно узнать мнение министра. Кажется, доклад генерала бывает по субботам; таким образом, вопрос может быть разрешен уже сегодня.

Телеграмма нашего посланника в Персии сообщает, что шах и его первый министр, повидимому, совершенно разочаровались в своей авантюристической политике последних лет, а также в благодетельности английского влияния. Г. Бюдов видит признаки искреннего возвращения к полному дове-

рию к России. Г. Стааль телеграфирует из Лондона, что у него был разговор по вопросу о Памире с лордом Сольсбери; объяснение происходило в самом дружественном тоне и клонится к удовлетворительному разрешению всего этого дела.

Воскресенье, 2 февраля.

Был у министра в 11 часов. Государь вернул вчерашнюю телеграмму Бюцова с пометой: // „Верить им нельзя, а увидим из их действий“.

На перлюстрации телеграммы сербского правительства, которую ему представили во французском переводе, его величество надписал: // „Отчего же по-французски, а не на русском языке, как будто пишут для иностранцев, а мы с вами по-русски не понимаем!“ // Г. Гирс в первый момент подумал, что порицание относится к сербам, в действительности же оно относится к нашим перлюстраторам, переводившим расшифрованный текст на французский, а не на русский язык. Г-жа Мецгер была вчера у Гирсов; ее муж, знаменитый массажист, собирается уехать в Висбаден после 4-недельного лечения государыни, которым сам он доволен. Я сообщаю министру, что, как должно до меня, императрица себя чувствует не вполне выздоровевшей и что окружающие ее лица (княгиня Сандра Оболенская) поговаривают о необходимости лечения на водах; не следует ли также и для этого восстановить „modus vivendi“ с Германией и обеспечить на лето мир: таким образом, я прихожу к вопросу о визите императору Вильгельму, который явился бы серьезным поводом к путешествию и состоялся бы во время намеченной их величествами поездки в Копенгаген. Министр слушает меня с особым вниманием, а когда я развиваю мысль о свидании в Киле, он замечает, что государь не пожелает встретиться в городе, отнятом у Дании. В таком случае местом встречи могут быть Дандиг, Штеттин или любой другой порт. Важно, чтобы визит был специально и в надлежащей форме возведен, чтобы наш посол дал понять, что нет никакого основания отдавать в Берлине визит, сделанный в Нарве, что император не может допустить, чтобы больная императрица, для которой всякое сухопутное путешествие было бы слишком утомительно, ехала одна. Вероятно, сами немцы будут довольны возможностью избежать всех затруднений, связанных с мерами предосторожности, необходимыми на железных дорогах. Свидание со-

стоялось бы в одном из портов при внушительной обстановке встречи эскадр в море. Не подрывая практических результатов прошлогодних демонстраций в Кронштадте, это привело бы все в нормальное положение, устранив черные точки с горизонта и обеспечив России спокойствие и безопасность, в которых она в высшей степени нуждается на некоторое время. Министр все это одобряет, но так же, как и мой любимый Оболенский, предпочитает // „себе на ус наматывать“ //, не высказывая своего собственного мнения. Все-таки г. Гирс собирается сегодня повидаться с Воронцовым-Дашковым. Я считаю своим долгом предупредить его также о шагах, предпринятых Шишкиным, о выраженной ген. Рихтером полной готовности быть полезным, о том, что мне трудно задерживать, согласно высказанному им вчера желанию, это дело. Он отвечает мне как-то неопределенно и без полной искренности и в конце концов принимает почти недовольный вид. Его позиция производит на меня тяжелое впечатление, и я решаю про себя никогда больше не затрагивать ни с кем вопроса о юбилее, выполняя лишь то, что будет решено моими коллегами.

Понедельник, 3 февраля.

В обычный час вижу министра. Среди возвращенных государем бумаг находится ужасная карикатура, присланная его величеству по почте в сопровождении письма, содержащего угрозы смерти, подписанного скрывшимся в Америке солдатом, судя по имени — евреем:

Вторник, 4 февраля.

Спускаюсь к министру; мы припоминаем, о чем ему предстоит говорить с государем. Он говорит мне об иллюзиях г. Шевича, который ввиду милостивого приема, оказанного ему императором и императрицей при представлении их величествам, рассчитывает на пост в Европе, с тем чтобы поменаться с кем-нибудь из наших представителей, который поехал бы на его место в Японию. Подобные обещания были даны и Струве, находящемуся ныне в Америке, и князю Долгорукову, состоящему в распоряжении министерства. Мой министр старался убедить государя, что дипломатическая карьера протекает до крайности медленно и что было бы желательно по крайней мере не раздавать свободных мест чужим, но его

величество ответил что-то вроде того, что //„отчего же не умирают“//. Очевидно, это самый действительный и простой способ очистить место. Все это необычайно утешительно!

Министр возвращается после доклада к трем часам и тотчас вызывает меня к себе. Он сговорился с государем по поводу посылки нашей средиземноморской эскадры в Пирей и об ответе Моренгейму. Императрица чувствует себя лучше и начинает ценить лечение доктора Мецгера.

Среда, 5 февраля.

Я рано приступаю к работе и переписываю проекты писем нашим пяти послам. Полученные в воскресенье экспедиции не сообщают, в сущности, ничего нового и не требуют никакого ответа или специальных инструкций, но тем не менее приходится написать барону Моренгейму и графу Шувалову. Наш посол в Париже написал два письма г. Гирсу. В одном он говорит об удовольствии, которое испытывает г. Рибо по поводу результатов аудиенции г. Нелидова у султана, т. е. по поводу своего рода обязательства, принятого на себя Турцией, не вступать в соглашение с другими державами касательно Египта, не посоветовавшись с нашими послами.^{1/} Г. Рибо однако не одобряет той поспешности, с которой послы предложили султану программу по египетскому вопросу, и не считает эту программу слишком практичной. Затем г. Рибо выражает нашему послу желание, чтобы передвижения наших эскадр в Средиземном море были согласованы и чтобы были намечены пункты, где они могли бы встретиться. Барон Моренгейм на этот раз оказался довольно осмотрительным, ответив, что это является вопросом такта: мы должны избегать всего, что носит слишком демонстративный характер и что могло бы выглядеть как провокация или вызов. Для встречи эскадр надо выбирать пункты, отвечающие этим условиям; в частности он предлагает встретиться в Пирее. Министр надписал против этих слов: //„Общие замечания барона Моренгейма кажутся мне довольно верными, но указание на Пирей представляется мне неудобным“././ Государь подчеркнул слово //общие// и сделал помету: //„Да“././ но против упоминания о Пирее его величество пишет: //„Почему?“// Г. Гирс объяснил монарху, что Пирей является пунктом большого значения и что имеется целый ряд других мест, гораздо более подходящих для встречи, которая не должна вызывать боль-

шого шума; но оказывается, королева греческая очень желала бы прибытия наших судов. Впрочем, планы государя разумны. После короткого пребывания //„Дмитрий Донской“// уйдет в Батум за великим князем Георгием, //„Забияка“// отправится на Дальний Восток защищать котиков, командующий эскадрой адмирал Деливрон будет отозван, а остальные два судна потихоньку разойдутся. Во втором своем письме (личном) барон Моренгейм сообщает об обращении к нему бывшего короля Милана. Он просит принять его в русское подданство, что он рассматривает как самую большую честь для всякого славянина, раз он не монарх и должен быть подданным. Государь делает на этом письме помету: //„Приятный сюрприз! Переговорю с вами“./ На вчерашнем докладе об этом шла речь, и было решено дать пока лишь уклончивый ответ. Трудно отказать, затруднительно и согласиться. Граф Шувалов также написал два письма из Берлина. В одном он говорит о ловкости, с которой канцлер Каприви провел новый школьный закон, поделив в своей речи голосующих на христиан и на атеистов, но эта важная реформа мало популярна и должна, повидимому, доставить много волнений. Пока что она привлекает общее внимание, в частности и внимание прессы, но все эти заботы в области внутренней политики не мешают Германии прилагать все старания, чтобы склонить на присоединение к тройственному союзу некоторые не вошедшие еще в него страны, например Турцию. Наш посол полагает, что в отношении последней применяется в Берлине та же политика застрашивания, которая в свое время принудила Италию присоединиться к Германии и Австрии. В своем втором письме граф Шувалов отмечает статью „Hamburger Nachrichten“, органа Бисмарка, в которой делаются намеки на наш секретный договор 1887 г.

Эта статья, критикуя политику берлинского кабинета, отмечает, что в настоящее время договор между Россией и Германией через голову Австрии стал невозможным и что это ставит Германию в гораздо менее благоприятные условия ¹¹⁸. Наш посол считает нужным указать, что возможны разоблачения, и грозят они именно с этой стороны. Ввиду того, что граф Шувалов, в сущности, желает подобной нескромности, мы его предупреждаем, что государь, напротив, хочет сохранения тайны. Его величество говорил во вторник: //Только бы Шувалов сам не проболтался“./ Впрочем, если бы теперь секретный договор 1887 г. был опубликован, то Германия была бы гораздо больше скомпрометирована в отношении

Австрии и Англии, чем мы в отношении Франции и Турции. Имеются лишь злосчастные особые, весьма секретные условия, касающиеся Баттенберга и „ключей от своего дома“, из которых одно просто смешно, а другое — весьма неудобно и компрометирует нас перед турками, причем это совершенно излишнее дополнение [к договору] является делом рук графа Шувалова.

Все проекты писем закончены к 10 часам утра, я их посылаю министру и через полчаса иду к нему сам. Г. Гирс еще раз одобряет все, что я написал, но показывает мне новую, только что полученную экспедицию из Константинополя. К донесениям г. Нелидова приложены донесения нашего дипломатического агента в Каире. Оба настаивают, что, отказываясь посоветовать султану программу действий, мы тем самым можем заставить его броситься в объятия Германии. В аргументации, развитой в этих донесениях, есть доля правды, и потому я предлагаю министру написать второе письмо барону Моренгейму, дабы переслать ему копии этих донесений.

У меня завтракает Шварц. Министр внутренних дел прислал очень бесцветную записку о происках наших анархистов в Лондоне; из нее видно только, что все — Кропоткин, Степняк и прочие — находятся теперь в Англии. Пишу письмо г. Стаалю, дабы переслать ему копию этой записки.

Пятница, 7 февраля.

В 11 часов я спускаюсь к министру. Государь возвратил экспедицию Нелидова, написав на препроводительном письме министра: // „Из всего этого я заключаю, что роль наша самая неблагоприятная; нельзя спасти человека, который сам ищет смерти. Турция отпетая страна, у нее все валится из рук, и только ленивые не подбирают остатков“ // Это — высокая философия, но совсем не к делу. Министр просит меня написать письмо Нелидову, ответив в общих чертах на его экспедицию, и переслать нашему посланнику в Соединенные штаты новую записку о деятельности политических эмигрантов в Америке.

Граф Воронцов-Дашков писал министру, спрашивая его мнения, сколько надо заплатить Медгеру, уехавшему вчера через Москву в Висбаден. Г. Гирс ответил, что если не было заключено предварительного условия, то надо быть щедрым, а если был условлен определенный гонорар, то сверх того сле-

дует сделать ему какой-нибудь подарок. // „А у нас пересослили“, // рассказывает мне мой дорогой начальник. Вчера послали Мецгеру 30 тысяч рублей, браслет для его жены, драгоценные запонки для него и наконец ленту св. Станислава. Говорят, что знаменитый массажист в восторге, но он не зашел перед отъездом проститься с моим министром; эта некорректность мне очень не нравится. Повидимому, напоследок императрица почувствовала себя гораздо лучше. Наша государыня немного побаивалась его, так как слыхала, что Мецгер ни с кем не стесняется и что он однажды ответил австрийской императрице, которая не хотела его слушать: „Государыня, оставьте вашу корону дома, когда вы приходите ко мне лечиться“. Однажды она сказала моему министру: „Но ведь это очень неприятно, если он будет невежлив“. Г. Гирс успокоил ее величество, уверив ее, что Мецгер никогда не посмеет быть невежливым с ней. Чрезмерная щедрость по отношению к нему доказывает, что им были довольны. Что бы сказали наши нигилисты, если бы узнали, что в то самое время, как массы народа умирают в России из-за полной пустоты желудка, нашли возможным наградить такой огромной суммой немца, приехавшего массировать живот, страдающий от того, что он слишком хорошо и слишком часто наполняется! Завтракаю один и затем пишу с большою легкостью письма, которые мне поручил министр; он их сразу же одобряет.

Суббота, 8 февраля.

Газеты сообщают о падении парижского кабинета ¹¹⁹. Эта смена министерства из-за простого расхождения мнений в парламенте не предвиделась и указывает, насколько положение во Франции непрочное. С кем нам придется иметь теперь дело? Когда я вижу министра в 10½ часов, он так же, как и я, выражает удовлетворение по поводу нашей осторожности. Обмен в августе 1891 г. нотами, где были формулированы принципы нашего соглашения с Францией, нас не компрометирует, но что, если бы мы поддались настоянию барона Моренгейма и подписали военную конвенцию в предвидении войны с Германией! и т. д., и т. д. // „Нет, мы, право, великие дела делаем, // — говорит т. Гирс, — но государь не отдает себе в этом отчета и приписывает все исключительно себе одному“. Министр даже доволен тем, что произошло во Франции: это удержит Моренгейма и Нелидова от кое-

каких поползновений, которые они по всякому поводу стараются возобновить. Государь получит возможность убедиться, насколько опасно и неосторожно слишком тесно связываться с государствами без постоянного правительства, каковым является в настоящее время Франция. Когда будет сформирован новый кабинет, придется узнать, считает ли он действительными декларации, подписанные г. Рибо.

Воскресенье, 9 февраля.

Видел моего министра в 11 часов; он передает мне бумаги для государя, в том числе телеграмму Моренгейма, по коей можно предположить, что французский кабинет будет изменен лишь отчасти; Рибо и Фрейсинэ останутся во главе министерств иностранных дел и военного. Весьма интересен отчет Ионина о санитарной конференции в Венеции. Мы и французы одержали там победу; англичане принуждены были уступить, приняв некоторые общие правила для Суэцкого канала. Ионин с его выдающимся умом раскрывает политическую сторону этой конференции; он указывает на стремление держав тройственного союза поддержать англичан при всяких обстоятельствах и против кого угодно, тогда как все малые страны постоянно группировались вокруг Франции и России и голосовали вместе с ними.

Вторник, 11 февраля.

Спустившись к министру к 10½ часам, я замечаю у него некоторое неудовольствие, вызванное необходимостью отправляться в Аничков дворец. Мы припоминаем все, о чем ему придется говорить государю; я напоминаю, что в будущий вторник, 18-го, в день смерти Николая I, доклад, вероятно, не состоится.

Вчера вечером моя невестка прислала мне записку, в которой говорит //„о победе, одержанной Победоносцевым“//. Министр рассказывает, что действительно Победоносцев имел скандальный успех. На последнем заседании государственного совета обсуждался проект министерства народного просвещения о создании школы для женщин-врачей и санитарок, направляемых в провинцию, необходимость в которых все сильнее ощущается внутри страны. Город предлагает на это денежные средства, а министерство может предоставить помещение; таким образом, устройство этой школы не вызывает

новых расходов для правительства. Все министры и другие члены государственного совета высказались единогласно и горячо в пользу этого проекта; один лишь Победоносцев протестует; когда ему дается логичное и вполне верное объяснение дела, он хитрит и отвечает так, что в его словах видно полное отсутствие искренности. Наконец перешли к голосованию представленного министерством народного просвещения проекта, который принимается единогласно. Но Победоносцев из //„принципа“// вносит свое //особое мнение,// высказываясь против проекта. Вопрос поэтому представляется на усмотрение государя, и его величество одобряет особое мнение, вопреки единогласному решению *всего* совета, в котором заседают цесаревич, председатель великий князь Михаил, братья его величества, все министры и т. д. Повидимому, государь и Победоносцев заранее сговорились по этому поводу. Его величество полагает, что //„женские курсы“// и [школы] //„фельдшерии“// являются лишь школами нигилизма и орудием пропаганды. Считают более безопасным направлять в провинцию, чтобы помогать народу и лечить его, //„самоучек“// или мало сведущих лиц, вместо того чтобы учреждать школы, дающие честный заработок целому ряду женщин и предоставляющие глухой провинции медицинскую помощь, столь необходимую для благосостояния населения. Министр говорит, что это решение государя произвело самое тяжелое впечатление на весь государственный совет. Адмирал Чихачев подошел к нему, чтобы высказать свое впечатление: //„Грустно все это и не к добру поведет“// Абаза говорит г. Гирсу, что из средств государственного казначейства было до сих пор израсходовано 150 миллионов рублей на помощь голодающим, но известия из провинции продолжают быть весьма грустными, а положение наших финансов отчаянное.

Погода настолько хороша, что я решаюсь снова выйти; на набережной около дворца встречаю моего министра, который предлагает мне пройтись вместе; мы делаем большую прогулку по дворцовому мосту, а затем мимо биржи, дома Елисеева и университета по набережной Невы и возвращаемся через тот же дворцовый мост. Эта прогулка продолжается около 1½ часов, но время летит незаметно. Разговор интересен. Чихачев был у министра; наша эскадра в Средиземном море находится теперь в Судской бухте, затем она зайдет в Пирей и после того расформируется. „Дмитрий Донской“ пойдет в Батум за великим князем Георгием, чтобы доставить его в Алжир; великий князь Александр Михайлович

уезжает в Аббас-Туман на Кавказ, чтобы встретиться там с великим князем Георгием. Чихачев, приехавший с заседания комитета министров, находился под тяжелым впечатлением. Управляющий министерством путей сообщения тайный советник Евреинов, человек, о котором говорят много хорошего, вынужден, несмотря на отсутствие состояния и необходимых средств на содержание своей семьи, подать в отставку. Дело в том, что после отставки министра Гюбенета Евреинов, принимая на себя управление министерством, спросил у государя, должен ли он считать себя начальником г. Вендриха, которому поручено произвести расследование о запоздавших хлебных перевозках. В ответ государь спросил: // „Какой ваш чин“? // — // „Тайного советника“, // — был ответ. // „А чин Вендриха?“ — „Он полковник“, // — сказал Евреинов. // „Ну, так конечно он должен быть вам подчинен“. // Вендрих, видя во всем и во всех злую волю и умышленно поставленные преграды к выполнению поручения, данного ему непосредственно монархом, смещает директоров железных дорог и других высших чиновников без суда и следствия. Евреинов счел возможным вернуть на службу одного из этих опальных, отца многочисленной семьи, о котором он знает, что это совершенно добросовестный и безукоризненный человек. Вендрих написал прямо государю, настаивая на удалении (// „отставить“ //, т. е. на увольнении безо всякой пенсии) * этого чиновника и нескольких других лиц той же категории, а его величество надписал на этом докладе ретивого полковника: // „исполнить“ // и послал этот доклад управляющему министерством путей сообщения. Каково же теперь положение этого бедного Евреинова? Имеет ли он возможность после этого поддерживать порядок и дисциплину в ведомстве при подобном развале? Бедняк думает об отставке. Говорят, что принц Александр Ольденбургский и князь Имеретинский, которым предложили министерство, оказались достаточно остроумными, чтобы отказаться от этого. Надо отдать справедливость нашему монарху, он — совершенный анархист, хотя и отстаивает страстно и упорно свои права самодержца. Это так называемое консервативное и властное царствование подорвало весь престиж власти и поколебало всякую дисциплину. Появление Вендриха в министерстве путей сообщения является лишь повторением в больших размерах пресловутой миссии Каульбарса в 1886 г.; чем больше последний уклонялся от иерархи-

* Так в подлиннике.

ческой подчиненности министерству, чем больше он делал глупостей по собственной инициативе, тем больше он бывал оценен и одобрен государем ¹²⁰.

Адмирал Чихачев рассказывал, что заседание государственного совета сегодня утром было настоящим триумфом для министра внутренних дел Дурново: он объявил, что закупил и собрал продовольствие, достаточное, чтобы в строго определенные сроки притти на помощь населению, пострадавшему от голода, и располагает еще остатком в три миллиона рублей. Гирс замечает, что сведения с мест отнюдь не утешительны и во многих губерниях продолжается голод. Оказывается, что мука не может быть доставлена в местности, несколько более отдаленные от железных дорог; отсутствуют как лошади, так и другие средства перевозки. // „Доставка — это другой вопрос“ // — добавляет Чихачев. Как бы то ни было, пока министр внутренних дел осыпан поздравлениями. Адмирал спрашивает у министра, не нашел ли он государя при своем //докладе// очень озабоченным. Оказалось, его величество был, наоборот, особенно весел, много шутил и разговаривал. Императорская чета так долго задерживала моего министра после завтрака беседой, что он вернулся из дворца разбитым и утомленным. Цесаревич вернулся из государственного совета, когда г. Гирс собирался уезжать, а потому ему не удалось поговорить с его императорским высочеством об обильном транспорте муки для голодающих, высланном из Соединенных штатов на пароходе „Индиана“, направляющемся в Либаву. Министр опасается, как бы вместо благодарности жертвователям их щедрый дар не был отослан обратно. Тон, взятый в высших сферах по отношению к бедствиям голода, доказывает, что там совершенно не отдают себе отчета в положении и, в сущности, совсем не симпатизируют ни несчастным, которые терпят эти бедствия, ни сострадательным людям, старающимся притти им на помощь.

Государь явно толстеет; министр, разговаривая с императрицей, заметил, когда его величество нагнулся, чтобы посмотреть в окно на Невский проспект, что короткая тужурка государя открыла довольно комичную деталь его туалета: его рейтузы были расширены при помощи большой //заплатки клином//. Именно эта часть тела принимает у нашего монарха все более объемистую и уродливую форму.

Мы разговариваем также о переменах во французском кабинете; по этому поводу министр мне рассказывает, что на днях граф Монтебелло весьма наивно признался, что рес-

публиканское правительство крайне затрудняется принять более энергичные меры, чтобы побудить англичан покинуть Египет. Многие французские капиталисты, располагающие капиталами, помещенными в этой стране, стремятся прежде всего к тому, чтобы аккуратно получать с них большие проценты; они думают, что при английском управлении эти проценты лучше обеспечены, до остального же им дела нет. Вот сущность всей нынешней Франции. А у нас склонны видеть всегда и во всем идиллию.

Среда, 12 февраля.

Видел министра в обычное время. Он просит меня уведомить по телеграфу Нелидова в Константинополь и Ону в Афины о распоряжениях, касающихся нашей эскадры. Дешеша нашего поверенного в делах в Японии сообщает, что: //„Благодаря стараниям японцев, воспитывающихся в России, в Токио замечается движение в пользу изучения русского языка“././ Государь надписал: //„Это очень хорошо“././ В целом, общее затишье.

Четверг, 13 февраля.

//„Новое время“// приводит выдержку из статьи //„Киевлянина“././ рисующей результаты деятельности полковника Вендриха: //„В последнем номере „Киевлянина“ помещена любопытная статья о железнодорожной неурядице последнего времени, к которой мы и отсылаем читателя. О вагонах, задержанных на разных линиях, газета замечает:

„К началу 1890 г., по официальным данным министерства путей сообщения, вся русская железнодорожная сеть располагала 142 тысячами товарных и багажных вагонов; но если исключить отсюда вагоны, находящиеся в ремонте и занятые перевозкой кладей для хозяйственных нужд самих дорог, то можно считать, что для торгового движения имеется не более 100 тысяч вагонов. Десятая часть этой силы приведена в инертное положение, выбыла из строя, находится в плену на неопределенное время. Но этого мало: 11 тысяч вагонов не только стали бесполезными для работы, но наносят огромный вред, потому что они затормозили пути. 11 тысяч вагонов—это 6½ миллионов пудов груза, назначенного для прокормления голодающего населения и вместо того праздно лежащего и портящегося. Если этот хлебный груз захватит оттепель, масса его начнет греться и гнить.

Такие пертурбации даром не проходят, такие клубки легко напутать, но распутывать их гораздо труднее“.

Указавши на то, что пришлось даже отменить единственный скорый поезд между Петербургом и Одессой, „Киевлянин“ замечает, что во всей безурядице железные дороги категорически обвиняют полковника Вендриха:

„Полковник Вендрих, — утверждают железнодорожные инженеры, — экстренными мерами двинул массу хлебных грузов с окраинных дорог, главным образом с Владикавказской, где эти грузы хотя лежали, но не мешали движению других грузов, перебросил их на пути внутри империи, но не рассчитал провозоспособности этих путей. Между тем, в восточных губерниях дорог мало, и они не рассчитаны на большое движение. Выброшенные таким образом грузы недалеко ушли; они застряли в разных пунктах и загромодили проход другим грузам. Дальнейшее накопление их шло с такой же быстротой, как подъем воды в потоке, течение которого преграждено. Таким образом, загромождение дорог создано искусственно. Оно не имело бы места, если бы грузы перевозились постепенно и если бы воспользовались окружающими путями, как, например, проектированным путем из Кавказа через Черное море, Севастополь и Одессу“.

Не разбирая, кто прав и кто виноват в данном положении, „Киевлянин“ говорит:

„Железные дороги оказались несостоятельными для решения такой задачи, которая представляется игрушкой сравнительно с работой рельсовых путей в военное время. Не менее бесспорно и то, что в момент усиленной работы обнаружилась дезорганизация и что принятые меры и экстренные распоряжения вместо улучшения положения дела довели его до полной анархии. Эти факты до такой степени печальны, тревожны и опасны, что они, естественно, породили крайнюю тревогу в обществе, которую нельзя оставить без разъяснения. Каждый, естественно, спрашивает: „Что же будут делать наши железные дороги в случае мобилизации? Не окажутся ли все графики военного движения бумажными проектами?“

С другой стороны, если обыкновенная железнодорожная организация и иерархия оказались настолько ненадежными и неустойчивыми, что для перевозки хлеба пришлось выбросить их за борт и создать диктатуру полковника Вендриха, то какими силами мы будем возить войска с обозом, провиантом и проч.? Никакой диктатор тут ничего не сделает, потому что он не может заменить тысячу лиц, управляющих огромным

и сложным механизмом, из которых каждое должно быть на своем месте, знать свое дело“.

Меня зовут к министру; он передает мне бумаги, возвращенные государем; в них нет ничего нового, за исключением того, что бухарскому эмиру наконец дано разрешение прибыть для представления ко двору в июле месяце, и назначения на завтра аудиенции турецкому послу, приехавшему с поручением благодарить государя за подарок, посланный султану. Этот подарок, по вечной небрежности графа Воронцова-Дашкова, по моему мнению, не очень удачен. Министру двора поручили заготовить чайный сервиз из эмали в русском стиле. Вместо того в Константинополь послали серебряный сервиз, подражающий турецкому стилю, с надписанными на нем титулами султана, в том числе с титулом „гази“, что означает: победитель христиан! В довершение всего, все было так плохо уложено в футляр, что Нелидову пришлось начать с починки сломанной ручки чайника.

Гофмаршал великого князя Павла г. Алексей Философов, только что вернувшийся из Афин с его высочеством, рассказал Оболенскому, что бедный г. Ону действительно занимает там несколько комичное положение и его очень недолюбливают при греческом дворе. Когда я рассказал об этом г. Гирсу, он мне сказал, что убедился в этом со слов государя и императрицы; он посвятил меня в свои серьезные затруднения в связи с назначениями и передвижениями, возможными при проведении графа Петра Капниста в сенат. Государь желает вернуть князя Николая Долгорукова на дипломатический пост, несмотря на его малый успех в Тегеране; его величество несколько не беспокоит, что таким образом старые чиновники министерства лишаются всяких шансов на повышение. //„Нельзя же уморить других, чтобы им открыть вакансии“.

Наше бедное министерство в удивительном положении: вошло в моду и обычай хулить его. Между прочим, г. Гирс мне рассказывает, что за завтраком у их величеств контрадмирал Басаргин, командующий императорскими яхтами и сопровождавший великого князя наследника во время его путешествия на Восток, позволил себе без всякого стеснения расспрашивать его, министра иностранных дел, о некоторых дипломатах и консулах, делая на их счет злые и непристойные замечания. Никогда в присутствии императоров Николая I или Александра II и их августейших супруг молодой генерал-майор не позволил бы себе держаться таким образом со старым министром, гостем их величеств; но наш нынешний монарх

обращается с подобными людьми // „запанибрата“ // и приятно посмеивался в ответ на выпады Басаргина; что же касается императрицы, то она не обладает достаточной светскостью, чтобы задавать при своем дворе надлежащий тон и сделать его обязательным. „Kodrich, aber lustig“ — вот нынешний девиз. Впрочем, министр сумел поставить на свое место невоспитанного молодого адмирала, спросив его: // „Да скажите, вы часто (такого-то) встречали?“ — „Нет, всего один раз“. — „Ну, так вот видите, я его уже много лет и на деле знаю; следовательно, лучше вас могу о нем судить“.

Пятница, 14 февраля.

Министр мне рассказывает, что графиня Клейнмихель зашла вчера вечером к его супруге после обеда, на котором она встретилась с начальником главного штаба генералом Обручевым; последний в разговоре с ней очень горячо и с необычной откровенностью порицал министра финансов, называя его вором. // Он совсем отдался наживе и истощает все производительные силы России; сам разбогател до-нельзя и передал теперь свои дела зятю, который играет на бирже; когда-нибудь обнаружится вся фальшь его системы, основанной исключительно на коммерческих уловках. // И т. д., и т. д. Графиня думает, что в таком тоне можно говорить только тогда, когда имеешь доказательства в руках.

Два французских сенатора приехали сюда с целью использовать нашу дружбу с их страной, чтобы получить концессию на постройку Сибирской железной дороги. Они просили разрешения представиться государю, и министр убедился во вторник, что его величество очень расположен их принять, полный, как всегда, чувств симпатии к Франции, кумиром которой наш государь себя воображает. Г. Гирс поражается, до какой степени его величество падок на французские заискивания и с какой наивностью принимает их за чистую монету. Вышнеградский просил, чтобы этим сенаторам аудиенция была дана лишь после его // доклада //, который должен состояться сегодня; было решено, что министр будет просить об этой аудиенции сегодня вечером.

Завтракал с Оболенским. Министр вызывает меня к 2 часам. Его посетил советник французского посольства граф Вовинэ, передавший ему составленную французскими сенаторами записку; он просил г. Гирса представить ее государю до их аудиенции. Министр спросил, кто мог его на-

править по такому пути; он никогда не представляет государю подобных бумаг без предварительного согласования со своим коллегой, с соответствующим министром; в данном случае следует обратиться к г. Вышнеградскому. Отправившись затем на прогулку, министр видел того же графа Вовинэ входящим к генералу Обручеву, большому франкофилу, поддерживающему сношения с этими сенаторами.

Происходящие в Вене и Берлине беспорядки принимают тревожные размеры. Наблюдается движение и среди рабочего класса в Италии. Наши соседи, повидимому, торжествуют при виде затруднений, причиняемых России голодом, но сами-то они отнюдь не процветают. Двусмысленные выражения в речи Вильгельма II на бранденбургском банкете¹²¹ и усиливающееся в Германии социалистическое движение наводят многих на мысль, что он постарается вызвать войну хотя бы в качестве диверсии.

Суббота, 15 февраля.

Я спускаюсь к моему милому министру в обычный час. Он очень добр ко мне. Вчера он обедал в клубе. Абаза сообщил ему, что директор железнодорожного департамента министерства финансов г. Витте будет назначен сегодня утром управляющим министерством путей сообщения. Три или четыре года тому назад этот господин был лишь титулярным советником, а несколько раньше помощником начальника маленькой станции; г. Вышнеградский устроил ему место в управлении юго-западных железных дорог, где оба они нашли состояние, один вслед за другим. Три года тому назад министр финансов добился для него назначения сразу действительным статским советником и директором департамента железных дорог, а теперь он, повидимому, предназначен государем на пост министра путей сообщения. Кто-то заметил его величеству, что можно было бы достигнуть тех же результатов путем слияния обоих министерств, но государь на это ответил: //„Нет, он не таков, чтобы дать себя подчинить другим“./

Витте был сегодня утром принят в Аничковом дворце; его назначение должно быть решено. Абаза полагает, что государь хотел перед тем во что бы то ни стало назначить полковника Вендриха; раз это так, то выбор Витте все же лучше. Таким образом, медленность перевозок по нашим железным дорогам привела к назначению г. Вите*. Посмотрим, удачным ли окажется быстрый (vite) выбор и будем ли мы двигаться быстрее?

* Vite — быстрый, скорый, проворный.

Евреинов, временно управлявший министерством, держал себя прекрасно. Когда государь прислал ему письмо Вендриха, настаивая на несправедливой отставке нескольких чиновников с пометой: //„исполнить“//, Евреинов попросил разрешения представить его величеству несколько устных объяснений, но монарх ответил ему приказом: //„Сначала исполнить, а разъяснения представить, когда я потребую“// После этого Евреинов написал его величеству письмо, исполненное достоинства; говорят, что оно является прямо-таки образцовым. Это письмо начинается обзором всей служебной деятельности жертв полковника Вендриха, оказанных ими услуг и вообще тех крупных достоинств, которые были проявлены ими в течение многолетней службы. Затем, доказав их невиновность, г. Евреинов заканчивает заявлением, что никогда не уклонялся от исполнения своего долга и считает своей обязанностью выполнить приказание, полученное от своего государя.

Само собою разумеется, что после этого у него не будет возможности сохранить свой пост, но надо признаться, что он покинет его с честью.

Министр внутренних дел г. Дурново, обедавший вчера в клубе, сообщил доверительно министру о серьезных заботах, которые причиняют ему волнения, происходящие в Польше. Перлюстрации писем, приходящих из Галиции и из великого герцогства Познанского, разоблачают приготовления, проводимые там на случай войны с Россией, и надежды, которые возлагает на войну польское население трех соседних империй. Министр внутренних дел, повидимому, очень встревожен. С другой стороны, германский посол ген. Швейниц также высказал г. Гирсу некоторое беспокойство по поводу носящихся слухов о войне, недоумевая, кому следует приписать их распространение. Быть может, они отчасти исходят от заинтересованных в этом вопросе поляков и евреев. Министр сказал мне, что лично он гораздо больше озабочен движением в Польше, чем слухами о войне; он не верит в возможность нападения на Россию. Мне же кажется, что нам следует опасаться не нападения, а создания такой обстановки, которая неизбежно приведет к конфликту без возможности при этом определить, кто именно является нападающей стороной. В случае восстания в Польше мы теперь окажемся в Европе совершенно изолированными. Германия нас не поддержит, как в 1863 г., а Франция не решится предпринять что-либо против поляков. Ничтожный инцидент на Балканском полуострове также может нас поставить в такое положение, при котором без малей-

шего нашего желания нам придется оказаться в роли нападающего. Совершенно необходимо предпринять что-либо достаточно решительное, чтобы успокоить состояние умов в Европе и отказаться от оскорбительной системы доведенной до крайности руссификации, основанной сплошь и рядом на произволе и беззаконии, которые возмущают поляков.

Воскресенье, 16 февраля.

Спускаюсь к моему министру к 11 часам. Полученные ночью телеграммы сообщают об образовании во Франции нового министерства. Удаление г. Констана заставляет думать, что этот кабинет не окажется прочным, но сохранение гг. Рибо и Фрейсина на занимаемых ими постах для нас может быть только приятным; таким образом, эта комбинация, в общем, кажется в данное время для нас довольно удобной. Г. Гирс мне рассказывает, что его вчера посетил генерал-адъютант барон Корф, генерал-губернатор Восточной Сибири, с которым он советовался по поводу железнодорожного проекта, привезенного двумя французскими сенаторами, которых государь примет сегодня в полдень. Корф говорит, что имел случай ознакомиться с этим проектом; он находит его вполне приемлемым, но не желает вмешиваться в это дело, которое ведется нечисто; он, впрочем, не сомневается в успехе предпринятых сенаторами шагов, так как они дали большие взятки. Мой министр очень доволен, что он также устранился от всякого участия в этих делах. Но какие времена! Какие нравы!

Говорят, будто государь передал г. Евреиннову приказание оставаться товарищем министра путей сообщения, несмотря на назначение г. Витте. *On est despote ou on ne l'est pas!*

Министр вызывает меня в 8 часов. У него был, по приказанию государя, генерал Рихтер. Его величество желает возвращения графа Кутузова и сказал, чтобы Рихтер попросту вызвал его из Берлина. Генерал заметил его величеству, что, во всяком случае, графу следует попрощаться с монархом, при котором он состоял в течение нескольких лет, и передать ему от имени государя письмо, сообщающее о новом назначении. Наш монарх не слишком-то ясно отдал себе отчет в необходимости всех этих церемоний и категорически объявил о своем решении не назначать в Берлин преемника Кутузову. Рихтер подал мысль написать два письма, из которых в одном сообщалось бы об отозвании Кутузова, а в другом —

что преемника ему назначено не будет, но что полковнику Вильому разрешается оставаться в Петербурге. Эти письма могли бы быть собственноручными или за подписью государя. Государь в конце концов поручил генералу Рихтеру посоветоваться с г. Гирсом. Я позволил себе протестовать против этого необычайного „modus procedendi“ с двумя письмами и предлагаю отправить одно письмо, очень сердечное и любезное, сообщающее о необходимости дать графу Кутузову новое назначение, и ничего не писать ни о заместителе, ни о возможности для Вильома продолжать свою миссию. Зачем без причины быть невежливым? Трудность подыскать преемника Кутузову могла бы явиться вполне естественным объяснением отсутствия специального военного атташе в Берлине, а император Вильгельм найдет в будущем предлог отозвать также без шума Вильома. Министр в конце концов одобряет мой проект и поручает мне приготовить письмо в этом смысле. Он мне передает все возмутительные слухи, дошедшие до него по поводу назначения Витте, при одновременном приказе Евреинову оставаться товарищем министра. Несколько растерянный, министр с определенным отвращением отзывается о всем нынешнем режиме и нынешнем дворе. Я отправляюсь в канцелярию, чтобы проверить по архивам, как поступили в 1885 г. при отзывании из Берлина князя Николая Долгорукова. Составляю проект письма относительно графа Кутузова и отправляю его министру.

Перлюстрация телеграммы министра Маршала послу Швейцарии из Берлина от 14/26 февраля: „Член семьи Гирса“ высказался таким образом, что можно предположить, что „предстоит уход министра и назначение его в Государственный совет“ *. В Берлине хотят узнать, верно ли это.

Г. Гирс посылает этот документ государю с припиской: //„Сомневаюсь, чтобы это говорил кто-либо из моего семейства“./, Его величество надписывает: //„И я тоже“./

Понедельник, 17 февраля.

Когда я прихожу к министру, он говорит мне: //„Поздравляю вас с постом“./ Это действительно один из тех дней в году, которые я больше всего люблю. Эта зима прошла так тихо; можно было бы подумать, что пост продолжается непрерывно.

* Взятое в кавычки написано по-немецки.

Мы говорим о полученных вчера экспедициях: несколько бумаг были возвращены с пометами государя. На донесении графа Шувалова № 10, сообщающем о впечатлении от приказа принца Георга Саксонского по поводу чрезмерных жестокостей, постоянно применяемых в германской армии ¹²², и о поражении графа Каприви при голосовании [в рейхстаге] в пользу коренной реформы военной юстиции ¹²³, его величество пометил: //„Это сильный удар правительству“./ На наш посол, между прочим, замечает, что инициатива в этом случае определенно исходила от социал-демократической партии, в силу чего //социал-демократы выставляют себя как единственные защитники чести, здоровья и самой жизни немецкого солдата, что может обеспечить им популярность в армии. На донесении № 12, препровождающем текст пресловутой речи Вильгельма II, государь пишет: //„Просто смешно читать“./ А затем на письме нашего посла от 14/26 февраля, говорящем о том же самом, пометает: //„Замечательная охота быть посмешищем всех!“//

Вот отрывок из этого письма: „Молодой монарх своим советом всем недовольным покинуть пределы родины восстановил теперь против себя всю либеральную партию, тогда как в свое время он расточал ей разные обещания и тем самым лишил себя симпатии консерваторов. Что же касается содержащихся в речи анекдотов, то не без иронии отмечается, что они имеют лишь один недостаток: отсутствие исторической точности. Адмирал Дрэк (Draks) родился через 25 лет после открытия Тихого океана испанцами и в отношении открытий ограничился тем, что нашел картофель!“ ¹²⁴.

Кажется, можно задать себе вопрос, в чем же заключается наконец тот „новый курс“, который проводится Вильгельмом II, и к какому же именно „блестящему будущему“ желает он вести свой народ. Почти вся пресса строго и в ироническом тоне критикует речь императора; несколько органов печати подверглись преследованию за „оскорбление величества“. Шувалов заканчивает письмо замечанием: „Подобные фразы бросают особый свет на того, кто их произнес, и показывают, какими разнообразными мыслями постоянно наполнен мозг молодого монарха. Оболенский получил от своего зятя, графа Кутузова, письмо, сообщающее любопытные подробности о придворном бале в берлинском дворце. В то время как в зале в совершенстве танцовали менюэт, к которому, видимо, окончательно возвратились на всех придворных балах, соседние улицы были наполнены мятежной толпой, требовавшей хлеба и работы!

Вчера я набросал, а сегодня рано утром отделал проект письма барону Моренгейму. Наш посол в Париже прислал с приехавшим в воскресенье очередным курьером три письма. Одно касается египетских дел и дает отчет о коротком разговоре с г. Рибо, который попрежнему не одобряет шагов, предпринятых французским послом в Константинополе: он утверждает, что никогда Англия не согласится на проект, предложенный султану, и что, действуя таким образом, бесцельно идешь навстречу верной неудаче, которая не сможет внушить Абдул-Гамиду доверие к нашим советам. Помимо того, даже одна мысль о турецкой оккупации произвела бы, по его мнению, самое неблагоприятное впечатление в Египте. На телеграмме от 13/25 февраля, передающей вкратце содержание этого письма, государь написал: //„Может быть?“//

Во втором письме барон Моренгейм излагает подробности образования нового французского министерства; формирование сопровождалось большими трудностями. Он резко нападает на президента Карно, который выказал себя нерешительным и неловким. Он с довольно определенным пессимизмом говорит о нынешнем положении дел в республике. Наш посол, намекая на эскиз соглашения, набросанный этой осенью, заканчивая письмо, отдает справедливость предусмотрительности г. Гирса, написавшего ему в свое время, что то, что уже сделано, „является вполне достаточным в условиях данного момента“.

Действительно, в каком положении мы оказались бы, если бы у нас была военная конвенция и другие в высшей степени компрометирующие документы, которые барон Моренгейм во что бы то ни стало желал заключить с ушедшими ныне в отставку министрами, которые ежемесячно могли быть заменены людьми, принадлежащими к враждебному им лагерю?

Третье письмо барона сопровождается рядом приложений; среди них статья о Египте, письмо бывшего короля Милана, протестующее против заметки газеты „Тан“ относительно его намерения принять русское подданство, два частных письма из Вены и из Рима, представляющие некоторый интерес, и наконец письмо бывшего французского консула в Венгрии виконта де-Бомона, в коем сообщается о доверительном сообщении германского посла графа Мюнстера, с которым он имел случай встретиться на охоте. Мюнстер будто бы рассказал Бомону, с которым только что познакомился, что во время

наших затруднений под Плевной в 1877 г. в Берлине все было подготовлено для нападения Австрии на нас в этот критический момент с тем, чтобы изгнать нас раз навсегда с Балканского полуострова. Этот план будто бы потерпел неудачу лишь из-за совестливости императора Франца-Иосифа, а Андраши вследствие этого был вынужден оставить свой пост. Виконт де-Бомон заявляет, что он уже просил г. де-Лабулэ передать Гирсу это „важное сообщение“. Моренгейм добавляет к тому же, что, зная виконта, он придает этим откровениям „значение документа“.

Что за вздор! Наш посол забыл даже, что граф Андраши вышел в отставку не в 1877 г., а в конце 1879 г., когда его близкие отношения с князем Бисмарком выявились особенно ярко при подписании первого секретного протокола об австро-германском союзе. Проект ответного письма у меня готов к 10 часам. Что касается других представителей (между прочим, граф Шувалов должен покинуть Берлин, так как уезжает в отпуск), то я пишу им лишь простые препроводительные письма, к пакетам с литографиями. Я вижу с министром в 10 часов, и он все одобряет. Государь написал несколько слов г. Гирсу, приглашая его приехать на //доклад// завтра, в среду.

Среда, 19 февраля.

Государь возвращает донесение Зиновьева о происшествиях в Норвегии с пометой: //„Приятное положение короля!“// Действительно, положение бедного монарха незавидно. Министр готовится отправиться к часу в Аничков дворец; он хочет захватить с собой длинное письмо Моренгейма с приложениями и заготовленный мною проект ответа.

Четверг, 20 февраля.

Г. Гирс очень доволен вчерашним своим //докладом.// Когда он приехал в Аничков дворец в 1 час дня, он застал всю семью и великого князя фельдмаршала Михаила Николаевича собравшимися после завтрака в кабинете государя. Императрица, которая выглядела исключительно хорошо, спросила его, завтракал ли он и не рассчитывал ли он, как обыкновенно, на завтрак во дворце. Их величества обедают и в течение этой недели завтракают ранее обыкновенного, тотчас после

обедни. Пригласив министра закурить, государь обратился к августейшему собранию со словами: /„А теперь убирайтесь“./ и начал в шутку выталкивать императрицу, цесаревича и других из комнаты.

Нашего монарха озабочивает переворот в Греции. Он удивлен, что его шурин, король Георг, столь конституционно настроенный, прибег к крайним мерам, но, повидимому, г. Делианис слишком долго испытывал терпение короля, а наследный принц, герцог Спартанский, был уже готов отказаться от командования ввиду дерзкого образа действий премьер-министра, одновременно являющегося и военным министром. Делианис уволен в отставку по личной инициативе короля. Прибытие нашей эскадры в этот момент было не очень-то своевременным, и государь признает, что г. Гирс был прав, считая, что для наших судов было предпочтительнее избрать другую стоянку. Но французы тщательнее избегали всякой встречи в пунктах, которые почему-либо могли прититься не по вкусу англичанам.

Говоря о французских сенаторах, которых его величество принял в воскресенье, наш государь казался не очень довольным тем обстоятельством, что они осмелились подать ему записку о железнодорожной концессии. Государь им сказал, что решение касательно Сибирской железной дороги было уже принято и не может быть изменено, но что, впрочем, окончательный ответ они получают от министра финансов, которому будет передана их записка. //„У нас решено строить Сибирскую железную дорогу своими средствами на казенный счет, не допуская даже частной компании; с какой стати передавать им, и притом финансовая сторона их проекта, говорят, очень слаба“./ Государь добавил: //„Нет, я впредь не буду принимать таких господ“./ Министр заметил его величеству, что со своей стороны он с самого начала совершенно отстранился от хлопот этих господ, так как они не внушили ему доверия, и что все французы используют теперь русско-французские симпатии для устройства своих частных дел. //„Насолил я, кажется, вчера французам“./ — сказал мне г. Гирс.

Государь одобрил мой проект письма барону Моренгейму, сказав, что //„это хорошо и осторожно“./. Его величество оставил у себя, чтобы прочесть на свободе, письмо нашего посла с приложениями и составленную в Азиатском департаменте записку относительно просьбы бывшего короля Милана о принятии его в русское подданство. Эти бумаги возвращены

сегодня утром; на записке о бывшем сербском короле государь написал: //„Я бы очень желал отделаться от этой личности и вовсе не принимать его в подданство. Слишком много хлопот, неприятностей и осложнений“//; затем против абзаца, в котором перечисляются условия, дающие по закону основания для приема в русское подданство, против слов: //„либо особенные оказанные России услуги, *замечательные таланты*“// и т. д. //(т. IX Св. законов, стр. 1013)// его величество, подчеркнув последние слова, написал на полях: //„Наглость и подлость—это у него есть“// И наконец против заключения, //что „он, вероятно, не без расчета и задних мыслей принимает решение о вступлении в русское подданство“//, государь делает помету: //„Этого я боюсь“// Ввиду того, что барон Моренгейм в своем последнем письме выражал пожелание, чтобы этот лишившийся трона король был принят в число подданных государя, я советую министру воспользоваться отъездом сегодняшнего курьера, чтобы переслать ему эту записку с пометами государя с просьбой вернуть ее при первой возможности, и предлагаю составить препроводительное письмо. Министру эта мысль очень понравилась. Иду слушать //„часы“// в церковь нашего министерства. Тотчас после этого я набрасываю письмо Моренгейму, и министр одобряет черновик, который я ему посылаю.

Министр вчера решил показать на //докладе// государю перлюстрацию ответной телеграммы Швейница Маршалю. Германский посол отмечал в ней, что „Гирс физически обессилен“ (matt), поговаривает иногда об отставке и о переходе в государственный совет, но что его супруга еще недавно выражала сожаление, что обязанности службы, вероятно, помешают ему поехать этой осенью на лечение к Мецгеру. Государь отнесся к этому очень хорошо и только спросил: //„Как это „matt“?“// Но министр ответил, что в среду прием дипломатов затянулся, он был крайне переутомлен и порой на это жаловался. //„Отчего же вы их не посылаете к Шишкину?“//—добавил его величество, но также очень благосклонным тоном.

Газеты помещают новую классификацию всего нашего флота в его нынешнем составе. В этом отношении надо отметить некоторый прогресс, но все-таки мы далеко еще не великая морская держава.

Теплов будет служить посредником между нами и редакцией //„Нового времени“//. В этой газете помещена заметка по поводу хвастливых статей некоторых английских газет и попыток истолковать выраженное нами сожаление по поводу

дела Ионова как принесение извинения ¹²⁵. В сущности, я находил бы для нас гораздо более достойным просто извиниться, раз мы сознаем, что неправы в этом случайно возникшем инциденте (как это, например, сделал князь Бисмарк при инциденте со Шнебеле на германской границе), чем выражать нерешительное сожаление с просьбой его не разглашать. К сожалению, наши военные шовинисты и даже наш монарх иного мнения относительно того, в чем заключается достоинство такого большого барина, каким является Россия.

Пятница, 21 февраля.

Ионин приходит к чаю в 4 часа; он был по делам в „Лионском кредите“, где ему объяснили внезапное и весьма значительное повышение нашего курса полученным из Берлина известием, что великий князь наследник будет объявлен женихом принцессы Маргариты, сестры германского императора! Эти бедные биржевики твердо верят в этот слух.

Суббота, 22 февраля.

Министр меня вызывает к 11^{1/2} часам. Французский посол граф Монтебелло, часто возвращающийся к вопросу о заключении военного соглашения, в дополнение к обмену документами, закрепляющими наше сближение с Францией, говорил с г. Гирсом относительно записки по этому делу, которую он желал бы вручить ему в понедельник. Посмотрим.

Государственный совет, заседавший вчера, решил, что вывоз кукурузы из всех кавказских портов должен быть теперь разрешен, иначе запасы ее, которые не покупаются для снабжения центральных губерний империи и вывоз коих является источником дохода для Кавказа, погибли бы даром. После заседания совета г. Абаза задержал министра; с ними остался и Вышнеградский. Первый спросил у г. Гирса, известно ли ему что-либо о записке, которую привез с собой варшавский генерал-губернатор Гурко. Повидимому, эта записка довольно пессимистична не только в отношении происходящих в Польше волнений, но и с точки зрения стратегического положения в случае европейской войны. Абаза и Вышнеградский настаивают на абсолютной необходимости для нас сохранения мира. Г. Гирс высказал надежду, что мы не

подвергнемся никакому нападению и что при бдительности и осторожности мы будем иметь возможность избежать всякого внешнего осложнения, но министр не скрывает от себя не поддающихся учету опасностей восстания в Польше. Эта перспектива представляется ему самой грозной. Они говорили о крайней необходимости сближения с Германией и поездки государя с этой целью в Берлин. Вышнеградский на этом настаивает, но Абаза сомневается в возможности привести нашего монарха к разумному решению на этот счет, так как императрица будет постоянно этому препятствовать. Он рассказывает, что, несмотря на особую близость, которой пользовался Владимир Оболенский, ему не удавалось переубедить императрицу, когда дело шло о Германии. Один моряк, близкий его родственник, был случайно свидетелем характерной сцены во время поездки в Копенгаген; Владимир Оболенский, стараясь доказать срочную необходимость посещения Берлина, сказал императрице: „Государыня, но ведь все это (т. е. датская война) случилось 26 лет тому назад; право, наступило время предать это забвению“. Государыня на это очень рассердилась и заставила его замолчать. Теперь около императрицы нет даже лица, которое могло бы, желало бы и умело бы говорить столь откровенно. Вышнеградский говорит также о французских сенаторах; их просьба о концессии представляется ему неприемлемой. По его мнению, финансовая сторона этого проекта крайне слаба. Но любопытно, что эти господа вернулись после аудиенции у государя не только в восторге от благосклонности, оказанной его величеством, но также в твердой уверенности, что их проект полностью принят. Это — свойство нашего монарха: вводить людей в заблуждение.

К чаю приходят Ионин и Никонов; мысль о преподнесении министру портсигара оставлена. Сегодня говорят в городе, что курс поднялся ввиду того, что германский император будет вскоре объявлен сумасшедшим, а его брат Генрих будет назначен регентом империи!..

Воскресенье, 23 февраля.

Встал раньше 8 часов. К министру меня вызывают к 11 часам. Его долго задержал г. Вышнеградский. Министр финансов крайне озабочен. // „Польское восстание будет, /—говорит он, /—оно вспыхнет из-за религиозных преследований, холмских дел ¹²⁰ и т. д. Нам необходимо принять меры и сблизиться

с Германией. Только не пускаться в соглашения с французами, они нас „надут“ и не могут быть нам полезными, а немцы для нас настолько необходимы, что я согласен на уступки для сближения и по финансовым и по тарифным интересам. Наше финансовое и экономическое положение ужасно! Мир и спокойствие нам безусловно необходимы“.

/// Наконец Вышнеградский предлагает во время предстоящего приезда графа Шувалова собраться на совещание у министра, чтобы обсудить, что надо предпринять для облегчения торгового соглашения с Германией. Министр финансов готовит весьма секретный отчет, дабы поставить государя в полную известность о печальном финансовом и экономическом положении России.

Наш посланник в Тегеране телеграфировал 6 февраля, что дела принимают для нас довольно благоприятный оборот. Против абзаца: */// „Конечно, одни только факты могут доказать, насколько я прав в доверии моем к заверениям, которые расточают мне шах и его первый министр“*./

государь, подчеркнув слова: */// „одни только факты“*./, пишет: */// „Да“*./

Затем против абзаца: */// „Но полезно будет, позволю себе думать, поощрить теперь же хорошие стремления шаха и дать ему доказательства нашего расположения и внимания к его интересам“*./

— его величество, подчеркнув слова: */// „поощрить теперь же“*./, написал: */// „Не слишком много“*./

Наш агент в Гамбурге отмечает статью в местной газете, в которой говорится о принятом Америкой решении относительно эмигрантов; против слов: */// „К ограничению чрезмерного наплыва романо-славянского элемента, мало способного уподобляться американцам, к чему так доступны бывают англо-германские расы“*./

— государь пометил: */// „По-моему, это неверно, совершенно наоборот!“*./

Понедельник, 24 февраля.

Приехавший вчера граф Шувалов провел вечер у министра и на сегодня приглашен к завтраку в Аничков дворец. Когда я прихожу к министру в 11 часов, он мне передает, что рассказывал ему наш посол, приехавший из Берлина, о положении вещей в Германии. По его мнению,личные беспорядки не имеют большого значения; действительно, там много бедствующих безработных, они и подняли весь этот шум, не имевший серьезных последствий. Берлинский муниципалитет обыкновенно тратит 4 миллиона марок на очи-

стку улиц от снега; в Берлине в течение этой зимы снега почти не выпало, и этого было достаточно, чтобы оставить очень большое количество рабочих без работы. Император еще достаточно могущественен, чтобы справиться силой с этого рода волнениями, но иначе обстоит дело с социалистическим движением, которое развивается систематически, спокойно и с необычайной силой. Граф Шувалов считает Вильгельма II, в сущности, миролюбивым, но крайне обидчивым. Император добивается от нашего государя лишь хорошего и корректного обращения с ним. Посещение Берлина кажется послу крайне желательным; впрочем, за последнее время он заметил определенное желание сблизиться с нами и особенную к нам любезность; насколько он заметил, эта перемена совпала с возвращением в Берлин депутатов и отдельных лиц, командированных на погребение великого князя Константина в январе месяце. Граф Шувалов, между прочим, поставил моего министра в затруднительное положение, передав следующий факт. Французский посол в Берлине г. Эрбетт, желающий завязать с ним особенно близкие отношения, на этих днях, говоря о министерском кризисе, сказал нашему послу, что удаление г. Рибо не имело бы большого значения, „так как во время подписания прошлой осенью нашего соглашения он даже не был на своем посту“. Граф Шувалов, ничего не зная о соглашении, подписанном между Францией и Россией, был в высшей степени поражен, и теперь обратился к министру с вопросом, в чем тут дело. Очевидно, Моренгейм шумом, поднятым им по возвращении своем в Париж, и попытками довести уже в прошлом сентябре дело до своего рода военной конвенции вызвал разглашение тайны об основах соглашения, на которых мы остановились; все это было еще больше раздуто. Г. Фрейсинэ, посвященный в эти переговоры, не внушает полного доверия; во всем этом снова сказывается постоянное стремление французов нас скопрометировать, посорить с Германией и использовать нашу изоляцию или в качестве громоотвода, или даже в целях эксплуатации нас какими-либо иными способами под предлогом исключительной дружбы. Министр отвечал Шувалову уклончиво и решил представить весь этот вопрос государю на своем завтрашнем докладе.

Его величество вернул сегодня утром с несколькими пометами донесения, привезенные вчера Шуваловым и тотчас же пересланные в Аничков дворец. На донесении № 14 против абзаца: //„Впечатление, произведенное уличными беспоряд-

ками на нервную и чуткую природу Вильгельма II, громадно; трудно предвидеть, каким образом отзовется это впечатление на дальнейшем ходе германской политики“//, государь надписал: //„Положение императора не из приятных и выход не легкий“./ В том же донесении отмечается, что //„тревожные события [находятся] в некоторой связи с разлагающим влиянием социал-демократической партии и с ее более и более обозначающимся успехом среди низших классов государства. Внутренняя организация партии, строгая дисциплина, коей она подчинена, ловкие и прочные победы ее, в особенности в протестантских землях империи“//*; последние слова подчеркнуты государем, и на полях он пишет: //„Это всего значительнее и прямо последствие того раскола в церкви после Лютера“./

//„По весьма меткому выражению моего одного немецкого собеседника, — пишет далее Шувалов, — социал-демократы подкапываются не под монархов, а под престолы, на которых находятся эти монархи“./

Дальше: //„Может ли партия в случае своего полного парламентского торжества быть призвана к управлению государством а не [к] разрушению его, обращаясь постоянно и при известных обстоятельствах * в партию умеренную?“// Против этого абзаца его величество надписывает: //„На этот вопрос в настоящее время и сама партия не ответит“./ На этот абзац в конце депеши имеется следующий абзац: //„Если социал-демократическая партия есть партия революционная и несовместимая с идеей о современном государственном устройстве, под каким бы образом правления государство ни находилось, то в таком случае Германия стоит на вулкане и окончательная гибель империи становится вопросом нескольких десятков лет“// — этот абзац отмечен государем чертой на полях с пометой внизу: //„Почти нет сомнения, что это так“./

Министр мне говорит, что у нашего монарха издавна имеется навязчивая мысль, что Германия находится накануне крушения и распада; его величество теряет из виду, что в 1848 г. революционное движение, наоборот, повлияло как раз в направлении объединения Германии. Крушение нынешнего порядка вещей вследствие торжества социалистов будет иметь конечно своим последствием падение империи и всех германских государей, но сама нация выйдет из этого переворота еще крепче объединенной и спаянной. Мы имели

* Так в подлиннике.

бы тогда по соседству с нами большую анархистскую страну, готовую защищать свою независимость с жестокой и дикой энергией!

Государь возвращает также сегодня утром телеграмму нашего посланника в Персии, сообщающую о появлении в Кандагаре и Герате холеры и о распространении ее в направлении к персидской границе. Помета: // „Весьма неприятно!“ // Посылая государю телеграмму нашего консула в Кашгаре г. Петровского о том, что англичане все же, повидимому, желают продвинуться по направлению к Памиру, министр присоединил к телеграмме записку, указывающую, насколько это известие противоречит тем, которые доходят к нам из других источников. Государь надписал на этой записке: / „Может быть, но все-таки нам зевать нельзя. Сообщите военному министру.“ //

Как только я вернулся домой, меня еще раз вызвали к министру, которого между тем посетил граф Монтебелло. Посол ему передал весьма секретную записку, переписанную им самим, о которой он уже говорил г. Гирсу. Я прилагаю копию * ее, переписанную мною ¹²⁷:

I

„Ввиду того, что и Франция, и Россия одушевлены одинаковым стремлением к сохранению мира, настоящая записка составлена исключительно в виду оборонительной войны, вызванной нападением со стороны военных сил тройственного союза на ту или другую из этих двух держав или на обе сразу.

Изложенные ниже соображения исходят из той предпосылки, что Франция и Россия решились применять в отношении друг друга принципы искренней взаимности, иначе говоря, если одна из них подвергнется нападению, то другая немедленно придет ей на помощь всеми вооруженными силами, находящимися в ее распоряжении.

Раз этот принцип принят, то первый вывод, обязательный как для России, так и для Франции, чтобы не уменьшить шансов совместно проводимой кампании, заключается в том, чтобы необходимые меры были приняты в обеих странах, тотчас как только обнаружится опасность; чтобы провести мобилизацию без задержки, ее надо начать одновременно и во Франции, и в России тотчас же по мобилизации сил тройст-

* Карандашом помечено: „Составлено графом Монтебелло. Понедельник, 24 февраля 1892 г.“.

венного союза. Так как быстрота является здесь более чем когда-либо важнейшим условием успеха, то необходимо, чтобы ни Франция, ни Россия не подверглись изолированно, хотя бы даже только в течение нескольких дней, объединенному нападению, которое позволило бы их врагам одержать с самого начала решительные успехи или же могло бы оказать неблагоприятное влияние на настроение нейтральных стран.

Однако этой одновременности выступления далеко недостаточно, чтобы обеспечить успех. Действительно, достаточно взглянуть на прилагаемую при сем таблицу, чтобы убедиться, что соединенные военные силы Франции и России не имеют существенного перевеса над силами тройственного союза — Германии, Австрии и Италии, — в особенности, если к ним присоединится Румыния.

При таких условиях военные силы обеих стран приблизительно равны, так как, если в смысле численности Франция и Россия имеют небольшой перевес, то на стороне тройственного союза преимущество быстрой концентрации войск. Россия и Франция могут получить шансы на превосходство над своими противниками только при разумном комбинировании боевых средств для общей цели.

II

Французское правительство проникнуто убеждением, что в подобной войне главное — это добиться при помощи всех наличных средств разгрома главного врага; за сим неизбежно последует поражение остальных. Таким врагом является Германия, военная мощь которой превосходит мощь всех ее союзников, взятых вместе, и которая в политическом отношении является главной движущей опорой, душой и центром тройственного союза. Раз Германия будет побеждена, франко-русские армии смогут делать с Австрией и Италией все, что захотят.

С этой точки зрения французский генеральный штаб все приносит в жертву борьбе против Германии, и если Россия подвергнется нападению со стороны тройственного союза, то Франция выставит против 360-тысячной итальянской армии лишь совершенно необходимый контингент и направит больше $\frac{5}{6}$ своих войск первой линии, т. е. 1 миллион 300 тысяч человек, против немцев.

С этой армией она начнет решительное наступление на Германию, так что эта держава сможет сосредоточить на Востоке против России лишь незначительную часть своих сил.

Не подлежит сомнению, что положение России по отношению к Австрии нельзя целиком отождествлять с положением Франции по отношению к Италии. В то время как между этими двумя последними странами существует трудно проходимая естественная граница, Россия, наоборот, почти не защищена от Австрии; помимо этого, ей необходимо разбить последнюю, чтобы поддержать свой моральный престиж перед славянскими народами и перед Румынией. Тем не менее, с точки зрения принципа взаимности справедливо предположить, что Россия выставит против Австрии лишь силу, необходимую для того, чтобы ее обуздать, а всю остальную часть своих наличных боевых сил она со всей возможной энергией направит против Германии.

Французский генеральный штаб не может сам определить количество войск, предназначенных для действий против Австрии; но очевидно, чтобы успешно бороться против Германии, как главного врага, Россия, так же как и Франция, должна сосредоточить против этой державы силы, значительно превосходящие то, что последняя сможет выставить на театр военных действий, как для того, чтобы компенсировать ущерб от медленности концентрации русской армии и необходимости действий на двух весьма отдаленных друг от друга фронтах, так и для того, чтобы иметь такое численное превосходство, которое обещало бы вероятность успеха.

Поэтому не было бы преувеличением предположить, что Россия из 1 миллиона 600 тысяч человек первой линии выставит против Германии приблизительно от 700 до 800 тысяч человек. Эти силы, совместно с 1 миллионом 300 тысяч человек французской армии, будут в состоянии, в особенности если придут во-время, справиться с германской армией. Но именно тут и кроется самое важное: надо, чтобы эти войска были сконцентрированы с чрезвычайной быстротой и немедленно вошли в соприкосновение с германской армией. Это единственный способ привести в замешательство противника, который рассчитывает, пользуясь прекрасным железнодорожным транспортом, сначала бросить свои силы на Францию, разбить ее, а затем обратить их против России.

III

Резюмируя сказанное, чтобы обеспечить себе наилучшие условия обоюдной защиты, Франция и Россия должны одновременно договориться, что по первому сигналу к началу

враждебных действий, данному тройственному союзу, они незамедлительно двинут против Германии все силы, кроме тех, которые должны быть противопоставлены второстепенным врагам.

От значения этого второстепенного врага зависят размеры сил, которые необходимо ему противопоставить. Франция полагает, что сможет противостоять Италии при помощи незначительной части своих сил, а потому может притти на помощь России, в случае необходимости, пятью шестью своей армии.

Чувство высокой справедливости его величества императора, так же как и высочайшая его оценка вызываемой обстоятельствами необходимости, несомненно, его приведут к мысли, что Россия, в свою очередь, будет иметь возможность располагать для помощи Франции приблизительно 700—800 тысяч человек, сконцентрированных в кратчайший срок на германской границе в таких пунктах, откуда легче будет начать наступление и настигнуть сосредоточенные силы Германии настолько быстро, чтобы отнять у нее с самого начала всякую надежду на переброску войск с востока на запад и обратно.

Германия

Войска 1-й линии: 1550 тысяч человек, которые могут быть сконцентрированы на границе на 14-й день. Остальные силы остаются вначале для охраны страны *.

Австрия

Войска 1-й линии: 800 тысяч человек, $\frac{2}{3}$ которых концентрируются за русской границей на 16-й день, остаток — на 20—25-й день. (Остальные силы остаются вначале на месте или для наблюдения за Боснией и Герцеговиной, или же для охраны крепостей и страны.)

Так в подлиннике.

Франция

Войска 1-й линии: 1550 тысяч человек, которые могут быть сконцентрированы на границе на 14-й день (исключены войска, необходимые для обороны Алжира и Туниса, а равно для охраны крепостей и побережья).

Россия

Обеспечив охрану других своих границ, главным образом при помощи своих резервных частей, Россия будет иметь возможность располагать приблизительно 1 600 тысяч человек, из которых значительная часть может быть довольно быстро сконцент-

Румыния

Войска 1-й линии: 100 тысяч человек.

Италия

Войска 1-й линии: 360 тысяч человек, которые могут быть сконцентрированы на французской границе на 15-й день.

рирована на границе (ввиду большого количества войск, находящихся в Польше), но общая концентрация которых несколько запоздает.

Всего 2 810 000 человек.

Всего 3 150 000 человек.

* *

Этот документ излагает точку зрения французского правительства на военную конвенцию, которой оно желало бы дополнить основы соглашения (entente), намеченные осенью. Очень любопытный и весьма характерный документ. Я сомневаюсь, чтоб наши военные власти могли согласиться на эти условия. Министр предполагает показать эту записку государю и предложил послу сохранять полную тайну, абсолютную необходимость которой Монтебелло вполне понимает. Доверие к беспокойному и болтливому Моренгейму в Париже в достаточной мере поколеблено, и, повидимому, там желают, чтобы переговоры, если они начнутся, происходили в Петербурге. Министр воспользовался этим „modus procedendi“, чтобы заметить мимоходом, что можно было бы ограничиться обменом мнений и дипломатических сообщений, подобно тому, как это было в сентябре прошлого года, приняв при этом за основание записку, врученную графом Монтебелло, и избежать таким образом всякого рода специальной конвенции. (Это было бы все же выигрышем.) Французский посол не возражал против этой мысли. Г. Гирс поручает мне подробно изучить записку и сообщить ему мое мнение, вернув ему ее до его отъезда во дворец. „Мы работаем последнее время над очень интересными вещами“, говорит мне мой дорогой и добрый //Николай Карлович.//

Вторник, 25 февраля.

У министра я в 10 часов. Он спешит выехать, чтобы отдать визит Шувалову, которого он не видел после вчерашнего его представления их величествам; он желал бы узнать его впечатление до своего //доклада.// Мы говорим о записке

графа Монтебелло. Я заметил, что цифры мне кажутся неточными. Так, например, я сомневаюсь, чтобы Румыния могла в начале будущей войны представить тройственному союзу армию в 100 тысяч человек; затем обязательство немедленно, в случае нападения на Францию, выставить против Германии 800 тысяч человек представляется мне для нас весьма затруднительным. Граф Монтебелло указывает на войска, расположенные в Польше, но именно Польшу-то было бы трудно оставлять без войск, а сила наша обыкновенно коренится в том, чтобы выжидать врага в пределах нашей страны. Обязательство, которого они от нас требуют, дало бы французам *carte blanche* на провоцирование конфликтов и авантур, при которых было бы трудно распознать настоящего зачинщика, а нас это обязало бы оказать поддержку с помощью армии в 800 тысяч человек! Один только факт подобного обязательства отдаст нас в распоряжение французского правительства, которое может ежечасно меняться и перейти в руки фанатических радикалов, которые без зазрения совести, из страха или из расчета, могут продать нас немцам. Стратегическая сторона проекта конечно может быть оценена лишь военными, но политическая его сторона представляется весьма опасной. Министр разделяет это мнение. Мы разгромили бы Германию на пользу французам, а они после этого со своей стороны в лучшем случае предоставили бы нам самим управляться с австрийцами и на Востоке, как мы сумеем, не приходя нам ни в чем на помощь.

Граф Шувалов привез в числе других документов ответ берлинского кабинета на предложенные нашим министром финансов основы торгового соглашения. Имея главным образом в виду не допустить перерыва в наших переговорах, поскольку отсутствие хлеба для экспорта для нас отодвинуло теперь случайно таможенный вопрос на второй план, г. Вышнеградский, в сущности, ничего не предложил и много запросил. Немцы отказываются пойти на какое-нибудь соглашение на предложенной им базе и доказывают его невозможность¹²⁸. Министром получена смехотворная записка от ретивого Сакена, которому министр сообщил этот ответ. Г. Вышнеградский, вероятно, вернется к этому вопросу; в этом деле он действует весьма осторожно и ловко.

Как только я вернулся [с прогулки], меня вызывает министр. Он рассказывает, что застал в Аничковом дворце в приемной государя какого-то полковника столь нахального и забавного вида, что он вызвал его любопытство. Де-

журный флигель-адъютант великий князь Георгий Михайлович сказал ему, что это пресловутый Вендрих; он вызван к его величеству, от которого только что вышел военный министр. Около получаса спустя Вендрих вышел из кабинета государя с необыкновенно геройским апломбом и развязностью. „Я ни у кого не видал такой манеры себя держать, как у этого маленького полковника“, сказал мне г. Гирс. Министр вошел после этого к нашему монарху, которого он нашел весьма возбужденным. (Рассказы Вендриха, вероятно, сыграли в этом известную роль.) Когда заходит речь о весьма секретной записке Монтебелло, государь выражает намерение оставить ее у себя, с тем чтобы прочитать ее на досуге, но сразу же высказывается в духе этой записки: //„Нам действительно надо стовориться с французами и, в случае войны между Францией и Германией, тотчас броситься на немцев, чтобы не дать им времени разбить сначала Францию, а потом обратиться на нас. Надо исправить ошибки прошедшего и разгромить Германию при первой возможности“. „Когда Германия распадется, Австрия уже ничего не посмеет“// и т. д. и т. д. Одним словом, говорит мне министр. государь думает, что, раз он разделается с великой Германией, он будет властителем мира, и Балканский полуостров окажется у него в кармане. Но его величество молод такой вздор и проявлял столь дикие инстинкты, что оставалось лишь терпеливо слушать, пока он кончит. Наконец г. Гирс задал ему вопрос: //„Что же выиграем мы, если, поддержав Францию, мы ей поможем разгромить Германию?“— „Как что? а именно то, что Германии не станет и она распадется, как прежде, на мелкие и слабые государства“// Но ведь в этом и заключается вопрос. //Едва ли Германия распадется, когда речь пойдет о ее независимости; скорее можно предположить, что она сплотится в этой борьбе. Можно предвидеть конец империи и вообще монархического правления в Германии, торжество республиканских и социалистических начал в случае поражения, но возвращение к прежнему порядку вещей немислимо. Франция в случае успеха, раз удовлетворенная реваншем, не будет более в нас нуждаться, а враждебное сильное племя останется в нашем непосредственном соседстве вдоль длинной, совсем открытой границы.// Министр обратил затем внимание государя на опасность разоблачений, на которые французы вполне способны. Мы имели столько доказательств этому! Так как государь пока желает прежде всего сохранения мира, будет ли удобно оставлять

в руках столь непрочного правительства столь компрометирующее нас соглашение, как намеченное в записке графа Монтебелло? Не в тысячу ли раз лучше ограничиться принципами, изложенными в документах, обмен которыми состоялся осенью прошлого года? Это соображение, повидимому, произвело на нашего монарха некоторое впечатление, он сохраняет у себя записку, может быть, чтобы переговорить о ней с военным министром, и высказывает намерение вынести решение позже ¹²⁹.

Нелидов телеграфирует, что у него есть доказательства, что убийцами Вулковича являются болгарские эмигранты, приехавшие из Одессы и тотчас вернувшиеся туда. Он просит их арестовать и держать в одиночном заключении ввиду следствия, которое ведется в Константинополе. Ознакомившись с этой телеграммой, государь высказывает предположение, что, по всей вероятности, это дело рук „славянского комитета“ и графа Игнатьева, на которого его величество снова обрушивается по этому поводу.

В общем, мой дорогой министр вынес, повидимому, тяжелое впечатление относительно взглядов государя на французский вопрос. После доклада он завтракал у их величеств, которые были с ним очень любезны. Императрица, собираясь посетить базар г-жи Нарышкиной, выразила желание видеть там дочь министра, Веру Гирс, в числе дам-продащиц. Дочь г. Гирса назначена также дежурной фрейлиной при ее величестве на завтрашний выход.

Ионин и Оболенский в 4 часа пьют у меня чай. В 6 часов Надин, Мари и Константин приходят ко мне обедать. Как только мы собрались, мне приносят от министра запечатанный пакет с надписью „секретно“. Он просит меня ознакомиться с совершенно секретным письмом г. Нелидова, только что полученным из Константинополя, и притти к нему в 8 часов переговорить об этом. Обед сошел хорошо, затем я пользуюсь удобной минутой и ухожу в свой кабинет, чтобы прочитать присланный документ; в 8 часов меня вызывают к министру. Нелидов передает подробности убийства агента Вулковича, которое, действительно, было совершено двумя болгарскими эмигрантами, присланными из Одессы третьим, более богатым эмигрантом — Туфякчевым, который желал отомстить за брата, подвергнутого в Софии пыткам. Опасаясь быть схваченными, преступники явились в наше посольство и сознались в преступлении. Во избежание скандального процесса, который мог бы разоблачить отвратительные происки нашего

„славянского комитета“ и подтвердить до известной степени бранные и клеветнические статьи иностранной прессы, приписывающие России подготовку имевших там место покушений, Нелидов тотчас же переправил преступников на пароходе, отходящем на Одессу, и потребовал, чтобы по прибытии в этот город, на случай, если ведущееся в Константинополе следствие раскроет их имена, они вместе с подкупившим их эмигрантом были арестованы и заключены в тюрьму. Наш посол просит также принять некоторые меры, чтобы в будущем удержать эмигрантов от подобного рода выступлений, результатом которых является только укрепление режима Кобурга и Стамбулова. Министр доволен, что не согласился испросить аудиенцию у государя для г. Станчева, который его об этом на-днях просил; он проявляет большую деятельность с тех пор, как получено известие об убийстве Вулковича, которое он, повидимому, предвидел. Все это ужасно; я высказываю министру мнение, что наш посол правильно поступил, убрав преступников из Константинополя, что он также совершенно прав, когда говорит, что они не могут и не должны избежать наказания; не может быть речи о выдаче их, но если имена их станут известны, надо судить их по нашим законам, и даже если следствие не докажет их виновности, которая нам-то ведь известна, сослать их в Сибирь или в другие отдаленные места. Мы посылаем пакет государю, а затем я возвращаюсь наверх, и мы приятно разговариваем за чаем. Надин, Мари и Константин покидают меня в 10 часов. Вскоре затем я иду спать, порядочно утомленный. Министр внутренних дел и Шебеко получили указания о мерах, которые следует принять в Одессе. Дипломатический агент Путята суетится, помогая эмигрантам.

Среда, 26 февраля.

К министру я иду в 10 часов. Государь вернул совершенно секретное письмо Нелидова, одобрив мысль о ссылке убийц Вулковича. Г. Гирс просит меня просмотреть и проредактировать, если надо, проект письма, который ему прислал г. Вышнеградский; он собирается послать его банкирам, предлагавшим купить у нас права на турецкую военную контрибуцию. Получив ответы по опросному листу, посланному этим дельцам, г. Вышнеградский убедился, что их предложение неприемлемо и его нужно отклонить. Министр собирается отправиться в Зимний дворец на большой выход и спрашивает, не собираюсь ли я туда ехать; я признаюсь ему, что до сих пор

не заказал парадного шитого мундира, думая, что он не понадобится в течение этого траурного года. „Жаль, — говорит мне г. Гирс, — сегодня приносят поздравления“. „Государь и цесаревич так хорошо к вам расположены; я замечаю это и желал бы, чтобы вы показались“. Эти слова моего милого и любезного начальника меня весьма удивляют. Какие мог он заметить признаки высочайшей благосклонности ко мне? //Благодарю, не ожидал.//

Перечитываю бумаги, которые надо послать государю; я чувствую себя слишком утомленным, чтобы идти к обеду. Завтракаю с Оболенским. В 2 часа меня снова зовут к министру. Он мне рассказывает, что государь очень хорошо провел обход дипломатического корпуса после обедни и что императрица имела цветущий вид, точно 10 лет тому назад. Дурново и Шебеко, оказалось, ничего не знали о деятельности болгарских эмигрантов в Одессе; они были поражены, когда министр сказал им, что, к несчастью, вполне уверен, что преступление было совершено двумя эмигрантами, высланными из Константинополя, что они были подосланы неким Туфякчевым, которого, так же как и их, надо арестовать.

Четверг, 27 февраля.

Ионин, прошедший вечер у директора дворянского банка графа Кутузова, рассказывает нам за чаем, что последний был вчера на собрании у редактора //„Гражданина“,// князя Мещерского; он видел у него пресловутого Вендриха. Полковник-диктатор не постеснялся рассказать довольно многочисленному обществу все подробности в высшей степени благосклонного приема его государем во вторник, добавив, что, когда он упомянул о препятствиях, чинимых ему при исполнении его миссии чиновниками министерства путей сообщения, его величество ему сказал: //„Да, все эти путейцы свиньи!“// Это уж совсем мило. И этот оболтус оказывает августейшему монарху услугу, распространяя //во всеуслышание// эти замечательные выражения. Несчастье в Борках, настоящим виновником которого конечно был этот бессовестный пьяница Черевин, который в качестве генерал-адъютанта и начальника охраны все путал, никого не слушал и произвольно устанавливал невозможные распоряжки для царских поездов, привило государю чувство неприязни и непреодолимого отвращения к администрации железных дорог, которая, не будучи, в общем, безукоризненной, тут была гораздо менее виновата.

Министр меня снова вызывает все по тому же делу о предстоящих арестах. Оба убийцы успели уже тем временем уехать из Одессы во внутренние губернии; подлежащим властям предписано разыскать их, а Нелидову сообщено о принятых мерах.

Суббота, 29 февраля.

У министра ничего нового. Докладывают о приезде французского посла, и я исчезаю через боковую дверь, чтобы не встречаться с ним в приемной. Газеты сообщают о совершенно исключительном отличии, пожалованном по случаю рождения государя полковнику Вендриху в награду за его якобы выдающиеся заслуги. Пусть он радуется, но это становится почти смешным.

К чаю приходит Ионин. Он все еще не был принят цесаревичем, когда столько лиц, прибывших после него, имели уже честь ему представиться. Я думаю, великий князь хочет, по крайней мере, просмотреть преподнесенную ему книгу Ионина, прежде чем его принять, но что до сих пор это не удалось его императорскому высочеству. Императрица, принимая моего друга Ионина, сделала ему комплимент по поводу *красивого переплета* его книги! Но в ее содержание она не углублялась. Переплет был заказан под моим наблюдением у Вайдле, но я никогда не думал, что подобная мелочь может быть замечена.

После моего одинокого обеда я иду пешком в магазин //„Донцы“//, в Чернышев переулок, купить хорошей икры для завтрашнего обеда. Покупаю также фрукты и вина.

Вернувшись, нахожу совершенно личную телеграмму графа Муравьева из Берлина. Я вынужден спуститься на несколько минут в канцелярию. Наш поверенный в делах усиленно просит сохранить в полной тайне его письмо с признаниями, сделанными ему ген. Ганке. Оно должно прибыть завтра с очередным курьером. Работаю над своими мемуарами и свожу месячные счета со своей прислугой.

МАРТ

Воскресенье, 1 марта.

Министр говорил со мной о Монтебелло, который, повидимому, действительно человек заурядный, впрочем, довольно приятный в делах, так как он из хорошего общества и не интриган.

Среда, 4 марта.

Полученные в воскресенье экспедиции не заключают ничего особенного; впрочем, некоторые документы довольно интересны. Граф Муравьев описывает в совершенно личном письме от 27 февраля/10 марта завтрак, данный в берлинском дворце по случаю дня рождения государя. Германская императрица наговорила тысячу любезностей о его величестве и несколько раз вспоминала, как сожалеет ее августейший супруг, что не смог принять участие в завтраке, представительствовать на котором он поручил своему шурину. При дворе говорят, что Вильгельм II простужен, но наш поверенный в делах слышал, что его величество страдает возобновившейся хронической болезнью уха, от которой он не может вылечиться в течение многих лет. Затем граф Муравьев передает вкратце длинный разговор, который он случайно имел с генерал-адъютантом Ганке, начальником военного кабинета, одним из самых близких к императору высших сановников. „В качестве хорошего патриота“ Ганке утверждает, что он одушевлен самыми лучшими чувствами к России, „что он — только солдат и, если понадобится, то исполнит свой долг, но что он горько бы сетовал, если бы между Россией и Германией возник вооруженный конфликт“. Когда Муравьев ему заметил, что со стороны России нельзя ожидать нападения на Германию и что раз это так, то можно быть спокойным, Ганке сказал: „Я этому верю, но вы вряд ли можете себе представить, сколько лиц говорят с моим монархом в противоположном смысле и стараются вызвать в нем недоверие постоянными рассказами о ваших вооружениях и военных приготовлениях. Из всех близких ему лиц я один высказываюсь вопреки всему за соглашение с Россией; делаю я это потому, что убежден, что это — в интересах моей родины, но должен сознаться, что моя роль нелегка. Помимо направленных против вас английских интриг, надо, между прочим, указать на влияние моего коллеги генерал-адъютанта фон-Виттиха. Он австриец, и австриец по убеждению, являясь столь же хорошим патриотом, как и я (*il est autrichien et cela par conviction, étant tout aussi bon patriote que moi*). Наконец мой молодой император, который в глубине души настоящие симпатии питает только к вашему императору и к России, как самому крепкому оплоту монархического принципа, не может отделаться от самолюбия гвардейского поручика и считает, что ваш император его оскорбил. Ему передали, будто у вас

говорили, что он сам напросился на маневры в Нарву, что его там только терпели, как незваного гостя. Помимо того, общественное мнение Германии, рассчитывавшее на ответный визит вашего монарха прошлой осенью в Берлин, было разочаровано в своих надеждах; это произвело большое впечатление на моего молодого повелителя, и наконец, чтобы сказать всю правду, как надлежит солдату, который говорит со старым другом, я осмелюсь признаться: наш император думает, что *царь с ним плохо обращается*“. Государь подчеркивает последние слова и пишет на полях: // „Этого я не понимаю; в чем?“ // Над текстом письма его величество написал: // „Оно скучно, эти постоянные жалобы и хныканья, но вместе с тем показывают*, как, собственно, немцы мелочны и жалки. Что утешительно, это то, что они все-таки нуждаются в дружбе России и страшно боятся ее“. // Изложив все сказанное им ген. Ганке, чтобы убедить его в мирных и дружеских намерениях государя и России, Муравьев присовокупил, „что наши отношения с Францией являются самой серьезной гарантией мира в Европе, так как в высшей степени миролюбивая Россия сумеет удержать Францию от рискованных авантур“. В конце своего длинного письма Муравьев приводит следующую фразу генерала: „Да,—ответил он,—я вам верю и должен сознаться, что пресловутый тройственный союз с отдаленной Италией и неверной и бессильной Австрией не гарантирует ни вас, ни нас от честолюбивых замыслов Англии, единственной державы, которая враждебна и вам, и нам. Хотя он внук королевы Виктории и сын императрицы Виктории, которая так никогда и не сделалась немкой, оставаясь и по сердцу, и по уму англичанкой, но мой молодой монарх понимает это; большое счастье, что он убежден, что в случае войны между Россией и Германией лишь одна Англия извлечет из этого выгоду“. Наш государь не делает никакой пометы против этих довольно любопытных и вкрадчивых слов. Принимая во внимание помету государя над текстом письма, я составляю довольно лаконический ответ, отмечая, что признания ген. Ганке очень любопытны, но, в сущности, не сообщают ничего нового и все время возвращаются к несколько мелочным сетованиям, которые мы уже слышали неоднократно и на все лады. Тем не менее мы очень удовлетворены, так как находим в них свидетельство той ценности, которую дружба России продолжает сохранять

* Так в подлиннике.

в глазах благомыслящих людей в Германии. Можно лишь пожелать, чтобы эти разумные настроения укреплялись и распространялись. Исключительно мирные намерения России, несомненно, вполне отвечают этим настроениям.

Полученная от князя Лобанова экспедиция тоже интересна. В собственноручном письме, которое государь возвращает без всякой пометы, наш посол в Вене передает слух, дошедший до него из довольно серьезного источника, что при последнем своем свидании прошлой осенью канцлер Каприви и граф Кальноки подписали соглашение, дополняющее старый договор тройственного союза и гарантирующее Австрии поддержку со стороны Германии на Востоке. Во всяком случае, был ли подписан подобный акт или нет, добавляет Лобанов, образ действий германского посла в Константинополе доказывает, что самый факт поддержки, обещанной берлинским кабинетом австрийскому на Балканах, вполне реален.

Тем не менее мне кажется мало вероятным, чтобы Каприви, человек в общем весьма прямой, принял на себя какое-либо новое обязательство перед Австрией на этой почве, но весьма возможно, что он ей гарантировал поддержание *status quo* и всех преимуществ, вытекающих из берлинского трактата; как бы то ни было, для нас это не слишком приятно. В своем донесении № 15 князь Лобанов сообщает о глубоком впечатлении, произведенном в Вене убийством болгарского агента Вулковича в Константинополе. Граф Кальноки говорил об этом с нашим послом в несколько возбужденном тоне и признался, что сначала он заподозрил в убийстве эмигрантов, скрывшихся в Сербию и терпимых там; затем перлюстрированное в Константинополе письмо доказало, что убийцы были подкуплены болгарскими эмигрантами в Одессе. Он удивляется покровительству, которое с ведома императорского правительства оказывается им местными властями. Лобанов ему очень хорошо ответил, что мы смотрим на болгарских эмигрантов как на несчастных жертв существующего в стране положения и что мы ограничиваемся лишь оказанием необходимой помощи самым бедным из них. Мало вероятно, чтобы при своем бедственном положении болгарские эмигранты могли подкупить кого бы то ни было; происходящие покушения являются, несомненно, результатом негодования родственников и друзей многочисленных жертв столь самовластного и незаконного правительства. В проекте нашего ответа, развивая эту реплику Лобанова, я опираюсь на следующие соображения: „Производимое в Константинополе следствие до сих пор не

открыло убийц г. Вулковича, но кем бы ни был преступник, он ни в коем случае не может рассчитывать ни на покровительство императорского правительства, ни на малейшую его поддержку. Но отвратительные преступления нынешнего режима в Болгарии также не находят в наших глазах снисхождения, и мы категорически отказываемся от всякой терпимости к ним“.

Депеша князя Лобанова № 13 дает интересные подробности о „регулировании валюты“, предпринятом в Австро-Венгрии. К этой депеше приложено донесение нашего генерального консула, поддерживающего сношения с финансовыми кругами; он слышал, что эта реформа, главным образом, должна доставить правительству способы бесконтрольно увеличивать резервный металлический фонд на случай войны. Вместо 50 миллионов, составлявших резервный фонд во времена „Ausgleich'a“ 1867 г., он в настоящее время, несмотря на некоторые расходы, произведенные из этого фонда во время оккупации Боснии и Герцеговины, достигает 100 миллионов флоринов. Постановление, дающее обоим министрам финансов право прибегать ко всем признанным ими необходимыми мерам восстановления денежного обращения в монархии, дало бы им в то же время возможность увеличивать без шума и без прений вышеупомянутый металлический фонд. Привожу абзац из депешы князя Лобанова относительно этой комбинации: „Выраженное * в виде догадки мнение нашего генерального консула Губастова, что главная цель, преследуемая правительством, состоит в том, чтобы под прикрытием изменения монетной системы увеличить предназначенный на случай войны резервный фонд“. Император Франц-Иосиф принял монетную реформу горячо к сердцу и употребил личное свое влияние, чтобы склонить на нее австрийского министра финансов, который до того времени был ее противником. Можно себе сказать, что если бы дело шло об исключительно финансовом и экономическом вопросе, император, из недоверия к своим познаниям по этой части, никогда не решился бы действовать столь настоятельно“¹³⁰./

Политическая секретная сторона этой реформы нас конечно интересует больше всего. Поэтому надо, чтобы наше посольство и наше консульство самым бдительным образом следили за этой стороной вопроса.

Составляю проект письма нашему агенту при римской курии Извольскому в ответ на его очень интересное доне-

* Так в подлиннике.

сение о затруднениях, испытываемых Львом XIII при попытках осуществить свой идеал консервативной и христианской, хотя и республиканской, Франции. В одном из донесений Извольского говорится также о кардинале Ледоховском, который хотя и занимает пост префекта пропаганды, облегчающий избрание в папы, но, по мнению нашего представителя, имеет мало шансов на это. Французский посол недавно высказался в том же смысле г. Гирсу, добавив, впрочем, что кардинал Ледоховский в гораздо меньшей степени является сторонником тройственного союза, чем это обыкновенно предполагают, и что он питает большую симпатию к Франции. Тем не менее мы бы предпочли, чтобы ему не представилась возможности к получению тиары.

Четверг, марта.

Слава богу, г-же Гирс лучше, и я застаю министра успокоенным и лучше себя чувствующим. Он подписывает личное письмо Муравьеву. Государь одобрил проект письма Лобанову. Наш курьер может сегодня уезжать. Г. Гирс мне рассказывал о своем докладе во вторник. Государь оставил у себя записку Монтебелло о военной конвенции; он ее находит слишком детальной. Его величество согласен, что не надо ни спешить, ни компрометировать себя, но он все же, повидимому, склонен к подписанию военной конвенции и желает, чтобы специалисты обсудили этот вопрос. По мнению государя, французский военный, пользующийся доверием, мог бы приехать сюда летом или во время маневров; к этому времени ген. Ванновский мог бы быть посвящен в сделанное нам предложение, и тогда будет видно, какое решение надо принять. Наш монарх признает, что высказанное французами пожелание, чтобы мы вступили в войну с 800-тысячной армией, как только Германия начнет воевать с Францией, несколько преувеличено, и по этому поводу его величество высказывает странную мысль, что мы могли бы заявить французскому правительству, „что в принципе мы соглашаемся на его предложение, сохраняя за собой однако право не присоединяться к военным действиям вплоть до того момента, когда мы найдем это удобным“. К чему же свелось бы в таком случае соглашение? Можно ли серьезно предлагать такие вещи? Вчера Монтебелло перед своим отъездом в Париж, куда он отправляется за супругой, приходил спросить, как отнесся госу-

дарь к его записке. Министр ему ответил в общих выражениях, заявив, что наше принципиальное дипломатическое соглашение вполне отвечает требованиям момента, а что для дальнейшего его развития в военную конвенцию надо посоветоваться с компетентными людьми и что об этом можно будет позаботиться в свое время¹³¹. Беседа с французским послом утвердила еще раз г. Гирса в убеждении, что посол — совсем не орел. „Монтебелло — дурак“, сказал он. Если это и слишком сильно сказано, то надо сознаться, что он человек очень ограниченных способностей, но, впрочем, порядочный и довольно приятный, однако же совершенно не способный серьезно разговаривать о важных делах.

Суббота, 7 марта.

Газеты сообщают о мерах, принятых в Париже для предупреждения новых взрывов. Подобные покушения произошли и в Брюсселе. В Англии — грандиозная забастовка 700 тысяч углекопов. Надо признаться, что время наше беспокойное и не внушает доверия к будущему. Разрушительные элементы цивилизации обнаруживаются и растут среди громадного большинства бедствующих человеческих существ. Катастрофа, которая в силу этого произойдет когда-нибудь, сравняется с самыми страшными нашествиями варваров, которые разрушили и преобразовали древний мир. В Берлине — расстройство в делах и министерский кризис. Наш поверенный в делах подтверждает известие, что граф Каприви подал в отставку. Вильгельм II, находясь, повидимому, в нерешительности по вопросу о назначении новых министров, отправился на охоту и под предлогом нездоровья и необходимого отдыха не сообщил, когда вернется.

Гирс мне рассказывает о продолжительном визите князя Лобанова, который был у него вчера. Наш посол, прибывший вчера прямо из Вены, подтверждает все, что написал в последней экспедиции, добавляя, что граф Кальноки просил его передать г. Гирсу миролюбивые и дружественные его заверения. Лобанов считает возможным, что между Австрией и Германией подписано особое соглашение о Востоке; эти сведения были ему доставлены из весьма достоверного источника. Он считает, что если денежная реформа удастся, то австрийское правительство будет иметь возможность довести свой резервный фонд до внушительной цифры в 300 миллио-

нов золотых флоринов; это ему даст средства, которых хватит по крайней мере на три месяца войны.

Министр получил официальное сообщение, приглашающее всех глав министерств и главных управлений представить их ходатайства о наградах в специальный комитет, который будет теперь рассматривать их вместо комитета министров. Оказывается, опасаясь, что при приближении праздников ему придется подписывать сотнями патенты на знаки отличия, государь только что приказал, чтобы к подписи монарха в будущем представлялись лишь патенты на высшие ордена. Не проще ли было бы упразднить все знаки отличия, потерявшие всякий смысл, и избавить людей, не совершивших никакого проступка, от уплаты замаскированного налога, сопряженного с пожалованием знаков отличия через каждые 3—4 года? В газетах я нахожу недурное описание заседания комитета министров, с указанием, как размещались за столом заседания его члены. Надо сознаться что этот ареопаг в настоящее время далеко не аристократичен. Только граф Воронцов и граф Протасов-Бахметьев принадлежат к хорошим семьям, а уважаемый //Николай Карлович// Гирс — к хорошему обществу. Отбросив армянина Делянова и румына — или неизвестной национальности — Абазу, все остальные министры в полной мере плебеи. Если бы эти лица отличались по крайней мере талантами или какими-нибудь выдающимися заслугами! Но, по признанию всех, кто их знает, лишь один Вышнеградский обладает способностями, только Чихачев — честностью и серьезностью, а мой дорогой министр — и тем и другим, т. е., иначе говоря, является настоящим государственным деятелем. Все же остальные — просто посредственности и в той или иной степени интриганы, корыстолюбивые и зловерные.

Воскресенье, 8 марта.

Вышнеградский попросил министра принять его на полчаса, но пробыл у него с 10 до 11. Г. Гирс мне слегка жалуется на это, когда я к нему спускаюсь. На мое замечание, что по крайней мере их разговор должен был быть интересным, он отвечает: //„Да, он, может быть, и шельма,“ но действительно очень умный человек“. Министр финансов приезжал переговорить о трех заседаниях, которые он предполагает созвать: одно по поводу мер, которые должны быть приняты на бухарской границе, другое по вопросу о заклю-

чении таможенного договора с Германней и наконец третье относительно ловли котиков. Он жалуется на несколько пассивную роль нашего товарища министра г. Шишкина в комитете министров при обсуждении вопроса об отмене ограничительных законов об условиях покупки имений и владения ими в Волынской губернии. Министр финансов находит необходимым проведение более либеральных законов, признающих право владения и за лицами, не принадлежащими к православному вероисповеданию ¹³².

Он находится под сильным впечатлением донесения нашего генерального консула в Вене о „регулировании валюты“, которое ему было сообщено. Он думает, что эта денежная реформа Австро-Венгрии не удастся, и, принимая во внимание сведения о тайных проектах, которые за нею кроются, он, Вышнеградский, сделает все возможное, чтобы ее сорвать. Пока что он все это время покупал большое количество золота, главным образом в Лондоне. В общем, однако, г. Вышнеградский смотрит весьма пессимистически на наше финансовое положение; он откровенно говорил г. Гирсу об угрожающем нам банкротстве и о безвыходном положении наших финансов. Мой министр полагает, что все это несколько преувеличено.

Я возвращаюсь к себе наверх в 11 часов 20 минут; чувствую себя нездоровым. Это мне мешает пойти к обеду. Государь вернул телеграмму Муравьева относительно министерского кризиса в Пруссии с пометой: //„Нет сомнения, что Каприви останется“././ Его величество вернул также в отдельном пакете и без всякой пометы пресловутую секретную записку французского посла касательно военного соглашения. Министр возьмет ее с собой еще раз на будущий доклад. Я должен отметить характерную мелочь: когда Вышнеградский жаловался на Шишкина, министр его спросил, почему он не обратился к Абазе за поддержкой в комитете министров, на что министр финансов ответил: //„Абаза — политик; он старается говорить только в духе того, что нравится// в высших сферах“.

Понедельник, 9 марта.

Министр мне рассказывает, что он виделся вчера с князем Лобановым после того, как последний завтракал в Аничковом дворце. Их величества приняли его очень любезно, но, как и с графом Шуваловым, государь совсем не говорил с ним о политике. Лобанов как будто этим несколько озабочен.

Министра же это успокаивает в отношении намерений государя. Впрочем, кто-то предупредил князя, что его величество в общем стал равнодушно относиться к внешней политике. Однако с моим дорогим министром государь занимается ею даже с некоторым увлечением. Лобанов остановился, по обыкновению, у Половцева, снабдившего его кучей более или менее фантастических рассказов, которые он старается проверить у г. Гирса. Государь якобы в таком настроении, что лица, которых он вызывает к себе, крестятся, прежде чем войти к нему. Их величества будто бы в очень дурных отношениях друг с другом и т. д., и т. д. Министру нетрудно опровергнуть эти слухи. Труднее ответить на вопрос, поставленный ему послом, как в свое время и его берлинским коллегой: было ли что-либо подписано между французами и нами? Министр, делая обзор всего, что произошло со времени визита французской эскадры в Кронштадт, отвечает уклончиво. Лобанов говорит, что в Вене очень озабочены состоянием здоровья Вильгельма и очень склонны верить слухам о грозящем ему психическом расстройстве.

Вторник, 10 марта.

Комитет министров должен сегодня разрешить вопрос о частичном вывозе из некоторых местностей пшеничной муки, ввиду того, что снабжение губерний, пострадавших от голода, уже закончено.

Получена телеграмма от Муравьева; он полагает, что берлинский кризис близок к разрешению и что граф Каприви останется канцлером, отказавшись от поста председателя прусского совета министров; эту телеграмму я посылаю Михаилу Гирсу, а затем отправляю государю.

Среда, 11 марта.

Газеты помещают довольно интересный отчет о деятельности комитета, находящегося под председательством великого князя цесаревича.

Официально сообщается о назначении графа Кутузова, зятя Оболенского, гофмаршалом и об отставке Евреинова. Повидимому, в знак высочайшего неодобрения последний оставлен ни при чем. Говорят, что, быть может, он будет со временем назначен сенатором. Нервное возбуждение. Я долго не могу заснуть *.

* Этот абзац печатается по черновой записи, которая при обработке дневника начисто Ламздорфом в дневник не включена.

Четверг, 12 марта.

“//„Гражданин“// помещает ряд писем некоего Диллона, до-
казывающих неточность писем графини Толстой и самого гра-
фа Льва Толстого. Начинается скандальная полемика, предста-
вляющая великого писателя в мало лестном для него освеще-
нии. К 10 часам я иду к Михаилу Гирсу справиться о здо-
ровьи //Николая Карловича.// Доктор Яновский, только что
вышедший от него, констатировал сегодня утром у министра
начало рожистого воспаления уха. Он пишет профессорам
Павлову и Пруссаку, чтобы пригласить их на консилиум.
Я крайне обеспокоен. Приходит Шварц, и мы с ним идем вниз
и вместе с Иониным, а затем и с Оболенским, ожидаем
результатов консилиума. К 6 часам в мой официальный каби-
нет приходит профессор Павлов и сообщает нам, что у ми-
нистра — рожистое воспаление, которое ввиду его возраста и
общей слабости организма настолько серьезно, что он ничего
не может сказать относительно исхода болезни. Я так обес-
покоен, что не могу обедать.

Я спросил Михаила Гирса, известно ли ему о весьма сек-
ретном документе, который находится в числе бумаг, приго-
товленных для доклада в прошлый вторник. Он говорит, что
мельком видел бумагу, написанную рукою французского посла,
и просит меня взять ее со стола министра вместе с нераспеча-
танными с сегодняшнего утра пакетами. Я спускаюсь с ним
вниз и беру с собой все, что нахожу на рабочем столе ми-
нистра, но весьма секретной записки Монтебелло там не
оказывается; мы ее тщетно разыскиваем в портфеле. Я прошу
Михаила Гирса выяснить судьбу этого документа, содер-
жание которого известно лишь государю и министру.

Суббота, 14 марта *

Сегодня вернулась от государя депеша Нелидова от ... **
марта № 82. В ней говорится, что Порты обеспокоена вы-
ступлениями болгарских газет, требующих признания князя
и угрожающих в противном случае провозгласить независи-
мость княжества.

* Последующие записи за март печатаются с отрывочных черновых
набросков, вложенных в дневник и не обработанных Ламздорфом.

** Дата не вполне разборчива. Видимо, от 2/14 марта.

На этой депеше государь надписал: //„По-моему решительно все равно. Внутреннее положение Болгарии от этого не улучшится, а рано или поздно все-таки Кобургского прогонят, будь он королем или князем“./

Воскресенье, 15 марта.

[Из дворца возвращена депеша из Пекина об] //„образе действий германского правительства в Китае. Если отношения к нам берлинского кабинета в Европе за последнее время уже далеко не те, какими были прежде, то, во всяком случае, они не имеют еще того характера открытого недоброжелательства и враждебности нашим интересам, какой счел нужным придавать им германский представитель здесь“./ [Государь на этой депеше надписал:] //„Это, к сожалению, нам давно известно, и это не только в одном Китае!“//

Понедельник, 16 марта.

Был у министра. Телеграммы из Вены от 14/26 марта 1892 г. Буриан вызван в Пешт для отчета о своей деятельности. На Буриана сильно нападают за то, что он ошибся в своей оценке жизнеспособности и силы нынешнего болгарского режима и тем самым ввел свое правительство в заблуждение. [На этой телеграмме царская помета:] //„Болваны, только теперь догадались!“//

Понедельник, 23 марта.

Министр вызвал меня. Я прочел ему более или менее интересные документы; в конце письма Моренгейма о настоящих Фрейсинэ (ничего не делается). Министр мне рассказывает, что около двух недель тому назад в государственном совете Островский говорил с ним о поездке государя в Берлин как о решенном деле.

Понедельник, 30 марта.

От государя возвращаются бумаги. В письме от 26 марта/7 апреля барон Моренгейм описывает печальное зрелище, которое представляет Париж, и происходящие там ужасы. Динамит; слабость правительства¹³³. Министерский кризис ожидается в мае.

„Независимо от того, пойдут ли здесь дела хуже или лучше, я смею думать, что всего осторожнее было бы ограничиться дружественной, но благоразумной выжидательной позицией, так как в первом случае заключение более тесного соглашения, которое недобросовестные люди могли бы использовать нам во вред, представляло бы для нас большую опасность, а во втором случае мы никогда не опоздаем возобновить переговоры в условиях гораздо большей безопасности“.

[Против этого абзаца письма Моренгейма] государь надписал: //„Да“//, отчеркнув весь этот абзац.

„Гг. Фрейсинэ и Рибо выказывают определенное нетерпение по поводу задержки, и я уверен, что Монтебелло, уезжающий со своей супругой сегодня же обратно, везет с собой инструкцию, которой он будет следовать с величайшим рвением.“

Кабинет крайне старается вновь приобрести престиж и авторитет путем каких-либо успехов, вроде кронштадтских, которые могли бы ему вернуть популярность, приобретенную, надо признаться, главным образом за наш счет“.

В письме от 26 марта/7 апреля граф Шувалов дает отчет о положении, которое он застал при своем возвращении в Берлин. Он делает обзор событий, развернувшихся со времени вступления Вильгельма II на престол: международная рабочая конференция, отставка Бисмарка, отказ от школьного закона, который едва не привел к отставке Каприви. Император мешается во все дела; общее потрясение. Разделение функций канцлера и прусского министра-президента между Каприви и Эйленбургом¹³⁴. Министерский кризис обошелся императору в крейцер *. Стоит лишь вспомнить престиж и моральное влияние, которыми когда-то располагал Вильгельм II! Опасение диверсий по линии внешней политики. „Возможно, что, не заходя так далеко, здесь прибегнут к приему, который применяли уже во времена Бисмарка, — представить внешнее политическое положение в угрожающем виде, чтобы отвлечь общественное мнение от жгучих внутренних вопросов, раздуть военный шовинизм и тем самым оттачивать страшное оружие военной мощи, которое можно будет таким образом пустить в ход как против внешних, так и против внутренних врагов“.

* Игра слов: „обошелся в крейцер“ — значит и „обошелся в копейку“ (Kreuzer — мелкая монета), и „стоил крейсера“.

Против этого абзаца государь надписал: „На это надо было быть Бисмарком, а теперешнему императору вряд ли это удастся“./

„Более важным представляется мне то, что крайнее напряжение ресурсов страны, вызываемое все растущими военными потребностями как в Германии, так и в Австрии, даже в Италии, привело к тому, что и помимо военной партии многие разумные и рассудительные люди спрашивают себя, не приведет ли большая война, каков бы ни был ее исход, к разрешению нынешнего совершенно невыносимого положения, которое скорыми шагами ведет к еще более страшной катастрофе: социальному перевороту“.

Император делает помету: // „Об этом и я часто думаю“./
„Впрочем, это вопросы будущего. В настоящее время, повторяю, ничто, повидимому, не оправдывает пессимистических толков, на которые я только что указал.“

Для нас неважно, пострадал ли престиж генерала Каприви внутри страны или нет после последнего министерского кризиса в Пруссии; факт его оставления у власти в качестве канцлера является гарантией того, что германская политика *не сойдет* в настоящее время с пути умеренности. Это всего существеннее“.

Против этих слов государь, подчеркнув слова: „не сойдет“, пишет на полях: // „Не такое положение, чтобы сойти; никто этого не желает“./

А П Р Е Л Ь

Вторник, 7 апреля.

Граф Шувалов пишет, что, не получив никакой новой инструкции от заболевшего министра финансов и принимая во внимание крайнюю осторожность берлинского кабинета, он считает нужным прервать переговоры о торговом и таможенном соглашении с Германией. Государь вернул эту записку со следующей пометой: // „К сожалению, я думаю, придется прервать всякие переговоры об этом до полного выздоровления министра финансов“. (Донесение Шувалова от 2 апреля.)/

Среда, 8 апреля.

Министр хорошо провел ночь, и утренний бюллетень носит успокоительный характер. Шишкин решился испросить разрешения явиться на доклад и едет в Гатчину, куда их

величества вернулись в понедельник вечером. Повидимому, военное министерство настаивает на необходимости принять меры против китайцев в соседних с Памиром краях. Вопрос должен быть обсужден на совещании, которое надо созвать, испросив предварительно согласие государя.

Газеты дают сегодня подробное описание начавшегося было пожара в Зимнем дворце; вероятно, за границей думают, что это по меньшей мере покушение нигилистов.

До обеда заходит на минуту Оболенский; он рассказывает, что г. Шишкин привез из Гатчины от государя весьма сердечный привет министру и г-же Гирс и получил разрешение пригласить на совещание по вопросу о Памире в военном министерстве нашего посла в Вене князя Лобанова, находящегося еще здесь в отпуску и которого, повидимому, все это время очень хорошо принимали при дворе. Все это от меня скрыли, а Оболенский говорит мне об этом как о совершившемся факте, добавляя, что это — проект Капниста, который боится, что вдвоем с г. Шишкиным он не сумеет в военном министерстве противостоять Обручеву и его присным. Что касается меня, то я склонен видеть в этом обращении к помощи князя Лобанова в такой момент, когда здоровье нашего дорогого министра находится в самом тяжелом состоянии, лишь низкопоклонство по отношению к самому вероятному кандидату в его преемники. Все это возбуждает во мне глубокое отвращение и желание уйти как можно скорее из этой ужасной среды.

Четверг, 9 апреля.

Бюллетени о здоровье моего министра делаются все более успокоительными. Я работаю над своими записками. Ко мне очень любезно заходит г. Шишкин и рассказывает о своем вчерашнем докладе, но не говорит ни слова о странном проекте обратиться за помощью к князю Лобанову. Оболенский посылает мне на прочтение несколько бумаг. Письмо Нелидова сообщает о новых шагах султана, направленных к признанию принца Кобургского, и новых попытках болгарских правителей запугать Абдул-Гамида, угрожая ему провозглашением независимости княжества. Наш посол не придает большого значения этим „старым песням“.

В течение дня ко мне заходили Шгард, Ваксель, Ионин и Зиновьев. Последний посетил министра финансов, которого нашел весьма слабым; он завтра уезжает в Крым. Повидимому,

г. Вышнеградский имел апоплектический удар, и у него даже свело рот. Увидев Зиновьева, он заплакал и сказал: //„Вот я возгордился и вообразил себе, что отдых — одна блажь; теперь горько в том раскаиваюсь“. Говоря о голоде, г. Вышнеградский заметил: „Тяжелые времена мы пережили и лишние 20 миллионов побросали, а вы знаете, как трудно их собирать“./.

Пятница, 10 апреля.

Мы завтракаем с Оболенским, а затем приходит Ваксель. Он рассказывает, что великий князь цесаревич оставался на празднике конногвардейцев до 7 утра, пьянствуя и забавляясь с офицерами в казармах полка. Говорят также, что недавнее появление его императорского высочества в ложе великих князей Владимира и Алексея в Малом театре, в обществе Мити Бенкендорфа и Ушакова, вызвало довольно неприятное объяснение между государем и его братьями. Последние обедали в этот день у князя Лобанова в зимнем саду Половцева на Каменном острове; к прибытию цесаревича в театр их ложа оказалась занятой этими самыми близкими их субутыльниками, пользующимися довольно двусмысленной репутацией. Граф Капнист, находившийся в театре на том же представлении, говорил, что появление наследника в обществе Бенкендорфа и Ушакова произвело сенсацию; повидимому, императрица, услышав об этом, пожаловалась государю, который и высказал неодобрение братьям.

Мне кажется, что в 24 года цесаревич уже в таком возрасте, чтобы уметь самому избегать неподходящего общества, но говорят, что молодой человек очень скучает и готов ухватиться за всякую возможность развлечься, где бы она ему ни представилась.

Государь поселился в Зимнем дворце не в половине Николая I, которую отделали заново, а в комнатах, где жил недавно, до постройки своего дворца, великий кн. Алексей. Эти комнаты, говорят, были свидетелями нежной привязанности великого князя к актрисе Мокур. В придворных кругах говорят также о планах женитьбы цесаревича на принцессе Шаумбург-Липпе, сестре нынешней королевы Вюртембергской и любимой внучатной племяннице датской королевы. Молодые люди будут иметь случай встретиться в Копенгагене на праздновании золотой свадьбы датской королевской четы.

Суббота, 11 апреля.

Заходит Зиновьев. Он очень обижен, что граф Капнист отказался познакомить его с перепиской по памирскому вопросу под тем предлогом, что //„мы этой переписки и посла- лам нашим не сообщаем“./ Но ведь Зиновьев гораздо старше Капниста, прекрасно знает все восточные дела и 10 лет управлял Азиатским департаментом. Конечно поступок Капниста обиден.

Я признаюсь Зиновьеву, что нынешний состав министерства мне мало симпатичен. Прошлой осенью, устраивая внизу свой рабочий кабинет, я приспособил его для чаепития, с целью сделать его местом встречи начальников разных отделов министерства; это облегчило бы им сношения друг с другом, доставив возможность в определенный час обсуждать на нейтральной почве различные вопросы и сговариваться между собой в интересах общего дела. Но так мало симпатии, так мало согласия между этими разношерстными людьми, я сам так мало питаю доверия и склонности к Капнистам, Шишкиным и т. д., что очень рад, когда мне представляется случай не встречать их. Сегодня по обыкновению подается чай, но я под предлогом болезни не схожу вниз. //Зиновьев// замечает, что подобные собрания достигают своей цели лишь при общности взглядов, принципов и стремлений участников их. Мы вспоминаем о ежедневных собраниях у меня в период борьбы с //Катковым//¹³⁵ и во время многих критических моментов в прошлом. //„Если бы тогда были между нами интриги, что бы из этого вышло?“// замечает Зиновьев. Он совершенно прав. Я не ошибался также, предвидя в прошлом году, что назначение Шишкина и главным образом Капниста откроет у нас печальную эру.

Понедельник, 13 апреля.

Оболенский присылает мне на прочтение полученную вчера экспедицию, которая вернулась сегодня утром от государя; заключающиеся в ней документы по большей части бесцветны и не содержат ничего нового. В числе их имеется однако одно интересное письмо барона Моренгейма от 9/21 апреля. Наш посол пишет, что известная партия, возглавляемая Клемансо, агентом которой состоит Блювиц и союзником которой является еврейство, склоняет Францию к союзу с Англией ценой Египта, который она считает все равно по-

терянным и, в сущности, ненужным¹³⁶. За эту цену Англия оторвала бы Италию от тройственного союза, который перестал бы существовать, по крайней мере в отношении Франции. Золото течет обильным потоком в кассы французского газетного мира на поддержку этих планов. Барон Моренгейм предвидит близкую перемену кабинета и подумывает о том, не окажется ли во главе нового кабинета Казимир Перье или Констан. Повидимому, девизом Кэ д'Орсэ является воздержание от всякой активности. Посол заканчивает свое письмо словами: „Таково нынешнее положение, и это позволяет нам ждать“, снова намекая на развитие нашего сближения с Францией, которое он еще недавно так горячо рекомендовал.

В виде приложения к письму Моренгейма имеется довольно забавное письмо из Вены. Повидимому, в Австрии не предвидят ничего хорошего для императора Вильгельма и считают его положение весьма непрочным. Говорят, что в Берлине молодого монарха считают больным тремя болезнями: во-первых, l'Alarmistis*, так как он любит поднимать тревогу, далее — „Defilirium tremens“**, так как ему постоянно нужно видеть проходящие церемониальным маршем войска и наконец, в-третьих, „Nordpolution“*** ввиду его постоянных поездок в северные моря. Рассказывают также, что какой-то путешественник-венгерец, путая, „der“ и „das“, вскоре после пресловутой бранденбургской речи Вильгельма спросил у одного берлинца: „Wo ist der Brandenburger Tor?“**** „В Губертштобе“, ответил последний, назвав охотничий замок, где находился император после своего небольшого ораторского эксцесса.

Заходит Зиновьев. Генералы Обручев и Куропаткин ввели его в курс всех вопросов, которые будут обсуждаться в назначенном на послезавтра заседании, на которое приглашен с высочайшего соизволения кн. Лобанов.

Вторник, 14 апреля.

Зиновьев заходит во второй раз, чтобы показать мне записку Шишкина, уведомляющую о приглашении его по

* Alarme — тревога.

** Defilirium tremens — латинское название белой горячки. Defilirium tremens — маршировальная горячка, от „дефилировать“, проходить церемониальным маршем.

*** Nordpol — северный полюс.

**** Der Tor — дурак. Das Tor — ворота. Der Brandenburger Tor — бранденбургский дурак; das Brandenburger Tor — Бранденбургские ворота в Берлине.

высочайшему повелению участвовать в завтрашнем заседании по памирскому вопросу. Повидимому, это высочайшее повеление было устроено сегодня утром ген. Ванновским на его докладе в Гатчине, и он же сообщил об этом Шишкину. Заседание должно начаться в 3 часа, а Зиновьев, представляющийся завтра государю, будет иметь возможность вернуться из Гатчины лишь к 4. // „В какое положение я поставлен?// — говорит он, — // „Они подумают, что это я напросился“ // Всем этим я очень доволен. Это компенсация за беспричинное и непростительное унижение, причиненное моему другу Зиновьеву, и совершенно заслуженный урок для Капниста.

Среда, 15 апреля.

Новый взрыв в Париже в качестве мести за арест анархиста Раващоля¹³⁷. Во Франции произведено много арестов в связи с угрожающими приготовлениями к 1 мая. Надо сознаться, что наши большие друзья французы находятся в печальном положении.

Завтракаю с Оболенским. Говорим о Зиновьеве. Оболенский тоже доволен маленьким щелчком, полученным Капнистом и Шишкиным, хотя и не признается в этом. Он рассказывает, что Капнист всюду хвастается своими трудами, „тем, что он сделал, и тем, что ему еще остается сделать“. Он приписывает себе восстановление нашего влияния в Персии и т. д., и т. д.

Четверг, 16 апреля.

Спускаюсь в свой нижний кабинет в 3 часа. Заходит Дервицкий. Он возмущен слабостью и запуганностью французских присяжных, не вынесших смертного приговора Раващолю¹³⁸. Будучи убежденным противником смертных приговоров вообще, я сомневаюсь, чтобы казнь этого негодяя была чему-нибудь полезна. Это только сделало бы его мучеником в глазах его приверженцев. Я думаю, что раз народ дошел до состояния той деморализации, которая наблюдается во Франции, он может притти в себя лишь благодаря какому-нибудь более общему и гораздо более сильному потрясению. Мы прилагали в течение 20 лет все усилия, чтобы покровительствовать Франции, защищать ее против всякого нападения Германии и способствовать ее восстановлению. В смысле

материальной мощи это восстановление произошло, но моральный упадок продолжает усиливаться. Беспощадная борьба против церкви, против христианского обучения, а теперь определенное стремление к дикому разрушению основ цивилизации, — вот лозунг радикализма, властвующего над правительством и терроризирующего французский народ. Наше сближение с Францией и протекающее отсюда пресловутое равновесие сил в Европе, с другой стороны, на долгое время упрочивает разделение великих держав на два вооруженных до зубов лагеря, которые постоянно подстерегают друг друга и готовятся напасть друг на друга в ущерб безопасности и благосостоянию народов. Бог знает, не было ли бы для нас лучше понемногу изменить свою тактику? Какое имеет для нас, в сущности, значение, что немедкие социалисты и французские динамитчики ссорятся между собой, дерутся и стараются друг друга истребить? За это время Россия могла бы обеспечить себе лучшие условия для быстрого урегулирования своих жизненно важных интересов на Балканах, в проливах и в других местах, своих интересов, от которых зависит ее будущее и мирное развитие ее могущества. Бояться полного разгрома Франции при той материальной мощи, которой она обладает, неосновательно; насколько бы мощной и вооруженной ни была Германия, в войне она приобретает не „провинцию Францию“ (Provinz Frankreich), а беспощадного врага, который надолго ее свяжет. Столкновение между двумя этими нациями было бы ужасно, но, быть может, закончилось бы победой над разрушительными элементами, развивающимися внутри каждой из них и угрожающими всему цивилизованному обществу в целом. //Наше дело сторона!// Вместо того чтобы систематически ссориться с немцами и донкихотствовать в пользу французов, мы должны были бы договориться с ними о нашем нейтралитете, необходимом для них обоих; мы могли бы его обещать при условии предоставления нам известной свободы действий на Востоке. После этого нам оставалось бы только заниматься нашими собственными делами, предоставив другим устраивать свои дела между собой. Им понадобилось бы на это не менее столетия!..

К 6 часам приходит г. Попов. Мы обедаем с ним вдвоем, а затем разговариваем в моей красной гостиной до 8 часов.

Он рассказывает анекдоты о великом князе Сергее; по видимому, ни он, ни великая княгиня не имеют успеха в Москве. Они пришли не по душе почти всем классам общества; переведенный из Варшавы новый митрополит тоже в высшей степени несимпатичен москвичам.

Мы разговаривали с Зиновьевым о болгарских делах; до него тоже дошли сведения о порядке, спокойствии и благосостоянии, царствующих в княжестве, тогда как мы упорствуем в убеждении, что оно стонет под невыносимым режимом террора. Когда и каким образом удастся нам выйти из этого тупика? Я сожалею о столь//„бесповоротных“// декларациях монарха и постоянно думаю о том, что следовало бы постараться ввести болгарские дела в законное русло, найти компромисс для признания принца Кобургского и потихоньку вернуться в Болгарию. Никакая рациональная и плодотворная политика невозможна без некоторой доли гибкости. Неужели такому могущественному монарху, каким является всероссийский самодержец, нужно сводить счеты с такой незначительной персоной, как Фердинанд Кобургский? Нам лишь следовало в свое время протестовать против принципиальной неправомерности его прихода к власти. Разве нам не прямой расчет как-нибудь урегулировать и узаконить этот совершившийся факт? Кобурга опасались главным образом как католика; в общем, мы ни в чем не можем упрекнуть этого незначительного князька, очень спокойного, безвредного и достаточно богатого, чтобы не просить у нас денег. Надо признать, что католическая пропаганда ничем не сказалась в Болгарии, что, впрочем, болгары вообще очень безразличны к религиозным вопросам и поддались бы ей очень туго. Все, чего они хотят, — это чтобы им дали возможность мирно существовать, обогащаться и заниматься своими материальными интересами. Раз это так, чем может нам помешать Кобург, который, будучи нами признан, вероятно, отделается от Стамбулова и лишится главного основания для поддержки его другими державами. Мы должны лишь настаивать на постановлении о православном наследнике на основании тырновского статута и выбрать серьезного, спокойного, тонкого и настойчивого представителя, чтобы потихоньку возобновить с Софией нормальные отношения.

Ужасные подробности о взрыве ресторана Вери в Париже, который динамитчикам удалось произвести, несмотря на наблюдение полиции, чтобы отомстить за арест Равашоля, арестованного в этом ресторане, и напугать присяжных, которые должны были на следующий день вынести приговор этому преступнику. Хорошо положение дел во Франции!

Воскресенье, 19 апреля.

Телеграмма нашего посланника в Тегеране сообщает, что персидское правительство кончило тем, что сговорилось с английским банком по вопросу о займе, предназначенном для ликвидации табачной комиссии. Таким образом, становится невозможной та комбинация, против которой протестовал Вышнеградский и которая заключалась в выкупе этой монополии; мы должны были на определенных условиях предоставить шаху средства, чтобы освободить его от британского влияния. Бюдов, впрочем, добавляет, что выговоренные персами условия гораздо лучше, нежели те, какие предлагали или, вернее, требовали англичане, и что персидское правительство уверяет, что оно могло им противостоять только благодаря поддержке, обещанной нами.

Довольно интересна экспедиция Нелидова. Повидимому, нота болгарских правителей не пришлась по вкусу даже покровительствующим им державам. Требование признания принца Фердинанда было признано неуместным, в особенности в Вене; итальянский посол решительно заявил болгарскому агенту в Константинополе, что ошибочно думать, будто какая-либо из великих держав решится поссориться с Россией из-за Болгарии. Успокоенный на время султан, вероятно, не предпримет ничего в связи со сделанным болгарами шагом и даже не даст им никакого ответа ¹³⁹. Наш посол по некоторым признакам считает положение в Софии крайне непрочным: принц Кобургский и Стамбулов якобы в очень дурных отношениях, финансовое положение отчаянное и, вероятно, скоро разразится кризис, означающий конец нынешнего режима. Не первый уже раз Нелидов убаюкивает себя этими иллюзиями.

Возвращаясь в среду из Гатчины, Зиновьев ехал с прежним здешним предводителем дворянства графом Бобринским, представлявшимся государю, чтобы дать отчет о своей командировке в Тамбовскую губернию. Граф поражен иллюзиями его величества, который не верит ни в действительно бедственное положение населения, ни в серьезность тифозной эпидемии, разразившейся в этой губернии.

Понедельник, 20 апреля.

Солнечный день. Доктор Яновский выпускает совершенно успокоительный бюллетень: //„Улучшение продолжается безостановочно, больной вне опасности. Вследствие сказанного бюллетени прекращаются“.//. Слава, слава богу!..

День „страшного“ 1 мая прошел во всей Европе, вопреки всем ожиданиям, весьма мирно.

Среда, 22 апреля.

Работал у себя над записками и закончил составление небольшой папки с перепиской, касающейся наших переговоров с Францией этой осенью.

Четверг, 23 апреля.

Работал у себя над папкой, содержащей наши соглашения с Францией. Возвращенный сегодня утром государем пакет с докладами// Азиатского департамента содержит строгую помету его величества. Это уже второй раз, что подобные бумаги посылаются в Гатчину с нарушением предписанной формы и без полагающейся отметки: //„По Азиатскому департаменту“//. Мне не показывают посылаемых государю бумаг, но Оболенский мельком упомянул вчера о докладах Капниста, причем, как бы по предчувствию, я спросил, имеется ли на них указание, что они идут от Азиатского департамента. Вчера или третьего дня монархом было сделано подобного же рода замечание. Он выразил свое неудовольствие пометой на депешах г. Ону, написанных по-французски, а не по-русски. Повидимому, все это было неприятно Шишкину. Мне приходит порою на ум, что дурное расположение духа вызвано у государя некоторыми дошедшими до него слухами, — быть может, через военное министерство, — по поводу образа действий Капниста в связи с совещанием по памирскому вопросу. Странная идея — просить об участии в заседании кн. Лобанова, исключив Зиновьева.

Пятница, 24 апреля.

Когда Зиновьев ездил этим летом в Стокгольм, то он путешествовал вместе с ген. Черевиним, ездившим на несколько дней в шведскую столицу. Зиновьев мне рассказывал, что его спутник пил всю дорогу и так напился в Стокгольме, что, отправляясь на пристань, чтобы сесть на пароход, сей генерал-адъютант и в некотором роде друг императора всероссийского на улице шатался, чем страшно смущал провожавшего его Зиновьева. Войдя на пароход, он тотчас же уронил в море свою шляпу. Конечно, Черевин в разговоре с Зиновьевым разругал наше министерство и не постеснялся сказать ему в лицо:

„А ваш главный враг — этот же Гирс, уж это поверьте мне, я наверное знаю“.

По словам Деревицкого, в канцелярии переписывают отчет, — Оболенский не счел нужным предварительно показать его мне, первому советнику!

Тот же Деревицкий мне, между прочим, рассказывает, что граф Прозор, поляк-католик, которого избрали для исполнения функций редактора в Азиатском департаменте, получил на пасху тысячу рублей наградных сверх назначенного ему жалованья в 4000 рублей, и это еще до того, как он приступит к исполнению своих обязанностей!

Суббота, 25 апреля.

Вчера получено известие о падении кабинета Рудини¹⁴⁰. Мы узнали об этом из газет, так как, очевидно, наш посол Влангали занимался в это время каким-нибудь другим, более важным делом, чем политика. Между тем, это событие не лишено значения. Если новый премьер будет принужден урезать военные расходы, дабы улучшить отчаянное положение итальянских финансов, то это может существенно отразиться на участии Италии в тройственном союзе.

Воскресенье, 26 апреля.

Михаил Гирс передал мне от имени отца письмо Влангали, сообщив, что министр хочет о нем со мной переговорить завтра или послезавтра. Наш бдительный градоначальник ген. Грессер два дня тому назад внезапно заболел, и его состояние внушает большие опасения.

Понедельник, 27 апреля.

Газеты сообщают о впечатлении, произведенном в Берлине сменой итальянского министерства. Этот факт может иметь большие последствия. Поздравление, посланное императором Вильгельмом графу Герберту Бисмарку по поводу его помолвки подтверждает до известной степени слухи о возможном восстановлении влияния великого Бисмарка, его отца. Император Вильгельм, повидимому, в настоящее время очень восстановлен против своей матери. Последняя поехала навестить королеву Викторию в Дармштадте в то время, когда император направлялся через Франкфурт в Шверин. Ожидали, что

„Reise-Kaiser“ сделает небольшой крюк, чтобы приветствовать свою престарелую бабушку; предполагали, что по этому случаю состоится примирение между ним и вдовствующей императрицей. Но Вильгельм II предпочел продолжать путешествие не задерживаясь.

Граф Шувалов пишет из Берлина от 24 апреля/6 мая: „Не подлежит сомнению, что отсутствие опыта, энергии и крупных способностей все больше и больше дает себя чувствовать в управлении страной. Никто не смеет об этом говорить, но многие думают об этом про себя, сожалея об обитателе Фридрихсруэ. Кто знает, не суждено ли нам видеть князя Бисмарка еще раз в роли „отца отечества“, в качестве советника столь же ценного, сколь и ценимого?!“ Граф Шувалов, так же как наш поверенный в делах в Вене князь Кантакузен, нисколько, повидимому, не успокоен тем, что 1 мая прошло тихо и без всяких шумных демонстраций. Они видят в этом доказательство строгой дисциплины, отличающей немецких социалистов от анархистов. Они оба отмечают ужасающий рост социализма, который в будущем, и быть может, в будущем довольно близком, грозит, прежде всего Германии, столкновениями, более кровавыми и гораздо более опасными, нежели шумные выступления анархистов.

Барон Моренгейм в письме из Парижа от 23 апреля/5 мая рисует картину положения Франции в самых мрачных красках; в полном противоречии с планами франко-русского сближения, которое он прежде так горячо рекомендовал, он стоит теперь за соблюдение сдержанности в отношении этой страны, в настоящее время богатой и сильной, но нравственно падшей. „Вожди космополитического радикализма, — пишет наш посол, — рассчитывают, что будущее принесет им успех, и не было бы ничего более вредного и опасного, чем позволить им надеяться во всех случаях на поддержку России, связанной формальными и неразрывными соглашениями“. На полях против этих слов государь написал: // „Они хорошо это знают и чувствуют“. // „Наоборот, ничто не могло бы так укрепить консервативный элемент, — продолжает Моренгейм, — как ясное доказательство, что симпатии России могут быть обращены только к Франции консервативной“. Заканчивая письмо, посол пишет: „До того времени мы должны занять выжидательную позицию. Этим путем в весьма сильной степени мы можем способствовать спасению Франции от себя самой, рассеяв в подходящий момент опасные иллюзии. Это было бы в одно и то же время и разумно, и честно. Я не думаю, чтобы мы

чем-либо рисковали, сохраняя как можно дальше свободу действий. Нам Франция может быть очень полезна, мы же ей необходимы“.

Государь пишет на полях против этого абзаца: „Совершенно верно“./.

В добрый час! Разве это не мысль моего дорогого министра и не буквальное повторение того, что мы столько раз писали нашему чересчур ретивому послу, желавшему во что бы то ни стало заставить нас подписать в сентябре формальное военное соглашение с Францией?

Барон Моренгейм почти испуган спокойствием или, вернее, оцепенением, которое наблюдалось в Париже и почти повсеместно во Франции в день 1 мая. //„У страха глаза велики“, — пишет он, — //„все попрятались по норам“./ В Париже были сконцентрированы огромные военные силы; говорят, что в боевую готовность было приведено в этот день около 80 тысяч войск. Представление об общей запуганности и деморализации дает приговор, вынесенный Равашолю, и все эти чрезвычайные меры. И тем не менее посол считает совершенно возможным и даже почти неизбежным возобновление подвигов динамитчиков и в заключение цитирует слова знаменитого митрополита Филарета, которые он вычитал в одном из писем последнего к //Андрею Николаевичу Муравьеву: „В Европе только две партии: злые и худые“//.

В настоящее время именно во Франции, по словам нашего красноречивого, но слишком впечатлительного посла нет никого, кроме злых и худых, а небольшое количество добрых, оставшихся еще там, кажутся ему ни к чему непригодными.

Наш посол в Лондоне г. Стааль также пишет, что день 1 мая прошел в Англии мирно, а привычка к большой свободе в этом отношении отняла всякую агрессивность у манифестации анархистов, поборников мировой революции; главные и самые рьяные их представители, которых понемногу повысылали отовсюду, в настоящее время собрались в Англии. Стааль в заключение выражает надежду, что „наступит день, когда более правильная оценка общей опасности закроет и это последнее убежище для зловещих заговорщиков, являющихся позором для человечества на исходе нынешнего века“.

Государь пишет под этим абзацем: //„Не думаю, чтоб от Англии можно было бы этого ожидать“./.

Донесения Влангали сообщают о сравнительном спокойствии в Италии в день 1 мая. Опасались беспорядков, де-

монстраций, по крайней мере у Ватикана, но ничего не произошло. Наш посол, отправляя свои депеши, не предвидел еще столь близкого падения кабинета Рудини; он, впрочем, ссылается на личное письмо, посланное им на имя г. Гирса; быть может, оно более содержательно, чем его донесения. Это письмо было передано министру.

Вторник, 28 апреля

В 10 часов меня вызывают к министру. Он все еще в постели, но ему, повидимому, лучше, чем третьего дня. Письмо г. Влангали, которое ему передали вчера, сильно его рассмешило. Милейший посол сообщает самым наивным образом о более чем академическом разговоре, происходившем у него с маркизом ди-Рудини. Последний говорил ему о своих надеждах на сохранение мира и на разрешение болгарского вопроса, — единственного вопроса, который мог бы угрожать миру. Итальянский министр думает, что Германия готова целиком способствовать приемлемому для России разрешению вопроса, а при наличии доброй воли двух держав тройственного союза Австрия в конечном счете присоединилась бы к решению, принятому ими.

Рудини спрашивал также, не проедет ли государь через Берлиа по пути в Данию, опять-таки в интересах общего умиротворения. Наш посол отвечал на все это общими местами. Затронув затем тему взаимоотношений Франции и Италии, он перешел к предложениям, изложенным в нижеследующем абзаце его письма от 21 апреля/3 мая 1892 г. (за три дня до падения кабинета):

//„Итальянцы убеждены, что французы только и ищут случая напасть на Италию. Без сомнения, все это результат необузданной французской прессы. Я советовал Рудини, чтобы расположить французов, уступить им Массову¹⁴¹. Это избавило бы Италию от бесполезной и безбудущностной* колонии. Он рад был бы от этого добра отделаться, но англичане не допустят такой подарок французам, а если отдать англичанам, то французы озлятся. Вот в какое положение станут бессмысленные завоевания. Занять легко, но что после? Рудини готов был бы и просто бросить эту колонию, но тогда в камере он потеряет по крайней мере 20 голосов, а это много, потому что в Италии кабинету, не имеющему около

* Так в подлиннике.

100 голосов большинства, трудно удержаться“./ „Уступка Массовы французам — вот философский камень! — говорит мне министр. — Но в этом весь наш Влангали“. Я вскоре покидаю г. Гирса, которому становится несколько хуже:

Среда, 29 апреля.

Шишкин выражает желание видеть меня в канцелярии, и когда я спускаюсь вниз, он говорит со мною о проекте письма, которое желал бы послать г. Стаалю с завтрашним курьером, дабы предупредить его, что, не придя к окончательному заключению по всем пунктам, совещание, созванное в военном министерстве, решило послать отряд по направлению к Памиру с инструкцией не переступать линии Мургаба¹⁴². Мне неприятно принимать на себя эту работу и разбираться в деле, столь мало мне известном. Так как Шишкин сказал мне, что Капнист желал бы предварительно ознакомиться с этим документом, то я догадываюсь, что ко мне товарищ министра обратился по просьбе этого ошипанного орла, а я не хочу делаться редактором Азиатского департамента. Маленький граф Прозор, поляк-католик, женатый на шведке, которого выписывают с другого конца Европы, чтобы отдать его в распоряжение Капниста, еще не приехал. И последний, пользуясь болезнью министра, возобновляет свои попытки использовать меня. Все это меня расстраивает и вызывает во мне глубокое отвращение.

Четверг, 30 апреля.

Среди возвращенных документов находится перлюстрация довольно незначительной телеграммы, очевидно посланной турецким министром иностранных дел Саид-пашой турецкому послу в Петербурге Хусни-паше; наши перлюстраторы ошиблись и надписали в заголовке телеграммы: „Хусни-Саиду“. Государь подчеркнул этот заголовок и надписал: „Я думаю, наоборот“./ Ни Шишкин, ни Оболенский не заметили этой оплошности. За последнее время набралось уже много таких помет с порицаниями. Бедный ген. Грессер умер вчера вечером в 5½ часов. В газетах помещен ряд сочувственных некрологов, но панегирики этого рода всегда более или менее смешны. Между прочим, „Гражданин“, желая показать, насколько покойный был доступен, вместо того чтобы написать:

//„С виду будто неприступный“//,—написал с опечаткой:
//„будто не преступный“// и т. д.

Шишкин вызывает меня еще раз, на этот раз в свой кабинет, где я его застаю вдвоем с Капнистом; он сообщает, что вопреки всякому ожиданию вчерашнее заседание пришло к окончательному решению почти по всем вопросам, а потому следует переделать письмо г. Стаалу. Капнист передает мне телеграмму военного министра туркестанскому генерал-губернатору, предлагающую последнему выслать отряд по направлению к Памиру с инструкцией избегать всякого столкновения и не переходить за Мургаб; целью отправления отряда является защита наших киргизов и оттеснение китайских передовых постов, которые как будто вторглись на нашу территорию. Затем государю послан проект телеграммы нашему посланнику в Китае следующего содержания: //„Потребуйте немедленного отозвания китайских караулов. Мы выставим отряд для охраны... * наших киргизов, выдвигая его однако не далее Мургаба“//

В сущности, дело заключается теперь в сообщении копий этих двух документов г. Стаалу — не для того, чтобы сделать их предметом сообщения английскому правительству, а для того, чтобы он узнал, как обстоит дело на случай возможного запроса. Я спрашиваю себя, почему не написать //препроводительной// бумаги к этим двум телеграммам, написанным по-русски, на русском же языке? Тем не менее я не желаю возражать; я указываю, что так как вопрос в целом мне совершенно неизвестен, для меня весьма затруднительно писать что-либо по этому поводу. Все это меня в высшей степени раздражает и огорчает.

М А Й

Пятница, 1 мая.

Вчера г. Шишкин написал государю, что //„особое совещание о Памирском крае пришло во вчерашнем заседании своем к полному соглашению“//; вследствие этого он испрашивал для князя Лобанова разрешение вернуться к своему посту в Вену. Его величество возвратил эту записку сегодня утром с простой и лаконической пометой: //„Может ехать“// Говорят, что Капнист очень этим раздосадован. Ни малейшей

* Пропуск в подлиннике.

благодарности и ни слова на прощанье этому послу, кавалеру ордена св. Андрея, задержанному здесь почти на месяц, чтобы заниматься вопросом, отнюдь его не касающимся. (Я снова подумываю, что в этом кроется интрига.) На перлюстрации ответной телеграммы Хусни-паши Саиду-паше имеется тоже более или менее знаменательная помета. Хусни, между прочим, в этой телеграмме приписывает Шишкину следующие слова: „комитет министров должен принять меры в связи с предложением барона Гирша об отправлении в Америку за его счет евреев, желающих покинуть пределы России, и о том, чтобы отныне никакая высылка последних не могла иметь место“. Государь подчеркнул последние слова и написал снизу: //„Да когда же это было?!“// Я собираюсь, в случае если меня вызовут еще раз к г. Шишкину, дать ему ясно понять, что с меня довольно; к счастью, я избегаю этой неприятности.

Когда я возвращаюсь с прогулки, ко мне приходит Ваксель, а затем появляется г. Шишкин со словами: //„А мы ваш проект должны были немного изменить“// А затем он начинает мне говорить, что объяснения, данные мне вчера в его присутствии графом Капнистом, были очень неясны. Я ему отвечаю: //„Да, граф Капнист, может быть, там припомнил, что первые советники иногда писали для Азиатского департамента, но тогда они участвовали в совещаниях или, по крайней мере, ознакомлялись с протоколами оных и всей перепиской по делу. Я ничего так не боюсь, как писать по делам, мне не совершенно знакомым. Ведь не о громких фразах и не с какой-либо отписке идет речь, а о точном и ясном изложении фактов, которые мне предоставляются очень смутно. При таких условиях писать нельзя“// Шишкин делает вид, что разделяет мое мнение, но по выражению его лица видно, что он почувствовал данный мною урок. К нам вскоре присоединяется пришедший к чаю Зиновьев. Он говорит, что остался весьма доволен результатами вчерашнего заседания, которое очень мирно пришло к единогласному решению.

Суббота, 2 мая.

Напрасно я ожидаю, что меня вызовет министр. Меня тяготят отношения, установившиеся у меня, против моей воли, за последние дни с бедным глуповатым товарищем министра и с азиатским орлом, ошипанным настолько, что он не может расправить свои крылья.

Завтракаю с Оболенским. Он покидает меня в 2 часа и тотчас же после этого присылает мне сказать, что приехал государь и находится у министра. Г. Гирс вызывает меня к 3 часам и рассказывает все подробности свидания с монархом, который был как нельзя более добр, любезен и внимателен. Его величество на этот раз не предупредил о своем посещении, но, находясь в городе, где присутствовал на похоронах ген. Грессера и завтракал у великой княгини Марии Павловны, супруги великого князя Владимира, по случаю дня ее рождения, государь приехал к 2 часам к нашему дорогому больному, который обыкновенно чувствует себя лучше в это время дня. Г. Гирс, будучи еще слишком слаб, чтобы стоять на ногах, лежал на кровати в халате. Государь с большим интересом спрашивал о его здоровье. Когда министр сказал ему, что долго не сможет заниматься всеми делами и будет вынужден ограничиться исключительно чисто политическими делами, уехав в деревню на два месяца на отдых, и вслед за тем добавил: // „А затем, ваше величество, увидите, могу ли я на что-либо пригодиться“, // то его величество быстро возразил, что не желает и слышать об его отставке: // „Отдохните, поезжайте затем за границу, и я уверен, что вы поправитесь совершенно“. „Если вам не окажется возможным быть у меня, я приеду к вам в Финляндию“, // — добавил государь.

Все это очень хорошо и делает большую честь его величеству. Государь затрагивает также деловые вопросы: констатирует спокойствие, которым мы пользуемся, выражает удовлетворение по поводу результатов совещания о Памире, говорит о предстоящем ему 9 мая отъезде со всей семьей в Копенгаген и наконец объявляет о своем намерении посетить императора Вильгельма в Киле, о чем поручает министру сообщить графу Шувалову личным письмом. Министр просит меня заготовить проект этого письма, указав на Киль как на то место, где встреча могла бы состояться (государь определенно сказал: // „В Берлин я не могу ехать“ //), и на 21 мая/2 июня как день вероятного приезда его величества в этот город. Г. Гирсу слышалось, что это будет // на обратном пути в Россию // . Проект письма должен быть представлен государю Шишкиным, которого его величество приказал вызвать для доклада в Гатчину, добавив: // „Я во вторник утром буду свободен; императрица приезжает в понедельник вечером; к тому же я буду лучше знать числа и обозначу их на проекте“ // .

Стоит еще вопрос о назначении посланников на освободившееся место в Штутгарте и скоро, быть может, и в Гааге. Государь сказал министру: //„Надо предложить королеве Ольге Николаевне на выбор несколько кандидатов: только для нее мы и назначим посланника в Штутгарт, а то бы совсем не нужно. Поручите это Ламздорфу“//, т. е. моему племяннику Николаю. Но министр находит совершенно невозможным поручить совсем молодому секретарю представление королеве списка кандидатов на пост его будущего начальника. Я предлагаю г. Гирсу приготовить письмо королеве в дополнение к предшествующему, чтобы сообщить о высочайшем соизволении на ходатайство о приличной пенсии вдове Фредерикса, и предложить на выбор ее величеству кандидатов, которые по своему служебному положению имеют наибольшее основания стать преемниками покойного барона. Министр решает пока наметить в качестве кандидатов посланника в Соединенных штатах г. Струве и старшего из наших советников посольств Коцебу, находящегося ныне в Париже, с тем чтобы, если ни один из них не покажется королеве приятным, предложить других.

Собираемся к чаю. Говорят, что вдова Грессера получила весьма трогательную телеграмму от государя; среди ряда лестных слов о ее покойном муже там говорится, что //„такие заслуги не забываются“//. Императрица также прислала телеграмму с соболезнованиями, но опубликование ее не было разрешено. Почему? Сын Грессера, камер-паж, был освобожден от экзаменов и произведен в офицеры, а г-жа Грессер получила 50 тысяч рублей на расходы по погребению ее супруга и на обмундирование сына. Говорят, что в церкви св. Анны было очень много народа; государь присутствовал в течение всей службы, и молитвы после проповеди были произнесены пастором по-русски.

Понедельник, 4 мая.

Влангали решился наконец сообщить по телеграфу о смене итальянского кабинета. Председателем его стал г. Джиолитти. В Риме не думают, чтобы это было надолго ¹⁴³.

Получил письмо от Шварца. Положение вещей, которое он застал в Казанской губернии, весьма печально; большая бедность, из-за засухи пропали и озимые посевы. Да хранит нас бог от повторения бедствия прошлого года!

Я передаю министру проекты заготовленных мною писем. Шишкин отвезет завтра в Гатчину проект письма графу

Шувалову. Я советую г. Гирсу попросить у государя разрешения переслать этот текст по телеграфу, чтобы предоставить нашему послу больше времени для порученных ему щекотливых попыток. Министр одобряет эту мысль. Газеты публикуют телеграммы государя г-же Грессер. Они трогательны, так как на них печать искренности, но редакция их неудачна: *//„Страшно [опечален]“//* и *//„мучительная тоска“//* — для *//русского царя//* это слишком неумеренные выражения. В телеграмме императрицы неудачны слова: „непоправимая и громадная потеря для государя“, а также и то, что она „так много“ думает о сыне г-жи Грессер.

Суббота, 30 мая.

Министр вызывает меня к 11 часам. Он говорит, что посвятил вчера ген. Ванновского в сущность нашего соглашения с Францией. Военный министр, повидимому, в восторге и признал, что планы ген. Обручева относительно военного соглашения непрактичны и неосторожны. Основания, указанные в документах, которыми мы обменялись с французским правительством в августе 1891 г., вполне достаточны с политической точки зрения; если военные считают нужным сговориться между собой на случай некоторых возможностей, то они должны, во всяком случае, сделать это так, чтобы не скомпрометировать нас каким-либо письменным документом, сохраняя за ними полную свободу действий. Ген. Ванновский, кажется, понял, что целью французов является именно покушение на нашу свободу действий и стремление распоряжаться нами при помощи какого-либо формального соглашения, компрометируя нас в глазах других держав. Мы получили от них документ в виде памятной записки, врученной в феврале г. Гирсу французским послом; на это следует ответить принципиальными обещаниями на словах и продолжать придерживаться нашей декларации, сделанной в августе прошлого года. Г. Гирс говорит о своем окончательном решении переехать завтра в Финляндию. Он ничего не спрашивает ни о моем здоровье, ни о том, что я намерен делать, но настаивает на необходимости для него полного покоя, прося, чтобы бумаг присылали ему как можно меньше. Когда я слегка коснулся вопроса о моем отпуске в связи с тем, что здесь мне нечего делать, он мне ответил: „Конечно, уезжайте, когда пожелаете“. Я надеялся поговорить с ним вообще о моем положении, но вижу, что это совершенно невозможно.

Воскресенье, 31 мая.

Письмо военного министра Н. К. Гирсу*
(Копия).

//Искренно уважаемый Николай Карлович,

Начинаю с выражения моей глубокой радости, что здоровье ваше поправляется, и надежды, что в скором будущем силы ваши вполне восстановятся. Препровождаю вам секретную записку по проекту соглашения с французским правительством; из собственноручной его величества резолюции вы усмотрите, что государю императору угодно знать ваше мнение о политической части этой записки. Проектированную записку по миновании надобности прошу возвратить. Крепко жму вашу руку.

Искренно вас уважающий

Петр Ванновский.//

[Записка ген. Обручева по вопросу о заключении военных конвенций с Францией.]

(Копия**).

//В предположении заключения военной конвенции с Францией необходимо прежде всего иметь в виду следующие обстоятельства¹⁴⁴:

1) Вооружения европейских государств доведены ныне до крайней степени, а мобилизационная их готовность измеряется уже не неделями, а днями и часами. Весь успех борьбы (при равных других условиях) рассчитывается ныне на возможно скорейшей выставке возможно большей массы войск *и на утвреждении противника в действии*. Кто скорее собрал свои войска и скорее ударил на неготового еще противника, тот и обеспечивает себе наибольшую вероятность первой победы, за которою облегчается выигрыш и целой кампании. Приступ к мобилизации не может уже ныне считаться как бы мирным еще действием; напротив, это самый решительный акт войны.

Отсюда тот вывод, что ныне, при неизбежности наступления войны, мобилизация противных сторон должна по возмож-

* Печатаемые ниже документы приложены к дневнику.

** В начале копии записки Ламздорфом скопирована помета Александра III: //„Читал. Я желал бы дать прочесть эту записку Н. К. Гирсу и узнать его мнение по политической части ее“././ Даты на копии записки не имеется.

ности происходить *одновременно*, буде можно, в один и тот же час, ибо та сторона, которая промедлит хотя сутки, может уже горько за это поплатиться. Слово же „мобилизация“ должно ныне выражать и открытие самых военных действий, хотя бы передовыми отрядами, которые с обеих сторон будут стремиться, обеспечивая мобилизацию и сосредоточение собственных войск, мешать таким же операциям противника¹⁴⁵.

Невозможность промедлений в фактическом открытии войны указывает, что в минуту объявления мобилизации не может быть уже допускаемо никаких дипломатических колебаний. Все решения дипломатии должны быть установлены заранее с вполне ясным определением военно-политической стороны борьбы.

2) Чтобы в минуту мобилизации дипломатия могла ясно определить, с кем именно мы начинаем войну, необходимо принять в соображение следующее.

При доведенном до крайности военном напряжении Европы, подготовившей миллионные армии со всем необходимым для них военным материалом, трудно допустить, чтобы впредь начавшаяся на континенте война могла бы ограничиться лишь *изолированной борьбой между какими-либо двумя государствами*. Державы, остающиеся первоначально в стороне, сделаются, несколько ранее или позднее, участниками столкновения: одни открытою силою, другие политическим своим влиянием. Во всяком же случае столкновение закончится общим конгрессом, и на сем конгрессе та сторона будет иметь наибольший вес, которая в данную минуту будет представлять наибольшую силу. Не столько победитель, если он уже истощил свои силы, будет редактировать мирный договор, сколько тот, кто, сохранив свои силы, может грозить новою, выгодною для него войною.

Нашей дипломатии, менее чем всякой другой, возможно рассчитывать на изолированность столкновения России, например, с одною Германиею или с одною Австриею или Турциею. Берлинский конгресс был достаточным в этом отношении для нас уроком и научил, кого нам следует считать опаснейшим врагом: того ли, кто непосредственно с нами сталкивается, или того, кто выжидает нашего ослабления, чтобы приписывать потом условия мира.

Поэтому, хотя в договоре, коим связаны между собой державы тройственного союза, и есть оговорка, допускающая возможность самостоятельного, отдельного той или другой державы действия на свой страх и снимающая в сем случае

с прочих договаривающихся сторон ответственность за последствия начала войны, тем не менее нам не следует принимать сей оговорки в серьезный расчет, ибо сущность тройственного союза по отношению к России останется всегда неизменной, а оговорка дает лишь удобный для наших соседей способ маскировать действительный объем их соглашения и порождать с нашей стороны колебания и сомнения в минуту самого разрыва.

В начале каждой европейской войны для дипломатии всегда является великим соблазном по возможности ее локализовать и ограничить ее бедствия. Но при настоящем вооруженном и возбужденном состоянии континентальной Европы к подобному локализованию войны России следует относиться лишь с особенным недоверием, ибо оно может слишком усилить выгодные шансы не только сомнительных, не открывшихся еще наших врагов, но и колеблющихся союзников *.

*

Сопоставляя вышеизложенные соображения с теми желаниями, которые высказываются относительно заключения конвенции с французской стороны, выяснится* следующее:

1) Французы говорят не о союзном договоре, а лишь о военной конвенции, которая определяла бы одновременность мобилизации французской и русской армий и согласованный заранее способ их действий.

Подобного рода акт им представляется наиболее удобным потому, что заключение союзного договора, как и объявление войны, требует разрешения палат, тогда как мобилизация армии может быть объявлена президентом республики помимо палат, не теряя времени на парламентские прения, которым придется затем иметь дело уже с совершившимся фактом.

Такая постановка вопроса кажется вполне сообразной. Имея дело непосредственно лишь с французским правительством, мы ограждаем соглашение от влияния партий, препирательству коих открыт полный простор в палатах. Форма соглашения в виде *военной конвенции* может быть, следовательно, принята.

2) Что касается *одновременности* мобилизации армий, то это условие как вполне рациональное не только может, но непременно должно войти в основу конвенции, только тут предстоит определить случай самой мобилизации *.

* Так в подлиннике.

Французы своим непосредственным врагом считают почти исключительно Германию; Италии они придают лишь второстепенное значение, а к Австрии питают даже некоторые симпатии, продолжая видеть в ней исторического антагониста Германии. Поэтому французы желали бы, буде возможно, заключить с нами конвенцию исключительно на случай войны с Германией.

В известной мере это условие обоюдно выгодно. Но нельзя не заметить, что оно значительно более выгодно для Франции, чем для нас. Заручившись гарантией против самого опасного для нее врага, Франция могла бы в случае войны России с Австриею, возникшей хотя бы по приказу Германии, оставаться безучастной и выжидать событий, что могло бы иметь для нас гибельные последствия. При чрезвычайном миролюбии массы французского народа и искусстве германской дипломатии, способной обещанием некоторых уступок удерживать хотя временно Францию от разрыва, мы были бы предоставлены собственным силам и конечно должны бы были тогда бороться не только с Австриею, но и с большею частью сил Германии, а легко может быть — и с другими ее союзниками.

Нам крайне невыгодно появляться на военной арене одним. Наша изолированность всегда будет действовать слишком ободряющим образом на всех наших противников. Насколько грозные соединенные силы России и Франции могут многих сдерживать от участия в конфликте, настолько же легко может разрастись коалиция против одной России, вынужденной отбиваться на все стороны.

Поэтому едва ли удобно нам заключать конвенцию исключительно на случай войны с Германией. Перед нами стоит тесно сплоченный в военном отношении тройственный союз; никоим образом мы не можем себе представить отдельных против нас действий Австрии или Германии; следовательно, и в конвенции необходимо нам обусловить одновременную мобилизацию армий Франции и России *случае нападения на них не Германии, а какой бы то ни было державы тройственного союза*, считая их безусловно солидарными и нераздельными.

С дипломатической точки зрения может конечно подвергнуться критике вытекающее из вышеприведенного условия обязательство России: в случае столкновения Италии с Францией тотчас же начать войну на западной нашей границе; но только этим обязательством можно уравновесить налагаемое и на Францию обязательство тотчас же мобилизоваться и

начать войну в случае нападения на нас хотя бы одной Австрии.

Только это условие устраняет всякие экивоки, обеспечивает нас во всех случаях неколеблющимся союзником и ограничивает сферу возможной против нас коалиции.

3) Затем вопрос о согласовании военных действий договаривающихся сторон может быть решен весьма различно.

Так, державы тройственного союза, насколько известно, взаимно обязались выставкой в определенных случаях определенного числа корпусов. При наиболее, например, вероятном возникновении войны между Австрией и Россией ко всем силам Австрии должны присоединиться две вспомогательные германские армии (6—7 корпусов) и два корпуса итальянских. Подобно сему и при заключении Россией конвенции с Францией может явиться предложение определить взаимное их участие в борьбе известным числом корпусов. Кажется однако, что подобное определение будет для нас делом неподходящим.

Раз что мы будем вызваны на войну, мы не можем вести ее иначе, как всеми нашими силами против обоих наших соседей. Иной войны, кроме самой решительной, которая уже надолго определила бы относительное политическое положение европейских держав и особенно России и немцев, нельзя и мыслить при готовности к борьбе целых вооруженных народов. Начиная же войну по всей западной границе, мы не можем себя связывать условием направить столько-то корпусов или сот тысяч войска собственно против Германии и столько-то против Австрии. Мы должны сохранить за собой полную свободу распределять так свои войска, чтобы нанести решительный удар *армиям тройственного союза*. Может быть, для достижения сей цели нам прежде всего придется направить главные силы против Германии, как опаснейшего и сильнейшего противника; но, может быть, представится еще более выгодным сокрушить как можно скорее Австрию, чтобы затем легче справиться с изолированной Германиею.

Нам надо сохранить за собой безусловную свободу действий, и потому в вопросе о совместных с Францией операциях, кажется, наилучшим будет ограничиться лишь общим обязательством: в случае нападения одной из держав тройственного союза на Францию тотчас же мобилизовать свою армию и начать военные действия против ближайших к нам держав сего союза — Германии и Австрии, требуя и с французской стороны соответственного же обязательства.

Подписал: „Генерал-адъютант Обручев“././

И Ю Н Ъ

Вторник, 2 июня.

Получено известие, что их величества, уехавшие 9 мая, решили продлить свое пребывание в Копенгагене до конца июня. Один только цесаревич вернется в ближайшее время. Капнист высказывает мнение, что наш монарх должен был бы предложить своему тестю обменяться тронами. Дела в застое. Будет отправлен специальный фельдъегерь, чтобы довести до сведения его величества о результатах прений об экспорте зерна: до сих пор экспорт запрещен, так как неизвестно, каков будет урожай нынешнего года.

Среда, 3 июня.

Оболенский показывает мне письмо Шишкина, — надо признаться, довольно плохо отредактированное, — в котором наш товарищ министра 27 мая сообщил государю, что, вопреки выраженному им желанию, второй секретарь в Афинах Катков не может быть назначен первым секретарем в Лиссабоне, так как это последнее место было уже предоставлено г. Бахерахту, бывшему второму секретарю императорского посольства в Берлине. Его величество вернул сегодня утром это письмо с пометой: // „Бахерахта перевести в Афины, а Каткова в Лиссабон. Исполнить немедленно“. Kurz und bündig *! Но как выйти из этого положения? Бахерахт — примерный чиновник, имеющий свыше 20 лет службы, и занимает уже около 10 лет место второго секретаря посольства в Берлине, где его конечно очень ценит его начальство. Катков начал службу лишь 6—7 лет назад и очень плохо выдержал свой дипломатический экзамен, никогда себя ничем не проявил, кроме бесконечной лени и крайней неспособности, не зато он женат на княжне Лобановой; с одной стороны, ей удалось приобрести благосклонность молодой королевы греческой, а с другой, к ней расположена великая княгиня Елизавета Федоровна, ввиду того что сестра Катковой была фрейлиной у покойной великой княгини Александры Георгиевны. По просьбе графа Шувалова и во внимание к продолжительной службе Бахерахта, последний был назначен приказом от 21 мая первым и единственным секретарем нашей миссии в Лиссабоне. Но Катковы стремились получить это же

* Кратко и решительно.

назначение по соображениям здоровья. Великий князь Сергей требовал этого в настойчивой телеграмме; министр ответил ссылкой на невозможность исполнить просьбу, так как пост уже несвободен. Затем предпоследний фельдъегерь привез короткое письмо государя Шишкину; в нем говорилось, что королева Ольга просила место секретаря в Лиссабоне для //Каткова//, в настоящее время — второго секретаря в Афинах, и добавлялось: //„Я думаю, что это можно бы сделать“./

Шишкин ответил на это довольно неловко, указывая в своем письме, что *назначение секретарей предоставлено законом министру* и что г. Гирс уже заместил место секретаря в Лиссабоне, назначив туда Бахерахта еще до получения письма от государя, но что он будет иметь Каткова в виду при первой открывшейся вакансии, соответствующей годам его службы. Это письмо вернулось обратно с громоносной пометой. Но только зачем же было говорить с нашим нынешним монархом о праве и законе? Он не злой, но он опьянен властью и слишком ограничен, чтобы судить о вещах по существу; он не может признать, что есть пределы произволу. Говорят, что ген. Ванновский часто его сравнивает с Петром Великим: //„Это Петр Великий со своей дубинкой“./

— говорит военный министр. — //Нет, это одна дубина, без великого Петра,// чтобы быть точным.

Я опасюсь, как бы эта глупая история не испортила много крови моему бедному министру, так как он окажется в необычайно затруднительном положении. Как разжаловать г. Бахерахта и послать его на место второго секретаря в Афины, чтобы назначить Каткова в Лиссабон? Как можно при этих условиях поддержать хоть малейшую дисциплину? А к тому же это является „хорошим“ примером для служащих! Служебные годы, преданность своим обязанностям больше не принимаются в расчет. Все зависит от фавора; все дело в том, чтобы заручиться протекцией кого-либо из членов императорской семьи. Зиновьев приходит к чаю в 3 часа; я рассказываю ему все это; он возмущен: //„Вся Россия в какую-то вотчину обратилась, а государь — помещик, нигилист“./

Пятница, 5 июня.

Нахожу у себя пакет от министра, привезенный курьером, только что приехавшим из Реттиярви. Этот пакет содержит следующую записку:

„Реттиярви, 4 июня 1892 г.

Дорогой граф, я вам препровождаю при сем мою докладную записку, которую прошу вложить в конверт, приложив мою печать (находящуюся в канцелярии), и переслать при первой возможности государю. Надеюсь, что вы найдете эту записку достаточно корректной и обстоятельной, но если вы имеете какие-либо возражения, благоволи́те сообщить их мне, задержав у себя пакет для его величества. Решение государя по вопросу Каткова—Бахерахта меня очень огорчило. Я бы очень хотел спасти этого бедного Бахерахта.

Мне, слава богу, лучше, несмотря на все продолжающуюся плохую погоду. Весь ваш Гирс“.

А вот самая докладная записка: //

„Во исполнение высочайшего вашего величества повеления, генерал-адъютант Ванновский передал мне на прочтение секретную записку начальника главного штаба относительно заключения военной конвенции с Францией.

Из личных моих объяснений с военным министром я убедился, что незнакомство его с предыдущими переговорами и с существующим уже между обоими правительствами соглашением ведет к недоразумениям, крайне нежелательным в столь важном вопросе. Ввиду сего я решился сообщить генерал-адъютанту Ванновскому весьма доверительным образом и исключительно для его личного сведения содержание прилагаемого у сего высочайше одобренного письма моего к барону Моренгейму от 9 августа 1891 г. Смею надеяться, что ваше величество все милостивейше соизволите одобрить таковую решимость, принятую мною в том предположении, что вашему величеству благоугодно посвятить военного министра в означенное дело *. Я высказал ему, что, по моему глубокому убеждению, оба пункта, изложенные в моем письме к нашему послу в Париже и редакция коих была тщательно обсуждена обоими правительствами, вполне ясно и положительно определяют взаимные наши отношения с Францией и что при настоящих политических обстоятельствах они не нуждаются в дополнении их формальной военной конвен-

* Последняя фраза в дневнике отчеркнута на полях красными чернилами. Против нее воспроизведена рукой Ламздорфа помета, сделанная Александром III: „Вполне!“ //

нией. Того же мнения придерживается ныне и барон Моренгейм. Повергаемые у сего выписки из его донесений удостоились высочайшего одобрения вашего величества. Я не скрыл от военного министра, что я полагал бы преждевременным и даже опасным принимать обязательства, отчуждающие свободу решения вашего величества в вопросе о войне. Нам надлежало бы, присовокупил я, в ответ на записку, переданную французским послом, ограничиться сообщением отзыва или мнения военного министра по специальным затронутым в ней военным вопросам, не связывая себя формальной конвенцией, тем более, что совместному нашему действию с Францией положено уже соглашением прошлого года прочное основание. Настоящий словесный отзыв мой военному министру считаю долгом повергнуть на всемилостивейшее воззрение вашего величества. Гирс“.

Реттиярви, 4 июня 1892 г.“//

Эта записка возвращается 14 июня 1892 г. с пометой государя наверху: *“//Совершенно разделяю ваше мнение и вполне одобряю все высказанное вами военному министру“.* //

К этой записке, целиком написанной почерком министра, были приложены копия письма, посланного 9 августа 1891 г. барону Моренгейму, и выдержки из писем нашего посла в Париже, сделанные накануне отъезда г. Гирса в Финляндию. Эти два приложения написаны моей рукой.

Вечером я заново записку министра в эту тетрадь. Мне кажется, что она достаточно ясно выражает его мысль и способна сделать вопрос понятным государю. К 10 часам я спускаюсь в канцелярию, чтобы запечатать гербовой печатью г. Гирса специальный пакет с его запиской, который должен быть отправлен от его имени завтра утром в Копенгаген.

Суббота, 6 июня.

Я оставил в столе у Оболенского, который должен вернуться из Петергофа, записку, в которой обращаю его внимание на написанную по-французски просьбу Вестмана об отпуске и на записку по делу *“//Катков—Бахерахт//*, в которой Шишкин просит от имени министра разрешения оставить Бахерахта в Берлине до предоставления ему в случае подходящей вакансии поста, соответствующего его правам.

Je me trouve ainsi et d'autant plus obligé
de vous remercier, par l'humble prière de vouloir bien
autoriser l'application, pure et simple à mon égard
des dispositions les plus conformes aux intérêts des
services. — Seul en ce monde, et n'ayant aucun besoin
de ce qui doit être généralement recherché, je remercie
Dieu de n'avoir à solliciter la moindre faveur, mais
il m'est vraiment impossible de concilier l'acceptation
d'une récompense avec l'idée que je me suis toujours fait
de ce qui constitue l'honorabilité et la dignité chez
un homme de mon âge. —

En demandant un million de fois excuse
de la longueur de cette lettre, je prie V^{re} Excellence
d'agréer l'hommage sincère des sentiments de profonde
vénération, d'inaltérable gratitude et de dévouement
absolu que je Lui porte à jamais. —

Lamsdorff

ПИСЬМО В. Н. ЛАМЗДОРФА

Эта записка кончается словами: //„Назначение в Афины: было бы для него слишком большим понижением“//; мне кажется, что эту фразу следовало бы смягчить, добавив: //„после 20 лет службы“//.

Великий князь цесаревич покинул Копенгаген, чтобы принять участие в красносельском лагерном сборе. В этом году он будет прикомандирован к артиллерии ввиду того, что за предыдущие годы последовательно числился по кавалерии и по пехоте. Греческая королева приезжает со своим младшим сыном, чтобы посетить великую княгиню Александру Иосифовну, свою мать, а, вероятно, также и детей великого князя Павла. Молодая, довольно ограниченная королева является орудием интриг. Поговаривают о переводе из Афин Ону и о замене его Хитрово. Мало хорошего, если этот пронырливый негодяй и беспринципный интриган станет нашим представителем в Греции; но все возможно, и даже самое бессмысленное становится в наши дни вероятным!

Письмо Попова весьма печально; он, повидимому, окончательно потерял всякое желание продолжать дело о майорате и обращается ко мне за советом. Он дает также описание отчаянного положения вещей в деревне Пензенской губернии: //„Здесь все так неприглядно, и если снова не угрожает полный голод по примеру прошлого года, то близко к этому. За отсутствием дождей и по случаю морозов, бывших 3, 4 и 22 мая, хлеба очень плохи. Развились в сильной степени болезни: оспа, тиф и цынга. Доктора ссорятся только со всеми, а пользы оказывают мало. Все только „дебаты“, а местная власть отвечает чрезвычайно оригинально: „Ничего не поделаешь, больно уж стало у нас нехорошо с земством, никто ничего не платит и жалования не получаем“. Столовая на 120 человек будет продолжаться все лето. Княжна лично работает, хотя это не совсем безопасно, устраивает для детей ясли. От просящих хлеба ни в деревне, ни в усадьбе нет прохода. Окружают толпой“//

Картина душу раздирающая. Шварц также пишет, что нашел страшную бедность в Курской губернии и повсюду в деревне.

Вторник, 9 июня.

За чаем говорят, что государь отправится из Копенгагена в Стокгольм, где посетит шведского короля, после чего вернется через шхеры. Рассказывают, что Вышнеградский

только что прибыл сюда и что, повидимому, пребывание в Крыму не пошло ему на пользу. Захарьин задержал его на 24 часа в Москве и поставил ему на затылок пиявки. Министр финансов жалуется на частые головные боли и на большую слабость; он не может приступить к серьезной работе и собирается поехать со своей дочерью Сергеевой на месяц или на 6 недель в Стокгольм и совершить поездку по Норвегии.

И Ю Л Ь

[Письмо Н. К. Гирса В. Н. Ламздорфу*.]

„Реттиярви, 29 июля 1892 г.

Мой дорогой граф,

Г. Шишкин вам сообщит все, что государь поручил ему передать мне по поводу миссии Буадефра¹⁴⁶. Очевидно, его величество начинает отступать от своей точки зрения, несмотря на полное одобрение моего последнего доклада. Что касается меня, то я могу лишь оставаться при твердом убеждении, которое имел честь неоднократно высказывать ему. Мы не можем принимать новых обязательств, а письмо военного министра имело бы то же значение, что и формальная военная конвенция. Будьте добры посвятить г. Шишкина во все подробности дела, известного вам столь же хорошо, если не лучше, чем мне. Я очень прошу вас изучить еще раз все досье совместно с Николаем Павловичем; с отличающими вас тактом и рассудительностью, оказывавшими мне всегда такую помощь, обсудите с ним редакцию ответа, который я должен представить государю, согласно его повелению по этому более чем серьезному делу, которому хотят придать оборот, столь противоречащий политике, проводимой с самого начала нынешнего царствования.

Тысяча заверений в моей искренней дружбе. Гирс**.

* За июль дневника не имеется. Печатаемый ниже документ вложен в тетрадь дневника.

** Письмо подписано министром, а написано рукою его сына Михаила Гирса.

А В Г У С Т

Понедельник, 3 августа.

Мы едем с //Петей *// с 10-часовым поездом в город¹⁴⁷. На вокзале нас ждет хорошая карета на резиновых шинах, заказанная Павлом. Приехав в министерство, я иду прямо в канцелярию, где застаю Шишкина, находящегося в большом замешательстве. Государь только что вернул докладную записку министра, посланную его величеству вчера, с пометой, которая ставит в весьма затруднительное положение. Ген. Обручев, по высочайшему повелению, намерен сегодня же выехать в Финляндию, хотя г. Гирс собирается послезавтра переехать в город; но ген. Буадефр спешит вернуться во Францию; и дело с ним надо закончить как можно скорее. Шишкин просит меня отправиться также в Реттиярви, но, во-первых, этого не позволяет мое здоровье, а во-вторых, будучи хорошо знаком с характером моего министра, я знаю, что ему не следует навязывать свою помощь, когда он ее не просит. При нем его сын Михаил, второй советник, который справится с работой, и прибытие лишнего лица накануне переезда было бы очень обременительным для всей семьи.

[Докладная записка министра.]

//„Товарищ мой передал мне высочайшее вашего величества повеление дать мое мнение касательно предполагаемого военным министерством обмена программ общих с французским генеральным штабом действий на случай войны. Означенные программы мне неизвестны. Если они носят характер простого обмена мыслей, то мне казалось бы, что они не представляют больших неудобств. Но если в них заключаются с нашей стороны обязательства принять какие-либо положительные и определенные меры, то ими отчуждается свобода решения вашего величества в вопросе о войне. Если к тому же в письме к французскому военному министру генерал-адъютант Ванновский упомянет, что сообщение программ состоялось с ведома вашего величества, то этим программы, несомненно, получают силу конвенции.

Смею думать, что принимать преждевременные обязательства, не вызываемые в настоящую минуту политическими условиями, было бы, как я уже имел счастье докладывать

* Сипягиным.

вашему величеству в прилагаемой при сем записке, крайне опасно, тем более, что неизвестно, при каких обстоятельствах разгорится война.

Таковое мое мнение решаюсь повергнуть на всемилостивейшее воззрение вашего императорского величества.

Гирс.

1 августа 1892 г. //

К этой //докладной записке// были приложены: записка от 4 июня 1892 г., письмо барону Моренгейму от 9 августа 1891 г. и выдержки из последних писем нашего посла в Париже.

Государь вернул эту //записку// 3 августа 1892 г. со следующей пометой: //„Вопрос этот слишком важен, а поэтому я желаю, чтобы генерал Обручев переговорил с вами лично об этом и прочел бы вам составленный военным министерством проект соглашения“.

[Письмо Шишкина Гирсу.]

Среда, 5 августа.

//Многоуважаемый Николай Карлович!

Записка ваша возвращена сейчас государем с пометкою, доказывающею его колебания и надежду, что Обручеву, при личном свидании, удастся убедить вас в исполнимости предложенного им заодно с Буадефром.

Для этого начальник штаба отправляется сегодня вечером к вам в Реттиярви, куда он прибудет завтра с обычным пароходом с тем, чтобы на том же пароходе возвратиться в Выборг.

Он был у меня сегодня утром и прочитал мне наскоро составленный им проект конвенции. Насколько могу судить из беглого чтения, из нее можно было бы исключить всю политическую часть, добавив ее статью, оговаривающею государю полную свободу решения вопроса начатия военных действий. Впрочем, вы изволите лучше меня обсудить это дело.

Извините, если кончаю на этом. Пора курьеру отправляться. На всякий случай прошу сейчас еще раз Обручева задержать Буадефра дня на два или три, так как он хочет уехать в четверг.

Душевно преданный вам

Шишкин.//

Среда, 5 августа.

Шишкин говорит, что Обручев вернулся в совершенном восторге от нашего министра, с которым он вполне договорился относительно характера, который следует придать этому своего рода соглашению между русским и французским генеральными штабами, и относительно редакции письма военного министра ¹⁴⁸.

Министр и его семья благополучно прибывают из Финляндии в 7 часов вечера.

Четверг, 6 августа.

В 2 часа министр меня вызывает. Он выглядит хорошо. Он мне описывает во всех подробностях посещение Обручева, которым он вначале был очень недоволен, а затем до известной степени удовлетворен, так как проект генерала показался ему в принципе приемлемым. Министр хочет завтра написать государю, чтобы изложить ему свою точку зрения, и показывает мне свои записки Обручеву, в которых он резюмирует вкратце свой разговор с последним, происходивший 4 августа. Вот они:

// „Реттиярви, 4 августа 1892 г.

В разговоре с генерал-адъютантом Обручевым мы пришли к следующему заключению://

1) Я одобряю изменения, внесенные генералом, насколько могу судить о них после первого чтения ¹⁴⁹.

2) Дело остается в виде проекта.

3) Государь в принципе одобряет все в целом.

4) Военный министр посылает ген. Буадефру следующее письмо: „Я имел честь представить его величеству проект военной конвенции, выработанной обоими главными штабами.

Его величество, одоблив проект в целом, приказал мне ввиду политического характера некоторых его пунктов передать его на рассмотрение министерства иностранных дел“ ¹⁵⁰.

5) Самая абсолютная тайна гарантирована обеими сторонами.

// „Реттиярви, 4 августа 1892 г.

Многоуважаемый Николай Николаевич, насколько мне помнится, в проекте письма военного министра Буадефру во фразе *// „его величество, соблаговолив одобрить в принципе*

все в целом“// пропущены слова: //„в принципе“// Пожалуй-ста, впишите эти слова, так как я придаю им большое значение. Вообще же поспешность, с которой мы беседовали с вами и составлялось заключение нашего разговора, заставляет меня вновь просить вас строго охранить характер проекта соглашения *.

Искренно преданный Гирс“./

Все это, по-моему, очень хорошо, и если остановиться на этих заключениях, обмен мнений между обоими главными штабами не является опасным и нас ни в чем политически не скомпрометирует. Пока что министр собирается уехать как можно скорее за границу, а рассмотрение проекта министерством иностранных дел отложено *ad calendas graecas*. Г. Гирс не знает только, как отнестись к обещанию государя посетить его, данному при их свидании, имевшем место до отъезда их величества в Копенгаген, а министра — в Финляндию. Надеюсь, что Шишкину удастся выяснить все это, испросив назначения //доклада// на вторник.

Пятница, 7 августа.

Министр мне показывает прекрасно составленную докладную записку, в которой он излагает свой разговор с ген. Обручевым и заключения, к которым они пришли. Эта записка посылается государю с фельдъегерем, уезжающим в 4 часа.

//„Вследствие высочайшей отметки на всеподданнейшей моей докладной записке от 1 августа принимаю смелость представить на всемилостивейшее воззрение вашего величества смысл моего разговора с начальником главного штаба по предмету военного соглашения с Францией. Прежде всего позволяю себе оговорить, что генерал-адъютант Обручев приехал ко мне в Финляндию на самое короткое время накануне моего переезда в Петербург и что поэтому мои объяснения с ним велись по необходимости с крайней поспешностью, что конечно весьма неудобно в столь серьезном вопросе. Начальник главного штаба прочел мне проект военной конвенции, указывая на те изменения, которые были введены по его предложению. Насколько я мог судить из беглого его чтения, эти изменения основательны. Как я имел уже честь докладывать вашему

* Так в подлиннике.

величеству, по моему убеждению, обмен мыслей между нашим и французским главными штабами может быть допущен лишь в случае, если он не заключает никакого положительного обязательства, связывающего свободу решения вашего величества. С этим взглядом совершенно согласился ген. Обручев. Мы пришли с ним к заключению, что, буде даже обмен его мыслей с ген. Буадефром изложен в письме, он должен вполне сохранить характер *проекта* и что если бы вашему величеству благоугодно было разрешить военному министру сообщить Буадефру о высочайшем вашем одобрении проекта соглашения, то одобрение вашего величества должно было бы последовать лишь в принципе и при условии дальнейшего рассмотрения статей соглашения. Такое рассмотрение мне кажется необходимым в особенности с политической точки зрения*.

Я сказал затем генерал-адъютанту Обручеву, что полагал бы нужным выговорить возможно строгое соблюдение тайны, объяснив ген. Буадефру, что всякая огласка проекта соглашения может иметь самые опасные последствия, побуждая противные державы принимать со своей стороны новые меры**.

Г и р с.

7 августа 1892 г. //

Суббота, 8 августа.

Я покидаю монастырь с 10-часовым псеэдом. Сажусь в купе, где находится Оболенский, возвращающийся из Петергофа; он подвозит меня с вокзала. Затем мы с ним завтракаем. Государь вернул докладную записку министра с вполне удовлетворительными пометами, которые я вписал выше красными чернилами. К счастью, военный министр и ген. Обручев стали, повидимому, более разумными. Настойчивость французов вывела наконец их из себя. Наоборот, ген. Буадефр, возвращающийся в Париж, весьма удручен. Он признался близким ему людям, что его миссия закончилась почти неудачей. Для

* Против последних двух фраз имеется копия пометы Александра III, вписанная красными чернилами: // „В этом смысле я лично говорил Буадефру“ //

** Против последнего абзаца имеется копия пометы Александра III, вписанная красными чернилами: // „Это тоже я ему говорил и прибавил, что если наше соглашение огласится, я не буду его считать действительным. Буадефр обещал в точности передать все это в Париж“ //

Франции было существенно именно получить возможность опираться на гласное соглашение с Россией.

[Записка Ламздорфа о внешнем ходе переговоров с ген. Буадефром*.]

1892.

Прибытие французского ген. Буадефра на маневры в Красном Селе побудило военное министерство составить проект военной конвенции, которая была сообщена г. Шишкину по приказанию государя, а на докладе 28 июля его величество поручил товарищу министра сообщить этот проект г. Гирсу. Г. Шишкин, который до того ничего не знал о нашем соглашении с французским правительством, на следующий же день выехал к министру в Финляндию. Вернувшись в четверг 30 июля, он передал мне письмо г. Гирса, уполномочивавшее меня посвятить его (Шишкина) в соглашения, подписанные в августе 1891 г., и снабдить его всеми данными, необходимыми для составления „докладной записки“, проект которой должен быть отослан в Финляндию в тот же день вечером.

Эта //„докладная записка“,// переработанная министром, была отправлена государю первого августа 1892 г. и через два дня возвращена его величеством с пометой, которую г. Шишкин поспешил переслать г. Гирсу с запиской от 3 августа.

Ген. Обручев, прибыв в Реттиярви, прочитал министру выработанный проект военной конвенции, но г. Гирс, желая иметь возможность изучить этот проект при удобном случае более подробно, ограничился тем, что настоял на *лишь принципиальном* одобрении его и на сохранении (за конвенцией) формы проекта, которого он не пожелал ни оставить у себя, ни снять с него копии; таким образом, наш секретный архив не имеет никаких следов этого своего рода военного соглашения, в принципе принятого и одобренного государем в начале августа 1892.

Ламздорф.

Воскресенье, 9 августа.

Как и все последующие дни вплоть до отъезда министра с семьей за границу в субботу 15-го, я остаюсь в городе и

* Записка, написанная рукой графа Ламздорфа, вложена между страницами дневника. Более точной даты на записке не имеется.

ежедневно вижу моего дорогого Николая Карловича, который крайне добр и ласков со мной и горячо мне советует также отправиться на лечение за границу. Положение министра довольно удовлетворительно, но боли, которые он чувствует то в ноге, то в руке, заставляют его проводить большую часть времени в постели. Как нарочно, с тех пор как он вернулся в город, наступила хорошая погода. Даже сравнительно жарко; холера, по всем признакам, усиливается как в городе, так и в окрестностях. Эпидемия достигла своего апогея в Петербурге 17 августа; в этот день было 155 случаев заболевания и 51 смертный исход. Накануне было зарегистрировано 156 случаев при 41 смертном исходе. В окрестностях случаи холеры зарегистрированы в разных местах, но наш благословенный монастырь совершенно не пострадал, несмотря на то, что старый архимандрит Игнатий не допускает никаких санитарных предосторожностей: пьют нефильтрованную воду из залива и постоянно питаются овощами, а иногда и фруктами. Меню монахов состоит почти неизменно изо дня в день из трех супов, подаваемых один за другим: //щи, ботвинья// и какая-нибудь //похлебка//. Рыба, часто сомнительной свежести, лишь изредка появляется на столе и никогда во время поста. Жареный картофель с зеленым салатом считается большим лакомством. Архимандрит Игнатий помнит о всех холерных эпидемиях в этом столетии, начиная с 1831 г. Когда вспыхнул бунт, подавленный внушительным появлением Николая I, он находился на Сенной площади. Теперь он смеется над страхом, внушаемым нынешней эпидемией, и сердится, когда говорят о мерах предосторожности и спасения помимо молитвы. Почтенный старец симпатичен своей твердостью.

Суббота, 15 августа.

В течение 8 дней, которые министр провел в городе, я выдался с ним ежедневно, и он подолгу со мной разговаривал как о политических делах, так и о всех других заботах. Когда государь посетил его перед отъездом в деревню в мае сего года, то его величество высказал намерение повидаться с ним еще раз в Финляндии или же здесь после его возвращения [оттуда] до отъезда за границу. Это любезное обещание несколько расстраивает планы заграничной поездки г. Гирса, поэтому он поручил Шишкину выяснить этот вопрос, испросив //доклад// во вторник 11 августа. Во время его государь

поручил товарищу министра передать искренний привет министру, которому разрешает уехать на три месяца, когда он этого пожелает, но выражает сожаление, что не будет в состоянии его посетить, так как очень занят накануне своего отъезда в Польшу. В отсутствие Гирса управление министерством поручено г. Шишкину.

Министр выражает желание присоединить краткий обзор современного политического положения к циркуляру всем нашим дипломатическим представителям по случаю его отъезда. Капнист об этом прослышал и, повидимому, желает проверить редакцию этих бумаг, что, по моему мнению, является излишней роскошью. Он меня как-то спросил в присутствии Ионина, готов ли мой циркуляр. Я ответил, что проект будет представлен министру, и замечая, что, по моему мнению, было бы нецелесообразным выражать чрезмерное недовольство по поводу приема Стамбулова султаном. Терпимость в отношении болгарских правителей конечно нам неприятна, но, проявляя ее, никто и не убаюкивает себя иллюзией, что этим доставляет нам удовольствие. Все держатся в границах, гарантирующих безнаказанность; затягивая нынешнее положение вещей в Болгарии и нашу ссору с княжеством, они преследуют слишком серьезные выгоды, чтобы //„жалкие слова“// могли заставить отступить от этого образа действий. Следует подумать о том, как собственными силами выйти из этого смешного положения, а угрожать можно будет лишь тогда, когда мы бесповоротно решим нанести удар. Можно конечно при случае высказать свою точку зрения, но надо сделать это спокойно и с достоинством. Постоянные сетования и проявления неудовольствия могут лишь дискредитировать нас, оставаясь абсолютно безрезультатными. Капнист ответил на это резким тоном: „А я напишу или, вернее, прикажу написать депешу Нелидову в Константинополь, которая, я вам ручаюсь, заставит султана призадуматься“. //Как страшно!//

Министр всецело одобряет проект, который я написал, и велит его приготовить к подписи. Этот циркуляр 15 августа, в день отъезда г. Гирса за границу, был разослан всем нашим представителям; однако в Константинополь он был отослан лишь в пакете с депешами, отправленном по почте 19-го вместе с депешей от 18 августа, подписанной Шишкиным; она не содержит ничего помимо того, что заключается в циркуляре, но предлагает нашему поверенному в делах выразить неудовольствие Порте и потребовать от нее

объяснений. Г. Жадовский получил, таким образом, с одним и тем же курьером депешу, подписанную Гирсом, и другую, подписанную Шишкиным, причем последняя является дополнением к первой. Это и есть та пресловутая „нота Шишкина“, о которой так много говорили наша и заграничная пресса как о важном политическом акте и как об отправной точке новой, энергичной политики.

Не довольствуясь этим подвигом, Капнист склоняет нового управляющего министерством через два дня после отъезда нашего министра послать по телеграфу циркуляр, помеченный 17 августа, следующего содержания: „Ввиду того, что большинство заграничных газет воспроизвели и различным образом комментировали так называемые „документы“, опубликованные „Свободой“ и приписанные императорскому правительству, а также некоторым его заграничным агентам, мы уполномочены формально заявить, что все эти документы являются работой фальсификатора“.

Почему именно одного „фальсификатора“, а не нескольких? Какая может быть ценность подобной не подкрепленной никакими доказательствами декларации (/голословная болтовня!//), когда мы знаем, что если поддельные документы, опубликованные „Свободой“, и не существуют, то, к несчастью, имеется громадное количество документов точно такого же характера, которые существовали самым действительным образом!..¹⁵¹ Тем не менее такое вступление в управление министерством вызывает некоторую сенсацию и неожиданно возвеличивает нашего милого товарища министра. Несколько рамольных стариков из Нового клуба, как говорят, провозгласили тост в его честь, а газеты приходят в экстаз. Происходит даже следующее довольно забавное недоразумение. Капнист признал полезным установить через посредство некоего Теплова из нашего министерства более или менее прочные связи с редакцией //„Нового времени“//, доставляя этой весьма распространенной газете некоторые полезные сведения и информацию; мысль сама по себе была хороша, но случилось так, что немедленно после отъезда министра и в связи со свиданием, которое состоялось у г. Гирса в Aix-les-Bains с французскими министрами Рибо и Фрейсинаэ, в „Новом времени“ появилась очень подлая статья, утверждавшая, что разговоры старого, больного министра не могут иметь ни малейшего значения, так как все управление политической сосредоточено теперь в Петербурге. За этой статьей последовала вскоре небольшая заметка, отмечавшая, что со времени

отъезда г. Гирса управление министерством перешло в руки его главного сотрудника, директора Азиатского департамента! Видя, что этот избыток усердия и славы может в конечном счете поставить его в ложное положение по отношению к министру и управляющему министерством, Капнист послал в редакцию официальное опровержение и уехал после этого в Крым, где оставался около месяца. Ввиду этого опровержения //„Новое время“// поместило поправку, вообразив, бог знает почему, что Шишкин в свое время управлял Азиатским департаментом; угодливая газета сообщает, что в заметке об управлении министерством речь шла не о нынешнем, а о бывшем директоре Азиатского департамента.

Не имели ли они в виду нашего доброго Зиновьева, находящегося сейчас в Стокгольме? //Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно!//

Во всяком случае свидание министра с гг. Рибо и Фрейсинэ имело значение. Наш посол барон Моренгейм, присутствовавший при этой беседе, отдал о ней отчет в письме к г. Шишкину, которое было представлено государю. Я помещаю ниже часть его, имеющую наибольшее значение:

//„Aix-les-Bains, 25 августа“// 6 сентября 1892 г.

Так как пребывание мое здесь совпало с приездом гг. министров Рибо и Фрейсинэ, сопровождающих президента республики в его поездке в Савойю для торжествования * столетней годовщины первого присоединения ее к Франции, я воспользовался их присутствием для обмена мыслей насчет нам общих интересов. Г. Рибо, кроме того, посетил, вместе со своим военным товарищем, Николая Карловича, с которым имел краткий разговор. Речь, разумеется, зашла о результатах переговоров между начальниками генеральных штабов. Николай Карлович в весьма общих выражениях, нисколько не касающихся их содержания, ему лишь поверхностно известного за невозможностью заниматься серьезно важными делами, довольствовался намеком на, кажется, удовлетворительный шаг вперед в желанном направлении, налегая, впрочем, на исключительно военный и, так сказать, технический характер намеченных подготовительных соглашений, оставляющий пока в стороне политические стороны вопроса, предоставленного основательному разбирательству до более благоприятного времени. Г. Рибо не скрыл, как желательно было бы ускорить

* Так в подлиннике.

ход дела ввиду парламентских соображений, крайне важных в интересах министерства, на что отвечено ему было, что именно всякое парламентское вмешательство тщательно устранено. должно быть, так как преждевременное разглашение оказалось бы в высшей степени неудобно и противоречило бы нашим взглядам, намерениями и имеющейся в виду миротворной политике, составляющей главную нашу заботу. Этими несколькими словами исчерпан был весь разговор. Г. Фрейсинэ не промолвил слова, но, кажется, пожелает возобновить беседу, полагая остаться еще здесь некоторое время"¹⁵².

Вскоре после того с г. Гирсом случился весьма серьезный рецидив пневмонии — плеврита, и лишь во второй половине сентября его удалось перевезти в состоянии полной прострации в Монте-Карло ¹⁵³./

Чтобы судить о том значении, которое получила пресловутая „нота Шишкина“, приложенная к циркуляру, подписанному г. Гирсом в день его отъезда, достаточно прочесть нижеследующую выдержку из депеши нашего поверенного в делах, сообщавшей о получении этой ноты. Г. Жадовский пишет:

//„Пера, 5/17 сентября 1892 г., № 103.

Я имел честь получить депешу вашего превосходительства от 18 августа, за № 263, одновременно с циркулярной депешей действительного тайного советника Гирса от 15 числа. Согласно полученным указаниям я не замедлил сделать по данному предмету надлежащее сообщение турецкому министру иностранных дел и вручить ему копию с означенной ноты вашего превосходительства. При этом я счел полезным дополнить и подкрепить это сообщение заявлениями и доводами, заключающимися в циркулярной депеше действительного тайного советника Гирса и *выставляющими ярко не-правильность и неуместность* благосклонного приема, оказанного султаном болгарскому министру Стамбулову“./

Жадовский действительно изготовил „mixtum compositum“ из этих двух документов, каковое и передал Порте. Как всегда, ему было отвечено, что частная аудиенция, данная г. Стамбулову, не имеет значения; что султан не мог уклониться от приема одного из самых влиятельных государственных деятелей вассального княжества; что это было сделано в целях преподания ему советов умеренности и рассудительности; что Абдул-Гамид остается верным берлинскому трактату; что нет и речи о посещении Кобургом Константинополя и т. д., и т. д.

Но получив однажды инструкцию действовать в определенном направлении, Жадовский уже не пожелал удовольствоваться этими красивыми словами и продолжал неустанно повторять наши сетования, не зная, что же ему собственно потребовать и на чем остановиться; он зашел так далеко, что Капнист, вернувшись 10 октября из своего отпуска, сам был этим обеспокоен, главным образом вследствие впечатления, которое начинала производить на государя непреклонная позиция нашего ретивого поверенного в делах, а затем и самого посла. Не без труда удалось наконец умерить их пыл и заставить его величество признать, что мы можем дойти до опасных осложнений вопреки поставленным нами целям.

Г. Нелидов, вернувшись в Константинополь после продолжительного отпуска и вступив в управление посольством, поссорился со своим советником г. Жадовским; затем, желая отличаться, он послал г. Шишкину весьма секретную депешу, в которой были изложены весьма пространно все признаки предстоящего падения Оттоманской империи и меры, которые мы должны немедленно принять, чтобы при удобном случае завладеть проливами.

Государь, ознакомившись с этими фантастическими разглашательствами, надписал сверху: // „На это я не могу ничего ответить, не посоветовавшись лично с Н. К. Гирсом“ // Этот документ, снабженный пометой государя, был послан г. Гирсу в Монте-Карло в то время, как я находился там при нем, в начале ноября ¹⁵⁴. Я посоветовал ему изложить свой взгляд в письме Шишкину, продиктованном сыну и подписанном собственноручно. Это письмо я увез из Ниццы в среду 11/23 ноября с тем, чтобы оно было прочитано государю управляющим министерством на его докладе во вторник 17/29 ноября. Его величество в полной мере одобрил все изложенное в письме г. Гирса.

НОЯБРЬ*

Воскресенье, 15 ноября.

К 6 часам вечера я приезжаю в Петербург ** очень утомленный и с тревогой в сердце. Курьер Василий Федоров принимает мои вещи; меня встречают на вокзале Ваксель, Волков,

* За сентябрь и октябрь дневника не имеется.

** После поездки за границу к Гирсу.

Деревицкий, Червинский и Шварц. Последний приехал за мной в своей прекрасной карете. Мы проходим мимо дверей г. Шишкина, которому я посылаю привезенный мною из Монте-Карло пакет, а затем поднимаюсь к себе.

Понедельник, 16 ноября.

Я спускаюсь в 10½ часов в канцелярию, чтобы предупредить посещение Шишкина, которого я застаю у Оболенского; он собирался зайти ко мне. Он принимает меня в высшей степени любезно. Я рассказываю ему подробности о здоровье Николая Карловича, сообщаю точку зрения министра на текущие вопросы; наконец я говорю, насколько наш начальник озабочен невозможностью вернуться немедленно в Россию, тогда как вчера, 15 ноября, истек срок его трехмесячного отпуска, которого, как он надеялся, испрашивая разрешения у государя уехать за границу, будет достаточно для его полного выздоровления. Я добавляю, что, судя по тому, как идет выздоровление нашего начальника и ввиду его горячего желания вернуться сюда, я надеюсь, что он будет вполне в состоянии вернуться к нам в начале января.

Шишкин обещает доложить об этом государю. Его первым движением было послать сегодня же его величеству письмо г. Гирса, которое я привез; Н. К. излагает в нем свою точку зрения на предложение г. Нелидова; между прочим министр пишет г. Шишкину, насколько ему было приятно видеть меня и что он поручил мне быть при Шишкине осведомителем относительно взглядов министра на все текущие вопросы. Оболенский отсоветовал Шишкину показывать это письмо монарху (?!). В сущности, мне все равно, лишь бы г. Шишкин точно передал его величеству здравые и верные мысли моего дорогого министра при первом докладе завтра, во вторник. После завтрака с Оболенским ко мне заходит Шварц, а затем я долго советуясь с доктором Яновским, которого пригласил к себе на сегодня письмом, отосланным из Ниццы. Я излагаю ему подробно и так точно, как только могу, все симптомы болезни, которые сказываются у нашего добрейшего //Николая Карловича.// Яновский обещает мне немедленно написать в Монте-Карло о своем мнении и дать несколько полезных советов, чтобы успокоить больного, потерявшего всякое доверие к местному эскулапу.

Мне очень трудно восстановить свое душевное равновесие и снова приняться за обычную жизнь, ход которой был так

резко изменен этим летом благодаря моей серьезной болезни, моему сближению с Петей и целому ряду новых впечатлений, вынесенных из моего пребывания в монастыре и поездки за границу. Болезнь и отсутствие министра придали странный характер работе министерства; все функции изменились и перепутались при временном управлении, которое неожиданно сделалось длительным.

ДЕКАБРЬ *

Понедельник, 14 декабря.

Ионин рассказывает, что Витте хочет продать на 60 миллионов золота и выпустить бумажные деньги. Вышнеградский, Абаза, Бунге и Чихачев против государя совместно с большинством [государственного совета], чтобы избежать займа. Дела идут все хуже. Шишкин рассказывает, что в государственном совете Абаза сильно нападал на Витте. Говорят, что [издатель] „Гражданина“ — самый влиятельный человек, влиятельнее, чем был Катков. Стоит вопрос о назначении его в государственный совет.

Суббота, 19 декабря.

Капнист рассказывает, что Вышнеградский и Абаза очень озабочены тем, как ведутся финансовые переговоры с Германией ¹⁵⁵; опасения по поводу Памира у англичан ¹⁵⁶.

* Дневника за декабрь в обработанном виде не имеется. Помещенные отрывки взяты из отрывочных черновых набросков.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Лобанов имеет тут в виду договор „трех императоров“, заключенный между тремя упоминаемыми здесь державами в 1881 г. По этому договору участники его взаимно гарантировали друг другу „благожелательный нейтралитет“ в случае, если бы кто-либо из них „оказался в состоянии войны с четвертой великой державой“ или с Турцией. Далее договором устанавливалось, что всякие перемены на Балканах могут производиться не иначе, как по взаимному соглашению сторон, и наконец все три стороны обязывались оказывать в случае необходимости давление на Турцию в целях соблюдения принципа закрытия проливов Босфора и Дарданелл.

Договор этот просуществовал до 1887 г., когда ввиду осложнений между царской Россией и Австро-Венгрией из-за болгарского вопроса он возобновлен не был.

² Тройственный союз между Германией, Австро-Венгрией и Италией был подписан 20 мая 1882 г. Его создателем был Бисмарк. Согласно договору 1882 г., в случае нападения Франции на Италию Германия и Австрия обязались оказать Италии полную военную поддержку. То же самое гарантировала Италия Германии в случае нападения Франции на эту последнюю. Та же гарантия давалась каждой из трех сторон друг другу в случае, если кто-нибудь из них подвергнется нападению и окажется „в состоянии войны с двумя или более великими державами“. В случае же войны кого-либо из членов союза с одной великой державой остальные два члена его обязывались соблюдать доброжелательный нейтралитет. Это не относилось к Франции, в случае нападения которой, как уже сказано, Германия и Италия гарантировали друг другу не нейтралитет, а вооруженную поддержку. Одновременно с подписанием союзного договора его участники обменялись декларациями, в которых указывалось, что все его пункты, „как это было предварительно условлено, ни в коем случае не могут быть рассматриваемы как направленные против Англии“.

В 1887 г. тройственный союз был возобновлен (до 1892 г.), причем в дополнение к договору Австрия и Италия обещали употребить все усилия к поддержанию *status quo* на Балканах, а в случае, если это окажется невозможным и кто-либо из них оккупирует там ту или иную территорию, другая сторона получает право на соответствующие компенсации.

Германия со своей стороны обещала Италии оказывать ей помощь в сохранении status quo в Северной Африке. В случае, если Франция оккупирует там Триполи или Марокко, а Италия решится оказать ей сопротивление, Германия должна оказать Италии вооруженную помощь точно так же, как она обязывалась это сделать по основному договору в случае нападения Франции на Италию непосредственно.

³ Босния и Герцеговина до 1878 г. находились под властью Турции. После русско-турецкой войны, по постановлению берлинского конгресса (на основании предварительной договоренности с другими державами, в том числе с Россией), Австро-Венгрия оккупировала эти турецкие провинции, и турецкая администрация была в них заменена австрийской. § 25 берлинского трактата гласит следующее: „Провинции Босния и Герцеговина оккупируются и управляются Австро-Венгрией“. Об аннексии и формальном отторжении их от Турции там, так же как и в протоколах конгресса, ничего не говорится.

⁴ По договору „трех императоров“, прекратившему в 1887 г. свое существование, Россия в особом дополнительном протоколе обещала не возражать против превращения оккупации Боснии и Герцеговины в аннексию.

⁵ Русское правительство потребовало в январе 1891 г. (в декабре 1890 г. по старому стилю) высылки русских революционеров из Болгарии. Болгарское правительство ответило согласием.

⁶ Речь идет о судебном процессе княжны Салтыковой из-за прав на спорный майорат.

⁷ Кабинет Криспи пал 31 (19) января; 9 февраля (28 января) был сформирован новый кабинет маркиза Рудини. Криспи являлся решительным сторонником тройственного союза и вел политику, резко враждебную Франции. Наоборот, Рудини, не порывая с тройственным союзом, взял по отношению к Франции более примирительную линию.

⁸ Близкая к Бисмарку мюнхенская „Allgemeine Zeitung“ резко критиковала правительство Вильгельма II за недостаток внимания к поддержанию хороших взаимоотношений с Россией. „Мы надеемся, — писала, между прочим, эта газета, — что мы не всегда останемся на той стадии наших взаимоотношений с Россией, когда мосты между нами и ею подняты; мы касаемся тут основного вопроса всей нашей внешней политики и хотели бы надеяться, что постепенно мы снова обречем настоящий базис для нашей политики, который заключается в дружественных и добрососедских отношениях и с Австро-Венгрией и с Россией“.

Отвечая мюнхенской газете, официальный орган правительства „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ отрицал, что во взаимоотношениях с Россией после отставки Бисмарка произошли коренные перемены. Возводя столь тяжелое обвинение на немецкую политику, пишет „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“, мюнхенская газета должна бы озабочиться приведением каких-либо доказательств своего тезиса. Стремясь дискредитировать внешнюю политику Германии, мюнхенская газета, так же как и „Hamburger Nachrichten“, продолжает „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“, не останавливаясь и перед произвольными измышлениями.

11 февраля главный орган Бисмарка — „Hamburger Nachrichten“ в статье, озаглавленной „Die aufgezogenen Brücken nach Russland“,

заявил, что он лишь ограничивался предостережением против взрыва мостов, связывающих Германию с Россией, вовсе не утверждая, что этот акт уже имел место. Однако для предостережения имеются все необходимые основания.

Как известно, позже, в 1896 г., орган Бисмарка пошел дальше и полностью разоблачил отказ германского правительства от возобновления в 1890 г. русско-германского договора.

⁹ К началу 90-х гг. истекла значительная часть торговых договоров Германии с различными государствами, в том числе и с Россией. Уже с конца 80-х гг. обе стороны начали готовиться к переговорам о новом договоре, взаимно взвинчивая таможенные тарифы, чтобы иметь больше козырей в предстоящих переговорах и возможной таможенной войне.

В декабре 1890 г. Шувалов предложил германскому министру иностранных дел Маршало начать переговоры о новых таможенных тарифах на основе снижения германских пошлин на русский хлеб, лес и керосин в обмен за известные уступки в русских пошлинах на индустриальные товары. Шувалов просил изложить германские пожелания по этому вопросу. Маршал ответил, что опыт прошлого заставляет его отнестись с недоверием к торговой политике Вильгельмского. России следовало бы не словами, а делом доказать свою готовность к улучшению русско-германских экономических отношений („Grosse Politik“, VII, № 1626). Германское правительство не торопилось, выжидая окончания уже ведущихся им в это время переговоров о торговом договоре с Австрией, который вводил понижение пошлин на австро-венгерский хлеб и тем самым давал в руки германскому правительству сильное оружие против России. В силу этого договора с Австрией, за истечением срока русско-германского торгового договора, русский экспорт подпал бы под дифференциальный тариф, продолжая облагаться по старым, более высоким таможенным ставкам, в то время как на все страны, с которыми Германия имела торговые договоры, в силу принципа „наибольшего благоприятствования“, распространялись бы пониженные тарифы, предусмотренные договором с Австрией. Австро-германский договор был подписан в мае 1891 г.

Об упомянутой в дневнике Ламздорфа беседе Шувалова с Берлепшем в опубликованных германских документах говорится лишь косвенно. В донесении Швейница (германского посла в Петербурге) от 20 февраля приводится заявление Гирса, что Берлепш не дал Шувалову ясного ответа на вопрос о характере германских пожеланий насчет снижения русских пошлин и что Гирс хотел бы получить этот ответ от Швейница. Последний однако также ответил уклончиво („Grosse Politik“, VII, № 1627). О дальнейшем ходе русско-германских таможенных переговоров см. ниже, записи от 24 апреля и от 13 мая.

Эти переговоры, как и начавшаяся в 1893 г. в процессе этих переговоров таможенная война, закончились лишь в 1894 г., когда новый русско-германский торговый договор был, наконец, подписан.

¹⁰ Лобанов имеет в виду поддержку, которую австро-венгерское правительство оказывало принцу Фердинанду Кобургскому, избранному 7 июля 1887 г. князем болгарским вместо отрекшегося А. Баттенбергского, вопреки воле русского правительства. Последнее отказалось признать Фердинанда и добилось того же как от других великих держав, так и от Турции, вассалом которой числился болгарский князь. Однако, не признавая Фердинанда формально, австро-венгерское правительство оказывало новому князю фактически весьма деятельную под-

держку. 5 ноября 1887 г. австро-венгерский министр иностранных дел гр. Кальноки заявил в парламенте, что хотя Фердинанд де юре и не признан, но австро-венгерское правительство признает болгарское правительство как существующее *de facto*.

¹¹ В „Новом времени“ была помещена карикатура, изображающая двух ушедших уже в отставку творцов тройственного союза, Бисмарка и Криспи, сидящих за карточным столом. Третье место за столом свободно. Поодаль за письменным министерским столом сидит Кальноки. Под карикатурой подпись: „Криспи: — Эй, Кальноки, сколько времени еще ты будешь там писать? Бисмарк уже сдает!“

¹² Эти выступления сыграли определенную роль в намечившемся тогда взаимном сближении между Ватиканом и все более правевшим в эти годы правительством третьей республики. Так, в феврале 1891 г. по случаю открытия французской палаты кардинал Лавижери обратился с „пастырским посланием“ к алжирскому католическому клиру. В этом послании он указывал на необходимость создания большого католического политического объединения, которое должно признать республиканское правительство и отделить дело католицизма во Франции от монархической партии. Папа одобрил тактику Лавижери, несмотря на сильное противодействие, которое она встретила во французской клерикальной среде.

¹³ В эпоху объединения Италии итальянское правительство уничтожило светскую власть папы и аннексировало Папскую область. Тогда Ватикан разорвал сношения с итальянским правительством; папа отлучил короля Виктора-Эммануила от церкви, и между итальянским правительством и Ватиканом начался перманентный конфликт.

¹⁴ В 1888 г. Ашинов, составив отряд в 150 добровольцев, отправился в Абиссинию с намерением основать там русскую колонию. Он высадился на территории французской колонии Обок, на побережье Красного моря, и занял полуразрушенное укрепление Сагалло на северном берегу Таджурской бухты. Французские военные суда подвергли его отряд бомбардировке, а затем взяли его в плен и передали русскому правительству, которое отказалось от всякой солидарности с Ашиновым. Тем не менее французские крайние шовинистические круги, мечтавшие о союзе с Россией и о войне-реванше против Германии, резко осуждали действия французского флота. За эти протесты „Лига патриотов“, руководимая известным пропагандистом франко-русского сближения Деруледом, была распущена французским правительством. Когда в 1891 г. авантюрист Ашинов прибыл во Францию, крайние „реваншары“ встретили его самым теплым образом. Инцидент 1888 г. излагается в т. I настоящего дневника.

¹⁵ „Департамент внутренних сношений“ министерства иностранных дел ведал консульской службой и вопросами юридического порядка.

¹⁶ 21 (9) февраля Вильгельм II произнес речь на торжественном обеде по случаю открытия бранденбургского провинциального ландтага. В ней он преимущественно обращался к монархическим чувствам депутатов (главным образом дворян): „У меня создается впечатление, господа, что вам не легко понять тот путь, который я себе предназначал“ (намек на критику, которая велась со стороны правого лагеря по поводу постоянных шатаний „нового курса“ и таких шагов Вильгельма, как отставка Бисмарка, разговоры о рабочем законодательстве, пониже-

ние аграрных пошлин и т. д.). „Но я не думаю, что бренденбургские мужи поколеблются следовать за мною“. „Вы знаете ведь, что я рассматриваю свое положение и мои задачи как возложенные на меня небом“. „Поэтому я могу вас заверить, что не проходит ни одного утра и ни одного вечера, чтобы я не молился за мой народ и специально за мой Бранденбург“. Этим „аргументом“ Вильгельм II закончил свою сильно на шумевшую речь, вызвавшую в свое время огромное количество насмешливых отзывов.

¹⁷ Трудно сказать, какие именно статьи имсет в данном случае в виду Ламздорф. Из числа статей „Hamburger Nachrichten“ (орган Бисмарка), действительно инспирированных Бисмарком, за февраль 1891 г. только одна статья от 11 февраля (30 января ст. ст.) посвящена русско-германским отношениям. О ней см. примечание 8.

Паница — болгарский офицер, близкий к Александру Баттенбергскому. После избрания Фердинанда Кобургского Паница организовал против него заговор в январе 1890 г. Заговор был раскрыт, Паница предан суду и казнен.

¹⁹ Мать Вильгельма II, императрица Виктория, была инкогнито в Париже с 18 по 27 февраля 1891 г. Шовинистические французские круги, главным образом „Лига патриотов“ Деруледа (формально распущенная), начали кампанию против пребывания германской императрицы в Париже, против будто бы предполагавшегося приезда Вильгельма II и т. п. Кампания особенно обострилась после появления в „Kölnische Zeitung“ заметки, — не официозного, впрочем, происхождения, — требовавшей „достаточного удовлетворения“ за непочтительность к германской императрице. „На бирже и в прессе началось такое возбуждение, что здешняя полиция, — доносил германский посол, — была крайне озабочена, как бы не было каких-либо демонстраций при отъезде императрицы“ („Grosse Politik“, VII, стр. 280). Чтобы их избежать, императрица уехала с поездом, отходившим на полчаса раньше того, с которым она первоначально предполагала ехать.

²⁰ В дневник вклеена газетная вырезка статьи, озаглавленной „Реформатор fin de siècle“, взятой „Новым временем“ из лондонского журнала „The Referee“. Статья имсет форму дневника „реформатора“. Приводим из нее несколько выдержек:

„Среда. Реформатор в госпитале. Недоволен, как ампутировать ногу. Показывает, как нужно. Отрезывает другую ногу. Спрашивает больного, как ему. Молчит. Говорят — умер. Что за неблагоприятность!

Пятница. Мало делал сегодня. Только осмотрел армию и флот и начертил план нового собора в Кельне. Старый приказу разрушить; совсем не моя идея собора. Показал повару, как делать печенье с яблоками... Дома читал Шиллера и написал заново несколько стихов, сделавшихся несвоевременными.

Воскресенье. Кончил день посреди семьи, составляя заново историю Германии и ветхий завет с моей точки зрения“.

²¹ Ламздорф имеет в виду ликвидацию русско-германского договора о нейтралитете, последовавшую в 1890 г. вследствие отказа германского правительства возобновить этот договор. (См. т. I, стр. 297 и сл.)

²² 4 февраля (нов. ст.) Вильгельм II выразил свое соболезнование Французской академии по поводу смерти художника Мейссонье.

²³ Елисейский дворец — резиденция президента французской республики.

²⁴ В 1891 г. в ознаменование своего пятидесятилетия союз берлинских художников предполагал придать особенно широкий международный характер своей очередной летней выставке. Императрица Виктория покровительствовала этому начинанию, и во время своего пребывания в Париже пыталась подготовить почву для участия французских художников в выставке, что должно было также до известной степени способствовать франко-германскому сближению.

²⁵ Министерство периодически (обычно два раза в месяц) посылало каждому представителю русского правительства за границей в литографированных копиях важнейшую часть дипломатической переписки за истекший период; бюллетени, составлявшиеся в министерстве, содержали общий обзор политического положения.

²⁶ В 1890 г. после отставки Бисмарка германское правительство смягчило паспортные правила для Эльзас-Лотарингии. 28 февраля 1891 г. они снова были сделаны более стеснительными. Во Франции подобные мероприятия германского правительства всегда использовались как предлог для усиления шовинистической пропаганды и вызывали более или менее бурную реакцию.

²⁷ Энциклопедия Машкова, нося официально чисто научный характер, преследовала фактически и политические цели. Французское и русское правительства неоднократно пытались укрепить свое влияние в Абиссинии, во-первых, в противовес имевшему на нее виды итальянскому империализму, во-вторых, вследствие того, что из Абиссинии стратегически можно грозить верховьям Нила и тем самым позиции англичан в Египте.

²⁸ Имеется в виду разрыв русско-германского договора о нейтралитете в 1890 г.

²⁹ „Императорское православное палестинское общество“ было учреждено в 1882 г. с официальной целью „поддержания православия в святой земле“ и „защиты“ его от „латинской“ и протестантской пропаганды, а также для помощи паломничеству из России в Палестину. В Палестине общество располагало сетью своих учреждений (школ, гостиниц и т. д.). Фактически оно должно было быть орудием русской великодержавной пропаганды и укрепления русского влияния на Востоке. Председателем общества с самого его основания был великий князь Сергей Александрович.

³⁰ Обреновичи и Карагеоргиевичи — две соперничавших в Сербии династии. Обреновичи занимали сербский престол до 1842 г. и затем снова с 1859 до 1903 г. Карагеоргиевичи — с 1852 до 1859 г. и с 1903 г. по настоящее время. Борьба обеих династий обычно являлась отражением борьбы русского и австрийского влияний в Сербии.

³¹ 21 августа 1886 г. группа болгарских офицеров устроила дворцовый переворот, заставив князя Александра Баттенбергского подписать отречение от болгарского престола. В тот же день он был удален из пределов Болгарии. Но уже через несколько дней в Софии произошёл новый переворот, и новое (антирусское) правительство предложило Александру вернуться. Однако, не чувствуя себя в силах держаться против воли русского правительства, А. Баттенбергский тотчас

же по возвращении на болгарскую территорию отправил 29 августа из Рушука телеграмму Александру III, в которой заверял царя в своей преданности. Заканчивалась телеграмма словами: „Получив мою корону из рук России, я готов отдать последнюю снова в руки ее государя“. Александр III ответил, что не может одобрить возвращение Александра Баттенбергского, и тогда 3 сентября последний заявил о своем решении отречься.

³² Телеграмма Рибо опубликована в *Livre Jaune*, „Alliance Franco-Russe“, Paris, 1918, стр. 2—3. Вместо фразы: „Перед лицом стоящего во всеоружии тройственного союза“ в этом издании мы находим фразу: „В то время как тройственный союз разоряется на вооружения...“ Последние два абзаца в *Livre Jaune* отсутствуют, и телеграмма датирована не 10, а 9 марта.

Киль был снят у Дании Австрией и Пруссией в результате войны 1864 г. После этого он некоторое время находился в совместном управлении обоих победителей, а затем (по Гаштейнскому договору 1865 г.) в общем пользовании всех государств германского союза в качестве „союзного порта“. После австро-прусской войны 1866 г. Киль был окончательно присоединен к Пруссии. Русское правительство соблюдало во время обеих названных войн по отношению к Пруссии благожелательный нейтралитет.

³⁴ Посещение Кронштадта французской эскадрой было предположено французским правительством еще в августе 1890 г., после посещения Петербурга ген. Буадефром, но с русской стороны тогда последовал уклончивый ответ.

Переговоры об этом были, судя по французским источникам, возобновлены Лабуэ в январе 1891 г., о чем в дневнике Ламздорфа никаких данных не содержится, кроме этого довольно безразличного замечания.

³⁵ Покушение на Стамбулова имело место 27(15) марта в Софии. Бывший с ним министр финансов Бельчев был при этом убит. Покушавшиеся скрылись.

³⁶ Берлинский конгресс расчленил Болгарию (как она проектировалась по Сан-Стефанскому договору, завершившему русско-турецкую войну) на три части. Болгарская Македония осталась турецкой. Северная Болгария (к северу от Балканского хребта) стала княжеством фактически самостоятельным, с сохранением чисто номинальной вассальной зависимости от султана. Населенные болгарами области к югу от Балканского хребта составили турецкую провинцию — Восточную Румелию, пользовавшуюся весьма широкой автономией. 18(6) сентября 1885 г. болгарские националисты подняли восстание в Восточной Румелии под лозунгом объединения с Болгарией. Несмотря на сопротивление части „великих держав“, особенно России, не желавшей, чтобы ускользавшее из-под ее влияния болгарское правительство одержало эту победу, объединение обеих Болгарий произошло. Согласно болгаро-турецкому договору 1886 г., утвержденному 18 апреля 1886 г. державами, подписавшими берлинский трактат, Восточная Румелия осталась формально турецкой провинцией, но генерал-губернатором ее был назначен князь болгарский, которым тогда еще был А. Баттенбергский, сроком на 5 лет, т. е. до апреля 1891 г. Теперь стоял вопрос об утверждении болгарского князя на новое пятилетие в должности генерал-губернатора

Восточной Румелии. Затруднение заключалось в том, что преемник Баттенберга, Фердинанд Кобургский, не был признан ни в качестве князя болгарского, ни в качестве губернатора Восточной Румелии. Надлежало продлить „полномочия“, которых Фердинанд юридически, собственно, и не имел.

³⁷ 2 мая 1889 г. между итальянским правительством и негусом Менеликом, который в марте того же года с помощью итальянцев сел на абиссинский трон, был заключен учинательский договор, согласно которому Абиссиния признавала право Италии на владение Массавой, захваченной итальянским империализмом в 1885 г., и предоставляла итальянскому правительству право на посредничество во внешних сношениях Абиссинии, о характере которого говорится в тексте.

³⁸ В результате длительного скандала в королевской семье между королем Миланом, принужденным в 1889 г. отречься от престола в пользу своего сына, и его женой, королевой Наталией, в 1891 г. скупщина (сербский парламент) вынесла постановление о запрещении обоим въезда в Сербию. (См. также об этом деле ниже, запись от 7 мая). Милан был проводником австрийского влияния, и его удаление означало удар для этого последнего и выигрыш для царской России.

³⁹ В дневник вложена газетная вырезка, содержащая вольный перевод инспирированной Бисмарком статьи „Россия и Франция“, помещенной в „Hamburger Nachrichten“ от 10 апреля (29 марта) 1891 г. В статье этой высказывается прежде всего мысль, что нападения со стороны России на ее западных соседей бояться нечего. Не исключена возможность, что Россия высадит десант на Босфоре, займет проливы и будет затем выжидать, что предпримут другие державы. При этом она легко пойдет на сделку с этими последними. Утвердившись в пролизах, Россия все свое внимание направит на Азию. Война на западной границе ей не нужна, бесполезна. Газетная кампания относительно франко-русских воинственных замыслов против Германии необоснована и вредна, так как портит отношения с Россией. „Пока Германия сохраняет хорошие отношения с Россией, она неприступна, но она тотчас попадет в затруднительное положение, как только другие страны увидят, что мы разрушили мосты, соединяющие нас с империей даря, и должны рассчитывать только на самих себя или на добрую волю наших союзников“. Франция конечно готова воспользоваться первым удобным случаем для нападения на Германию. Однако, пока Германии удастся удерживать Италию в тройственном союзе, такой случай вряд ли представится, а удержать в нем Италию Германии с помощью Англии будет нетрудно, так как Италия знает, что союз с Францией поставит ее в положение вассала этой последней.

⁴⁰ Между английским и португальским правительствами с декабря 1889 г. тянулся довольно острый, хотя и местного характера, конфликт из-за территориального разграничения между английскими владениями (в значительной части территориями, находившимися в руках британской Южноафриканской компании) и португальским Мозамбиком. Уступки португальского правительства в этом вопросе всякий раз вызывали подъем республиканского движения в Португалии.

⁴¹ В Гестемюнде происходили дополнительные выборы в рейхстаг, причем Бисмарк выставил свою кандидатуру (см. „Дневник“ от 20 апреля 1891 г.).

⁴² Перед началом русско-турецкой войны 1877—1878 гг. царское правительство обязалось перед австрийским не занимать Константинополь. Когда же во время войны русские войска стали к нему приближаться, к устью Дарданелл был стянут английский флот. 10 февраля (29 января) 1878 г. русский главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич („старший“), получил сведения, что англичане намереваются ввести свои суда в самый пролив. В ответ на соответствующее донесение главнокомандующего последовала та телеграмма от 11 февраля (30 января), о которой идет речь в тексте, с предписанием занять Константинополь в случае, если англичане высадят десант на Галлиполийском полуострове. Английский флот вошел в проливы, но десанта не высадил. Английская дипломатия в свою очередь добилась того, что и русские не решились занять Галлиполийский полуостров, что сделало бы их хозяевами проливов. Зато русские войска и не вошли в самый город, но были придвинуты почти вплотную к Константинополю, и русская главная квартира пересекла в предместье Константинополя — Сан-Стефано.

⁴³ Местности в окрестностях Константинополя. В Сан-Стефано был в 1878 г. подписан прелиминарный (предварительный) мирный договор между Россией и Турцией, пересмотренный затем берлинским конгрессом.

⁴⁴ Согласно действовавшим международным соглашениям, проливы были закрыты для прохода всех военных судов (кроме турецких). Проход отдельных легких судов разрешался только в определенных случаях и не иначе, как по специальному разрешению султана.

⁴⁵ О „Палестинском обществе“ см. примечание 29.

⁴⁶ Французская выставка в Москве была одним из средств пропаганды франко-русского сближения, в частности экономического. Выставка была открыта с 15(3) мая по 18(6) августа.

⁴⁷ Так выразился о князе Николае Черногорском Александр III в своем тосте во время визита князя Черногорского в Петербурге в мае 1889 г.

⁴⁸ Бисмарк не поехал в Берлин и фактического участия в работе рейхстага не принимал.

⁴⁹ Переговоры об австро-германском торговом договоре начались, ввиду истечения срока действовавшего договора, осенью 1890 г. В мае 1891 г. новый договор был заключен. Согласно ему, Германия значительно снижала пошлины на австро-венгерские сельскохозяйственные продукты в обмен на уступки в австро-венгерских пошлинах на промышленные изделия. Договор вызвал в Германии со стороны юнкерских кругов целую бурю негодования против правительства Каприви. Бисмарк также выступил в качестве яркого противника договора. (См. также примечание 9.)

⁵⁰ Старые торговые договоры, срок которых теперь истекал, базировались на принципе автономных тарифов и на принципе так называемого наибольшего благоприятствования. Это значит, что размер пошлин устанавливался не международным торговым договором, а внутренним законодательством каждой страны, и договор содержал лишь обязательство о „наибольшем благоприятствовании“, т. е. об обязательном предоставлении данной стране всех преимуществ, которыми пользуется импорт из всякой третьей страны.

Торговые договоры начала 90-х гг. заключались германским правительством уже на другой основе — на основе постоянных или конвенционных тарифов, т. е. тарифов, размер которых связан международным договором на определенный срок и не может быть самостоятельно („автономно“) повышен какой-либо из договаривающихся сторон до истечения срока договора.

⁵¹ В это время русское правительство вырабатывало новый таможенный тариф (ставший законом в том же 1891 г.), введший общее повышение пошлин.

⁵² О переговорах Шувалова с Маршалем в апреле 1891 г. см. „Grosse Politik“, том VII, №№ 1628—1630. Согласно немецким документам, переговоры развивались следующим образом: 2 апреля (24 марта ст. ст.) Шувалов заявил Маршалу, что русское правительство принимает германское пожелание относительно постоянных тарифов. 14 апреля (2 апреля ст. ст.) он изложил Маршалу предложение Вышнеградского, — очевидно, на основе той записки Вышнеградского, составленной после февральских переговоров с Берлепшем, о которой упоминается в тексте. (О последних см. запись от 5 февраля и главным образом примечание 9.)

Вышнеградский исходил из следующего рассуждения: из русского импорта в Германию около $\frac{1}{3}$ составляет хлеб; если эту треть отбросить, то оставшиеся $\frac{2}{3}$ приблизительно уравнивают германский ввоз в Россию. Если Германия согласится трактовать русский хлеб и лес на равных началах с австрийскими и предоставить далее скидки на пошлину за керосин, то Россия готова установить постоянные договорные тарифы на ряд предметов германского индустриального ввоза. О снижении русских пошлин в записке никакого упоминания не было. Маршал и в этот раз (ср. примечание 9) отвечал, что исполнение этих пожеланий не встретит затруднений, но лишь при условии, что Россия действительно пойдет на „полноценные“ уступки. Ее нынешние индустриальные пошлины часто являются прямо запретительными. В том, чтобы тарифы подобного рода превратить в постоянные договорные пошлины, Германия вовсе не заинтересована, т. е. дело идет для Германии не только об установлении постоянных тарифов, связанных договором, но и о снижении их. По просьбе Шувалова, 21(9) апреля Маршал сделал более подробные встречные предложения. Он перечислил товары, на которые Германия добивается понижения пошлины (они перечислены в тексте дневника), и потребовал уничтожения введенных русским правительством повышенных тарифов на ввозимые из Германии чугуны, уголь, кокс и хлопчатобумажные изделия на одинаковых основаниях с ввозом из других стран. В этом смысле отмеченного в тексте требования насчет равенства обложения предметов, ввозимых морским и сухопутным путем.

Согласно германским документам, Маршал оспаривал положение Вышнеградского, что за вычетом хлеба русский и германский экспорты равны; он утверждал, что, и не считая хлеба, Россия ввозит в Германию на семьдесят миллионов марок больше, чем Германия в Россию. Задача торговых переговоров и заключалась, по его мнению, в установлении такого размера пошлин, который обеспечивал бы равенство, за исключением хлеба, русского и германского экспортов. Для этого следовало облегчить доступ большому количеству германских товаров в Россию. Это объясняет смысл без того не вполне понятной фразы Шувалова, приведенной в тексте, что главная трудность „в том, чтобы добиться приемлемого для обеих сторон равновесия в отношении выбора предметов, на которые должен быть установлен постоянный тариф“.

⁵³ 10 апреля (28 марта) 1891 г. было воспрещено селиться в Москве евреям-ремесленникам; все евреи-ремесленники, уже проживавшие в Москве до издания этого распоряжения, принудительно выселялись в пределы „черты оседлости“. Евреи-ремесленники, входившие в состав дворов, имели законное право на проживание в Москве по закону 1865 г. Новые правила получали и обратную силу, т. е. распространялись и на евреев, уже давно живших в Москве на основе давно предоставленного им права. На основании этого распоряжения было выселено около двадцати тысяч евреев.

⁵⁴ Тройственный союз был возобновлен в 1891 г. при несколько особых условиях. Во-первых, его возобновление положило конец надеждам и слухам, исходившим как из некоторых русских, так и из французских кругов об отколе Италии от Германии и Австро-Венгрии. Возобновление тройственного союза было прокламировано и в Германии и в Италии с особой торжественностью. Во-вторых, возобновление договора совпало с очень тесным сближением между тройственным союзом и Англией. В прессе распространялись слухи даже о формальном присоединении Англии к союзу (что было, впрочем, неверно).

Тройственный союз был продлен на шесть лет. Итальянское правительство выторговало при этом некоторые изменения в договоре в смысле расширения обязательств Германии в отношении помощи Италии в случае столкновения ее с Францией из-за делажа колоний в Северной Африке. Германия приняла на себя теперь обязательство поддерживать Италию не только в случае нападения на нее Франции или же при оккупации Францией новых территорий в Северной Африке, как это было и раньше, но и в том случае, если сама Италия оккупирует там ту или иную территорию.

⁵⁵ В дневник вклеена газетная вырезка, передающая содержание ответа органа Бисмарка „Hamburger Nachrichten“ газете „Militärisches Wochenblatt“, бросившей „Hamburger Nachrichten“ обвинение в том, что она считает ненужным поддержание союза с Австрией. Орган Бисмарка отвечал, что смысл его статей заключается не в нападках на Австрию, а в противодействии полному разрыву Германии с Россией, что лишило бы германскую внешнюю политику ее независимости, всецело привязав ее к одной Австрии.

⁵⁶ Королева Наталия отказалась подчиниться постановлению скупщины о выезде из Сербии. (См. дневник от 30 марта и примечание 38.) При попытке доставить ее силой на вокзал она, собрав группу сторонников, отбилась от жандармов. На следующий день однако ее удалось посадить на поезд и вывезти за границу.

⁵⁷ Об австро-германском договоре и дифференциальных тарифах для русского экспорта см. примечания 9 и 49.

⁵⁸ „Санктпетербургское славянское благотворительное общество“ было основано в 1877 г., являясь прямым продолжением „Славянского благотворительного комитета“, существовавшего с 1858 г.

Общество ставило себе целью усиление русского влияния в славянских государствах на Балканах и в славянских землях Турции, а фактически и в славянских областях Австро-Венгрии. Его деятельность не ограничивалась „культурной“ областью, пропагандой в духе „православия и славянства“, поддержкой для этого соответствующих школ,

церквей в славянских странах и т. д. В эпоху герцеговинского восстания 1875 г. и русско-турецкой войны оно снаряжало отряды добровольцев, собирало деньги на военные цели и т. п. Подобную работу оно не прекратило и в последующее время.

⁵⁹ Дсло идет о третейском решении по вопросу о споре (чисто местного значения) между французским и голландским правительствами относительно границы их владений в Гвиане (в Южной Америке).

⁶⁰ Экзархом называется глава болгарской церкви — православной, но совершенно самостоятельной („автокефальной“) по отношению к константинопольскому патриарху. Резиденцией экзарха был Константинополь. Ему подчинялись главы отдельных церковных округов (епархий) как в болгарском княжестве, так и в части Македонии, в том числе упомянутый ниже в тексте митрополит софийский. Оба играли значительную роль в болгарских политических интригах того времени.

⁶¹ См. „Дневник Ламздорфа“, т. I, стр. 275—276, 285.

⁶² О борьбе с Катковым см. примечание 135.

⁶³ „Образец наивного красноречия“, о котором говорит Ламздорф, приложен к дневнику (газетная вырезка): „Спасибо вам от души. Благодарю за хлеб-соль. Очень рад, что моим представителем в Москве будет мой брат. Уверен, что он полюбит Москву и она его полюбит. Я любил Москву с детства. Очень вам благодарен и еще раз спасибо“.

⁶⁴ По вопросу о торговых переговорах с Германией. Совещение одобрило принципы, намеченные в записке Вышнеградского, согласно которой русскому правительству „возможно только обязаться не повышать пошлин в течение известного времени на некоторые, особо интересующие Германию товары“; понижение русских пошлин ниже ставок нового тарифа 1891 г. не может быть допущено ввиду ущерба для русских фабрикантов. Таким образом, совещание осталось при той же позиции, которую мы видели у русского правительства во время переговоров Шувалова в Берлине, в апреле месяце. (См. дневник от 24 апреля и примечание 52.)

⁶⁵ Суд признал Кумминга виновным в шулерстве. Партия, на которой Кумминг попался в мошенничестве, происходила в присутствии принца Уэльского, будущего короля Эдуарда VII.

⁶⁶ В 1887 г. между Австро-Венгрией, Италией и Англией было заключено секретное соглашение, согласно которому все три стороны обязывались поддерживать сохранение *status quo* на Ближнем Востоке. Главной целью этого соглашения было противодействие захватам царской России в Турции, особенно в проливах: имелось в виду и противодействие французским захватам в Северной Африке. Это соглашение было одобрено германским правительством, да, в сущности, Бисмарк и был его вдохновителем.

Как это видно из дневника Ламздорфа, русское правительство почти ничего не знало об этом дипломатическом барьере, воздвигнутом против него на Востоке при участии Бисмарка. Несомненно, это обстоятельство заставляло его переоценивать значение русско-германского договора „перестраховки“, дополнительный, сверхсекретный пункт которого, как известно, гарантировал России благожелательный нейтралитет Германии в случае захвата проливов царским правительством.

Что касается переговоров между Германией и Англией, то в 1887 г. Бисмарк и британский премьер лорд Сольсбери обменялись письмами, в которых каждый излагал свою политику в случае войны с Россией или Францией. Бисмарк при этом осторожно зондировал почву относительно размеров той помощи, которую Сольсбери готов оказать Австрии и Германии против России. Отвечая ему, Сольсбери довольно уклончиво заявлял, что эта помощь будет зависеть от степени той поддержки, которую сама Германия окажет Австрии, так как без Германии борьба против России безнадежна. Заметим, что через два года, в 1889 г., Бисмарк прямо предложил Сольсбери заключить формальный союз; английский премьер ответил однако вежливым отказом.

⁶⁷ 29(17) июня Рулини объявил в итальянском сенате о продлении тройственного союза. В тот же день и Вильгельм II лично выступил с публичным сообщением об этом событии.

⁶⁸ Это свидание имело большое значение. Согласно донесению французского посла в Петербурге Лабулэ, они с Гирсом „говорили о возобновлении тройственного союза и о косвенном присоединении к нему Англии и задались вопросом, не делает ли желательным новая ситуация, созданная этими событиями, нового шага по пути к антанте“ между Россией и Францией. Таким образом, начались переговоры о франко-русском соглашении, первый этап которых закончился 27(15) августа обменом письмами, фиксирующими основы политического соглашения (см. ниже). Повидимому, Гирс не сразу посвятил Ламздорфа в переговоры с Францией. О дальнейшем ходе переговоров см. дневник от 11 июля.

⁶⁹ По вопросу о конфликте между православным и католическим духовенством. Французское правительство являлось, согласно международным договорам, „покровителем“ всех католиков в Турции, царское правительство — „покровителем“ православных. Реальный смысл этих „прав“ заключался в том, что они давали возможность постоянного вмешательства во внутренние дела Турции и тем самым — усиления своего влияния на Ближнем Востоке.

⁷⁰ Лабулэ уходил с поста посла в Петербурге и был заменен графом Монтебелло, который до этого был послом в Турции.

⁷¹ Обок — французская колония на побережье Красного моря в Абиссинии. Речь идет об экспедиции в Абиссинию под начальством офицера Машкова, официально имевшей научный характер, фактически же преследовавшей и политические цели.

⁷² Повидимому, по вифлеемскому вопросу. Ср. дневник за 6 июля.

⁷³ Эта телеграмма Рибо представляет, очевидно, ответ на сообщение Лабулэ о его беседе с Гирсом 16(4) августа (см. дневник от 5 августа). Телеграмма эта до сих пор нигде не опубликована. Через три дня Рибо отправил Лабулэ письмо от 24(12) июля, в котором он уже выражает полное согласие на заключение соглашения с Россией и намечает следующие основы этого соглашения: „Что касается нас, то нам казалось бы достаточным, с одной стороны, условиться, что оба правительства будут обсуждать друг с другом каждый вопрос, могущий угрожать сохранению мира. С другой стороны, следует постановить, что если мир действительно окажется под угрозой со стороны одной из держав тройственного союза, Франция и Россия без всякого

промедления примут меры, необходимые для предотвращения всякой неожиданности. Иначе говоря, Франция и Россия вступают в соглашение относительно одновременной мобилизации своих сил тотчас же, как только одна из стран, входящих в тройственный союз, мобилизует свои. Условия этой одновременной мобилизации могут стать предметом соглашения, которое должно быть установлено между генеральными штабами обеих стран" (Livre Jaune, „Alliance Franco-Russe“).

⁷⁴ 23(11) июля в Кронштадт прибыла французская эскадра под командой адмирала Жерве. Эскадре была устроена грандиозная встреча, которая превратилась в шумную манифестацию франко-русского сближения. 28(16) июля во время обеда, данного французским морякам, Александр III стоя слушал „Марсельезу“. Затем имел место обмен телеграммами между царем и президентом Карно. 5 августа Жерве с группой французских офицеров прибыл в Москву, где также была устроена чрезвычайно торжественная встреча, принявшая еще более шовинистический характер, чем в Петербурге. 8 августа (27 июля) французская эскадра ушла из Кронштадта.

Напомним, что во время этих торжеств за кулисами велись переговоры о франко-русском союзе. (См. примечание 73.)

Примечание подлинника, хотя оно и сделано под записью от 11 июля, несомненно относится не только к событиям этого дня. Обед на эскадре имел место 25(13), а „Марсельеза“ — 28(16) июля. Мы публикуем это примечание из-за любопытной фразы об отъезде Гирса, видимо демонстративном.

⁷⁵ Слова об „одном друге“ представляют намек на тост Александра III в честь Николая Черногорского, „единственного друга России“. (Примечание 47.)

⁷⁶ „Два пункта“ франко-русского соглашения были выработаны в переговорах, начавшихся между Гирсом и Лабулэ 4(16) июля. (См. дневник ют 5 июля.) Первый известный до сих пор набросок проекта соглашения содержится в письме Рибо от 12(24) июля, приведенном в примечании 73.

Взамен его Гирс предложил следующую формулировку п. 2-го: в случае, если одна из договаривающихся сторон окажется под угрозой нападения, обе стороны „обдумают, если найдут это нужным, меры, о которых следует заранее договориться, немедленное и одновременное проведение которых оказалось бы, в случае наступления этих событий, настоящим для обоих правительств“. Вместо этой менее обязывающей формулировки Рибо предложил следующую: обе стороны „услаиваются договориться о мерах, немедленное и одновременное проведение которых...“ т. е. д. В конце концов эта формулировка, гораздо более категорическая, не содержащая, в частности, оговорок, „если найдут это нужным“, имеющейся в проекте Гирса, была принята русским правительством.

Первоначальное пожелание Рибо, чтобы в соглашении в качестве той меры, которой надлежит ответить на угрозу нападения, было прямо указано на мобилизацию, так и не было принято.

Другим спорным пунктом был вопрос о том, распространяется ли договор только на случай столкновения с тройственным союзом или же и на случай столкновения с Англией. Формулировка Рибо: „если мир действительно окажется под угрозой со стороны одной из держав тройственного союза...“ (см. примечание 73), оказалась в конце концов замененной такой формулировкой: „в случае, если бы мир оказался дей-

ствительно в опасности...“ — формулировкой, не называющей, так сказать, по имени нарушителя мира и распространяющей, следовательно, взаимные обязательства России и Франции не только на случай столкновения с державами тройственного союза, но и с любой другой, в частности с Англией. В этом вопросе победила, таким образом, русская точка зрения. О ходе переговоров см. также дневник от 21, 25 и 26 июля.

О завершении этого этапа франко-русских переговоров см. дневник от 8, 10, 18, 19, 21, 23 августа и от 1 сентября.

⁷⁷ Записка Гирса в дневнике не воспроизведена.

⁷⁸ Моренгейм приехал для этого в Петербург по специальному вызову царя.

О переговорах относительно содерж. „двух пунктов“ см. примечание ⁷⁶.

⁷⁹ Это письмо Гирса опубликовано в *Livre Jaune*, „L'Alliance Franco-Russe“, стр. 16, и у Ключикова и Сабанина, „Международная политика нового времени в договорах, нотах и документах“ (1925 г., ч. 1, стр. 268).

⁸⁰ Письмо Моренгейма опубликовано в *Livre Jaune*, „L'Alliance Franco-Russe“, стр. 15.

⁸¹ Письмо Рибо опубликовано в *Livre Jaune*, стр. 17.

По возвращении из России Моренгейм проехал в Котрэ, где, отвечая на приветствия местных властей, он, явно намекая на франко-русское соглашение, между прочим заявил: „Вы знаете, что я на некоторое время уезжал довольно далеко“. „Но расстояние не всегда разделяет, оно может даже и сближать. Здесь говорили о взаимных симпатиях, которые проявляются повсеместно и в России и во Франции, и о том, что ваш департамент желает со своей стороны выявить этот энтузиазм, — я могу так выразиться, так как это слово не чересчур сильно“. „Для этого имеется много самых лучших оснований“ и т. д.

⁸³ Фреденсбург — замок в Дании, осенняя резиденция датского короля, где гостил тогда Александр III.

⁸⁴ Во время пребывания Александра III в Дании Фрейсинэ и Рибо сделали попытку оказать непосредственно на него давление, чтобы добиться заключения военной конвенции. 1 сентября (20 августа) в Копенгаген был послан Ганзен, который 4 сентября передал князю Владимиру Оболенскому меморандум французского правительства. В этом меморандуме указывалось на невыгодность для России и Франции сепаратных, несогласованных военных действий и на опасность, что Германия разобьет их порознь, если между ними не будет твердой договоренности. Исходя из этого, французское правительство предлагало заключить военную конвенцию. На другой день Оболенский передал Ганзену следующий ответ:

„Г. Ганзен может передать господам Фрейсинэ и Рибо, что император познакомился с их просьбой и хочет ее серьезно обсудить и что по возвращении в Петербург он тотчас займется тем, чтобы дать этому ход“ (Hansen, „Ambassade à Paris du baron Morenheim“, p. 133—136).

⁸⁵ Скерневицы — город в Польше, где 15—17(3—5) сентября 1884 г. имело место свидание Александра III, Вильгельма I и Франца-Иосифа. Свидание произошло после возобновления договора „трех императоров“

(о нем см. выше.) Созванное по инициативе Бисмарка, скернсвицкое свидание временно несколько разрядило атмосферу русско-австрийских отношений.

⁸⁶ Это письмо (публикуемое впервые) интересно сравнить с письмом Моренгейма, в котором тот передавал Рибо этот ответ Гирса (опубликовано в цитир. выше Желтой книге, стр. 18). Передавая в своем письме в несколько смягченной форме содержание 2-го абзаца письма Гирса, Моренгейм опустил 3-й абзац, но зато добавил следующую фразу: „Дела остаются, следовательно, в том же положении, как мы договорились во время нашего последнего свидания, иначе говоря, за дело возьмутся снова после возвращения императора и г. Гирса в Петербург“. Ясно, что этим он подал французским министрам определенную надежду, что русские намерены возобновить переговоры о военной конвенции, в то время как письма Гирса преследовало скорее прямо противоположную цель.

⁸⁷ „Le Gaulois“ — парижская правая монархическо-клерикальная газета; являлась ярой поборницей франко-русского союза.

⁸⁸ Во время маневров в Эрфурте Вильгельм II произнес речь, в которой, между прочим, заявил: „В этом городе корсиканский завоеватель самым тяжелым образом обидел германских государей и глубоко унизил наше разгромленное отечество. Тогда в душе моего прадеда зародилась мысль о сопротивлении до последнего, которая привела к подвигу 1813 г.“. Такова официальная версия. В прессе этот антифранцузский выпад Вильгельма фигурировал и в другой версии: „Здесь, в этом городе, — сказал он будто бы, — нас глубочайшим образом унизил корсиканский выскочка, оскорбил нас самым отвратительным образом, но отсюда же в 1813 г. вышло и пламя мести, которое его опрокинуло“.

⁸⁹ Буланжисты — сторонники генерала Буланже, выдвигавшие во внутренней политике программу переворота бонапартистского типа, а в области политики внешней бывшие ярыми сторонниками войны-реванша против Германии в союзе с Россией. Буланжистское движение, достигшее апогея в 1887–1889 гг., в 1891 г. шло уже на убыль.

⁹⁰ Гирс имел во время своей поездки за границу свидания с Рудини и с итальянским королем, с Фрейсинэ и с Рибо и затем, проезжая через Берлин на обратном пути в Россию, с Вильгельмом II, Каприви и Маршалем. В Париж Гирс приехал 19(7) ноября. Согласно документам, опубликованным французским правительством после войны, в беседе с Рибо Гирс заявил: „Царь думает, что для текущего момента достаточно основ соглашения, намеченных в августе месяце“.

В ответ на настояния французов относительно заключения военной конвенции Гирс заверял их в миролюбии Германии и, „оправдываясь своей некомпетентностью и желанием императора весть переговоры непосредственно с военным министром и с ним (Гирсом)“, отказался вступать сейчас в переговоры о конвенции. Однако он все же указал „на возможность и даже желательность“ заключения в будущем „соглашения, которое уточнило бы: 1) (что уже договорено) обязательство обеих стран взаимно поддерживать друг друга всеми своими силами в случае нападения; 2) обязательство приступить к мобилизации своих сил в случае мобилизации со стороны Германии или Австрии, хотя бы война и не была объявлена; 3) меры, которые надлежит принять,

чтобы обеспечить максимальную эффективность военных действий обеих сторон".

В беседе, кроме того, был затронут восточный вопрос. Гирс заверял французов, что русское правительство желает лишь сохранения *status quo* (существующего положения) и не стремится к захвату проливов: „Мы желаем, чтобы турки оставались сторожами проливов“. (Русская политика в этот период действительно не стремилась к захвату Константинополя в ближайшее же время; это не значит, что она отказывалась от этого на будущее.)

Рибо подчеркнул желательность согласованной политики в Константинополе. Гирс ответил, что, возвратясь в Петербург, он пошлет соответствующие инструкции Нелидову. „Последний должен дать понять султану, что франко-русская антанта не направлена против него, что он, напротив, сможет найти в ней лучшую гарантию безопасности, но что рассчитывать на нас он должен только при условии, если он поможет нам расстроить маневры тройственного союза“, т. е. иначе говоря, если подчинится франко-русскому влиянию.

23(11) ноября Гирс прибыл в Берлин. Германских государственных деятелей Гирс всячески заверял в миролюбии России и Франции, в умножающем влиянии России на эту последнюю и т. д.

⁹¹ В начале мая банковский консорциум, в который входили парижский Ротшильд, берлинский банкирский дом Блейхредер и *Disconto-Gesellschaft* (один из шести крупнейших берлинских банков), отказался от уже заключенного им с русским правительством контракта на выпуск русского трехпроцентного займа в 500 миллионов франков, мотивируя это преследованиями евреев в России. В сентябре составился новый консорциум из *Crédit Foncier* в Париже, Варшауера и Мендельсона в Берлине, но вскоре оба немецкие банка опять отказались от этого дела. Тем не менее, номинальная сумма займа при подписке на облигации была покрыта на французских биржах семь раз; этот блестящий успех оказался однако иллюзорным, так как вскоре выяснилось, что подписчики колеблются брать облигации, на которые подписались. Курс займа (отчасти под влиянием понижительной кампании враждебных банковских групп) начал падать. До известной степени его удалось поддержать благодаря, во-первых, тому, что русское казначейство начало скупать облигации займа, бросив на это определенную сумму; во-вторых, благодаря воздействию французского правительства на французские банковские круги. Неудача займа отразилась на курсе рубля.

⁹² В конце июля 1891 г., когда выяснился катастрофический характер неурожая, специальным указом был запрещен вывоз ржи. В октябре запрет был распространен на картофель и на все виды хлебов, кроме пшеницы, а в ноябре — и на эту последнюю.

⁹³ В заметке сообщается, что хотя путешествие Гирса было вызвано исключительно лечебными целями, но что оно все же дало повод к ряду политических свиданий в Италии, Германии и Франции, в результате которых можно констатировать „рост взаимного доверия“, внесение „большой ясности“ в международное положение и новое „укрепление гарантий мира“, стремление к сохранению которого является „всеобщим“.

⁹⁴ Об инструкциях Нелидову см. также дневник от 7 декабря 1891 г. и примечание 97. Посылка согласованных инструкций русскому

и французскому послу в Турции была решена во время свидания Гирса с Фрейсинэ и Рибо. (См. примечание 90.)

„Фигаро“ — парижская бульварная газета с клерикальным уклоном, ультрашовинистическая, пропагандировавшая войну-реванш против Германии и союз с Россией.

⁹⁶ На деле отношения между Румынией и тройственным союзом были гораздо более тесными. Как доказывает дневник Ламздорфа, русскому правительству сущность этих отношений осталась неизвестной. 30 октября 1883 г. между Румынией и Австро-Венгрией был заключен настоящий союзный договор, к которому тут же присоединилась Германия, а в 1888 г. и Италия. Этот союз предусматривал военную помощь Румынии в случае нападения на нее России. Обратно, Румыния обещала таковую же помощь в случае нападения России на Австрию.

⁹⁷ См. также дневник за 24 ноября. О беседе Гирса с французскими министрами см. примечание 90.

В инструкциях Нелидову подчеркивается „сближение“ между Россией и Францией. Далее основной задачей политики провозглашается сохранение *status quo* при обеспечении преобладания франко-русского влияния на султана, в противовес влиянию Англии и тройственного союза.

В египетском вопросе, который является „основным для Франции“, необходимо стремиться „приблизить время эвакуации Египта“. Необходимо побуждать султана препятствовать превращению временной оккупации в окончательную аннексию Египта Англией.

В болгарском вопросе, наиболее важном с русской точки зрения, „не надеясь, что можно заставить султана употребить свой авторитет или тем более силу, чтобы положить конец нынешнему положению, мы имеем тем не менее право ожидать“, что он не признает *de jure* фактически существующее незаконное болгарское правительство.

Далее в инструкциях подчеркивается необходимость сотрудничества с французским послом.

⁹⁸ В декабре 1891 г. болгарское правительство выслало из Болгарии корреспондента французского телеграфного агентства Гавас Шадурна, обвиняя его в систематическом распространении ложных сведений, неблагоприятных для болгарского правительства.

В Болгарии существовали капитуляции, и французское правительство протестовало против их нарушения. Протест остался безрезультатным, и это привело к временному разрыву дипломатических отношений между Болгарией и Францией. (О дальнейшем развитии этого дела см. дневник от 9 января 1892 г.) Капитуляциями называются международные договоры, устанавливающие изъятие иностранных подданных, проживающих в данной стране, от подсудности обычным судам и подчинение их особым судам с участием консульского представителя их родины. Поскольку это право дается только одной из сторон, капитуляции являются примером неравноправных договоров.

⁹⁹ О торговых договорах, заключенных между Германией и ее союзниками, см. примечание 49. Договор с Италией в основном был построен на тех же принципах, что и с Австро-Венгрией. Одновременно германское правительство вело переговоры относительно заключения торговых договоров, основанных на тех же самых принципах, и с другими странами, причем договоры со Швейцарией и Бельгией были уже подписаны.

В декабре 1891 г. новые торговые договоры были представлены рейхстагу; их обсуждение проходило весьма бурно из-за оппозиции аграриев, к которым примкнул Бисмарк. Все же договоры были приняты большинством рейхстага.

¹⁰⁰ О русско-германских переговорах о торговом договоре см. дневник за 5 февраля, 24 апреля, 24 мая 1891 г. На основе решений совещания 28 мая (см. дневник за этот день и примечание 64) Шувалову было предписано передать Маршалу русские предложения в форме письма. Как и прежде, русское правительство требовало равенства обложения русских товаров со всеми другими (т. е. уничтожения немецких дифференциальных пошлин). С другой стороны, оно оставалось при принципе автономного тарифа, считая невозможным снижение пошлин путем международных соглашений, т. е., попросту говоря, отказывалось снизить пошлины на германские товары. Оно предлагало только фиксацию этих пошлин, т. е. обязательство не повышать их еще больше в течение определенного срока. Ответ германского правительства поступил очень нескоро (уже в 1892 г.; о его содержании см. ниже, дневник от 25 февраля 1892 г.). Медлительность германского правительства объясняется главным образом желанием заставить царское правительство пойти на снижение пошлин, без чего германское правительство считало соглашение невозможным. Кроме того, голод 1891 г., чрезвычайно понизив покупательную способность русского рынка, сделал его временно мало интересным, что позволяло германскому правительству выжидать („Grosse Politik“, VII, №№ 1631 и 1634).

Таким образом, вторая половина 1891 г. характеризуется полным застоем в русско-германских торговых переговорах.

¹⁰¹ Дело идет об инциденте с высылкой корреспондента агентства Гавас из Болгарии. (См. также примечание 98.)

¹⁰² О содержании инструкций Нелидову см. дневник за 7 декабря 1891 г. и примечание 97. Об инструкции французскому послу см. дневник за 16 января 1892 г. и примечание 114.

¹⁰³ Египет, как известно, с 1882 г. был оккупирован англичанами. Однако положение их в Египте не было оформлено, и кроме того в Египте существовали значительные интересы других империалистических стран (особенно Франции), располагавших мощными орудиями давления на египетские дела, прежде всего через управление кассы египетского долга, представлявшей собой юридически международное учреждение.

Занимая Египет, английский кабинет вынужден был заявить, что оккупация будет иметь временный характер. На деле англичане оттуда уходить не собирались. Самым простым способом закрепить английскую оккупацию было бы заключение непосредственного соглашения с турецким правительством, что Англия и пыталась уже сделать в 1887 г., выработав так называемую конвенцию Друммонда Вольфа. Согласно этой конвенции, Египет объявлялся нейтрализованным, и английские войска уходили. Однако английское правительство получало право, в случае возникновения в Египте волнений, снова оккупировать его. Далее, Англия получала право замещать англичанами большую часть офицерских должностей в египетской армии и свободно проводить свои войска как в мирное, так и в военное время через территорию Египта. Легко видеть, что под маркой эвакуации эта конвенция, в сущности, узаконивала и увековечивала военную позицию англичан в Египте. Под давлe-

нием русского и французского правительств султан отказался ратифицировать конвенцию Друммонда Вольфа. Однако английское правительство не прекратило попыток добиться урегулирования своего положения в Египте путем соглашения с Турцией, чтобы сделать таким образом это положение менее зависимым от других держав.

¹⁰⁴ Между Болгарией и Сербией возникли в 1892 г. довольно напряженные отношения на почве обвинений в поддержке болгарских эмигрантов, предъявленных Болгарией Сербии; австро-венгерское правительство поддержало болгар, сделав в январе 1892 г. сербскому кабинету представление с требованием пресечь деятельность эмигрантов и с указанием на ответственность, которая падет на Сербию в случае беспорядков в Болгарии.

¹⁰⁵ В дневник вложена газетная вырезка, описывающая попытку буланжистов внести запрос по поводу обвинений в злоупотреблениях денежного характера, поднятых против одного из министров. Во время прений министр внутренних дел Констан дал пощечину правому депутату Лауру; республиканский депутат Дельпех — пощечину буланжисту Кастельно, один из присутствовавших журналистов — буланжисту Будю и т. д. Ламадорф подчеркнул в газете соответствующие места и против всех упоминаний о пощечинах поставил на полях цифры, регистрирующие каждую пощечину.

¹⁰⁶ Соглашение 1882 г. регулировало уплату контрибуции, называемой Турцией в результате русско-турецкой войны 1877—1878 гг., в размере 802 с половиной миллионов франков. Эта сумма уплачивалась в рассрочку ежегодными взносами по 350 тыс. турецких лир. Для обеспечения уплаты турецким правительством были забронированы специальные налоговые поступления.

¹⁰⁷ Базай-и-Гумбеш находится в южной половине Памирского нагорья, в так называемом Малом Памире. И англичанами и афганцами эта местность рассматривалась тогда как афганская. Когда в 1895 г. была достигнута договоренность между Англией и Россией по вопросу о разграничении на Памире, Базай-и-Гумбеш так и остался за Афганистаном, и граница русских владений прошла несколько севернее. Английское правительство не желало пускать русских на Южный Памир, чтобы не подпустить их еще ближе к Индии. Оно стремилось сохранить Южный Памир за находившимся тогда под английской опекой афганским эмиром, чтобы создать и здесь между русскими и английскими владениями буферную афганскую полосу.

¹⁰⁸ Канджунт — ханство, расположенное в Южном Памире.

¹⁰⁹ Кокандское ханство было захвачено царской Россией (в 1876 г.).

¹¹⁰ По соглашению 1872 г., река Пяндж (в Южном Памире) была признана границей крайних пределов распространения русского и английского влияний. Однако смутность представлений о географии Памира дала каждой стороне возможность толковать этот договор по-своему. Царская Россия до начала 90-х гг. фактически не оккупировала Памира ввиду крайней труднопроходимости этих местностей. В начале 90-х гг. русские власти стали получать сведения о продвижении будто бы на Памир афганских и китайских отрядов и об угрозе появления также и английских частей. Это и было предлогом выступления, намечавшегося русскими военными кругами.

¹¹¹ Летом 1891 г. в Памир был послан отряд полковника Ионов, что должно было продемонстрировать претензии царской России на этот край. Во время своей экспедиции Ионов арестовал и выслал двух английских офицеров — Ионгхезбенда и Девидсона.

¹¹² Акташ и Базай-и-Гумбез господствуют над долиной рек Ак-Су и Вахар-Дарья, являющейся важнейшим из сколько-нибудь доступных путей в Южный Памир. По разграничению 1895 г. Акташ отошел к России.

¹¹³ Зора-Куль — озеро в Южном Памире.

¹¹⁴ Инструкции французскому послу в Турции П. Камбону датированы 16 января. Они начинаются с указания на пребывание Гирса в Париже, которое дало „случай уточнить условия практического применения согласия (антанты), в котором Россия и Франция, после того как они публично утвердили давно подготовлявшееся сближение, усматривают наиболее солидный залог восстановления европейского равновесия и, как следствие этого, наиболее надежную гарантию мира“. Далее говорится, что Гирс сообщил французскому правительству инструкции, данные им Нелидову, и что „они позволяют нам констатировать, как легко нам, не отказываясь ни от одного из принципов нашей восточной политики, присоединиться к стремлениям русской дипломатии в Константинополе и обеспечить себе ее помощь“. Далее следуют указания о сохранении status quo, о Египте и Болгарии, в основном совпадающие с русскими инструкциями.

Директивы по болгарскому вопросу сформулированы так: „В меньшей степени мы выказываем уважение к положению, установленному трактатами в Болгарии, и не в меньшей мере желаем предотвратить, поскольку это нас касается, всякие осложнения, способные поставить под вопрос как интересы султана, так и интересы всеобщего мира. Наше отношение к болгарскому правительству находится, так сказать, в соответствии с намерениями, которые имеет по отношению к княжеству русское правительство“. Французские агенты в Болгарии должны „тщательно воздерживаться от всяких выступлений, которые могли бы показаться указанием на признание правительства, фактически утвердившегося в Софии“. Наконец, указывалось на необходимость „наиболее полного согласия с русской политикой специально в этом пункте“.

Указывая на присутствие в течение последних лет английского флота в восточной части Средиземного моря и на посылку туда, в качестве противовеса, французской эскадры, Рибо выражает надежду, что „императорское правительство“ также „пошлет в эти воды морские силы, отвечающие тому представлению о мощи России, которое существует у восточных народов“.

¹¹⁵ Представление германскому правительству было Шуваловым сделано 27(15) января. 30(18) января Маршалль поручил германскому послу в Вене, в случае, если Кальноки выскажет надежду, что Германия поддержит австрийское выступление против Сербии, дать ему понять, что это невозможно („Grosse Politik“, IX, № 2122).

¹¹⁶ „Префект пропаганды“, иначе „префект конгрегации распространения веры“, руководил миссионерской работой римской курии.

¹¹⁷ Самсон-фон-Гиммельштерн защищал в своей книге старое, наполовину средневековое устройство Прибалтийского края и нападал

на русское правительство за его попытки руссифицировать край и унифицировать его административное устройство и его социальные отношения с остальной Российской империей, специально отстаивая все привилегии немецких остзейских баронов. Попутно книга содержит критику русских порядков, русского правительства и т. д.

¹¹³ Видимо, имеется в виду статья „Hamburger Nachrichten“ от 24(12) января 1892 г. — „Неблагоприятные изменения во внешнеполитических отношениях Германии“. Никакой другой инспирированной Бисмарком статьи по данному вопросу в „Hamburger Nachrichten“ в конце января и начале февраля не было.

Прежняя (т. е. бисмарковская) политика Германии, говорится в этой статье, обещала Австрии по австро-германскому союзному договору 1879 г. защиту в случае нападения на нее России, но отнюдь не обязывала Германию поддерживать балканскую политику Австрии, предлагая последней искать для этой цели поддержки у Англии и Италии. Это давало Германии возможность в любое время договориться с Россией. Это выгодное положение было найдено теперь слишком „сложным“. Хорошие отношения с Петербургом были нарушены, и это привело к франко-русскому сближению. Положение Германии теперь уже не может считаться выгодным. „Если раньше она могла в любое время договориться с Россией и притом, как мы должны думать, на основе определенных соглашений (Abmachungen), которых больше уже нет и которые существовали наряду с австро-германским договором, то теперь, ввиду отчуждения, наступившего между Россией и Германией, Австрия получила возможность оказывать давление на Германию, обращаясь к Петербургу“. Германии теперь будет трудно отказывать Австрии в поддержке ее балканской политики, трудно не попасть в зависимость от нее.

¹¹⁹ 20(8) февраля пал кабинет Фрейсинэ (из-за своей церковной политики). 27(15) президент, после отказа Фрейсинэ и Рувье, поручил составление нового кабинета Лубэ. Характерно, что те два министра старого кабинета, которые вели переговоры с Россией, остались и в новом: Рибо сохранил портфель министра иностранных дел, Фрейсинэ получил военное министерство. Лубэ продержался до декабря, когда его сменил министерство Рибо. Ср. ниже, дневник от 16 февраля.

¹²⁰ Барон Каульбарс был послан в Болгарию в качестве представителя русского правительства в сентябре 1886 г., после того как регентство, установившееся там после отречения Александра Баттенбергского, хотя и составленное из представителей антирусских группировок (Стамбулов, Каравелов, Муткуров), сделало шаг к сближению с Россией, отправив Александру III телеграмму с просьбой о покровительстве. Каульбарс однако начал безудержно вмешиваться во внутренние дела Болгарии и повел себя так, что вызвал раздражение весьма широких болгарских кругов. Он был освистан на улице, было нанесено „оскорбление“ русскому флагу и т. д. После этого Каульбарс выехал из Болгарии (ноябрь 1886 г.), дав приказ о выезде также всем русским дипломатическим агентам и офицерам, еще оставшимся в Болгарии.

¹²¹ По случаю открытия бранденбургского провинциального ландтага. В речи Вильгельма содержались туманные фразы относительно того, что Германия не будет покинута „ни богом“, „ни двой союзницей“.

¹²² В феврале 1892 г. „Форвертс“ опубликовал приказ принца Георга Саксонского от 8 июня 1891 г., в котором говорилось о жестоком обращении с солдатами.

¹²³ 15(3) февраля рейхстаг принял резолюцию относительно реформы военного судопроизводства, против которой Каприви в том же заседании только что энергично возражал.

¹²⁴ В своей речи на банкете по случаю открытия бренденбургского ландтага Вильгельм II приписал адмиралу Дрэку открытие Тихого океана. В действительности Дрэк родился в 1545 г., а Тихий океан был открыт еще в 1520 г. Магелланом.

¹²⁵ В упомянутой записке „Нового времени“ сообщалось, что русским правительством не было принесено извинения по поводу высылки на китайскую территорию двух английских офицеров, встреченных отрядом Ионова во время экспедиции в Памир летом 1891 г.

¹²⁶ Под холмскими делами разумеется преследование католической церкви и особенно так называемых униатов и насильственное обращение их в православие в Холмщине — юго-восточной части польских губерний царской России.

¹²⁷ Записка о военной конвенции была первоначально составлена начальником французского генштаба Мирибелем, просмотрена Фрейсине и Рибо и отправлена затем Монтебелло для вручения русскому правительству. Последний переработал и сократил записку. Записка Монтебелло опубликована в *Livres Jaunes*, „L'Alliance Franco-Russe“, и у Зайончковского — „Подготовка России к мировой войне в международном отношении“, 1926, приложение № 1.

¹²⁸ Еще в июне 1891 г. германскому правительству были переданы Шуваловым те предложения русского правительства (выработанные Вышнеградским), о которых говорится в тексте. В германском ответе указывалось на полную недостаточность русских предложений, и германское правительство снова требовало значительного снижения русских пошлин.

¹²⁹ Французскому послу Гирс сообщил, что Александр III, „кажется, в общем одобряет записку“, но что он оставил ее у себя для более детального изучения до следующего доклада министра (*Livres Jaunes*, № 80).

¹³⁰ Валютные законопроекты были приняты парламентом в июле 1892 г. Целью их было восстановление золотой валюты. Одним из них министр финансов предоставлялось право провести золотой заем, добытый посредством которого суммы поступали в особый фонд; расходовать его можно было только в законодательном порядке, т. е. всякий раз требовался особый парламентский акт. Далее, в ряду других постановлений по новому законопроекту министру финансов предоставлялась большая свобода в смысле принятия мер, необходимых для поддержания золотого денежного обращения.

¹³¹ Из донесения Монтебелло французскому правительству от 16(4) марта создается впечатление, что Гирс высказался гораздо определеннее. Он будто бы сказал Монтебелло, что царь, изучив его записку, „принимает принцип взаимной поддержки и одновременной мобилизации“ и желает, чтобы после его возвращения из Дании в Петербург был прислан для переговоров французский генерал. (Это пожелание было в первый

раз высказано еще в конце ноября, после приезда Гирса из-за границы; см. ниже о миссии Буадефра.)

¹³² Волинская губерния отличалась довольно значительным процентом иностранного частного землевладения, причем число колонистов в 60—70-х гг. быстро росло (главным образом немцев и чехов). С поворотом к ультранационалистической политике при Александре III против землевладения колонистов начались гонения. В 1882 г. (в апреле) был издан указ, которым воспрещалось всем иностранцам-колонистам, не исключая даже перешедших в русское подданство, приобретать землю в Волинской губернии. Исключение делалось для лиц православного вероисповедания.

¹³³ В начале 1892 г. в Париже имело место значительное количество террористических актов со стороны анархистов. В марте были совершены покушения (с помощью бомб и адских машин) на дом, в котором жил судья Бонуа, судивший нескольких анархистов, на полицейскую казарму, на дом генерального прокурора; в апреле — покушение в кафе Вери.

¹³⁴ После отставки Бисмарка Каприви был назначен вместо него как канцлером, так и прусским министром-президентом. В марте 1892 г. на этой последней должности он был заменен гр. Бото Эйленбургом. Эта замена явилась результатом интриг, ведшихся против Каприви, главным образом со стороны аграриев, и сопровождалась острым правительственным кризисом. Одним из его результатов было отклонение рейхстагом кредитов на постройку крейсера „К“.

¹³⁵ В 80-х гг. Катков вел большую кампанию против Гирса, требуя более активной балканской политики, сближения с Францией и резко германофобской линии. Несмотря на большое влияние, в частности на Александра III, которым пользовались как Катков, так и стоявшие за ним славянофильствующие и протекционистские круги, Гирс сохранил портфель и провел в 1887 г. возобновление договора с Германией. О борьбе с Катковым см. т. I настоящего дневника, главным образом записи за 1886 и 1887 гг.

¹³⁶ Клемансо принадлежал к радикальной партии. Французские лево-буржуазные партии были сначала противниками слишком тесного сближения с Россией. Поскольку в то же время многие их представители, и Клемансо в том числе, были ярыми „реваншарами“, совершенно естественна в этих кругах мысль о сближении с Англией, тем более, что эти группы были также врагами слишком широкой колониальной политики, на почве которой как раз и вырастал у Франции антагонизм с Англией.

Бловиз — известный журналист, парижский корреспондент лондонского „Таймса“.

¹³⁷ Анархист Равашоль, организатор целого ряда покушений, был арестован в кафе Вери по доносу одного из официантов. 26(14) апреля, накануне суда над Равашолем, в ресторане взорвалась бомба; говорили, что ее следует рассматривать как месть товарищей Равашоля предателю официанту, который, впрочем, остался цел.

¹³⁸ Присяжные не вынесли Равашолю смертного приговора; в Париже циркулировали слухи, что причиной этого был страх присяжных перед местью анархистов. Через некоторое время против Равашоля был

организован второй процесс, в результате которого он был приговорен к смерти.

¹³⁹ 12 апреля (31 марта) болгарское правительство обратилось к турецкому правительству с нотой; оно, с одной стороны, указывало на недостаточность мер, принимаемых против болгарских эмигрантов-террористов, настаивая, чтобы Порты потребовала от русского правительства выдачи виновников последних покушений; с другой же стороны, просило сюзеренное турецкое правительство „для консолидации политического положения княжества“ предпринять шаги к признанию Фердинанда. В своей ответной ноте турецкое правительство соглашалось на первое требование, но отказало во втором.

¹⁴⁰ 4 мая (23 апреля) кабинет Рудини (правый) потерпел поражение в парламенте по вопросу о бюджете и подал в отставку. 3(15) мая король поручил образование нового министерства Джиолитти (либералу), одному из министров последнего кабинета Криспи, павшего в 1891 г.

¹⁴¹ Массова — порт в итальянской колонии Эритрее на Красном море.

¹⁴² Мургаб — река, прорезывающая с востока на запад северную часть Памира.

¹⁴³ См. дневник от 25 апреля и примечание 140.

¹⁴⁴ Записка Обручева с сокращениями опубликована у Зайончковского — „Подготовка России к мировой войне в международном отношении“, 1926.

¹⁴⁵ Ввиду того, что антантовская публицистика выдвинула, между прочим, утверждение, что русская всеобщая мобилизация в июле 1914 г. отнюдь не влекла за собой обязательно начала военных действий, мы считаем не безынтересным для читателей привести в дополнение к соответственным местам записки Обручева несколько выдержек из донесений ген. Буадефра относительно его переговоров с Обручевым, Ванновским и Александром III о заключении военной конвенции. Летом 1892 г. Буадефр во время своей аудиенции у царя заметил, „что мобилизация — это объявление войны, что мобилизоваться — это значит заставить своего соседа сделать то же самое, что мобилизация ведет за собой выполнение стратегических передвижений и концентрацию войск. Позволить мобилизовать на своей границе миллионную армию, не сделав одновременно того же самого, — это значит лишить себя всякой свободы движения в дальнейшем и поставить себя в положение человека, который, имея в кармане револьвер, позволяет своему соседу приставить себе оружие ко лбу, не вынимая своего“. „Я именно так понимаю дело“, ответил Александр III.

¹⁴⁶ Буадефр прибыл в Петербург 1 августа (20 июля). Он привез с собой проект военной конвенции, выработанный французским правительством. (Опубликован в *Livres Jaunes*, „L'Alliance Franco-Russe“, № 47, стр. 63, и в русском переводе у Зайончковского — „Подготовка России к мировой войне“, стр. 73.) Переговоры велись им главным образом с начальником русского главного штаба ген. Обручевым и военным министром Ванновским. Переговоры эти вращались преимущественно вокруг следующего основного момента: французский проект предполагал взаимную военную помощь в случае мобилизации или нападения на одну из договаривающихся сторон тройственного союза „или

одной Германии"; русский же генеральный штаб требовал такой же помощи и в случае мобилизации или нападения одной Австрии. Более того, Ванновский сначала, судя по донесениям Буадефра, вообще не желал подписывать никакой конвенции, а просто предлагал устную договоренность между обоими генштабами. Однако 10 августа (29 июля) Буадефр все же смог отправить французскому правительству проект конвенции, содержащий внесенные Обручевым изменения. Эти изменения во Франции были приняты, и Буадефр и Обручев в качестве представителей генштабов подписали этот измененный проект военной конвенции; не хватало только подписей министров иностранных дел.

Ниже мы приводим текст военной конвенции, подписанной Обручевым и Буадефром:

„Одушевленные одинаковым стремлением к сохранению мира, Франция и Россия, имея единственной целью приготовиться к требованиям оборонительной войны, вызванной нападением сил тройственного союза против одной из них, условились относительно следующих положений:

1. Если Франция подвергнется нападению Германии или Италии, поддержанной Германией, Россия употребит все свои наличные силы для нападения на Германию.

Если Россия подвергнется нападению Германии или Австрии, поддержанной Германией, Франция употребит свои наличные силы для нападения на Германию. (Первоначальный французский проект: „Если Франция или Россия подвергнутся нападению со стороны тройственного союза или одной Германии...“)

2. В случае мобилизации сил тройственного союза или одной из входящих в него держав, Франция и Россия немедленно по поступлении этого известия и не ожидая никакого предварительного соглашения мобилизуют немедленно и одновременно все свои силы и придвинут их как можно ближе к своим границам.

(Первоначальный французский проект: „В случае мобилизации сил тройственного союза или одной Германии...“)

3. Силы, которые должны быть направлены против Германии, будут со стороны Франции равняться 1 300 000 человек, со стороны России — от 700 000 до 800 000 человек.

Эти силы будут целиком и со всей быстротой введены в дело, так чтобы Германии пришлось сражаться сразу и на востоке и на западе.

4. Главные штабы обеих стран будут все время сноситься, чтобы подготовить и облегчить проведение предусмотренных выше мер.

Они будут сообщать друг другу в мирное время все данные относительно армий тройственного союза, которые дойдут до их сведения.

Пути и способы сношения во время войны будут изучены и предусмотрены заранее.

5. Ни Франция, ни Россия не заключат сепаратного мира.

6. Настоящая конвенция будет иметь силу в течение того же срока, что и тройственный союз.

7. Все перечисленные выше пункты держатся в строжайшем секрете.

Уже после того, как конвенция была подписана представителями генштабов, Рибо предложил следующие изменения: в § 2 к словам: „в случае мобилизации сил тройственного союза“ добавить слово „всеобщей мобилизации“, что извещало Францию от необходимости мобилизоваться в случае частичной мобилизации Австрии из-за каких-либо балканских вопросов; далее, чтобы обойти французскую конституцию, заставлявшую президента заключать секретных соглашений, он желал

заменить § 7 следующей формулой: „перечисленные постановления могут быть опубликованы лишь с согласия обеих сторон“. Обручев согласился на первую поправку, но заявил, что Александр III требует, чтобы о секретности было заявлено, так сказать, всеми словами. Вопрос об этих поправках так и остался открытым ввиду того, что и вся конвенция в целом осталась „в форме проекта“.

¹⁴⁷ Ламздорф жил летом 1892 в Сергиевой пустыни (близ Петербурга).

¹⁴⁸ Имеется в виду редакция письма, которым Ванновский должен был сообщить Буадефру решение царя по поводу проекта военной конвенции.

¹⁴⁹ Основной смысл поправок Обручева к французскому проекту военной конвенции сводился к тому, чтобы взаимные обязательства России и Франции в отношении мобилизации распространялись и на случай мобилизации одной только Австрии.

¹⁵⁰ 17(5) августа Ванновский официально известил Буадефра, что „его величество, в целом одоблив в принципе проект, приказал мне передать его, ввиду политического характера ряда его пунктов, на изучение министру иностранных дел“ (Livre Jaune, стр. 97).

¹⁵¹ В июле 1892 г. болгарская газета „Свобода“ опубликовала переписку русской миссии в Бухаресте с Азиатским департаментом министерства иностранных дел. Документы эти содержали, между прочим, относящиеся к 1887 г. директивы русскому посланнику поддерживать всякого рода заговоры и восстания против правительства Фердинанда Кобургского и предлагали ему завязать переговоры с предложившим тогда свои услуги Паницей (о нем см. выше). Русский посол в Константинополе Нелидов с помощью Славянского комитета будто бы вооружал банды, действовавшие против болгарского правительства, и т. д. Более или менее аналогичные документы были опубликованы и за 1889 г.

Русское правительство выступило с официальным заявлением о поддельности опубликованных „Свободой“ документов.

¹⁵² Свидание Гирса с Рибо в Aix-les-Bains состоялось 5 сентября (24 августа). Рибо пытался побудить Гирса подписать военную конвенцию, указывая, что те изменения, которые он внес в подписанный генералами текст конвенции, ничего не меняют по существу дела и что надо торопиться, так как события могут застать врасплох и так как возможная смена министерства во Франции также может затруднить дело и нарушить секретность переговоров. Гирс однако снова уклонился, начав распространяться на тему о царящем повсюду спокойствии.

¹⁵³ 31(19) октября Рибо обратился к Гирсу с письмом, в котором настаивал на ускорении оформления военной конвенции, особенно подчеркивая опасность предстоявшего значительного усиления германской армии и затруднения, которые могут возникнуть в случае смены кабинета во Франции. Гирс ответил, что еще не настолько здоров, чтобы принять на себя управление министерством, и что, в частности, он не может сейчас заняться вопросом о конвенции.

21(9) ноября Александр III сделал на письме Рибо следующую пометку: „Не понимаю, чего они хотят еще? Кажется, могли бы теперь успокоиться“.

¹⁵⁴ Ламздорф ездил к Гирсу за границу и пробыл вместе с ним некоторое время в Италии и на Ривьере. Уехал за границу он, повидимому, в октябре, а вернулся в Петербург 27(15) ноября.

¹⁵⁵ Речь идет, видимо, не о финансовых, а о таможенных переговорах с Германией.

В ответ на февральское заявление германского правительства (см. дневник от 25 февраля 1892 г.) в Петербурге 24 апреля было снотозвано упомянутое уже совещание (см. дневник от 28 мая 1891 г.), которое признало возможным в отдельных случаях пойти на снижение тарифов. После этого русское правительство затребовало от германского список тех товаров, на которые оно желало бы получить скидки пошлин. 22(10) августа германское правительство сообщило, что этот список им вырабатывается и будет вскоре представлен.

Нападки аграриев заставили германское правительство оттягивать сообщение в Петербург этих данных. Между тем, Вышнеградского 30 августа (12 сентября) сменил Витте, который взял еще более непримиримый курс. Он отверг мысль о возможности понижения действовавшего тарифа 1891 г., но так как немцам уже было заявлено о готовности обсуждать вопрос о снижении пошлин, то он предложил объявить весь тариф 1891 г. „пониженным“, выработав еще второй, „максимальный“ тариф, который и должен был применяться к тем государствам, с которыми не будет достигнуто соглашения о торговом договоре. Этот план, означавший решительную таможенную войну против Германии, обсуждался 20 октября (2 ноября) и, несмотря на возражения со стороны ряда членов совещания, был принят, после чего было приступлено к выработке второго, максимального тарифа. В ноябре 1892 г. при свиданиях с Шуваловым Маршалль неоднократно выражал опасения по поводу этого двойного тарифа и просил не применять его к Германии хотя бы до окончания ведущихся торговых переговоров. На совещании 20(8) декабря было решено согласиться на это предложение, с тем однако, чтобы был установлен крайний срок для окончания переговоров — 13(1) апреля 1892 г. Германское правительство на это согласилось. Однако к этому сроку договор заключен не был; максимальный тариф (фактически запретительный) был введен в действие; Германия ответила соответствующими контрмерами, и таможенная война приняла в 1893 г. самые резкие формы.

Замечание Ламздорфа передает отклики на эту новую линию, взятую Витте.

¹⁵⁶ Осенью 1892 г. в Памир был послан отряд, который впервые остался там на зимовку, положив, таким образом, начало фактической постоянной оккупации Памира царской Россией.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абаза, А. А. (1821—1895), в 1880—1881 — мин. финансов; с 1881 по 1892 — предс. деп. экономики Гос. совета. 132, 139, 272, 279, 288, 289, 310, 311, 360.
- Аббас II Хельми, египетский хедив, сын хедива Магомет-Тевфика; род. 1874, вступ. на престол в 1892, свергнут 19 дек. 1914. 220, 243, 257.
- Абдул-Гамид II (1842—1918), турецкий султан; вступ. на престол 1876; свергнут после младотурецкой революции в 1909. 11, 200, 220, 221, 222, 225, 233, 267, 269, 277, 284, 317, 324, 354, 357.
- Августа-Виктория (1858—1921), герм. императрица, жена Вильгельма II. 237, 304.
- Австрийская императрица — см. Елизавета.
- Адан (Adam, Жюльетта Ламбер); род. 1836; французская писательница; ее перу принадлежит несколько романов и сборников рассказов. Выступала и как публицистка; ярая шовинистка и пропагандистка реванша и союза с Россией. 31, 60.
- Адолф (1817—1905), вел. герцог Люксембургский, герцог Нассауский (1890—1905). 80, 81, 83.
- Александр II (1818—1881), русский император; вступ. на престол в 1855; убит 1 марта 1881. 61, 62, 92, 173, 194, 198, 259, 277.
- Александр III (1845—1894), русский император; вступ. на престол в 1881. 65, 121, 158, 177, 185, 189, 216, 343, 351, 352, 369, 371, 376, 377, 384 — 387, 390.
- Александр, принц Баттенбергский (1857—1893), сын принца Александра Гессен-Дармштадтского, племянник жены Александра II; в 1879 был избран князем болгарским. Отрекся в 1836. После отречения принял титул графа Гартенау. 62, 75, 79, 83, 89, 91, 133, 134, 145, 165, 269, 365, 367, 368, 369, 370, 384.
- Александр (1876—1903), сербский король; вступ. на престол в 1889, после отречения своего отца, короля Милана. Убит в 1903. 91, 160, 161, 180.
- Александр Михайлович (1866—1933), вел. кн., двоюродный брат Александра III. 126, 262, 272.
- Александра Георгиевна (1870—1891), вел. княгиня, дочь греческого короля Георга, жена вел. кн. Павла Александровича. 137, 260, 341.
- Александра Иосифовна (1830—1911), вел. княгиня, вдова вел. кн. Константина Николаевича. 14, 345.

Как правило, в указателе, за немногими исключениями, отмечено только то общественное положение, которое упомянутые в дневнике Ламздорфа лица занимали в период времени, охватываемый дневником.

- Алексей Александрович (1850—1908), вел. кн., 4-й сын Александра II, генерал-адмирал, член Гос. совета. 159, 164, 212, 220, 228, 237, 239, 258, 318.
- Алексей Михайлович (1875—1895), вел. кн., двоюродный брат Александра III. 87.
- Альберт (1843—1902), принц Саксен-Альтенбургский, двоюродный брат царствовавшего герцога Саксен-Альтенбургского. Был раньше русским генерал-майором. (Саксен-Альтенбург — одно из мелких немецких государств, входивших в состав Германской империи.) 107, 196, 197.
- Альбрехт (1817—1895), австрийский эрцгерцог; видный деятель реакции в 1848 г.; командовал австрийской армией против итальянцев в 1866. 115.
- Альфонс XII (1857—1885), король испанский; объявлен королем после контрревол. переворота 1874 г. 191.
- Альфред (1844—1900), герцог Эдинбургский, второй сын английской королевы Виктории; был женат на дочери Александра II (отсюда его связи с русским двором); с 1893 — герцог Саксен-Кобург-Готский. (Саксен-Кобург-Гота — одно из мелких государств, входивших в состав Германской империи.) 189, 190, 191, 193.
- Алышевский, Владимир Иасонович (1845—1909), лейб-медик. 40.
- Амадей-Фердинанд-Мария (1845—1890), герцог Аостский, второй сын итальянского короля Виктора-Эммануила II; брат короля Гумберта I. После падения бурбонской династии в Испании, в 1870 избран испанскими кортесами (парламентом) на испанский престол. Отрекся в 1873. 32.
- Анастасия Михайловна (1860—1922), русская вел. княгиня, жена вел. герцога Мекленбург-Шверинского. 120.
- Английская королева — см. Виктория.
- Андраси, Юлий, граф (1823—1890), австро-венг. гос. деятель. В 1867 — министр-президент Венгрии; 1871—1879 — австро-венг. мин. ин. дел. Был инициатором аннексии Боснии и Герцеговины. Давнишний сторонник сближения с Германией; вместе с Бисмарком был творцом австро-германского союза, заключенного в 1879. 135, 285.
- Анненков, Мих. Ник. (1835—1899), генерал. В 1891 заведывал организацией общественных работ для голодающих, но за допущенные хищения в 1895 был лишен должностей. 201, 212, 215.
- Антонелли, граф (1853—1901), итальянский дипломат; принимал участие в итальянских колониальных захватах на африканском побережье Красного моря, в возведении Менелика (см.) на абиссинский престол и в заключении Уччиаляского договора с Абиссинией. 75.
- Аоки, японский дипломат; в 1889—1891 (и затем снова в 1898—1900) был мин. ин. дел. 118.
- Арапов, генерал. 99.
- Ашинов, Ник. Ив., авантюрист, делавший попытки основать русскую колонию на побережье Красного моря. 31, 42, 51, 60, 61, 160, 169, 170, 366
- Баварский регент — см. Леопольд.
- Базили, Александр Конст., русский дипломат; ген. консул в Будапеште. 5.
- Баранов, Ник. Мих. (1836—1901), с конца 70-х гг. служил в департаменте полиции. В 1881 назначен петербургским градоначальником; в 1882—1897 нижегородский губернатор. 61.
- Барбей, французский политический деятель; в 1890—1892 морской министр кабинета Фрейсина. 51.
- Барятинский, Владимир Анатольевич князь (1843—1914), состоял в свите Николая II (тогда наследника) во время его путешествия на Восток, 34, 36, 97, 116, 117, 120, 124, 169.
- Барятинская, Елена Михайловна (Нелли) (1851—1914), княгиня. 84.
- Басаргин, Влад. Григорьевич (1838—1893), контр-адмирал; командир императорских яхт. 35, 277, 278.
- Баттенбергский, кн. — см. Александр Баттенбергский.
- Бахерат, Вас. Роман., 2-й секретарь русского посольства в Берлине. 341, 342, 343, 344.

Бахметев, Георгий Петрович, секретарь русской миссии в Афинах; был поверенным в делах во время отсутствия посланника Ону, сопровождавшего Николая (тогда наследника) в его путешествии на Восток. 79, 125, 164, 256, 257.

Бабель, Август (1840—1913), лидер германской социал-демократии. 43, 44.

Безак, Ник. Александр. (1836—1897), начальник Главного управления почт и телеграфов. 112, 113, 115.

Белосельские, владельцы дома на Невском проспекте. 123.

Белосельский-Белозерский, Константин Эсперович, князь, флигель-адъютант. 195.

Бельгийский король — см. Леопольд II.

Бельчев, мин. финансов в кабинете Стамбулова. Убит во время покушения на Стамбулова 27 (15) марта 1891. 78, 79, 369.

Бенкендорф, Дмитрий Александрович (1845—1919), художник-акварелист. 318.

Бенуа, судья. 386.

Бергман, Эрнст (1836—1907), профессор Берлинского университета, известный хирург и клиницист. 163.

Беринг, жена сэра Эвелина Беринга, впоследствии лорда Кромера, который с 1883 по 1907, занимая официально пост ген. консула в Каире, был фактическим диктатором Египта. 243.

Берлепш (1843—1926), прусский министр торговли. 26, 103, 365, 372.

Бибиковы. 195.

Биландт, нидерландский пославник в Токио. 112, 113.

Бисмарк, Отто, князь (1815—1898), с 1862 прусский министр-президент, с 1870 — канцлер Германской империи, фактическим создателем которой он являлся. Вышел в отставку в 1890. 9, 12, 25, 26, 27, 30, 37, 43, 70, 77, 87, 89, 91, 94, 95, 99, 108, 121, 131, 133, 139, 148, 184, 185, 206, 226, 237, 238, 240, 241, 254, 268, 285, 288, 315, 316, 326, 327, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 370, 371, 373, 374, 375, 378, 381, 384, 386.

Бисмарк, Герберт, граф (1849—1904), сын предыдущего. Занимал в по-

следние годы канцлерства своего отца (с 1886) пост статс-секретаря иностранного ведомства. Вышел в отставку вместе с отцом. 326.

Битепаж, Конст. Август., старший перлюстратор мин. ин. дел. 172.

Блейхрдер, немецкий банкирский дом. 379.

Бловиц, Генрих (1832—1903), известный журналист; с 1871 до самой смерти — парижский корреспондент лондонского „Таймса“. 319, 386.

Бобринский, Александр Алексеевич, граф (1823—1903), петербургский губернский предводитель дворянства. 324.

Бокз, де. 189, 193.

Болдуин, принц Фландрский, племянник бельгийского короля Леопольда II (1869—1891). 9.

Бомон, виконт, французский дипломат. 284, 285.

Брок, Николай Петрович (1839—1915), муж сестры Ламздорфа, генерал. 194, 251, 255.

Буадефр, Рауль (1839—1919), франц. генерал. В 1878—1882 был военным атташе в Петербурге. Позже — пом. нач. генштаба; с 1894 — нач. генштаба. Уволен в отставку в связи с подлогами, обнаружившимися в деле Дрейфуса в 1898. 176, 346, 347, 348, 349, 351, 352, 369, 386, 389.

Будо, буланжист. 382.

Буланже (1837—1891), франц. генерал; в 1886—1887 — воен. мин. В эпоху 1886—1889 гг. пользовался огромной популярностью, создав вокруг себя сильную партию, и подготовлял государственный переворот. В 1889 был предан суду, но бежал из Франции. Покончил с собой в 1891. 33, 378.

Бунге, Николай Христианович (1823—1895), экономист и госуд. деятель, министр финансов в 1881—1887. 360.

Бурриан, австр. дипломат; в 1887—1895 австро-венг. ген. консул в Софии. 5, 7, 314.

Бутенев, Мих. Аполлинариевич (1844—1897), советник русского посольства в Лондоне. 180.

Бухарский эмир. 137, 239, 277.

Бюлов, Альфред, советник герм. посольства в Петербурге. 193.

Бюцов, Евг. Карл. (1837—1904), русский посланник в Персии. 215, 264, 265, 290, 293, 324.

Багнер, Рихард (1813—1883), немецкий композитор. 191.

Байде, переплетчик. 303.

Ваксель, Платон Львович (род. 1844), вице-директор канцелярии мин-ва ин. дел. 73, 143, 146, 174, 184, 188, 192, 193, 209, 210, 244, 248, 255, 317, 318, 332, 358.

Бальдерзее, граф, Альфред (1832—1904), генерал-фельдмаршал. В 1888, ввиду ухода Мольтке, был назначен начальником германского генштаба; вышел в отставку в 1891. 12, 26, 70.

Банновский, Петр Семен. (1822—1904), генерал. С 1881 управл. военным министерством, с 1882 по 1898 — воен. министр. 63, 71, 185, 186, 222, 225, 228, 229, 232, 247, 257, 289, 290, 308, 321, 335, 336, 342, 343, 344, 346, 347, 349, 351, 387, 388, 389.

Баршауер, немецкий банкир. 379.

Василий Федоров — см. Федоров.

Бендрих, полковник. 248, 273, 275, 276, 279, 280, 299, 302, 303.

Вестман, Александр Владимирович, министр-резидент в Гамбурге. 98, 344.

Виктория (1840—1901), вдова императора Фридриха III, умершего в 1888; дочь английской королевы Виктории, мать Вильгельма II. 38, 40, 44, 45, 46, 64, 65, 67, 78, 79, 305, 326, 327, 367, 368.

Виктория (1819—1901), англ. королева. Вступ. на престол в 1837. 79, 87, 215, 305, 327.

Виктор-Наполеон Бонапарт (1862—1926), принц. С 1887 — официальный кандидат бонапартистов на французский престол. 32, 33.

Виктор-Эммануил II (1820—1878), первый король объединенной Италии. 30, 366.

Вильгельм I (1797—1888), герм. император с 1861 по 1888. 377.

Вильгельм II, герм. император; вступ. на престол в 1888; отрекся в 1918. 12, 34, 38, 43, 44, 45, 64, 66, 67, 69, 71, 79, 89, 94, 95, 99, 105, 107, 108, 139, 153, 154, 156, 163, 170, 180, 186, 191, 196, 197, 201, 203, 204, 206, 208, 210, 212,

214, 228, 232, 237, 239, 243, 251, 259, 262, 263, 265, 279, 282, 283, 289, 291, 292, 304, 305, 309, 312, 315, 316, 320, 326, 327, 333, 364, 366, 367, 375, 378, 384, 385.

Вильом, Карл, полковник; германский воен. уполном. в Петербурге с 1887 по 1893. 237, 282.

Виндхорст, Людвиг (1812—1891), германский полит. деятель. Лидер партии центра. 70.

Витте, Сергей Юльевич (1845—1915). В 1891 назначен управляющим министерством путей сообщения; в 1892 — министерством финансов. 279, 281, 282, 360, 389.

Виттих, герм. генерал; нач. императорской главн. квартиры. 304.

Владимир Александрович (1847—1909), вел. кн., сын Александра II. 16, 18, 54, 77, 99, 100, 120, 164, 174, 220, 318, 333.

Влангали, Алекс. Георгиевич (1823—1908), тов. мин. ин. дел, затем посол в Риме. 8, 11, 13, 17, 18, 19, 21, 22, 24, 37, 40, 54, 58, 60, 62, 63, 77, 79, 82, 83, 84, 90, 96, 97, 110, 140, 141, 155, 193, 205, 238, 244, 246, 256, 326, 329, 330, 334.

Вовиэн, граф, советник франц. посольства в Петербурге. 142, 278, 279.

Волков, Алекс. Серг., первый секретарь канцелярии министерства ин. дел. 358.

Волькенштейн-Тростбург, Антон, граф, австр. дипломат; с 1882 по 1894 посол в Петербурге. 202, 212, 242.

Вольф, Друмонд, англ. дипломат. 381, 382.

Воронцов-Дашков, Иларион Иванович, граф (1837—1916), министр императорского двора (1881—1897). 9, 10, 12, 59, 99, 113, 119, 120, 123, 124, 201, 206, 216, 258, 266, 269, 277, 310.

Воронцова-Дашкова, графиня, фрейлина, дочь И. И. Воронцова-Дашкова. 237.

Врангель, барон, Александр Егор., русский ген. консул в Дандиге. 52, 72.

Вревский, Александр Борисович, барон (1834—1910), генерал-лейтенант, туркестанский генерал-губернатор. 263.

Вуловиц, с 1887 по 1892 болг. диплом.

- агент в Константинополе. 158, 290, 300, 301, 306, 307.
- Вышнеградский, Иван Алексеевич (1831—1895), с 1887 по 1892—мин. финансов. 52, 63, 71, 72, 84, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 111, 127, 137, 148, 157, 198, 199, 202, 203, 209, 212, 214, 219, 230, 231, 232, 237, 239, 250, 258, 260, 279, 288, 289, 290, 298, 301, 310, 311, 318, 324, 345, 346, 360, 365, 372, 374, 385, 390.
- Ганзен, Жюль, агент франц. мин-ва ин. дел, датчанин по происхождению. Находился в очень близких отношениях с Моренгеймом (см.). 106, 377.
- Ганке, генерал-от-инфантерии, начальник прус. королевского военного кабинета. 69, 293, 303, 304, 305.
- Гарашанин (1843—1898), серб. политический деятель. 235.
- Генрих (1862—1929), принц прусский, брат Вильгельма II. 289.
- Георг I (1845—1913), король греч., царствовал с 1863 по 1913, сын датского короля Христиана IX, брат императрицы Марии Федоровны, — отсюда связи рус. двора с греческим, неоднократно упоминаемые в дневнике. 180, 286.
- Георг (род. 1869), принц греческий, второй сын короля Георга I. 79, 97, 117, 123, 124, 137, 138, 152, 157, 167, 169, 192, 256, 257.
- Георг (1832—1904), наследный принц Саксонский, генерал, командир одного из корпусов герм. армии, впоследствии король. 283, 385.
- Георгий Александрович (1831—1899), вел. кн., второй сын Александра III. 7, 8, 41, 78, 90, 93, 122, 125, 126, 167, 268, 272, 273.
- Георгий Михайлович (1863—1919), вел. кн., двоюродный брат Александра III. 299.
- Герман, патриарх иерусалимский. 57.
- Германская императрица — см. Августа-Виктория.
- Гешов, болг. полит. деятель. 144.
- Гика, румын. дипломат; в 1889—1891 — румынский посланник в Петербурге, в 1891—1906 — посланник в Вене. 204.
- Гирс, Николай Карлович (1820—1895), с 1875 — тов. мин. ин. дел, с 1882 по 1895 — мин. ин. дел. 8—11, 13—22, 24, 31, 32—38, 40, 42, 52—59, 61, 62, 63, 64, 70, 71, 72, 74, 75, 77, 79, 80, 86, 87, 93, 94, 96, 98, 102, 107, 108, 112—116, 123, 124, 126, 128, 129, 132, 135, 137, 138, 139, 143, 144, 145, 157, 158, 160, 161, 163, 165, 170, 172, 173, 174, 176—183, 185, 192, 194, 196—200, 202—207, 211, 212, 213, 219—223, 228, 230—233, 235, 236, 237, 239, 240, 244, 245, 249—254, 256, 257, 258, 262, 264—267, 269, 270, 272, 274, 277, 278, 280, 281, 282, 284—288, 293, 297, 299, 300, 301, 302, 308—313, 326, 329, 330, 333—336, 342, 343, 344, 346, 347, 348, 350, 352—359, 365, 376—380, 383, 385, 386, 389, 390.
- Гирс, Ольга Егоровна (1830—1903), жена мин. ин. дел Н. К. Гирса. 61, 63, 100, 303, 317.
- Гирс, Александр, сын министра. 54, 59, 196, 253.
- Гирс, Вера, дочь министра. 100, 300.
- Гирс, Михаил; сын министра, младший советник мин-ва ин. дел. 101, 312, 313, 326, 346, 347.
- Гирс, Николай, сын министра, секретарь рус. посольства в Париже. 168, 184.
- Гирсы. 186.
- Гирш, барон, Мориц (1831—1896), банкир, крупный железнодорожный предприниматель. 111, 332.
- Гирш, Густав Иванович (1828—1907), лейб-хирург. 222.
- Гладстон, Вильям (1809—1898), англ. госуд. деятель, лидер либеральной партии. В период времени, охватываемый дневником Ламадорфа, большей частью находился в оппозиции (1887—1892). В 1892 вернулся к власти (до 1894), 244.
- Голенцев-Кутузов-Толстой, Александр Павлов. (1867—1914), морской офицер. 53, 60.
- Головин. 159.
- Горемыкин, Иван Логинович (1839—1917); с 1891 по 1894 — тов. мин. юстиции. 220.
- Горчаков, князь, Александр Мих. (1798—1883), с 1856 по 1882 — мин. ин. дел. 58.

- Горчакова, княгиня. 60.
- Госкье, франц. банкир, принимавший деятельное участие в размещении русских займов во Франции: был близок к рус. правящим сферам. 102.
- Гревениц, барон, Георг Александр., второй секр. канцел. мин-ва ин. дел. 116.
- Гренвилль, граф, Джордж (1815—1891), англ. гос. деятель, либерал. Был несколько раз министром (ин. дел и колоний) в кабинетах Гладстона (см.). 89.
- Грессер, Петр Аполлонович (1832—1892), генерал-лейтенант, петербургский градоначальник. 53, 123, 162, 326, 330, 333.
- Грессер, Надежда Петровна (1846—1895), жена генерала Грессера. 334, 335.
- Грессер, Александр Петрович (род. 1872), сын генерала Грессера. 334, 335.
- Греч. 7, 60, 159, 184, 185.
- Греческая королева („королева эллинов“) — см. Ольга.
- Греческий король („король эллинов“) — см. Георг I.
- Губастов, Конст. Аркад., рус. ген. консул в Вене. 307.
- Гумберт I (1844—1900), король Италии. Вступил на престол в 1878. 32, 40, 73, 110.
- Гурко, Иос. Влад. (1828—1901), с 1883 по 1894 — варшавский генерал-губернатор; ген.-фельдмаршал. 288.
- Густав (род. 1858), наследный принц швед., впоследствии король. 239.
- Гюббенет, Адольф Яковл. (1830—1899), с 1889 по 1892 — рус. мин. путей сообщения. 239, 246, 249, 273.
- Дабига, кн., Василий Дмитриевич. 143.
- Данилович, Григорий Григорьевич (1825—1906), генерал-лейтенант, воспитатель Николая II. 232.
- Датский король — см. Христиан IX.
- Дворжицкий, гвард. офицер. 53, 60.
- Девидсон, офицер англо-индийской армии. 229, 233, 383.
- Делианис, Теодор (1826—1905), греч. полит. деятель. В 1885—86 и затем снова в 1890—1892 — греч. министр-президент. Глава панэллинистской партии. 125, 286.
- Деливрон, Карл Карл., рус. адмирал. 268.
- Дельпех, франц. депутат. 382.
- Делянов, Ив. Давид. (1818—1897), с 1882 по 1897 — мин. народн. просв. 17, 310.
- Дерезицкий, Алексей Никол.; управляющий литографией при канцелярии мин-ва ин. дел. 8, 55, 85, 185, 196, 221, 321, 326, 359.
- Дерулед, Поль (1848—1914), франц. политик и поэт. 366, 367.
- Джиолитти, Джованни (1842—1928), итал. политический деятель, вождь либералов. 334, 387.
- Диллон, Эмиль (род. 1854) — видный англ. журналист. 313.
- Долгорукая, княжна, Ек. Мих. (1847—1922), фаворитка, позже морганатическая жена Александра II, получившая в качестве этой последней титул княгини Юрьевской. 212, 259.
- Долгоруков, Влад. Андр. (1810—1891), кн., моск. генерал-губернатор. 54, 63, 105, 151.
- Долгоруков, кн., Николай Серг. (1840—1913), чрезв. посланник в Персии (1885—1890). 266, 277, 282.
- Донон, петербургский ресторатор. 159, 186, 195.
- Дрэк, Френсис (1545—1595), знаменитый английский мореплаватель. 283, 385.
- Дурново, Иван Никол. (1834—1903), мин. внутр. дел, шеф жандармов; крайний реакционер. 52, 61, 72, 105, 162, 201, 208, 230, 256, 257, 269, 274, 280, 301, 302.
- Евгения (1826—1920), франц. императрица; вдова Наполеона III. 32, 33.
- Евреин, Григ. Александр. (род. 1839), тов. мин. путей сообщения в 1889—1892; после отставки Гюббенета — врем. управляющий мин-вом. 273, 280, 281, 282, 312.
- Екатерина II (1729—1797), русская императрица. 144, 145.
- Екатерина Михайловна (1827—1894), русская вел. княгиня, жена герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого. 10, 32, 34, 196, 219.
- Елена Георгиевна (род. 1857), принцесса, дочь вел. княгини Екатерины. 32, 33.

- Елизавета Федоровна (1864—1918), вел. княгиня, жена вел. кн. Сергея Александровича, брата Александра III, урожденная принцесса Гессенская. 18, 53, 79, 81, 94, 215, 322, 341.
- Елизавета (1837—1898), императрица австр., жена императора Франца-Иосифа. 270.
- Ермолов, Николай Сергеевич (род. 1853), военный агент в Лондоне. 244.
- Жадовский, Валериан Всеволод., советник рус. посольства в Константинополе. 215, 355, 357, 358.
- Жачини, итал. полит. деятель; сенатор. 43, 47.
- Жерве, Альфред, франц. адмирал. 159, 160, 376.
- Жомини, Александр Генрих. (1817—1888), рус. дипломат; первый советник мин. ин. дел. 221.
- Захарьин, Григорий Антон. (1829—1897), проф. Моск. университета, известный терапевт. 346.
- Зайончковский, А. М. 385, 387.
- ✓ Зиновьев, Иван Алексеевич (1835—1917), рус. дипломат; директор Азиатского департамента, затем (с 1891) посланник в Швеции. 11, 13, 17, 18, 19, 20, 21—24, 37, 38, 39, 40, 41, 58, 60, 62, 71, 84, 85, 86, 93, 105, 123, 129, 130, 135, 145, 147, 174, 256, 285, 313, 317, 318, 319, 320, 321, 323, 324, 325, 332, 342, 356.
- Игнатий (1810—1897), архимандрит; настоятель Сергиевского монастыря под Петербургом, где Ламздорф часто проводил лето. 353.
- Игнатьев, гр., Алексей Павлович (1842—1906), киевский генерал-губернатор. 251.
- ✓ Игнатьев, гр., Николай Павлович (1832—1908), генерал, с 1864 по 1878 — посол в Константинополе, в 1881—1882 — мин. внутр. дел. 37, 129, 208, 300.
- Игнатьева, гр., Екатерина Николаевна, невеста вел. кн. Михаила Михайловича. 84.
- Извольский, Александр Петр. (1856—1923); рус. предст. при Ватикане; впоследствии — мин. ин. дел и затем посол в Париже. 18, 110, 180, 244, 246, 308.
- Искуль, барон, Карл Петр.; рус. посол в Риме. 11, 13, 16, 18, 29, 37, 90.
- Искуль, баронесса, Варвара Ивановна, жена рус. посла в Риме. 13, 40, 54, 58, 90.
- Имеретинский, светл. кн., Александр Конст. (1837—1900), генерал, с 1879 — нач. штаба Петерб. воен. округа; 1881—1891 — главн. воен. прокурор. 219, 273.
- Иоанн Кронштадтский, (Иоанн Ильич Сергиев) (1829—1908), протоиерей Кронштадтского собора. 81, 138.
- Ионгхезбанд, офицер англо-индийской армии. 228, 229, 233, 383.
- Ионин, Александр Семен. (1837—1900), рус. посланник в Бразилии, Аргентине и Чили. 22, 24, 37, 41, 42, 50, 51, 54, 58, 60, 76, 77, 81, 84, 86, 91, 129, 135, 214, 221, 222, 238, 289, 300, 302, 303, 313, 317, 354, 360.
- Ионов, Михаил Ефрем. (род. 1846), полковник; нач. Памирской экспедиции. 228, 229, 232, 288, 383, 385.
- Испанская королева-регатша — см. Мария-Христина.
- Итальянский король — см. Гумберт I.
- Казимир Перье, Жан (1847—1907), франц. полит. деятель; впоследствии, в 1893—94, был премьером, а в 1894—95 — президентом Французской республики. 320.
- Калигула — римский император. 74.
- Каллай, Вениамин (1839—1903), австро-венг. полит. деятель; с 1882 по 1903 — мин. финансов. 135.
- Кальноки, гр., Густав (1832—1898), австро-венг. полит. деятель; с 1881 по 1895 — мин. ин. дел. 26, 34—36, 69, 76, 84, 88, 107, 129, 140, 148, 153, 154, 161, 162, 168, 204, 216, 225, 235, 236, 241, 242, 245, 306, 309, 366, 383.
- Камбон, Поль, франц. дипломат; с 1891 по 1898 — посол в Константинополе. 223, 225, 383.
- Кантакузен, кн., Григорий Львович, рус. дипломат; с 1885 — советник посольства в Вене. 69, 161, 162, 168, 327.
- Капнист, гр., Дмитрий Алексеевич (1837—1904), рус. дипломат; дир-

- Азиатского департамента. 21, 22, 24, 76, 81, 84, 94, 112, 113, 129, 131, 132, 134, 135, 162, 164, 165, 166, 174, 184, 186, 201, 208, 221, 228, 237, 255, 264, 317, 318, 319, 321, 325, 330, 331, 332, 341, 354, 355, 356, 357, 358, 360.
- Капнист, гр., Петр Алексеевич (1839—1904), посланник в Гааге. 63, 277.
- Каприви, гр., Лео (1831—1899), генерал, канцлер Герм. империи с 1890 по 1894, 89, 128, 157, 158, 185, 198, 201, 203, 204, 207, 214, 226, 240, 241, 242, 268, 283, 306, 309, 311, 312, 315, 316, 371, 378, 385, 386.
- Каравелов, болгарск. полит. деят. 384.
- Карагеоргиевичи, серб. королевская династия. 58, 368.
- Каракозов, Дмитрий Влад. (1840—1866), революционер, террорист, совершивший покушение на Александра II в 1866. 259.
- Карно-Сади, Мари-Франсуа (1837—1894), президент Франц. республики с 1887 по 1894. 33, 34, 49, 59, 65, 70, 72, 74, 78, 90, 128, 159, 163, 180, 233, 284, 376.
- Кассини, гр., Артур Павл., рус. посланник в Китае. 17, 63.
- Кастельно, депутат. франц. палаты. 382.
- Катакази, Конст. Гавр. (1830—1890), рус. дипломат. 33.
- Катков, Мих. Никиф. (1818—1887), известный реакционный журналист, крайний националист, редактор „Московских Ведомостей“. 10, 31, 60, 135, 319, 360, 374, 386.
- Катков, Мих. Мих., рус. дипломат; второй секр. рус. миссии в Афинах. 341—344.
- Каткова, Ольга Никол., жена М. М. Каткова. 341.
- Каульбарс, барон, Николай Васильев. (1842—1905), генерал; в 1886 был рус. чрезвычай. представителем в Болгарии. 273, 384.
- Кауфман, Мих. Конст. (1858—1891), флигель-адъютант. 53.
- Келлер, гр., Александр Эдуард. (род. 1858), чиновник мин-ва ин. дел. 195.
- Киамиль-паша (1828—1913), тур. гос. деятель; с 1885 по 1891 — великий визирь. 131—134, 184.
- Китти (Екатерина Павловна), жена Константина Ламздорфа, брата автора дневника. 208.
- Кларенский, Альберт (1864—1892), герцог; старший сын принца Уэльского (см.). 220, 236.
- Клейнмихель, гр., Мария Эдуардовна (род. 1846), урожд. гр. Келлер. 60, 61, 96, 159, 202, 212, 278.
- Клемансо, Жорж (1841—1929), франц. полит. деятель; лидер радикалов; впоследствии неоднократно был премьером. 319, 386.
- Ключников. 377.
- Колобков, болгарин, участник заговора против князя Фердинанда. 38.
- Колумб, Христофор. 31.
- Комаров, Виссарион Виссар. (1838—1907), публицист, издатель газеты „Свет“ и журналов „Звезда“ и „Славянские Известия“. 143.
- Констан, Жан-Антуан-Эрнест (1833—1913), франц. гос. деятель; с 1890 по 1892 — мин. ин. дел в кабинете Фрейсинэ. 281, 320, 382.
- Константин — см. Ламздорф К. Н.
- Константин Николаевич (1827—1892), вел. кн., брат Александра II. 236, 240, 291.
- Константин (1868—1923), герцог Спартанский; наследн. принц греч. впоследствии — король. 79, 125, 286.
- Корф, барон, Андрей Никол. (1831—1893), приамурский генерал-губернатор с 1884. 248, 281.
- Коцебу, Эрнст Карл., рус. дипломат; советник посольства в Париже. 180, 187, 188, 334.
- Кочубей, кн., Виктор Серг. (1860—1923), адъютант наследника. 260.
- Кояндер, Александр Иванович, рус. дипломат; с 1887 по 1902 — рус. ген. консул в Каире. 136, 156, 257.
- Кравчинский (Степняк), Сергей Михайлович (1852—1895), революционный деятель и писатель. 269.
- Кропоткин, Петр Алексеевич (1842—1921), известный теоретик анархизма. 256, 269.
- Кребель, Федор Рудольф., рус. консул в Генуе. 142.
- Криспи, Франческо (1819—1901), итальянский полит. деятель, один из активных участников объединения Италии. С 1887 по 1891 — итальянский министр-президент и мин. ин. дел. Ярый приверженец Тройствен-

- ного союза. 11, 12, 26—29, 43, 48, 70, 364, 366, 387.
- Ксения Александровна (род. 1875), вел. княгиня; дочь Александра III. 106, 117, 231.
- Кудрявский. 182.
- Кумминг, англ. офицер. 143, 374.
- Куропаткин, Алексей Никол., (1843—1925), генерал; военный губернатор Закаспийской области; впоследствии, с 1898 по 1904, — воен. мин. и главнокомандующий во время русско-японской войны. 171, 320.
- Кутузов (Голенищев), гр., Александр Вас. (1846—1897), генерал; рус. воен. уполном. в Берлине. 210, 239, 281, 282, 283, 312.
- Кутузов (Голенищев), гр., Арсений Аркадьевич (1848—1913), директор Дворянского земельного банка. 260, 302.
- Кюба, петербургский ресторатор. 159.
- Лабуль, Антуан (1833—1905), франц. дипломат; с 1886 по 1891 — посол в Петербурге. 31, 51, 52, 64, 72, 142, 148, 151, 155, 157, 158, 160, 161, 165, 166, 168, 171, 215, 285, 369, 375, 376.
- Лавалетт, маркиз. 33.
- Лавижери, Шарль (1825—1892), кардинал, архиепископ Алжира. 30, 366.
- Лавров, Петр Лаврович (1823—1900), один из теоретиков народничества. 256.
- Лаксман, Александр Афанас., рус. ген. консул в Лиссабоне. 14, 15, 16.
- Ламздорф, гр., Александр Никол. (1835—1902), брат автора дневника. 7, 8, 16.
- Ламздорф, гр., В. Н., автор дневника. 58, 232, 252, 312, 313, 336, 346, 352, 365, 367, 369, 374, 375, 380, 382, 389, 390.
- Ламздорф, гр., Константин Никол. (1841—1900), брат автора дневника. 106, 194, 208, 300, 301.
- Ламздорф, гр., Николай Александр. (1860—1906), секретарь русской миссии в Вюртемберге; племянник автора дневника.
- Лаур, депутат франц. палаты. 334, 382.
- Лев XIII (1810—1903), папа римский (с 1878 по 1903). 30, 70, 78, 98, 143, 180, 308.
- Ледоховский (Ледуховский), гр., Мечислав (1822—1902), кардинал. 244, 308.
- Леонид, древнегреческий полководец, победитель персов при Фермопилах. 157.
- Леопольд (1821—1912), принц-регент бавар.; дядя бавар. короля Оттона. 35.
- Леопольд II (1835—1909), король бельг. с 1865. 9.
- Лессар, Павел Мих. (1851—1905), рус. дипломат; полит. агент в Бухаре. 137.
- Лешинский, прус. генерал. 12.
- Линден, гр., вюртемберг. посланник в Петербурге. 10, 12.
- Лисовский, Дмитрий Львович, вице-директор Азиатского департамента. 56, 57, 59, 71.
- Литтре, Эмиль (1801—1881), франц. философ и филолог, составитель словаря. 252.
- Лобанов-Ростовский, кн., Алексей Бор. (1824—1896), рус. дипломат; с 1881 по 1895 посол в Вене, в 1895—96 мин. ин. дел. 5, 6, 9, 26, 28, 36, 38, 40, 55, 63, 75, 76, 88, 110, 115, 128, 140, 148, 153, 154, 204, 213, 216, 224, 225, 226, 235, 236, 240, 241, 242, 245, 306, 307, 308, 309, 311, 312, 317, 318, 320, 325, 331, 363, 365.
- Лобанова-Ростовская, княжна, Александра Николаевна, фрейлина вел. кн. Александры Георгиевны. 341.
- Лубэ, франц. полит. деятель (1838—1929); с февр. по ноябрь 1892 — премьер. 384.
- Луиза (род. 1870), эрцгерцогиня, впоследствии жена наследного принца саксонского Фридриха-Августа. 154.
- Лэнсдоун, маркиз, Генри-Чарльз (1845—1927), англ. полит. деятель; 1888—1893 — вице-король Индии; позже (1901—1905) — мин. ин. дел. 35.
- Людвиг-Карл (1833—1896), австр. эрцгерцог; брат императора Франца-Иосифа. 16.
- Люксембургский, великий герцог — см. Адольф, великий герцог Люксембургский.
- Лютер, Мартин (1483—1546), глава церковной реформации в Германии в XVI веке. 292.

- Магелломан. 385.
- Магомет-Тевфик (1852—1892), египет. хедив. 243.
- Макдонелль. 139.
- Максимилиан (1832—1857), император Мексики; австр. эрцгерцог, посаженный на мексик. престол франц. правительством во время так наз. мексик. экспедиции Наполеона III (1862—1867) и затем расстрелянный мексик. республиканцами. 49.
- Макс (1867—1929), принц баденский. 197.
- Максимов, Виктор Александр, рус. консул в Иерусалиме. 41, 57.
- Маргарита (род. 1872), принцесса прус., сестра Вильгельма II. 288.
- Мари, жена Александра Никол. Ламздорфа, брата автора дневника. 254, 300, 301.
- Мария Александровна (1824—1880), императрица; жена Александра II. 13, 194, 258, 259.
- Мария Александровна (1853—1920), вел. княгиня, жена Альфреда, герцога Эдинбургского. 189, 191.
- Мария-Антуанетта (1755—1793), жена Людовика XVI. 143.
- Мария (род. 1876), принцесса греч.; впоследствии рус. великая княгиня. 164.
- Мария Павловна (1854—1920), вел. княгиня; жена вел. князя Владимира Александровича. 18, 100, 120, 255, 333.
- Мария Пиа (1847—1911), вдовствующая королева португ. 30, 190.
- Мария Федоровна (1847—1928), императрица; жена Александра III, урожденная принцесса Мария-Дагмара датская, дочь короля Христиана IX. 13, 20, 41, 49, 52, 72, 77, 80, 87, 93, 106, 117, 119, 124, 126, 129, 137, 152, 155, 189, 191, 200, 202, 210, 222, 231, 232, 237, 253, 257, 258, 259, 263, 265, 267, 270, 277, 286, 289, 302, 303, 318, 328, 333, 334, 335, 341.
- Мария-Христина (1858—1929), королева-регентша испан.; урожд. австр. эрцгерцогиня. 140, 189, 191, 192, 193, 211.
- Марокетти, барон, итальян. дипломат; с 1888 по 1895 — посол в Петербурге. 48.
- Мартынов, Валериан Дмитр. (1841—1901), шталмейстер, управл. придворной конюшенной частью. 74.
- Маршалль фон Биберштейн, барон, Адольф (1842—1912), нем. дипломат; статс-секрет. иностр. ведомства с 1890 по 1897. 43, 84, 103, 104, 128, 185, 240, 282, 287, 365, 372, 378, 381, 383, 390.
- Массне, Жюль (1842—1912), франц. композитор. 253.
- Машков, лейтенант, нач. экспедиции в Абиссинию. 48, 156, 368, 375.
- Мейендорф, барон, Эрнест Петрович (1836—1902), рус. дипломат; советник посольства в Риме. 11, 29, 46, 47, 70, 75, 79, 90.
- Мейсонье, Жан-Луи-Эрнест (1815—1891), французский художник. 44, 367.
- Мекленбург-Стрелицкая, принцесса — см. Елена, принцесса Мекленбург-Стрелицкая.
- Мельба, актриса. 15, 34.
- Мендельсон, нем. банкир. 379.
- Мензлик II (1844—1913) негус Абиссинии с 1889 по 1913. 75, 370.
- Меренберг, графиня, София (1868—1927), дочь принца Николая Нассауского, брата вел. герцога Люксембургского. 80, 81, 110.
- Мефодий, митрополит софийский. 146, 185.
- Мецгер, Иоганн-Георг (род. 1839), врач, известный немецкий массажист. 195, 196, 201, 222, 229, 231, 232, 238, 250, 256, 267, 269, 270, 287.
- Мецгер, жена врача. 265, 270, 336.
- Мецкерский кн., Владимир Петр. (1839—1914), редактор и издатель ультра-реакционной газеты „Гражданин“. 63, 219, 292, 302, 360.
- Микель, Иогани (1829—1901), герм. полит. деятель; с 1890 по 1901 прус. мин. финансов. 95.
- Милан I Обренович (1854—1901), король сербский. В 1889 г. отрекся от престола в пользу своего сына Александра; являлся проводником австр. влияния в Сербии. 62, 70, 85, 160, 284, 286, 370.
- Мильвуа, Люсьен, франц. полит. деятель; депутат, редактор газеты „Ратри“. 216.

- Милютин, граф, Дмитрий Алексеевич (1816—1912), генерал; с 1861 по 1881 — воен. мин. 91, 92.
- Минни — см. Мария Федоровна.
- Мирибель, нач. франц. ген. штаба. 385.
- Михаил Михайлович (1861—1929), вел. кн.; сын вел. кн. Мих. Ник. (см.) и вел. кн. Ольги Федоровны. 80, 81, 82, 84, 86, 87, 110, 142.
- Михаил Николаевич (1832—1909), вел. кн., четвертый сын Николая I, дядя Александра III; фельдмаршал; с 1881 — председатель Гос. совета. 120, 272, 285.
- Мокур, актриса. 318.
- Мольте, граф, Гельмут (1800—1891), генерал-фельдмаршал; с 1858 по 1888 — нач. герм. ген. штаба. 91, 99.
- Монтебелло, граф, Густав (1838—1907), франц. дипломат; с 1886 по 1891 — посол в Константинополе, с 1891 по 1903 — посол в Петербурге. 155, 219, 236, 246, 262, 274, 288, 293, 297, 298, 299, 300, 303, 308, 309, 315, 375, 385.
- Моренгейм, барон, Артур Павлович (1824—1907), рус. дипломат, с 1884 по 1898 — посол в Париже. 44, 45, 46, 48, 59, 63—71, 74, 90, 95, 96, 102, 104, 106, 107, 109, 111, 127, 128, 130, 140, 151, 153, 155, 161, 165—172, 175, 176, 177, 179, 181—188, 192, 198, 199, 200, 205, 207, 220, 223, 224, 225, 226, 227, 238, 243, 244, 246, 267—271, 284—287, 291, 297, 303, 311, 313, 314, 315, 319, 320, 327, 328, 343, 344, 348, 356, 377, 378.
- Морьер, сэр, Роберт, англ. дипломат, с 1884 по 1893 — посол в Петербурге. 8, 28, 229, 230, 233, 237, 240, 246, 249—252.
- Муравьев, Андрей Николаевич (1806—1874), писатель; имел большое влияние на церковные дела. 328.
- Муравьев, гр., Мих. Ник. (1845—1900), рус. дипломат; с 1884 по 1893 — советник посольства в Берлине; позже, с 1893 по 1897 — посланник в Копенгагене; с 1897 по 1900 — мин. ин. дел. 18, 69, 74, 88, 108, 109, 111, 115, 156, 157, 163, 180, 185, 187, 303, 304, 305, 308, 311, 312.
- Муравьев, гр., Мих. Ник. (1796—1866), („Муравьев-Вешатель“), усмиритель польского восстания 1863. 87.
- Муткуров, болгар. полит. деятель. 384.
- Мушихито (1852—1912), япон. император с 1867. 116—122, 126, 141, 144, 236.
- Мюнстер, гр., Георг (1820—1902), нем. дипломат; с 1885 по 1900 — посол в Париже. 284.
- Мэри (Мария Александровна Ламздорф, 1858—1919), племянница Ламздорфа; впоследствии жена М. А. Бу-тенева. 16.
- Надин (Надежда Николаевна), сестра Ламздорфа, в замужестве Брок. 300, 301.
- Назаров, болг. эмигрант, противник Стамбулова. 129.
- Наполеон (1822—1891), принц („Плон-Плон“), сын Жерома Бонапарта, короля вестфальского, брата Наполеона I. 32, 73.
- Наср-эддин (1831—1896), шах персидский. 215, 290.
- Нарышкин, Александр Алексеевич (1839—1916), управляющий гос. имуществами в Прибалтийских губерниях. 251.
- Нарышкина, Александра Николаевна, урожд. Чичерина, жена обер-камергера. 57, 300.
- Наталия (род. 1859), королева серб., жена короля Милана. 125, 130, 235, 370, 373.
- Начевич, Григорий (род. 1840), болг. госуд. деятель, мин. финансов в кабинете Стамбулова (с 1891 по 1894). 158.
- Нелидов, Александр Иванович, русский дипломат; с 1883 по 1897 — посол в Константинополе. 10, 11, 37, 40, 41, 85, 89, 92, 93, 97, 98, 126, 131, 132, 133, 134, 135, 141—146, 148, 150, 151, 155, 156, 158, 205, 206, 213, 214, 220—224, 226, 227, 230, 235, 236, 238, 244, 246, 251, 261, 267, 269, 270, 275, 277, 300, 301, 303, 313, 317, 324, 354, 358, 359, 379, 380, 381, 383, 389.
- Нелидова, Ольга Дмитр., жена А. И. Нелидова. 126.
- Нессельроде, гр., Карл Васильевич (1780—1862), рус. дипломат, мин. ин. дел при Александре I и Николае I (1816—1856). 69.
- Нечаев-Мальцев, Юрий Степанович (1834—1913). 210.

- Николай I (1796—1855), рус. император; вступ. на престол в 1825. 104, 198, 271, 277, 318, 353.
- Николай Александрович (1843—1865), цесаревич, старший сын Александра II. 259.
- Николай Александрович (1868—1918), рус. престолонаследник, будущий император Николай II. 7, 9, 34, 35, 36, 49, 58, 72, 78, 97, 112—124, 126, 127, 130, 136, 138, 163, 164, 166, 167, 169, 174, 192, 195, 201, 207, 208, 210, 232, 237, 239, 253, 256, 260, 263, 272, 274, 277, 286, 288, 302, 303, 312, 318, 341, 345.
- Николай (род. 1872), принц греч., сын греч. короля Георга I. 125.
- Николай (1832—1905), принц Нассауский, брат вел. герцога Люксембургского. 80—83, 85, 87.
- Николай Николаевич („старший“) (1831—1891), вел. кн.; фельдмаршал; сын Николая I. 92, 93, 102, 104, 115, 371.
- Николай Николаевич („младший“) (1856—1929), вел. кн., сын Ник. Ник. „старшего“. 93.
- Николай I (Никита) (1841—1921), кн. Черногорский (1860—1919). 98, 99, 100, 371, 376.
- Никонов, Мих. Ник. (1832—1902), чиновник мин-ва ин. дел; директор департамента личного состава и хоз. дел. 10, 244, 289.
- Нэпир, лорд, Роберт (1810—1890), английский фельдмаршал. 69.
- Оболенская, княгиня, Александра Александровна („Сандра“), жена Владимира Оболенского (см.). 210, 263, 265.
- Оболенский, кн., Александр Дмитр. (1847—1917), двоюродный брат Валериана Оболенского. 195.
- Оболенский, кн., Валериан Серг. („Ола“) (1848—1907), с 1886 директор канц. мин-ва ин. дел, позже—тов. мин. при гр. Ламздорфе (1900—1906). Истинный друг Ламздорфа. 17, 22, 24, 35, 51, 53, 59, 60, 63, 72, 76, 78, 82, 85, 91, 100, 116, 129, 156, 159, 161, 162, 164, 165, 166, 173, 174, 188, 194, 200, 201, 208, 209, 210, 220, 221, 231, 233, 239, 244, 251—255, 260, 262, 263, 264, 266, 277, 278, 283, 300, 302, 312, 313, 317, 318, 319, 321, 325, 326, 330, 333, 341, 344, 351, 359, 377.
- Оболенский, кн., Владимир Сергеевич (1847—1891), полковник; флигель-адъютант и гофмаршал при дворе Александра III. 156, 195, 200, 263, 289.
- Оболенский, кн., Николай Дмитриевич (1860—1912), флигель-адъютант Александра III. 210.
- Оболенский, кн., Платон Сергеевич (1850—1913), адъютант вел. кн. Владимира Александровича. 210.
- Обреновичи, серб. королевская династия. 58, 368.
- Обручев, Николай Ник. (1830—1904), генерал; с 1881 по 1898—нач. главного штаба. 233, 278, 279, 317, 320, 335, 336, 340, 346, 348, 349, 352, 387, 388, — 389.
- Ольга Александровна (1812—1925), вел. княгиня; дочь Александра III. 231.
- Ольга Константиновна (1851—1926) („королева эллинов“), дочь вел. кн. Константина Николая, жена греч. короля Георга I. 97, 152, 268, 342, 345.
- Ольга Николаевна (1822—1892), королева вюртемберг., рожд. рус. вел. кн., дочь Николая I. 198, 348, 334.
- Ольга Федоровна (1839—1891), вел. кн.; жена Михаила Никол. (см.); дочь вел. герцога Баденского. 84, 86, 90.
- Ольденбургский, принц, Александр Петр. (род. 1844), ком. гвард. корпуса. 104, 273.
- Олсуфьев, гр., Александр Вас. (1843—1897), генерал, нач. канцелярии императорской главн. квартиры. 41.
- Ону, Мих. Конст. (1835—1901), рус. дипломат; с 1890 по 1901—посланник в Афинах. Сопровождал наследника во время поездки на Восток. 21, 35, 36, 72, 81, 86, 87, 91, 92, 93, 97, 122, 157, 256, 275, 277, 325, 345.
- Оржевский, Петр. Вас. (1839—1897), генерал. 162.
- Орлеанский, герцог, Филипп (1869—1926), правнук короля Луи-Филиппа. 15, 16, 34.
- Орлов-Давыдов, гр., Анатолий Влад. (1837—1905), президент Московской дворцовой конторы. 195.

- Оскар II (1829—1907), король Швеции (с 1872 по 1907) и Норвегии (до 1905). 73, 285.
- Остен-Сакен, барон, Роман Федор. (1791—1873), старш. советник мин. ин. дел. 69.
- Остен-Сакен, барон, Федор Романович (1832—1916), чиновник мин-ва ин. дел, директор деп. внутр. сношений. 21, 31, 249, 298.
- Островский, Мих. Ник. (1827—1901), с. 1881 по 1893—мин. госуд. имуществ. 314.
- Павел I (1754—1801), рус. император. 101.
- Павел, лакей Ламздорфа. 347.
- Павел Александрович (1860—1919), вел. кн.; сын Александра II, брат Александра III. 137, 249, 277, 345.
- Павлов, Евгений Васильевич (1845—1916), профессор, врач, известный хирург. 313.
- Павлович, серб. дипломат; с 1892 по 1899 — секретарь серб. миссии в Берлине. 108.
- Пален, гр., Константин Иван. (1833—1912); чл. Гос. совета. 252.
- Паница, болгар. офицер. 38, 367, 389.
- Парижский, гр., Луи-Филипп (1838—1894), внук короля Луи-Филиппа. 15.
- Патриарх иерусалимский, — см. Герман.
- Педро II (дон Педро де Алькантара) (1825—1891); с 1831 — император Бразилии; в 1890 был свергнут и проживал в Португалии. 203.
- Персани, Александр Иван. (1842—1896), рус. посланник в Белграде. 125, 160, 235.
- Персидский шах — см. Наср-эддин.
- Перье — см. Казимир Перье.
- Петр I (1672—1725), рус. император. 144, 342.
- Петровский, Николай Федор., консул в Кашгаре (в восточном Туркестане). 293.
- Пивато, петербургский ресторатор. 158.
- Пиа — см. Мария Пиа.
- Победоносцев, Конст. Петрович (1827—1907), с 1880 по 1905 — обер-прокурор Синода. 31, 40, 41, 42, 84, 106, 200, 258, 271, 272.
- Половцев, Александр Александрович (1832—1909), госуд. секретарь, член Гос. совета. 312, 318.
- Попов, помещик, близкий знакомый Ламздорфа. 9, 322, 345.
- Прозор, гр., Маврикий Эдуард., чиновник мин-ва ин. дел. 326, 330.
- Протасов. 116.
- Протасов-Бахметьев, гр., Николай Алексеевич (1833—1907). Стоял во главе ведомства учреждений императрицы Марии. 310.
- Проценко, Александр Петр. 231.
- Пруссак, Александр Федорович (1840—1897), проф. Военно-Медицин. академии; специалист по ушным болезням. 313.
- Путята, Алексей Дмитр., чиновник мин-ва ин. дел, агент мин-ва в Одессе. 301.
- Радовиц, Иозеф, фон (1839—1912), герм. дипломат; с 1882 по 1892 — посол в Константинополе. 158, 306.
- Равашоль (Кенигштейн), Леон Леже (1860—1892), франц. анархист. 321, 323, 328, 386.
- Рансен. 159.
- Реверсо, маркиз, французский дипломат; с 1891 по 1894 — ген. консул в Каире. 243.
- Рибо, Александр (1842—1923), франц. полит. деятель; с 1890 по 1892 — мин. ин. дел. в кабинете Фрейсине, затем, в 1892 — в кабинете Лубэ; с 1892 по 1893 — премьер и мин. ин. дел; в дальнейшем неоднократно занимал различные министерские посты и несколько раз был премьером. 31, 45, 51, 52, 59, 63—68, 102, 106, 109, 130, 140, 142, 150, 155, 157, 161, 166, 167, 172, 175, 176—179, 183, 188, 216, 226, 227, 236, 262, 267, 271, 281, 284, 291, 315, 355, 356, 369, 375—380, 383, 384, 385, 388, 389.
- Ризов, болгар. эмигрант, противник Стамбулова. 129, 225, 235.
- Римский-Корсаков, Александр Сергеевич (1856—1893), чиновник мин-ва ин. дел, первый секретарь канцелярии мин-ва. 150.
- Рихтер, Оттон Борисович (1830—1908), генерал; командующий импе-

- раторской главы. квартирой; член Гос. совета. 8, 53, 124, 151, 258, 264, 266, 281, 282.
- Робертс, Фредерик (1839—1914), англ. генерал, главнокомандующий англо-индийской армией. 35.
- Рудини, маркиз, Антонио (1839—1908), итал. полит. деятель; с 1891 по 1892 был премьером и мин. ин. дел; позже неоднократно занимал министерские посты. 26, 29, 47, 70, 96, 110, 140, 141, 148, 152, 192, 204, 205, 326, 329, 364, 375, 378, 387.
- Рудольф (1858—1889), австр. эрцгерцог; сын императора Франца-Иосифа. 251.
- Сабаинн. 377.
- Сабуров, Петр Александр. (род. 1835), рус. дипломат; с 1880 по 1884 — посол в Берлине. 22.
- Савари, Джозеф, лорд-мэр Лондона. 7.
- Сайд-паша (1835—1914), тур. полит. деятель; с 1885 по 1895 — мин. ин. дел в кабинетах Киамиля и Джевада-паши. 330, 332.
- Саксен-Альтенбургский, принц — см. Альберт, принц Саксен-Альтенбургский.
- Саксен-Веймарский, принц, Эрнст (1859—1909), двоюродный племянник царствовавшего вел. герцога Александра Саксен-Веймарского. 10.
- Салтыкова (-Головкина), Екатерина Алексеевна (1859—1914), княжна; помещица. 9, 10, 364.
- Савфет-паша. 37.
- Самсон фон Гиммельштерн, Герман, немецкий публицист. 252, 253, 383.
- Сарду, Викторьен (1831—1908), французский драматург. 51.
- Сербский король — см. Александр, Милан.
- Сергеева, Наталья Ивановна, дочь Вышнеградского (см.). 346.
- Сергей Александрович (1857—1905), вел. кн.; сын Александра II, брат Александра III. С 1891 по 1905 — моск. ген.-губ. 17, 21, 53—57, 59, 60, 71, 81, 93, 105, 106, 112, 118, 123, 145, 147, 195, 215, 322, 342, 368.
- Сечени фон Темерих, граф, австр. дипломат; нач. отдела в австр. мин.-ве ин. дел. 5, 6, 148, 154, 242.
- Симеони, кардинал, префект пропаганды. 244.
- Сипягин („Петя“), молодой офицер, впоследствии постригшийся в монахи под именем Пимена. Интимный друг Ламздорфа. 347, 359.
- Смит, амер. дипломат; посланник в Петербурге. 70.
- Сольсбери, маркиз, Роберт (1830—1903), англ. полит. деятель, лидер консерв. партии. С 1886 по 1892 — англ. премьер. и мин. ин. дел; позже снова был премьером, — с 1895 по 1902. 38, 45, 148, 153, 204, 265, 375.
- Сольский, гр., Дмитрий Мартын. (1833—1910), член Гос. совета, гос. контролер, затем — председатель одного из департаментов Гос. совета, впоследствии председатель комитета министров. 161.
- София (род. 1870), принцесса греч.; жена наследного принца Константина (см.), рожд. принцесса прус.; сестра Вильгельма II. 78, 100.
- Стааль, барон, Егор Егорович, рус. дипломат, с 1884 по 1903 — посол в Лондоне. 8, 44, 45, 83, 103, 11, 139, 149, 154, 156, 163, 204, 239, 244, 246, 247, 255, 257, 265, 269, 328, 330, 331.
- Стамбулов, Степан (1854—1895), болг. полит. деятель. В 80-х гг. возглавлял течение, враждебное рус. влиянию. С 1887 по 1895 был премьером и фактическим диктатором Болгарии. 7, 74, 79, 131, 133, 134, 135, 137, 141—148, 151, 185, 225, 237, 254, 301, 323, 324, 354, 357, 369, 384.
- Станчев, болг. полит. деятель, эмигрант, противник Стамбулова, 254, 301.
- Стенбок, гр., Герман Герман. (1847—1904), полковник, гофмаршал двора вел. кн. Сергея Александровича. 54, 55, 59, 81.
- Степанов, Мих. Петр. (1853—1917), полковник; состоял при дворе вел. кн. Сергея Алекс.; деятель Палестинского общества. 54—57, 59, 71, 75, 93, 94.
- Степняк — см. Кравчинский.
- Строганова, гр., Аяна Дмитриевна, гофмейстерина двора императрицы Марии Федоровны. 237.

Струве, Кирилл Васильевич, рус. дипломат, посланник в Вашингтоне. 266, 269, 334.

Суворин, Алексей Сергеевич (1834—1912), журналист; с 1876 — издатель „Нового времени“. 58.

Султан — см. Абдул-Гамид II.

Сумароков-Эльстон, гр., Феликс Феликсович, с 1892 — князь Юсупов. 174.

Сумарокова-Эльстон, гр., Зинаида Никол. (1861—1928), урожд. княжна Юсупова. 173.

Татищев, Сергей Спиридон. (1846—1906), реакционный публицист (раньше, в 60—70-х гг., был на дипломатич. службе). 207.

Теплов, чиновник мин-ва ин. дел. 287, 350.

Толстой, гр., Дмитрий Андр. (1823—1889), с 1883 по 1889 — мин. внутр. дел. 105.

Толстой, Лев Никол. (1828—1910). 188, 248, 252, 254, 255, 260, 261, 313.

Толстая, гр., София Андреевна (1844—1919), жена Л. Н. Толстого. 260, 313.

Толь, гр., Карл. Карл., рус. дипломат; посланник в Копенгагене. 96, 106, 128.

Трипз. 252.

Туфякчиев, болг. эмигрант, противник Стамбулова. 300, 302.

Туда, япон. полицейский чин., см. также Шига-кен. 123.

Ушаков. 318.

Уэльская, принцесса Александра (1844—1925), жена Эдуарда, принца Уэльского, дочь короля Христиана IX датского, сестра императрицы Марии Федоровны. 197, 250.

Уэльский, принц Эдуард (1841—1910), будущий король Эдуард VII, сын королевы Викторни. 143, 156, 374.

Федоров, Василий, курьер мин-ва ин. дел. 195, 240, 358.

Фердинанд (род. 1861), принц Кобургский; в 1887 был избран князем болг. 7, 27, 75, 79, 132—135, 141, 142, 143, 146, 148, 151, 154, 158, 165, 213, 225, 254, 301, 314, 317, 323, 324, 357, 365, 366, 367, 370, 387, 389.

Ферно-Компан, франц. дипломат. 33. Фнларет (1782—1867), митроп. члнт московский. 328.

Философов, Алексей Алексеевич, 1-й маршал двора вел. кн. Павла. 277.

Философова, Наталья Васильевна, жена А. А. Философова. 10.

Флуранс, Леопольд (1841—1893), франц. полит. деятель; с 1887 по 1888 — мин. ин. дел в кабинете Рувье, в 1888—1889 — премьер. 98, 108, 126, 142.

Фонтоп, Николай Антон., рус. дипломат; посланник в Португалии, затем, с 1892 — в Румынии. 14, 15, 30, 42, 223.

Франц-Иосиф I (1830—1916), австр. император; вступил на престол в 1848. 26, 37, 88, 148, 154, 163, 204, 251, 285, 307, 377.

Франц-Фердинанд (1863—1914), эрцгерцог; австро-венг. престолонаследник; племянник императора Франца-Иосифа, старший сын брата Франца-Иосифа эрцгерцога Людвиг-Карла. 5, 7, 8, 9, 16, 17, 26, 28, 35, 36, 45, 88.

Фредерикс, барон, Влад. Александр., рус. дипломат; посланник в Вюртемберге (ум. 1892). 10, 11.

Фредерикс, бар., Дарья Владимировна, вдова В. А. Фредерикса. 334.

Фредерикс, барон Влад. Борис., управляющий придворной конюшенной частью. 74.

Фрейсинз, Шарль-Луи (1828—1923), франц. полит. деятель; с 1890 по 1892 был премьером и воен. мин.; в 1892—93 — воен. мин. в кабинете Лубэ и Рибо. 130, 175, 183, 273, 281, 291, 314, 315, 355, 356, 357, 377, 378, 380, 384, 385.

Фридрих III (1831—1888), император германский. 38, 40, 44, 64, 67.

Харуко (1850—1914), япон. императрица, жена императора Муцухито. 119.

Хедив — см. Аббас-Хельми.

Хитрово, Мих. Александр., рус. дипломат; посланник в Бухаресте, затем (с 1892) — в Лиссабоне. 38, 42, 49, 50, 54, 216, 223, 345.

Христиан IX (1818—1906), король датский (1863—1906), отец императрицы Марии Федоровны. 80, 197, 258, 262, 319, 330, 332.

Христина — см. Мария-Христина.
Хун-Чун, китайский посланник в Петербурге. 236.

Хусни-паша, турецкий дипломат. 330, 332.

Цанков, Драган (1828—1911), болгар. полит. деятель, противник Стамбула. 131.

Цион, Илья Фаддеевич (1835—1912); с 1883 агент рус. министерства финансов в Париже; с 1883, выйдя в отставку, занимался публицистикой. 207.

Червинский, Викентий Викент., чиновник мин-ва ин. дел. 358.

Черевин, Петр Александр. (1837—1896), генерал, нач. охраны Александра III. 10, 151, 210, 237, 302, 325.

Черногорский, князь — см. Николай, кн. Черногорский.

Чихачев, Никол. Матв. (1830—1917), адмирал; с 1890 по 1896 — морск. мин. 162, 225, 227, 261, 262, 272, 273, 274, 310, 360.

Шадури, франц. журналист, корреспондент телеграфного агентства Гаваса. 227, 243, 380.

Шартрский, герцог, Роберт (1840—1910), внук короля Луи-Филиппа Орлеанского (1830—1848); его сын — принц Генрих. 34.

Шаумбург-Липпе, принцесса Батильдис (род. 1873). 318.

Шварц, чиновник министерства иностранных дел. 51, 76, 85, 233, 251, 254, 255, 269, 313, 317, 334, 345, 358, 359.

Шведский король — см. Оскар II.

Шведский насл. принц — см. Густав, насл. принц шведский.

Швейниц, Ганс Лотар (1822—1901), прус. генерал; с 1875 по 1892 — германский посол в Петербурге. 35, 45, 71, 84, 193, 235, 238, 242, 245, 280, 282, 287, 365.

Шебеко, Николай Игнат. (1834—1904), генерал; ком. корпуса жандармов. 162, 301, 302.

Шевич, Дмитр. Егор. (1841—1912), рус. дипломат; посланник в Токио. 7, 113, 114, 116, 118, 119, 121, 123,

124, 126, 136—139, 141, 144, 152, 169, 257, 266.

Шелгунов, Николай Вас. (1824—1891), публицист. 105.

Шига-Кен, японец — см. Туда.

Шиллер, Фридрих, знаменитый нем. поэт. 138.

Шипки, Николай Павлович (1830—1902), русский дипломат; посланник в Стокгольме, затем, с 1890 — тов. мин. иностранных дел. 13, 17, 19, 21, 31, 72, 73, 78, 82, 119, 167, 172, 188, 192, 193, 194, 196, 201, 211, 212, 220, 238, 249, 264, 266, 287, 311, 316, 317, 319, 320, 321, 325, 330—334, 341, 342, 344, 346—350, 352—360.

Шмальфельд, немецкий социалист. 91.

Шнебеле, французский полицейский комиссар, заведывавший в 1887 шпионажем в Эльзас-Лотарингии. 288.

Шнейдер, рус. воен. агент в Персии. 129.

Шуялов, гр., Павел Андреевич (1830—1908), генерал; член Гос. совета; с 1885 по 1894 — посол в Берлине. 5, 12, 25, 26, 37, 40, 43, 46, 48—51, 63, 69, 89, 94, 96, 102, 103, 127, 128, 137, 139, 149, 152, 153, 196, 197, 198, 201, 203, 206, 208, 211, 212, 213, 224, 225, 226, 240, 242, 245, 247, 249, 251, 258, 260, 263, 267, 268, 269, 283, 285, 290, 291, 292, 297, 298, 311, 315, 316, 327, 333, 335, 341, 365, 372, 374, 381, 383, 385, 390.

Щеглов, А. Н., рус. дипломат; секретарь миссии в Токио. 135.

д'Э, графиня, Изабелла (1846—1921), дочь императора бразильского, жена внука франц. короля Луи-Филиппа. 203.

Эйсенбург, гр., Бото (1831—1912), германский политический деятель; с 1892 по 1894 — прусский министр-президент и министр внутренних дел. 315, 386.

Экзарх болгарский, Иосиф, глава болгар. церкви. 134, 135, 137, 141, 144, 146, 185.

Эмир — см. Бухарский эмир.

Эрбетт, Ж., французский дипломат; с 1886 по 1891 — посол в Берлине. 185, 291.

Эренталь, А., австро-венг. дипломат, с 1888 по 1894 — советник посольства в Петербурге; впоследствии австро-венг. мин. ин. дел. 193.

Юрьевская — см. Долгорукая.

Юсупов, кн., Николай Борисович (1827—1891), один из крупнейших русских помещиков. 173, 174.

Яковлев, дипломатический курьер мин-ва ин. дел. 181, 182.

Яновский, врач. 313, 324, 359.

Японская императрица — см. Харуко.

Японский император — см. Муцухито.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ф. А. Ротштейн.</i> Предисловие .	VII
От редакции . . .	XV
<i>Дневник Ламздорфа.</i>	
1891 год ²	3
1892 год	217
Примечания .	361
Именной указатель . .	391

В книге помещены следующие иллюстрации: 1) портрет гр. В. Н. Ламздорфа (стр. 4—5), 2) факсимиле первой страницы Дневника за 1891 г. (стр. 8—9) и 3) факсимиле письма В. Н. Ламздорфа (стр. 344—345).

